

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 4

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

Издание основано в 2007 г.

Учредитель: ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор ист. наук (Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, доктор ист. наук, академик НАНА (Азербайджан, Баку)

А. С. Жанбосинова, доктор ист. наук (Казахстан, Астана)

С. Д. Агдаев, канд. ист. наук (Туркменистан, Ашхабад)

Н. И. Осмонова, доктор философ. наук (Кыргыстан, Бишкек)

Ц. Степанов, доктор ист. наук (Болгария, София)

А. М. Досымбаева, доктор ист. наук (Казахстан, Астана)

З. С. Самашев, доктор ист. наук (Казахстан, Астана)

М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)

И. Ёсиро, доктор гуманитарных наук (Япония, Токио)

Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)

Х. Омархали, доктор философ. наук (Германия, Берлин)

Н. Д. Ходжаева, доктор ист. наук (Таджикистан, Душанбе)

А. Х. Атаходжаев, канд. ист. наук (Узбекистан, Самарканд)

Редакционная коллегия:

А. В. Головнев, доктор ист. наук, академик РАН (Россия, Санкт-Петербург)

А. И. Иванчик, доктор ист. наук, член-корр. РАН (Россия, Санкт-Петербург)

Н. Н. Крадин, доктор ист. наук, академик РАН (Россия, Владивосток)

И. Н. Побережников, доктор ист. наук, член-корр. РАН (Россия, Екатеринбург)

С. А. Васютин, доктор ист. наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор ист. наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философ. наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор ист. наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор ист. наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор ист. наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философ. наук (Россия, Кызыл)

М. М. Шахнович, доктор философ. наук (Россия, Санкт-Петербург)

Е. С. Элбакян, доктор философ. наук (Россия, Москва)

Л. И. Шерстова, доктор ист. наук (Россия, Томск)

А. Г. Ситдилов, доктор ист. наук (Россия, Казань)

М. М. Содномпилова, доктор ист. наук (Россия, Улан-Удэ)

К. А. Колобова, доктор ист. наук (Россия, Новосибирск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), доктор ист. наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет:

Л. Н. Ермоленко, доктор ист. наук (Россия, Кемерово)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

А. В. Горбатов, доктор ист. наук (Россия, Кемерово)

К. А. Руденко, доктор ист. наук (Россия, Казань)

Д. В. Папин, канд. ист. наук (Россия, Новосибирск)

Е. Э. Войтишек, доктор ист. наук (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философ. наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор ист. наук (Россия, Москва)

С. В. Любичанковский, доктор ист. наук (Россия, Оренбург)

Ю. А. Лысенко, доктор ист. наук (Россия, Барнаул)

А. Д. Таиров, доктор ист. наук (Россия, Челябинск)

А. В. Бауло, доктор ист. наук (Россия, Новосибирск)

А. В. Поляков, доктор ист. наук (Россия, Санкт-Петербург)

И. И. Юрганова, доктор ист. наук (Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312, Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, № 4

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

The journal was founded in 2007 by the Altai State University

Executive Editor:

P. K. Dashkovskiy, doctor of hist. sciences (Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafayev, doctor of hist. sciences, academician of NANA (Azerbaijan, Baku)

A. S. Zhanbosinova, doctor of hist. sciences (Kazakhstan, Astana)

S. D. Atdaev, candidate of hist. sciences (Turkmenistan, Ashgabat)

N. I. Osmonova, doctor of philosoph. sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

Ts. Stepanov, doctor of hist. sciences (Bulgariy, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of hist. sciences (Kazakhstan, Astana)

A. M. Dossymbaeva, doctor of hist. sciences (Kazakhstan, Astana)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, doctor of Humanities (Tokyo, Japan)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Kh. Omarkhali, doctor of philosophy (Germany, Berlin)

N. D. Khodjaeva, doctot of hist. sciences (Tajikistan, Dushanbe)

A. Kh. Atakhodjaev, candidate of hist. sciences (Uzbekistan, Samarkand)

Editorial Team:

A. V. Golovnev, doctor of hist. Sciences, Academician of RAS (Russia, St. Petersburg)

A. I. Ivanchik, doctor of hist. Sciences, Corresponding Member of RAS (Russia, St. Petersburg)

N. N. Kradin, doctor of Histirical science, Academician of RAS (Russia, Vladivostok)

I. V. Poberezhnikov, doctor of Histirical science, corresponding Member of RAS (Russia, Ekaterinburg)

S. A. Vasyutin, doctor of hist. sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskaya, doctor of hist. sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiyako, doctor of philosoph. sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of hist. sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of hist. sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of hist. sciences (Russia, St. Petersburg)

O. M. Khomushku, doctor of philosoph. sciences (Russia, Kyzyl)

M. M. Shakhnovich, doctor of philosoph. sciences (Russia, St. Petersburg)

E. S. Elbakyan, doctor of philosophical sciences (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, doctor of hist. sciences (Russia, Tomsk)

A. G. Sitdikov, doctor of hist. sciences (Russia, Kazan)

M. M. Sodnompilova, doctor of hist. sciences (Russia, Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, doctor of hist. sciences (Russia, Novosibirsk)

E. A. Shershneva (executive secretary), doctor of hist. sciences (Russia, Barnaul)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, doctor of hist. sciences (Russia, Kemerovo)

L. S. Marsadlov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

A. V. Gorbatov, doctor of hist. sciences (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, doctor of hist. sciences (Russia, Kazan)

D. V. Papin, candidate of hist. sciences (Russia, Novosibirsk)

E. E. Voitishkek, doctor of hist. Sciences (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosoph. sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of hist. sciences (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, doctor of hist. sciences (Russia, Orenburg)

Yu. A. Lysenko, doctor of hist. sciences (Russia, Barnaul)

A. D. Tairov, doctor of hist. sciences (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, doctor of hist. sciences (Russia, Novosibirsk)

A. V. Polyakov, doctor of hist. sciences (Russia, St. Petersburg)

A. V. Polyakov, doctor of hist. sciences (Russia, St. Petersburg)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Registration number PI № ΦC 77–78911. Registration date 07.08.2020 г.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312,

Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 4

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Гатин М. С., Абзалов Л. Ф., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю.</i> Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа)	7
<i>Горячев А. А.</i> Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан)	26
<i>Марсадолов Л. С.</i> О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача)	50
<i>Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Томилин М. А., Папин Д. В.</i> Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай)	70
<i>Ходжаева Н. Дж.</i> К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина	93
<i>Шнайдер С. В., Холматов Н. У., Рахимжанова С. Ж., Федорченко А. Ю., Рендю У, Марковский Г. И.</i> Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан)	114

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Китинов Б. У.</i> Туглук Тимур и особенности политико-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.)	137
<i>Баимов А. Г., Тузбеков А. И.</i> Эзотерики в археологическом пространстве Республики Башкортостан: нетнографическое исследование	165
<i>Петров И. Г.</i> Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей	187
<i>Садалова Т. М.</i> О характеристике богатырского лука в эпических сказаниях	205

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ворошин С. Д.</i> Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики	220
<i>Дашковский П. К., Ильин В. Н.</i> Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи	240
<i>Чуркин М. К., Маткаримова С. М., Абдуллаева Н. Б.</i> Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект	259

ДЛЯ АВТОРОВ	280
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 4

Section I. **ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY**

<i>Gatin M. S., Abzalov L. F., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu.</i> Evolution of the legal status of ra»is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis).....	7
<i>Goryachev A. A.</i> Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye.....	26
<i>Marsadolov L. S.</i> On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach).....	50
<i>Khojaeva N. J.</i> On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin	70
<i>Shnaider S. V., Kholmatorov N. U., Rakhimzhanova S. Z., Fedorchenko A. Y., Rendu W., Markovskii G. I.</i> The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan)	93
<i>Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Papin D. V.</i> Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai)	114

Section II. **ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY**

<i>Kitinov B. U.</i> Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century)	137
<i>Baimov A. G., Tuzbekov A. I.</i> Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research.....	165
<i>Petrov I. G.</i> Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites.....	187
<i>Sadalova T. M.</i> On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales	205

Section III. **RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS**

<i>Voroshin S. D.</i> The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy	220
<i>Dashkovskiy P. K., Ilyin V. N.</i> Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19 th — beginning of the 20 th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire	240
<i>Churkin M. K., Matkarimova S. M., Abdullaeva N. B.</i> Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19 th — early 20 th centuries: ethno-confessional aspect	259

FOR AUTHORS	280
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2, 94 (47).031, 94 (55)
DOI 10.14258/nneur(2025)4–01

М. С. Гатин, Л. Ф. Абзалов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия);
Самаркандский государственный университет имени Ш. Рашидова,
Самарканд (Узбекистан)*

И. А. Мустакимов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань (Россия);
Национальная библиотека республики Татарстан, Казань (Россия)*

Р. Ю. Почекаев

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Санкт-Петербург (Россия)*

ЭВОЛЮЦИЯ СТАТУСА РАИСА ГОСУДАРСТВАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В статье прослеживается эволюция статуса раиса в мусульманских государствах в течение значительного временного периода, выявляются общие черты и принципиальные отличия этого института в разных государствах в различные эпохи. Авторы стремились выяснить, сохранялись ли общие элементы статуса раиса в различных исторических условиях. Основу исследования составляют исторические источники: ярлыки (указы) правителей, исторические сочинения, политические и делопроизводственные трактаты, а также результаты ранее проведенных исследований, посвященных различным аспектам статуса раисов. Также в статье впервые вводится в русскоязычный научный оборот текст ярлыка о назначении раиса из трактата Мухаммеда б. Хиндушаха Нахчивани «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» (1360-е гг.), который исследуется на междисциплинарном уровне, осуществляется его сопоставление с другими истори-

ческими и историко-правовыми источниками. Авторы используют такие методы исследования, как структурно-функциональный подход, историко-правовой анализ, сравнительно-исторический и сравнительно-правовой методы, институциональный подход.

Авторы приходят к выводу, что институт предполагал функционирование на разных уровнях — от центрального аппарата власти и управления до регионального и даже местного (как в случае с лицом, упомянутым в переведенном и проанализированном ярлыке). Тем не менее, все эти должности имели общие черты: это были чиновники, отвечавшие за поддержание связей между подвластными им людьми и органами государственной власти различного уровня, ответственные за поддержание порядка в подконтрольных им ведомствах или местностях, сбор и распределение налогов в пределах своей компетенции. Таким образом, представляется, что практически на любой из таких должностей раис оправдывал смысл названия своей должности, означавшее «предводитель», «лидер», «начальник» и т.д.

Ключевые слова: мусульманские государства, Сельджукский султанат, государство хорезмшахов, монгольский Иран, ханства Средней Азии, ханские ярлыки, мусульманская администрация, шариат.

Для цитирования:

Гатин М. С., Абзалов Л. Ф., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. Эволюция статуса раиса в государствах Средневековья и Нового времени (опыт сравнительного анализа) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 7–25. DOI 10.14258/nreur(2025)4–01.

Гатин Марат Салаватович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань (Россия); доцент Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан). **Адрес для контактов:** marat_gata@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>

Абзалов Ленар Фиргатович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань (Россия); доцент Самаркандского государственного университета имени Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан). **Адрес для контактов:** len_afzal@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>

Мустакимов Ильяс Альфредович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Татарстана, антропологии и этнографии Казанского (Приволжского) федерального университета; ведущий научный сотрудник Национальной библиотеки Республики Татарстан, Казань (Россия). **Адрес для контактов:** imus2007@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>

Почекаев Роман Юлианович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** rpochekaev@hse.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

M. S. Gatin, L. F. Abzalov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia);
Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan),*

I. A. Mustakimov

*Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia);
National Library of the Republic of Tatarstan, Kazan (Russia),*

R. Yu. Pochekaev

HSE University, St. Petersburg (Russia)

EVOLUTION OF THE LEGAL STATUS OF RA'IS IN THE STATES OF MEDIEVAL AND MODERN AGES (COMPARATIVE ANALYSIS)

The research is devoted to the status of ra'is on in the different states during the long-term period with clarifying its specific features and similarities in the different states during different historical periods. Authors intend to find out the similar features of ra'is' status in different historical circumstances. The basic materials are historical sources including yarliks (decrees) of rulers, historical chronicles, political and chancellery treatises as well as results of previous researches related to the different aspects of the status of ra'is. Also, it is the first Russian translation of the yarlik on the appointment of ra'is from the “Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib” by Muhammad b. Hindushah Nakhchivani (1360s), which is studied by using an interdisciplinary approach and comparison with other types of sources. Authors use structure functional analysis historical legal method⁶ comparative historical and comparative legal approach, institutional analysis.

Authors finds that an institution of ra'is was widespread in the Islamic states for a long time and could be used at the different levels of the state administrations: from the central government to the regional and local authorities (as it is reflected in the analyzed yarlik). Nevertheless, all these offices had similar features: these officials were in charge of contacts between their subordinates and the authorities, keeping the order in the institutions and areas under their control, collection and distribution of taxes within their powers. Thus, the institution of ra'is corresponded to the meaning of this term: chief, leader, head, etc.

Keywords: Muslim states, Seljuk sultanate, Khorezmian state, Mongol Iran, Central Asian khanates, khans' yarliks, Islamic administration, Sharia.

For citation:

Gatin M. S., Abzalov L. F., Mustakimov I. A., Pochekaev R. Yu. Evolution of the legal status of ra'is in the states of Medieval and Modern Ages (comparative analysis). Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30, № 4. P. 7–25 (in Russian). DOI. 10.14258/nreur(2025)4–01.

Gatin Marat Salavatovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of History of Tatarstan, anthropology and ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia); associate professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** marat_gata@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-7698-0450>

Abzalov Lenar Firgatovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of History of Tatarstan, anthropology and ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan (Russia); associate professor of the Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** len_afzal@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3952-6715>

Mustakimov Ilias Al'fredovich, candidate of historical sciences, associate professor of the department of History of Tatarstan, anthropology and ethnography of the Kazan (Volga Region) Federal University; leading researcher of the National Library of the Republic of Tatarstan, Kazan (Russia). **Contact address:** imus2007@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-0052-5136>

Pochekaev Roman Yulianovich, doctor of historical sciences, candidate of legal sciences, professor, head of the department of theory and history of law and state of the HSE University, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** rpochekaev@hse.ru; <http://orcid.org/0000-0002-4192-3528>

Введение

Обращаясь к вопросам истории власти и управления в государствах традиционного Востока, мы нередко сталкиваемся с тем, что те или иные государственные или административные институты могли существовать и функционировать на протяжении многих веков. Естественно, при этом они переживали весьма значительную эволюцию и в разных государствах на различных этапах их развития могли иметь совершенно разное применение.

Ярким примером этой тенденции является институт раиса. Слово «раис» является термином арабского происхождения и дословно переводится как «глава, вождь, предводитель». Этот термин в разных регионах мусульманского мира в разные периоды использовался для обозначения широкого спектра должностей — от капитанов судов и глав корпораций до высокопоставленных наместников регионов с широкой автономией. В настоящей статье предпринимается попытка проследить общие тенденции и выявить особенности эволюции института раиса как представителя власти в городах и провинциях в разных, преимущественно тюркских, государствах и регионах, а также ответить на вопрос, почему при столь разных статусах раиса в различных государствах и исторических периодах эта должность все же сохраняла свое изначальное название.

Статус и функции раиса в раннесредневековых мусульманских государствах

Уже на раннем этапе формирования мусульманской государственности так стали называть начальников поселений, городов или областей [The Encyclopaedia, 1995: 402]¹.

¹ В средневековых мусульманских сочинениях термином «раис» обозначали даже правителей городов и областей домусульманского времени (см., напр.: [Сиасет-намэ, 1949: 122, 205]).

Наибольшего развития институт раиса достигает в X–XII вв., когда в Арабском халифате у власти находились Буиды и Сельджуки, а в восточных мусульманских землях — Саманиды и Газневиды. Характерно, что при халифе ал-Каиме (1031–1075) первый министр именовался именно раисом — вернее, «раисом раисов» (*ra'is ar-ru'asa*) и лишь впоследствии стал называться везиром [Михайлова, 1990: 22, 58; The Encyclopaedia, 1995: 402].

Именно к этому периоду относятся многочисленные упоминания в источниках раисов городов Хорасана и Мавераннахра, которые активно участвовали в политической жизни государств, выступая либо как советники и соратники их правителей, либо же — как руководители заговоров против непопулярных монархов. Степень политического влияния раисов зависела от силы центральной власти, при усилении которой полномочия раисов ограничивались другими должностными лицами. Естественно, назначение наместников в таких крупных и стратегических важных городах находилось в руках самих правителей, которые старались их всячески контролировать [Материалы, 1939: 196, 236, 238, 291, 338, 345, 347, 379, 385, 395, 401, 427, 474, 477, 478, 484; Сиасет-намэ, 1949: 205, 213, 233, 271; Бартольд, 1962: 303, 350, 353, 383; The Encyclopaedia, 1995: 403].

Что же касается сравнительно небольших городов и селений, то в них раисы зачастую просто избирались населением из числа местной же знати [The Encyclopaedia, 1995: 402]. Центральные власти старались контролировать и этих наместников, однако, по мере ослабления государственной системы, этот контроль приобретал все более и более номинальный характер (вплоть до простого формального акта подтверждения избрания соответствующего раиса), фактически же такие городские начальники являлись главами местного самоуправления, нередко наследуя власть из поколения в поколение. Со временем эта тенденция обозначилась и в крупных городах — например, в Бухаре в XII — начале XIII в. пост раиса занимали ходжи из «рода Бурхана», носившие также титул «садр-и джехан» («столп мира») и пользовавшиеся уважением даже в халифском Багдаде [Бартольд, 1962: 293–294, 389–390, 417–418]². Как раз в это время складываются основы статуса раисов как лиц, осуществлявших не только административные функции в отношении подвластного им населения, но и являвшихся посредниками между этим населением и вышестоящими властями.

Вероятно, из-за того, что должности раисов могли занимать не только светские, но и духовные лица, уже в данный период в их полномочия стал входить надзор не только за порядком и сбором налогов в регионах, но и за соблюдением канонов шариата, религиозных запретов и пр.

Провинции (вилайат) Сельджукской державы подразделялись на округа или районы с соответствующими городскими центрами и подчиненными им сельскими волостями. Управление такими административными единицами обычно возлагалось на раисов, которые назначались непосредственно султанами, причем эти должности могли даже передаваться по наследству [Агаджанов, 1973: 90–91; Семенова, 1990: 68, 70]. В сельджукских документах XII в. «раисом» иногда называется и губернатор провинции, а так-

² Последний представитель этого рода был лишен должности раиса в результате восстания Махмуда Тараби в Бухаре в 1238 г. [Ata-Malik Juvaini: 112].

же глава религиозной общины. В сборнике «Атабат ал-катаба» представлены образцы четырех фирманов (указов) назначения на должность раиса [Мунтаджаб ад-Дин, 1965: 43, 49, 64, 83]. Из них явствует, что круг обязанностей раиса, так же, как и некоторых других должностных лиц, не был четко определен, а каждый раз устанавливался в зависимости от конкретных обстоятельств, чаще всего, вероятно, от положения назначаемого лица и расположения к нему султана. Например, раис Мазендарана Тадж ад-Дин фактически оказывался его наместником, в его ведении находился весь полицейский, административный и фискальный аппарат [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: 326]. В другом случае Шараф ад-Дин, назначенный раисом Бистама, являлся одновременно главой дивана истифа. Раисы имели свои официальные учреждения, называвшиеся сарайи рийасат, или диван-и рийасат. Раисам подчинялись заместители и служащие различных других категорий (гумаштаган). Раисы имели право назначать, подвергать взысканиям или отстранять от дел низовую администрацию. Раисам округов непосредственно подчинялись деревенские главы (*пу'аса*) и старосты (*зу'ама*), которые были в основном выходцами из местных знатных фамилий. Раисы за свою службу получали государственное содержание в определенном размере (марсум). Выдача жалования производилась амилем из местных налоговых сборов. Подобно другим служащим державы Сельджукидов, раисам назначались также пенсии [Агаджанов, 1973: 93]. Раисы в сельджукскую эпоху обычно происходили из старинных знатных фамилий местного населения и передавали фактически свою должность по наследству [Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973: 327].

Меньше ясности с функциями раисов в государстве Хорезмшахов. В сборнике документов из канцелярии хорезмшахов «Ат-тавассул ила-т-тарассул», составленном Баха ад-Дином Багдади, содержится указ о пожаловании уроженцу Хорасана, родовитому эмиру Садр ад-Дину должности раиса вилайетов Дихистан и Джурджан. В обязанности раиса входил исправный сбор налогов в пользу государственной казны и защита населения Джурджана от набегов туркмен. В подчинении раиса находились наибы (наместники, заместители) и местный нобилитет в лице «айанов и знатных людей» [Баха ад-Дин, 1315: 122–125]. Учитывая, что государство Хорезмшахов выделилось из державы Сельджукидов, логично предположить, что в обеих империях функционал раисов был схожим [Horst, 1964: 54–56].

Уже во второй половине XII в. статус раисов в общегосударственном масштабе и даже на региональном уровне начинает снижаться. Это было связано с реформами султанов из династии Сельджуков, в результате которых значительная часть полномочий раисов как градоначальников была передана новым наместникам — шихнэ, а ряд контрольных функций по охране правопорядка и надзору за торговлей — мухтасибам [The Encyclopaedia, 1995: 402].

В результате институт раисов сохранился, но статус их оказался существенно урезан — прежде всего, в территориальном отношении. Например, в Багдаде в это время раисы являлись, по сути, квартальными надзирателями: они поддерживали порядок в кварталах и, вероятно, собирали налоги. Нет даже точных сведений, назначались ли они вышестоящими властями или избирались населением кварталов [Михайлова, 1990: 26]. В этот же период упоминаются и раисы деревень [Семенова, 1990: 49].

Статус раиса в монгольском Иране: ярлык из «Дастур ал-катиб»

Не отказались от института раисов в Иране и наследники прежних мусульманских правителей — Чингизиды. В государстве ильханов институт раиса продолжал действовать³, но, судя по всему, сохранилась и тенденция снижения его статуса: эти некогда высокопоставленные чиновники окончательно превратились в наместников мелких поселений. Подтверждением этому служит ярлык о назначении на должность раиса из трактата «Дастур ал-катиб фи тайин ал-маратиб» («Руководство для писца при определении степеней»), составленного в 1360-х гг. чиновником Мухаммедом б. Хиндушахом Нахчивани.

Имея сведения о наличии раисов в Иране и Средней Азии монгольского периода, мы, к сожалению, не находим прямых указаний на то, что этот институт применялся также и в Золотой Орде (Улусе Джучи). Тем не менее, есть основания считать, что эти чиновники, функционировавшие практически во всем мусульманском мире, на территории Золотой Орды действовали по крайней мере в Хорезме. Неслучайно один из первых исследователей «Дастур ал-катиб», австрийский востоковед Й. фон Хаммер-Пургшталъ включил немецкий перевод ярлыка о назначении раиса (наряду с 35 другими ярлыками из этого трактата) в приложение к своему труду по истории Золотой Орды. Соответственно, ниже мы, продолжая ранее начатое исследование, приводим переводы как с варианта Й. фон Хаммера, так и с оригинала.

Таблица 1

Перевод ярлыка о назначении на должность раиса из «Дастур ал-катиб»

Table 1

**The translation of yarlik (edict) on the appointment
of ra'is from the “Dastu al-katib”**

<p>XXXVI. Грамота [ярлык] реису (сельскому старосте), только один [образец]</p> <p>Поскольку реис Изеддин, который долгое время служил в качестве такового, прилагал все усилия, чтобы хорошо обращаться с подданными и защищать их от любых посягательств: то, настоящим ему подтверждается должность реиса, дабы он оберегал жителей вышеуказанным образом, поддерживал между ними равенство и справедливость, наилучшим образом собирал с подданных подати Дивана, передавал их сборщикам и распределял подати самым справедливым образом, чтобы бремя сильного не падало на слабого, дабы не препятствовал уходящим и приходящим [?], чтобы подданные не подвергались никаким притеснениям.</p>	<p>[Глава вторая. О предоставлении должностей и постов визирам, членам Великого Дивана и относящихся (=приравненным) к таковым.]</p> <p>Раздел двадцать четвертый. О препоручении должности раиса</p> <p>Поскольку раис Изз ад-Дин с давних пор является раисом такого-то селения, уделяет большое внимание покровительству подданным и благоустройству [селения], обеспечивает прибывающих и убывающих [чиновников?] наилучшим образом, препятствует притеснениям подданных и неимущих, должность раиса той местности препоручается ему с тем, чтобы в соответствии с прежним порядком он защищал население и жителей, поддерживал между ними равенство и справедливость, не чинил [в отношении них] насилие и [не взимал с них] лишнего; собранные с населения налоги и подати для государственной казны (букв. «установленные Диваном». — <i>И. М.</i>), в целости и сохранности (букв. «наилучшим образом». — <i>И. М.</i>) передавал мухассылям (правительственным чиновникам, ответственным за сбор налогов и податей. — <i>И. М.</i>);</p>
--	---

³ В частности, в адресате ярлыка Абу-Саида от 1320 г. имеется упоминание раисов по-монгольски передававшихся «irayis-ud» [Cleaves, 1953: 28, 62].

Окончание таблицы 1

<p>Он должен лично взять на себя ответственность за посевные поля, помогать земледельцам в получении полноценного орошения, остерегаться всякой несправедливости и предвзятости и вести такую жизнь, которая успокаивает сельских жителей и побуждает их возделывать свои поля. При всех обстоятельствах ему следует помнить о Боге и делах Дивана. Поэтому этот указ и вступает в силу, дабы мужи и управляющие (kedchudajan), подданные и крестьяне с началом этого года признавали его своим главой (реисом) и своим председателем (pischwa), [чтобы он] не отступал от своего слова и мнения, подтверждающее правильность дела подданных и сельскохозяйственной культуры, распределял между собой обычные подати и их передавали ему [Hammer-Purshall, 1840: 515–516]⁴.</p>	<p>[дополнительные] налоги, взимаемые с селения, справедливо распределял между его жителями так, чтобы бремя сильно не налагалось на слабого; чтобы он отправлял прибывающих и убывающих [гонцов и других чиновников?] удовлетворенными таким образом, чтобы это не создавало неудобств подданным. Пусть самолично помогает крестьянам с ирригацией, пока [их поля] не будут полностью орошены. Пусть остерегается предвзятого отношения и создаст такие условия жизни, которые станут причиной спокойствия жителей, дабы они прилагали старания к обустройству селения, строительству и земледелию. Пусть во всех делах имеет в виду [предписания] Господа Всевышнего и интересы Дивана. По этой причине сей указ вступает в силу с тем, чтобы арбабы, старосты, подданные и земледельцы селения с начала этого года, почитали его своим райсом и предводителем, не преступают его слов и решений, учитывающих интересы подданных и обустройство селения. Жалование, установленное для райса, пусть [жители селения] собирают вскладчину и ежегодно ему выплачивают [Мухаммад ибн Хиндушах, 1976: 175–176 араб. паг.]⁵.</p>
--	---

Дипломатический анализ документа

С точки зрения дипломатики документы о назначении на должность в «Дастур ал-катиб» имеют одну более или менее единую форму, незначительно изменяющуюся в зависимости от достоинства и положения назначаемого лица. В ряде образцов Мухаммед б. Хиндушах приводит разные компоненты формуляра, в большинстве своем лишь корпуса документа, чаще всего наррацию и диспозицию, реже представлена преамбула и санкция. В некоторых из них можно видеть такой компонент начального протокола, как адресат [Matsukawa, 1995: 37–38], свойственный чингизидским актам, а также эсхатокол и аппрекацию. И в случае с райсом составитель «Дастур ал-катиб» приводит лишь наррацию и диспозицию, в рамках которой содержится и предписание должностным лицам (адхортация). Подтвердительный характер ярлыка находит свое выражение в нарративной части акта. Характерно, что автор «Дастура» приводит лишь один образец ярлыка, и при этом в анализируемом образце не представлена преамбула. Можно предположить, что эти факты в какой-то мере отражают статус райса в административно-политической иерархии монгольского Ирана.

Если сравнить структуру данного ярлыка с образцами, приводимыми в сборнике «Атабат ал-катаба» эпохи султана Санджара (1118–1153), то можно обнаружить некоторые различия, основная суть которых заключается в том, что у Мунтаджаб ад-Дина ал-Джувайни даются значительно более пространственные формулировки основных компонентов формуляра документа⁶. В то время как у Мухаммеда б. Хиндушаха мы можем наблюдать более лапидарные и конкретные выражения, что в целом свойственно чингизидской канцелярской практике.

⁴ Перевод на русский язык выполнен М. С. Гатиным.

⁵ Перевод на русский язык выполнен И. А. Мустакимовым.

⁶ Анализу формуляров образцов документов из «Атабат ал-катаба» посвящено специальное исследование [Купалидис, 1989].

Историко-правовой комментарий документа

Обращаясь к историко-правовому анализу ярлыка, мы можем сделать вывод, что раис в период правления Хулагуидов и Джалаиридов в Иране и, по всей видимости, в современных им других чингизидских государствах являлся довольно мелким чиновником, полномочия которого распространялись на небольшие населенные пункты — преимущественно сельские с их округами — или родоплеменные подразделения⁷. Тот факт, что полномочия каждого раиса были незначительны, подтверждается парой писем Рашид ад-Дина, в которых он упоминает во множественном числе раисов вилайетов Сивас и Байат [Рашид ад-Дин, 1971: 206, 224]. Несомненно, речь идет об отдельных малых округах, в каждом из которых действовал свой раис.

Однако не следует приравнивать раиса к сельскому старосте⁸, который являлся избираемым главой местного самоуправления: из текста ярлыка очевидно, что раис утверждался вышестоящими властями (вплоть до указов-ярлыков самого правителя), а старосты были ему подчинены — точно так же, как арбабы (помещики-землевладельцы) и рядовые земледельцы. В глазах же властей раис рассматривался именно как представитель администрации, в первую очередь подведомственный центральному исполнительному органу страны — Дивану: «Пусть во всех делах имеет в виду [предписания] Господа Всевышнего и интересы Дивана» (см. также: [Байани, 1381: 203])⁹. Это подтверждается другими документами из анализируемого нами источника: Нахчивани приводит также образцы писем конкретным раисам, в которых обладатели данной должности именуются «предводителями племен» и «предводителями округов», однако данные им распоряжения касаются конкретных вопросов управления теми или иными сельскими населенными пунктами — распашки земли, сбора урожая и пр. [Хатиби, 1985: 100–102].

Также отметим, что даже круг лиц, которые должны знать содержание ярлыка и следовать им, признавая полномочия раиса (т. е. адресаты ярлыка), весьма ограничен, в него не включаются никакие государственные чиновники. Лишь при описании обязанностей раиса упоминаются сборщики налогов «мухассыли», однако в тексте указа ничего не говорится о том, что они также должны признавать статус раиса, поскольку они ему не подчинялись.

Функции раиса, как видим, по сути, остались те же, какими эти чиновники обладали и в более ранние времена, когда имели куда более высокий статус. В частности, раис должен был поддерживать порядок в подконтрольном ему селении: «чтобы в соответствии с прежним порядком он... поддерживал между ними равенство и справедливость». Вторая постоянная обязанность раиса — сбор законно установленных на-

⁷ Другой ярлык о назначении данного чиновника, включенный в «Дастур ал-катиб» в качестве образца, выдан раису тюркского племени хаджи Ток-Тимуру (см. также: [Байани, 1381: 204]).

⁸ Таковые и в тексте анализируемого ярлыка, и в других источниках именовались «кедхуда» или «мухтар-и дих» [Байани, 1381: 204; Петрушевский, 1958: 42; 1960: 253].

⁹ В связи с данным наблюдением нельзя не отметить, что в советской Татарии, Башкирии и Средней Азии раисами стали называть председателей колхозов (см., напр., [Бейсембиев, 2009: 171]). Эти должностные лица обладали специфическим статусом: будучи избираемы на общем собрании колхозников, они, вместе с тем, утверждались соответствующими советскими органами и считались также представителями их интересов на своих предприятиях.

логов («Диваном»), включая также и «дополнительные»¹⁰ в пользу казны и передача их уполномоченным сборщикам (см. также: [Байани 1381: 203]).

Весьма любопытным представляется предписание в анализируемом ярлыке раису Изд ад-Дину, «чтобы... он защищал население и жителей», особенно в сочетании с одним из оснований его назначения на должность: «уделяет большое внимание покровительству подданным и благоустройству [селения], обеспечивает прибывающих и убывающих [чиновников?] наилучшим образом, препятствует притеснениям подданных и неимущих». Как представляется исходя из контекста, то речь идет как раз о статусе раиса как посредника между властями (чиновниками) и местным населением: с одной стороны, он должен был обеспечивать исполнение податным сословием своих обязанностей перед государством и его представителями, с другой же — защищать подвластных ему жителей от произвола властей и создавать условия для их эффективной трудовой деятельности, в результате которой они и могли бы в полной мере нести свои обязанности перед государством. Логичным дополнением к этому видится и присутствующее ниже предписание: «Пусть самолично помогает крестьянам с ирригацией, пока [их поля] не будут полностью орошены».

Наряду с предписаниями совершать определенные действия в отношении раиса устанавливаются также и некоторые ограничения, большинство которых связано с запретом злоупотреблять своими властными полномочиями в отношении подчиненных ему сельских жителей. Так, описывая административные и налоговые функции раиса, издатель ярлыка подчеркивает, «чтобы... он... не чинил [в отношении них] насилие и [не взимал с них] лишнего». А ниже, характеризуя его общий круг отношений с крестьянами, требует: «Пусть остерегается предвзятого отношения и создаст такие условия жизни, которые станут причиной спокойствия жителей, дабы они прилагали старания к обустройству селения, строительству и земледелию».

Любопытно отметить, что ни для самого раиса, ни для его подчиненных в документе не предусмотрены санкции за нарушение предписаний ярлыка. Впрочем, это характерно для многих образцов документов из «Дастур ал-катиб» и, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в случае допущения таких нарушений на практике судьи — дзаргучи или кади — сами определяли степень их тяжести и соответствующее наказание.

Изменение статуса раиса в эпоху позднего Средневековья и Нового времени

Теперь попытаемся ответить на вопрос, как изменился статус раиса в постмонгольском мире. Как отмечают исследователи, в сефевидском Иране институт раиса исчезает, а функции этих чиновников распределяются между другими администраторами и сборщиками налогов [The Encyclopaedia, 1995: 403].

Существенной эволюции подвергся статус раиса и в государствах Средней и Южной Азии. Так, в среднеазиатских ханствах эти чиновники вновь приобрели статус представителей руководства в системе административной и правоохранительной деятельности.

¹⁰ Вероятно, речь идет об экстраординарных налогах или ситуативных сборах — например, в пользу проезжающих через селение представителей правящего рода, высших государственных сановников, которые в русских переводах золотоордынских ярлыков именовались «дары», «поминки», «почетья» и т. п.

Российские современники, лично побывавшие в ханствах Средней Азии в XIX — начале XX в., оставили описания деятельности бухарских раисов, которые дважды в день выезжали в город в пышном одеянии и в сопровождении многочисленной свиты для инспекции состояния правопорядка в городе и в особенности деятельности рыночных торговцев. Н. В. Ханыков, побывавший в Бухаре в 1842 г., упоминал, что мясники, желавшие торговать мясом, должны были выдержать перед раисом экзамен, показав, что умеют правильно умерщвлять животных в соответствии с предписаниями шариата [Ханыков, 1844: 7–8]. А. А. Семенов в 1907 г. в той же Бухаре видел, как раис, обнаруживший, что один весьма солидного вида купец обмеривает покупателей, приказал тут же его раздеть и отхлестать плетью. При этом, как отметил востоковед, количество ударов зависело не только от тяжести установленного нарушения, но и «настроения раиса» [Семенов, 1954: 46]. Судебные полномочия раиса были настолько значительны, что высшей инстанцией по отношению к нему являлся сам верховный судья ханства — кази ал-кузат [Абдураимов, 1966: 88]. В Хивинском ханстве начала XX в. стольный раис являлся главой городской администрации, управляющим городом и ведающим внутренними делами ханства [Баскаков, 1989: 64–65]. «[Раис —] в Хиве и Ташкенте род городничего или полицеймейстера, наблюдающего в городах за порядком, верностью весов и меры и за исполнением обрядов религии», — уточняется в словаре Л. З. Будагова [Будагов, 1869: 601].

При этом, если мы в приведенном выше переводе ярлыка не увидели ни намека на то, что раис контролировал также и духовную жизнь подконтрольного ему населения (за исключением стандартной формулы, что он сам «во всех делах имеет в виду [предписания] Господа Всевышнего»), то в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах этот чиновник весьма активно вмешивался в вопросы религиозной жизни и религиозного воспитания¹¹.

Поэтому нередко городские раисы также носили звание «кази-раис» или «ишан-раис», что отражало их принадлежность к духовному сословию и знание богословия [Абдураимов, 1966: 92; Бейсембиев, 2009: 60, 169, 685, 745; Семенов, 1954: 44–45]. Порой в небольших городах раисы могли занимать одновременно также должности кази или муфтия. Но чтобы они не злоупотребляли своими полномочиями, вышестоящие власти (и лично ханы) могли поручать такие должности сразу двум лицам, которые, таким образом, еще и контролировали друг друга. Для иллюстрации подобного подхода считаем целесообразным привести перевод ярлыка о назначении таких чиновников хивинским ханом Мухаммад-Амином II в середине XIX в.

«Он [Всевышний].

Абу-л-Музаффар ва'л-Мансур Абу-л-Гази Мухаммад Амин Бахадур-хан. Слово наше:

Так как справедливость и благочестие дамуллы¹² Мухаммада Мурада и дамуллы Мухаммада Нияза стали ясными и очевидными нашему взору, блистающему как солнце, мы восхвалили их и отличили нашей монаршей милостью и царственным вознагра-

¹¹ В бухарском трактате о чинах и званиях раисы упоминаются среди чиновников при улемах [Семенов, 1948: 148].

¹² Дамулла (домулло) — обращение к человеку, известному своей ученостью.

ждением и назначили их совместителями (bi'l-ishtirak) должностей кади и раиса города Кипчак вместо дамуллы Аваз-бая Ходжи и муллы Аваза Баки Махдума и пожаловали их этим царственным ярлыком, дабы они надлежащим образом, в соответствии со своей беспристрастностью и справедливостью стремились разбирать жалобы и тяжбы и заботились о вынесении приговоров и составлении судебных протоколов, распределяли наследство, устанавливали опеку над имуществом сирот. [Да будут они] наставлять мусульман в вере и обрядах, проверять имамов и муэдзинов, а также мальчиков, посланных в школы, кто из них небрежен в молитвах, и делать все, что в их власти, для усиления действия шариата. Отныне, как только жителям упомянутого города станет известно содержание этого ярлыка, они должны признавать вышеуказанных [лиц] в качестве совместителей на должностях кади и раиса и, если у них возникнут любого рода тяжбы, они должны разрешать их в их присутствии; и если они станут заключать брак, они должны регистрировать их у них (т. е. кади и раиса) и передавать [им] брачные контракты. И по вопросам правил шариата они (т. е. жители города) должны принимать распоряжения [данные] ими (т. е. кази и раисом) как приказы [обязательные для исполнения] и их воспрещения как запреты, [обязательные для соблюдения]; и они должны понимать, что, делая [что-то] вопреки содержанию этого высочайшего ярлыка, они навлекут на себя царственное наказание. А оба вышеуказанных кади должны обращаться с людьми таким образом, чтобы они могли дать честный ответ как если бы завтра настал «тот день, когда наступит расчет»¹³. Царственный ярлык написан [в год] 1266 хиджры, в стольном граде Хорезма [в месте] собраний, подобных райским, 18 числа первого месяца раби, в среду, соответствующему году Курицы 1266 [1850]»¹⁴ [Bregel, 2007: 42–43] (ср.: [Петров, 1959: 140–142]).

Исследователи вполне справедливо отмечают, что в рассматриваемый период раисы фактически стали аналогами мухтасибов [Абдураимов, 1966: 92; Бартольд, 1962: 294; Бейсембиев, 2009: 38, 797–798; Семенов, 1954: 45], по иронии истории вернув себе те самые функции, которые в свое время от них были переданы как раз этим самым мухтасибам. Соответственно, в качестве надзирателей за городским порядком, торговлей на базарах и религиозной жизнью мусульман они обладали широкими полномочиями. Так, они имели право запрашивать у имамов информацию о лицах, пропустивших молитву, проверять, преподают ли учителя медресе учащимся без искажения канона, а также и знания самих учащихся. За любые нарушения или незнание основ шариата, молитв и прочего раисы также имели право приговаривать к телесным наказаниям, иногда — весьма тяжелым, которые могли кончиться смертью нарушителя. Соблюдение канонов ислама и шариата понималось как гарантия стабильности самих основ государственности — ведь именно за ее обеспечение раис нес ответственность перед мо-

¹³ Коран, сура 14.

¹⁴ Перевод на русский язык выполнен Р. Ю. Почекаевым. Ю. Э. Брегель также публикует ярлык того же хана 1854 г. о назначении в Хазарасп раиса, который в то же время являлся и муфтием и также должен был делить свои обязанности с двумя другими чиновниками [Bregel, 2007: 44].

нархом¹⁵. Такая практика существовала в рассматриваемый период в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах, Ташкентском владении, Кашгаре и т.д. [Бейсембиев, 2009: 40, 797–798, 951–952]. Впрочем, учитывая, насколько плотно пронизывал шариат жизнь мусульман в традиционных исламских обществах, вряд ли можно счесть удивительным, что законность и правопорядок тесно соотносились с религиозным благочестием. Поэтому весьма логичным в глазах властей и населения было сочетание в деятельности раисов контроля и за торговлей, и за посещением мечетей или знанием молитв.

Надо сказать, что должность раиса в Средней Азии рассматривалась как весьма почетная, и ее обладатели весьма гордились своим статусом. Например, Ходжа Самандар Термези, автор «Дастур ал-мулук» («Назидание государям»), живший во второй половине XVII — начале XVIII в., дважды назначался на должность раиса города Карши, и в своем трактате он неоднократно именует себя раисом и также обращается в своих посланиях к некоторым корреспондентам [Ходжа Самандар, 1971: 6] (см. также: [Абдураимов, 1966: 21]).

А вот в Индии эпохи тюркских династий — Мамлюков, Тоглукидов и Великих Моголов — отношение к раисам было не столь уважительным. Так, например, делийский султан XIII в. Гийас ад-Дин Балбан, назначив на должность базарного раиса в Дели некоего Фахра Пани, выходца из купеческого сословия, резко отказал ему в аудиенции, заявив, что «раис и эмир базара» является лицом слишком низкого происхождения, и общение с ним может унижить султана [Ашрафян, 1960: 184]. Из этого примера видно, что в средневековой Индии раисы, как и в других мусульманских государствах, осуществляли правоохранительную деятельность и контроль торговли¹⁶.

В империи Великих Моголов раисы в большей степени являлись, как и в монгольский период, начальниками небольших населенных пунктов и стремились сделать свои должности наследственными. Не обладая высоким авторитетом в глазах знати, тем не менее, для населения соответствующей округи они являлись начальниками, которым следовало беспрекословно повиноваться. Поэтому нередко те или иные представители знати или зажиточных слоев общества старались учредить вакф, полагая, что это повысит их шансы получить должность раиса и, соответственно, закрепить ее за своим семейством. Британская администрация на раннем этапе своего господства в Индии, как и предыдущие правители, считала деятельность раисов полезной (опять же — в качестве посредников между простым населением и властями) и даже сумела привести их статус в соответствие с колониальным законодательством. Однако со временем этот институт был признан устаревшим и в начале XX в. фактически отменен [Kozlowski, 1985: 47–48, 51, 58–59, 75, 79, 190, 193].

В Османской империи на региональном уровне действовали представители власти, называвшиеся «раис-и аян», это были предводители знати конкретных яялетов, помогавшей бейлербеям в управлении регионами. Как представляется, именно этот инсти-

¹⁵ А. А. Семенов приводит текст донесения бухарского раиса эмиру Бухары, в котором он с удовлетворением констатирует, что группа студентов по итогам устроенной им проверки продемонстрировала удовлетворительное знание основ шариата [Семенов, 1954: 47].

¹⁶ Ибн Баттута прямо указывает, что известный ему мухтасиб в Индии называется раисом [Voyages, 1855: 184].

тут по статусу был ближе всех к раисам, функционировавшим до XII в. включительно: оказывая содействие властям, такой раис-и аян, вероятно, представлял перед ними и интересы местного населения. Неслучайно закон об эялетах, принятый в 1864 г., предписывал ввести органы местного самоуправления (аналог современных муниципалитетов) во главе с раисами [История, 2006: 186, 248]¹⁷.

Заключение

Подводя итоги нашего исследования, мы можем констатировать, что термин «раис» (араб. «председатель; вождь; предводитель») в мусульманских странах в разные периоды времени обозначал широкий спектр должностей. В монгольском Иране раисы являлись наместниками небольших селений или вождями немонгольских кочевых племен. Несомненно, что должность раиса в системе управления Хорасана была заимствована монголами из управленческой/административной практики Сельджукского государства и государства Хорезмшахов. В отличие от этих государств, в монгольском Иране раисы не назначались предводителями крупных городов и областей, а их обязанности в публикуемом образце ярлыка расписаны более четко по сравнению с предыдущим периодом.

Скорее всего, снижение статуса раисов связано с политикой централизации власти как у поздних Сельджуков, так и у персидских монголов: правители старались лишить представителей региональных элит возможностей реализовать свои стремления к автономии или даже сепаратистские намерения путем лишения их прежних рычагов власти и управления. В дальнейшем, как подтверждает проведенный анализ, их полномочия были расширены в сфере административного и религиозного контроля, однако прежних обширных властных полномочий раисы так и не вернули.

Несмотря на различия статуса раисов на разных этапах функционирования этого института, можно уверенно заключить, что всех их объединяли, как минимум, две общие черты. Во-первых, эти чиновники выступали своеобразными посредниками между государством и простым населением, с одной стороны, представляя интересы властей (путем сбора налогов, контроля правопорядка и т.д.), с другой же — защищая податное сословие от притеснений и злоупотреблений со стороны этих самых властей. Во-вторых, в глазах своих подчиненных они обладали высоким авторитетом, и их властные предписания должны были неукоснительно соблюдаться. Именно это обстоятельство, полагаем, стимулировало амбициозных лиц стремиться к должности раиса даже если речь шла о том, чтобы контролировать небольшое поселение.

Наличие раисов в других монгольских улусах (по крайней мере, в Хорезме и Мавераннахре) косвенным образом подтверждается бытованием этой должности в среднеазиатских государствах (Бухарском, Хивинском, Кокандском ханствах) в XVII — начале XX в. Хотя раисы в них получили ряд дополнительных судебно-духовных функций, основные их административные обязанности оставались прежними.

¹⁷ Раисами с XVII в. также называли предводителей племен, тем самым в какой-то мере вернувшись к исходному значению этого термина у раннесредневековых арабов [Гордлевский, 1960: 91].

Благодарности и финансирование

Издание осуществлено при поддержке Фонда Ибн Сины и на основании конкурса на соискание грантов имени Ибн Сины. № проекта: 2025.02.07.

Acknowledgements and funding

The study was supported by Ibn Sina Foundation and on a base of competition for the search of grants named after Ibn Sina. Project no.: 2025.02.07.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдураимов М. А. Очерк аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX в. Ташкент : Фан, 1966. Т. I. 369 с.
- Агаджанов С. Г. Сельджукиды и Туркмения в XI–XII вв. Ашхабад : Ылым, 1973. 164 с.
- Ашрафян К. З. Делийский султанат. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. 256 с.
- Бартольд В. В. Сочинения. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. М. : Изд-во восточной литературы, 1962. Т. I. 760 с.
- Баскаков Н. А. Титулы и звания в социальной структуре бывшего Хивинского ханства // Советская тюркология. 1989. № 1. С. 63–70.
- Бейсембиев Т. К. Кокандская историография. Исследование по источниковедению Средней Азии XVIII–XIX веков. Алматы : Print-S, 2009. 1263 с.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л. : Наука, 1973. 394 с.
- Будагов Л. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1869. Т. I. 820 с.
- Гордлевский В. А. Государство Сельджукидов Малой Азии // В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Исторические работы. М. : Изд-во восточной литературы, 1960. Т. I. С. 29–318.
- История Османского государства, общества и цивилизации / под ред. Э. Ихсаноглу. М. : Восточная литература, 2006. Т. I. 602 с.
- Курпалидис Г. М. О языке и структуре сельджукских официальных грамот «Атабат ал-Катаба» // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. М. : Наука, 1989. Вып. 1. С. 128–136.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII–XV вв. Арабские и персидские источники / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича, А. Ю. Якубовского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 612 с.
- Михайлова И. Б. Средневековый Багдад. М. : Наука, 1990. 157 с.
- Мунтаджаб ад-Дин Бади Атабек ал-Джувайни. Ступени совершенствования катибов (Атабат ал-катаба). М. : Наука, 1965. 160 с.
- Мухаммад ибн Хиндушах Нахчивани. Дастан ал-катиб фи тайин ал-маратиб (Руководство для писца при определении степеней). М. : Наука, 1976. Т. II. 526 с.
- Петров Н. П. Бухарский мухтасиб в начале XX века // Проблемы востоковедения. 1959. № 1. С. 139–142.
- Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV веков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1960. 492 с.

Петрушевский И. П. К истории сельского поселения и сельской общины в Иране XIII–XV вв. // Ученые записки Института востоковедения. 1958. Т. XVI. С. 31–51.

Рашид ад-Дин. Переписка. М. : Наука, 1971. 500 с.

Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре // Советское востоковедение. 1948. Вып. V. С. 137–154.

Семенов А. А. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени (Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Вып. II). Сталинабад : Изд-во АН ТаджССР, 1954. 75 с.

Семенова Л. А. Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М. : Наука, 1990. 248 с.

Сиасет-намэ. Книга о правлении вазира XI столетия Низам ал-Мулька. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. 380 с.

Ханыков Н. В. Городское управление в Средней Азии // Журнал Министерства внутренних дел. 1844. Ч. VI. 14 с.

Хатиби С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад : Ылым, 1985. 134 с.

Ходжа Самандар Термези. Дастур ал-мулук (Назидание государям). М. : Наука, 1971. 400 с.

Ata-Malik Juvaini. The History of the World-Conqueror. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

Bregel Yu. Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries). Bloomington: Indiana University, 2007. 73 p.

Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. Harvard Journal of Asiatic Studies. 1953. Vol. 16. № 1–2. P. 1–107.

Kozlowski G. C. Muslim endowments and society in British India. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 211 p.

The Encyclopaedia of Islam / ed. by C. E. Bosworth et al. Leiden: Brill, 1995. Vol. 1. 1056 p.

Hammer-Purgstall J. von [Хаммер-Пургшталь Й. фон]. Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland [История Золотой Орды в Кыпчаке, то есть: монголов в России]. Pesth [Пешт]: C. A. Hartleben's Verlag [Издательство С. А. Хартлебена], 1840, 683 p. (на нем. яз.).

Horst H. von. Die Staatsverwaltung der Grosselgüken und Hōrazmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit. Wiesbaden: Steiner, 1964. 191 s. (на нем. яз.).

Voyages d'Ibn Batoutah [Путешествия Ибн Баттуты]. / Trad. par C. Defremery et B. R. Sanguinetti [Пер. К. Дефремери и Б. Р. Сангинетти]. Paris [Париж]: L'Imprimerie imperial [Императорская типография], 1855. Т. III. 476 p. (на фр. яз.).

Байани Ш. Тарих-и ал-и Джалаир. Тихран: Интишарат-и Данишгах-и Тихран, 1381. 472 с. (на перс. яз.).

Баха ад-Дин Мухаммад б. Муаййад Багдади. Ат-тавассул ила-т-тарассул. Тихран: Ширкат-и саххами-и чап, 1315. 389 с. (на перс. яз.).

Matsukawa S. Format of the Great Chans Order. Machikaneyama Ronso. History Edition. 1995. Vol. 29. P. 25–52. Osaka University Knowledge Archive: OUKA. URL: <https://hdl.handle.net/11094/48030> (Дата обращения: 01.08.2024) (на яп. яз.).

References

Abduraimov M.A. *Ocherk agrarnykh otnoshenii v Bukharskom khanstve v XVI-pervoi polovine XIX v.* [Essay on the rural relations in the Khanate of Bukhara in 16th — first half of 19th c.]. Tashkent: Fan Publ., 1966, vol. I, 369 p. (in Russian).

Agadzhanov S.G. *Sel'dzhukidy i Turkmeniya v XI–XII vv.* [Seljukids and Turkmenistan in the 11th–12th cc.]. Ashkhabat: Ylym Publ., 1973, 164 p. (In Russian).

Ashrafyan K.Z. *Deliyskii sultanat* [Sultanate of Delhi]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960, 256 p. (in Russian).

Bartol'd V.V. *Sochineniya. Tom I. Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestiya* [Collected works. Vol. 1. Turkestan down to the Mongol invasion]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1962, 760 p. (in Russian).

Baskakov N.A. Tituly i zvaniya v sotsial'noi strukture byvshego Khivinskogo khanstva [Titles and ranks in the social structure of the former Khanate of Khiva]. *Sovetskaya tyurkologiya* [Soviet Turkic Studies], 1989, no. 1, pp. 63–70 (in Russian)

Belenitsky A.M., Bentovich I.B., Bolshakov O.G. *Srednevekovii gorod Srednei Azii* [Medieval city of Central Asia]. Leningrad: Nauka Publ., 1973, 394 p. (in Russian).

Beysembiev T.K. *Kokandskaya istoriografiya. Issledovanie po istochnikovedeniyu Srednei Azii XVIII–XIX vekov* [Khoqand historiography. Examination of the source study of the Central Asia of 18th–19th centuries]. Almaty: Print-S Publ., 2009, 1263 p. (in Russian).

Budagov L.Z. *Sravnitel'nii slovar' turetsko-tatarskikh narechii* [Comparative dictionary of Turkic-Tatar dialects]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science Press, 1869, vol. I, 820 p. (in Russian).

Gordlevskiy V.A. Gosudarstvo Sel'dzhukidov Maloi Azii [State of Seljuks in the Asia Minor]. *Izbrannye sochineniya. T.I. Istoricheskie raboty* [Selected works. Vol. 1. Historical studies]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1960, pp. 29–318 (in Russian).

Khoja Samandar Termezi. *Dastur al-muluk (Nazidanie gosudaryam)*. Moscow: Nauka Publ., 1971, 400 p. (in Russian, in Persian).

Ikhsanoglu E. (ed.). *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* [History of the Ottoman state, society and civilization]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 2006, vol. I, 602 p. (in Russian).

Khanykov N.V. Gorodskoe upravlenie v Srednei Azii [City administration in the Central Asia]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs], 1844, no. 6, 14 p. (in Russian).

Khatibi S. *Persidskie dokumental'nye istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Khorasana XIII–XIV vv.* [Persian documental sources on the social political history of Khorasan of 13th–14th cc.]. Ashkhabat: Ylym, 1985, 134 p. (in Russian).

Kurpalidis G.M. Kurpalidis G.M. O yazyke i strukture sel'dzhukskikh ofitsial'nykh gramot “Atabat al-Kataba” [On the language and structure of the Seljuk official charters “Atabat al-Kataba”]. *Vostochnoe istoricheskoe istochnikovedenie i spetsial'nye istoricheskie distsipliny*

[Eastern historical source studies and special historical disciplines]. Moscow: Nauka Publ., 1989, iss. 1, pp. 128–136 (in Russian).

Mikhaylova I. B. *Srednevekovyi Bagdad* [Medieval Baghdad]. Moscow: Nauka Publ., 1990, 157 p. (in Russian).

Muntajab ad-Din Badi Atabek al-Dzhuvayni. *Stupeni sovershenstvovaniya katibov (Atabat al-kataba)* [Stages of improvement of katibs]. Moscow: Nauka Publ., 1965, 160 p. (in Russian).

Petrov N. P. Bukharskii mukhtasib v nachale XX veka [Bukharan mukhtasib at the beginning of the 20th century]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of the oriental studies], 1959, no. 1, pp. 139–142 (in Russian).

Petrushevskiy I. P. K istorii sel'skogo poseleniya i sel'skoi obshchiny v Irane XIII–XV vv. [On history of rural settlement and rural community in Iran of 13th–15th cc.]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniya* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies], 1958, vol. 16, pp. 31–51 (in Russian).

Petrushevskiy I. P. *Zemledelie i agrarnye otnosheniya v Irane XIII–XIV vekov* [Agriculture and agrarian relations in Iran of 13th–14th centuries]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1960, 492 p. (In Russian).

Rashid ad-Din. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Nauka, 1971, 500 p. (In Russian).

Semenov A. A. Bukharskiy traktat o chinakh i zvaniyakh i ob obyazannostyakh nositelei ikh v srednevekovoi Bukhare [Bukharan treatise on titles and ranks and on the functions of their holders in the medieval Bukhara]. *Sovetskoe vostokovedenie* [Soviet Oriental Studies], 1948, iss. 5, pp. 137–154 (in Russian).

Semenov A. A. *Ocherk ustroistva tsentral'nogo administrativnogo upravleniya Bukharskogo khanstva pozdneyshego vremeni* [Essay on the structure of central administration of the Khanate of Bukhara of the latest time]. Stalinabad: Academy of Sciences of Tajik SSR Press, 1954, 75 p. (In Russian).

Semenova L. A. *Iz istorii srednevekovoi Sirii. Sel'dzhukskii period* [From the history of medieval Syria. Seljuq period]. Moscow: Nauka, 1990, 248 p. (In Russian).

Volin S. L., Romaskevich A. A., Yakubovskiy A. Yu. (eds.). *Materialy po istorii turkmen i Turkmenii. T. 1: VII–XV vv. Arabskie i persidskie istochniki* [Materials on history of Turkmen and Turkmenia. Vol. 1: 7th–15th cc. Arabian and Persian sources]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1939, 612 p. (in Russian).

Siaset-name. Kniga o pravlenii vazira XI stoletiya Nizam al-Mul'ka [Book on the rule by Nizam al-Mulk, the vizier of the 11th century]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1949, 380 p. (in Russian).

Ata-Malik Juvaini. *The History of the World-Conqueror*. Manchester: Manchester University Press, 1997, 763 p. (in English).

Bosworth C. E. et al. (eds). *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden: Brill, 1995, vol. VIII, 1056 p. (in English).

Bregel Yu. *Documents from the khanate of Khiva (17th–19th centuries)*. Bloomington: Indiana University, 2007, 73 p. (in English).

Cleaves F. W. The Mongolian Documents in the Musée de Téhéran. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1953, vol. 16, no. 1–2, pp. 1–107 (in English).

Kozłowski G. C. *Muslim endowments and society in British India*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985, 211 p. (in English).

Hammer-Purgstall J. von. *Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak, das ist: der Mongolen in Russland* [History of the Golden Horde in Kipchak, that is: The Mongols in Russia]. Pesth: C.A. Hartleben's Verlag, 1840, 683 p. (In German).

Horst H. von *Die Staatsverwaltung der Grosselgūqen und Hōrazmšāhs (1038–1231): eine Untersuchung nach Urkundenformularen der Zeit* [The State Administration of the Great Seljuqs and Khwarazmshahs (1038–1231): An Investigation Based on Documentary Formularies of the Period]. Wiesbaden: Steiner, 1964, 191 p. (in German).

Voyages d'Ibn Batoutah [The Travels of Ibn Battuta]. Paris: L'Imprimerie imperiale, 1855, vol. III, 476 p. (in French).

Bahā' al-Dīn Muhammad b. Mu'ayyad Baghdādī. *al-Tawassul ila al-tarassul* [Book of the search for access to the official correspondence]. Tehran: Shirkat-i sahhami-yi chap Publ., 1315, 389 p. (in Persian).

Bayani Sh. *Tarikh-i al-i Dzhala'ir* [The History of Alle-Jallayer]. Tehran: University of Tehran Press, 1381, 472 p. (in Persian).

Matsukawa S. Format of the Great Chans Order. *Machikaneyama Ronso. History Edition*, 1995, 29, pp. 25–52. URL: <https://hdl.handle.net/11094/48030> (accessed at: August 1, 2024) (in Japanese).

Muhammad ibn Hindushah Nakhchivani. *Dastur al-katib fi ta'yin al-maratib* (Rukovodstvo dlya pisca pri opredelenii stepenej) [A Scribe's Guide to Determining Degrees], Moscow: Nauka, 1976, vol. II, 526 p. (in Persian).

Статья поступила в редакцию: 06.09.2024

Принята к публикации: 10.08.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 902.904 (574)

DOI 10.14258/nreur(2025)4–02

А. А. Горячев

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Республика Казахстан)

ЗАХОРОНЕНИЯ КРЕМИРОВАННЫХ ОСТАНКОВ В КЕРАМИЧЕСКИХ СОСУДАХ ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ СЕМИРЕЧЬЯ (ЮГО-ВОСТОЧНЫЙ КАЗАХСТАН)

В настоящей работе дана характеристика захоронений по обряду кремации в погребальных памятниках эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан). Традиция использования в качестве погребений керамических урн зафиксирована в регионе в 10 могильных сооружениях, которые представляют собой каменные ящики, цисты или специальные грунтовые ямы. Их культурно-хронологическая атрибуция позволяет отнести существование этой погребальной практики на территории Семиречья к позднеандоновскому времени (XVI–XV вв. до н. э.) и позднебронзовому периоду (XIV–XI вв. до н. э.). Одной из особенностей является использование керамической посуды для доставки кремированных останков к месту захоронения. Они отнесены к генетически связанными друг с другом федоровской и кульсайской культурными традициями, которые имеют определенные региональные отличия, в том числе и в исследуемой погребальной практике. Федоровские погребальные комплексы с кремацией находят свои аналогии в степных и лесостепных районах Центрального, Северного Казахстана и от Южного Зауралья до Западной Сибири и Алтая. Некоторые элементы погребальной практики и состав инвентаря кульсайских памятников отмечены в материалах могильников Средней Азии и Восточного Памира.

Ключевые слова: Семиречье, Заилийский Алатау, Джунгарский Алатау, Чу-Илийское междуречье, археология, эпоха бронзы, могильник, кремация, традиция, погребальный обряд, керамическая урна

Для цитирования:

Горячев А. А. Захоронения кремированных останков в керамических урнах по материалам могильников эпохи бронзы Семиречья (Юго-Восточный Казахстан) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 26–49. DOI. 10.14258/nreur(2025)4–02.

Горячев Александр Анатольевич, ведущий научный сотрудник отдела археологии эпохи камня и раннего металла Института археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы, Республика Казахстан. **Адрес для контактов:** aga.2805@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6952-5567>.

A. A. Goryachev

Institute of Archaeology of A. H. Margulan, Almaty (Republic of Kazakhstan)

CREMATED REMAINS IN CERAMIC URNS ON THE MATERIALS OF BURIALS OF THE BRONZE AGE OF SEMIRECHYE (SOUTH-EASTERN KAZAKHSTAN)

This paper characterizes the burials according to the cremation rite in the funerary monuments of the Bronze Age of Semirechye (South-Eastern Kazakhstan). The tradition of using ceramic urns as burials is recorded in the region in 10 burial structures, which are stone boxes, cists or special ground pits. Their cultural and chronological attribution allows us to attribute the existence of this burial practice on the territory of Semirechye to the Late Andronovo time (XVI–XV centuries BC) and Late Bronze Age (XIV–XI centuries BC). One of the peculiarities is the use of pottery for the delivery of cremated remains to the burial site. They are attributed to the genetically related Fedorovo and Kulsai cultural traditions, which have certain regional differences, including in the studied funerary practices. Fedorovo funerary complexes with cremation find their analogies in steppe and forest-steppe regions of Central and Northern Kazakhstan and from the Southern Trans-Urals to Western Siberia and Altai. Some elements of burial practices and the composition of the inventory of Kulsai monuments are noted in the materials of burial grounds in Central Asia and the Eastern Pamirs.

Keywords: Semirechye, Zailiyskiy Alatau, Dzungarian Alatau, Chu-Ili interfluvium, archaeology, Bronze Age, burial ground, cremation, tradition, funeral rites, ceramic urn.

For citation:

Goryachev A Cremated remains in ceramic urns from Bronze Age burials in South-Western Semirechye. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 26–49 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–02.

Goryachev Alexander Anatolyevich, Leading Researcher of the Department of Archaeology of Stone Age and Early Metal Archaeology of A. H. Margulan Institute of Archaeology Almaty, Republic of Kazakhstan. Contact address: aga.2805@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6952-5567>.

Введение

«Семиречье» (Жетысу) — современный историко-географический термин, обозначающий обширную область Юго-Восточного Казахстана, географически соответствующий водному бассейну озера Балхаш, включая долину реки Чу (рис. 1.-1). Его условные границы распространяются от Балхаш-Алакольской котловины на севере, вдоль западных и южных склонов Джунгарского (Жетысу) Алатау до хребтов Северного Тянь-

Шаня — Узынкора, Терскей, Кунгей и Заилийского (Иле) Алатау на юге и от истоков реки Или на востоке до Чуйской долины на западе [Байпаков, 1986: 9]. Центральное положение в современном понимании термина занимает река Или, разделяющая Семиречье на три области — Северо-Восточную (Джунгарский Алатау и Балхаш-Алакольская котловина), Юго-Западную (Чу-Илийское междуречье вплоть до северных склонов Киргизского Алатау и западных отрогов Заилийского Алатау) и Юго-Восточную (северные склоны хребтов Северного Тянь-Шаня).

Рис. 1. Расположение памятников эпохи бронзы на территории Семиречья (Юго-Восточный Казахстан): 1 — положение региона на карте Казахстана; 2 — исследованные памятники эпохи бронзы Семиречья (составлена М. А. Антоновым)

Fig. 1. Location of Bronze Age monuments on the area of Semirechye (South-Eastern Kazakhstan): 1 — position of the region on the map of Kazakhstan; 2 — investigated Bronze Age monuments of Semirechye (compiled by M. A. Antonov)

На предварительной археологической карте памятников эпохи бронзы Семиречья на сегодняшний день представлено 393 объекта, большинство из которых (143) составляют могильники. На 35-ти из них проводились раскопки (рис. 1.-2), которые дали ма-

териал для реконструкции погребальных традиций древнего населения региона [Горячев, Антонов, 2024: 159–161, 170, рис. 1, 8]. Погребальные традиции на современном этапе археологических исследований имеют актуальное значение для изучения хозяйственно-бытового и этнокультурного развития Семиречья в бронзовом веке.

При всем разнообразии погребальных конструкций эпохи бронзы региона (цисты, ящики, грунтовые ямы и их комбинированные формы) ведущими обрядами захоронения являются ингумация и кремация останков умерших, отмеченные во всех видах могил. В ходе исследований выяснено, что кремация останков умерших производилась при низких температурах и, как правило, за пределами погребений. После чего кремированный и/или обугленный прах размещался в разных частях могилы в зависимости от культурно-хронологической атрибуции комплекса (алакульской, федоровской, кульсайской) [Марьяшев, Горячев, 1999: 44–56; Карабаспакова, 2011: 63–76; Горячев, 2008: 44–59; 2013: 3–28; 2020: 99–128].

Особое место в данной погребальной традиции занимают захоронения кремированных останков в керамических урнах, которые встречаются относительно редко и в основном на поздних этапах андроновского периода эпохи бронзы. Между тем полноценной систематизации материалов погребений по обряду трупосожжения в регионе не проводилось. Данные этих исследований актуальны как для реконструкции религиозных верований, так и культурно-исторической интерпретации развития материальной и духовной культуры древнего населения. С этой целью в настоящей работе представлен сравнительный анализ основных элементов погребальных традиций при захоронении умерших по обряду кремации в керамической посуде у населения эпохи бронзы на примере материалов памятников федоровской и кульсайской культур эпохи андроновского периода эпохи бронзы Семиречья.

Методы исследований

В работе рассматриваются материалы наиболее исследованных могильников эпохи бронзы на территории региона, проводится статистический анализ традиции погребальной обрядности с использованием керамической посуды для доставки кремированных останков к месту захоронения и керамических сосудов в качестве погребальных урн. С целью реконструкции историко-культурных процессов в Семиречье выделяются их некоторые типологические особенности и хронологические отличия. При интерпретации способов посмертного обращения с останками умерших систематизируются данные по топографии могильников, выявляются планиграфические и конструктивные детали погребальных сооружений и определяется их место в структуре комплексов. Воссоздание отдельных элементов погребально-поминальных действий и их культурно-хронологическая атрибуция производится на основе установленных артефактов и результатов естественно-научных исследований. Данный подход был ранее обоснован для погребальных комплексов эпохи бронзы отдельных историко-географических микрорайонов [Горячев, 2013: 3; Goryachev, 2004: 109–138; Гасс, Горячев, 2016: 85–87].

Материалы исследований

Захоронения кремированных останков отмечены практически во всех уголках региона за исключением северных отрогов Джунгарского Алатау, незначительная их группа исследована в западных отрогах хребта [Карабаспакова, 2011: 44–112]. Трупосо-

жжение является одной из основных традиций посмертного обращения с умершими в эпоху бронзы на территории Чу-Илийского междуречья, Илийской долины и северных склонов Заилийского и Кунгей Алатау [Марьяшев, Горячев, 1993: 5–19; Горячев, 2020: 99–128].

Ландшафтная ситуация, в которой отмечены погребальные комплексы с захоронениями кремированных останков умерших, в каждом микрорайоне Семиречья отличается определенными признаками. В степной зоне Чу-Илийского междуречья они встречаются во внутригорных долинах на гребнях водоразделов, либо на небольших увалах. Здесь они устраивались у подножия холма или сопки, либо устроены внутри седловин между сопкок (рис. 2.–1,2). В западных отрогах Джунгарского Алатау могильники эпохи бронзы с трупосожжениями зафиксированы по высоким лессовым берегам крупных рек и ручьев внутри или на выходе из горных долин или ущелий (рис. 2.–3).

В предгорной зоне хребтов Узыннора, Заилийского и Кунгей Алатау подобные захоронения отмечены в погребальных комплексах бронзового века на выходе из широких проходных ущелий или по берегам горных рек, текущих в северном или западном направлении (рис. 2.–4, 5). В высокогорной зоне региона они встречаются, как правило, у выхода из узкого каньона ущелья на вершине увалов обрывистых берегов рек, текущих в меридиональных направлениях либо в седловинах или на относительно ровных площадках между сопками (рис. 2.–6, 7).

Удельный вес захоронений по обряду кремации среди общего количества исследованных объектов на памятниках бронзового века существенно отличается в разных историко-географических микрорайонах. У западных отрогов Джунгарского Алатау подобный обряд встречается только в отдельных могилах даже внутри крупных конструкций каменных оград среди захоронений по обряду трупоположения [Карабаспакова, 2011: 63–76]. Здесь их численность не превышает 5%. В Чу-Илийских горах и у западных отрогов Заилийского Алатау, где доминируют степные природно-географические и климатические условия [Аубекеров и др., 2009: 48–58], эти погребальные традиции отмечены гораздо чаще (от 10 до 15% в каждом комплексе). В этом же микрорайоне захоронения с кремацией встречаются, как правило, на периферии погребальных памятников (Ой-Джайляу-III, Тамгалы II), либо составляют отдельные конструкции внутри общего комплекса (Ой-Джайляу-VII и IX, Тамгалы VI, Кожабала I, Мадьярсай I) [Марьяшев, Горячев, 1993: 5–11; Рогожинский, 1999: 7–43; 2011: 174; Горячев, 2013: 3–28; 2020б: 135–151]. В данных районах известны памятники преимущественно смешанной алакульско-федоровской культурной традиции андроновской культурно-исторической общности и позднебронзовые комплексы бегазы-саргаринского типа.

Иная ситуация складывается в восточной части Заилийского Алатау и горной зоне хребтов Узыннора и Кунгей Алатау, которые являлись на протяжении II тысячелетия до н. э. территорией распространения кульсайской культуры [Марьяшев, Горячев, 1999: 44–56; Гасс, Горячев, 2016: табл. 2; Gass, 2016: 51–64]. На сегодняшний день на 6 памятниках в 50 конструкциях (оградах и курганах-оградах) зафиксировано 40 захоронений по обряду кремации, 32 — ингумации и в 12 могилах следов захоронения не обнаружено. Но и среди них соотношение этих погребальных традиций не одинаково.

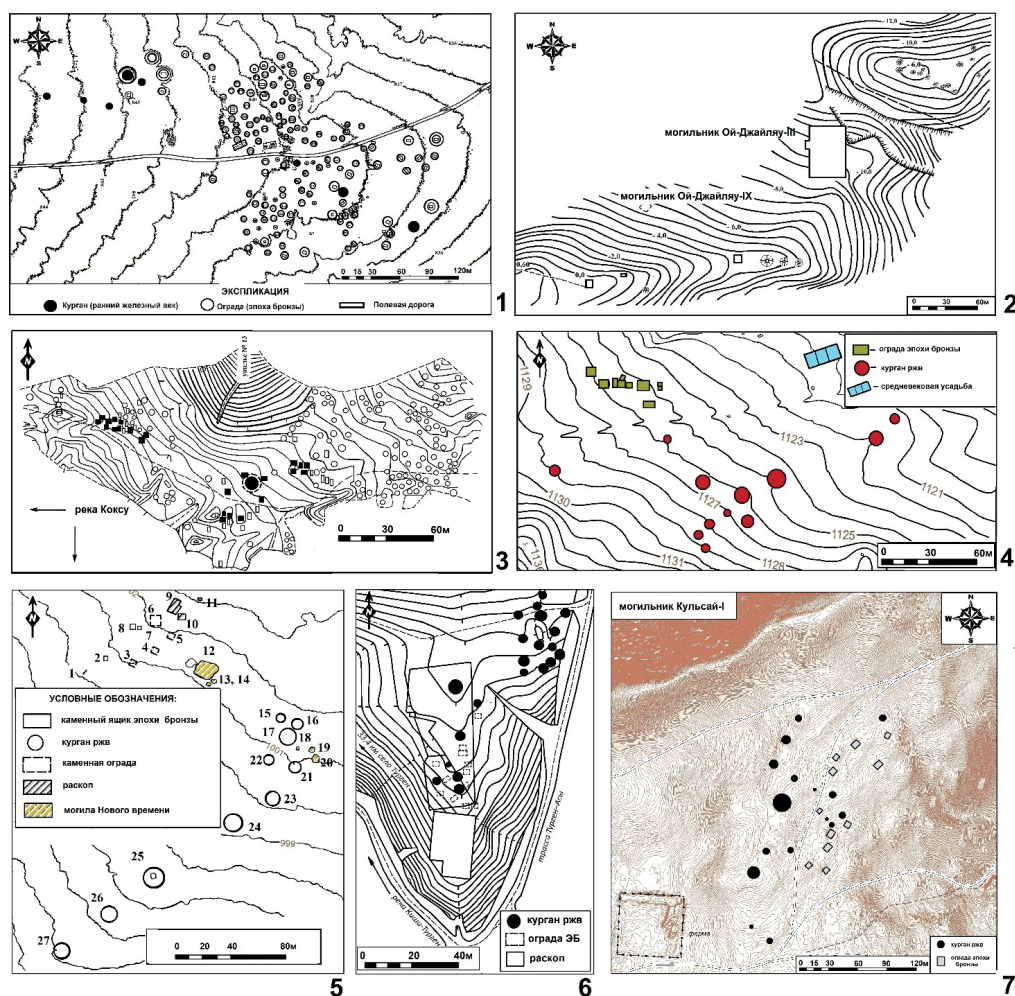

Рис. 2. Топографические планы могильников эпохи бронзы Семиречья с захоронениями по обряду кремации: 1 — Кожабала-I; 2 — Ой-Джайляу-III и IX; 3 — Куйган-II; 4 — Мадыарсай-I; 5 — Анрахай-I; 6 — Кызылбулак-I; 7 — Кульсай-I

Fig. 2. Topographic plans of the Bronze Age burial grounds of Semirechye with cremation burials: 1 — Kozhabala-I; 2 — Oi-Jailau-III and IX; 3 — Kuigan-II; 4 — Magyarsay-I; 5 — Anrakhai-I; 6 — Kyzylbulak-I; 7 — Kulsay-I

В горных районах Кунгей Алатау и хребта Узынкор на 22 захоронения приходится лишь две могилы с некремированными останками детей. Чем ближе памятник располагался к микрорайонам преимущественного распространения культур андроновской общности (Заилийский Алатау), тем выше удельный вес могил с труположением погребенных. На могильнике Кызылбулак-I в верховьях ущелья Тургенъ отмечено 24 могилы с кремированными останками погребенных и 28 с некремированными [Горячев, 2020: 99–117].

Немногочисленную и необычную группу среди захоронений с трупосожжением составляют погребения внутри керамических сосудов. Первые случаи были отмечены при исследовании могильников в Чу-Илийском микрорайоне. Среди материалов могильника Тамгалы VI [Рогожинский, 1999: 32–40]. Внутри урочища в небольшом ящике 1а подквадратной формы (0,3х0,36 м; 3 — В) в юго-восточном секторе могилы (гл. 30) обнаружена нижняя часть крупного сосуда без дна с кремированными костями. Рядом, в северо-западном углу ящика, установлен второй сосуд. Погребальный комплекс вместе с ящиками 1 и 1б был вырублен в скальном грунте (рис. 3.–1, 2). Здесь, как и далее в Чу-Илийском междуречье, высота сосудов с кремированными останками не превышала 12–15 см, диаметр по венчику менее 20 см.

В соседнем ящике 2 (1,53х0,85; гл. 0,65 м; 3 — В), врезанном в скальный массив, с восточной стороны, под плитами, находилось скопление сожжённых костей человека. Среди костей в западной части отмечены фрагменты тонкостенного сосуда черного цвета и древесные угли: в юго-восточном секторе найден обломок серьги с раструбом, покрытый черным налетом. В центре могилы на плите обнаружены фрагменты конечностей овцы (?). В ящике 5 (0,6х0,2 м; гл. 0,35 м; ЮЗ — СВ), устроенном также в скальном массиве, в западном углу могилы зафиксирован на боку крупный обломок сосуда с каменной крышкой. Внутри и рядом с ним находились сожженные кости и мелкие угли [Рогожинский, 1999: 33].

В этом же микрорайоне в горах Киндыктас среди материалов могильника Ой-Джайляу — IX в структуре ограда размерами 4,5х4,5 м отмечены два захоронения по обряду кремации (рис. 3.–3,4). Погребение 2 в каменной пристройке к ограде с юго-восточной стороны совершено в каменном ящике квадратной формы (0,5х0,5 м; гл. 0,4 м; ЮЗ — СВ). На дне могилы установлены два керамических сосуда, внутри одного из них, наиболее крупного по параметрам, обнаружены кремированные останки человека (рис. 3.–5, 6). В южной части могильника Ой-Джайляу-III отмечена серия подобных каменных ящиков и цист, в которых кальцинированные кости погребенных (одиночных и коллективных захоронений) зафиксированы в виде скопления, похожего по форме на перевернутый керамический сосуд.

К данной категории в Чу-Илийском междуречье отнесены плотные скопления кремированных останков полусферической формы, найденные, как правило, у западной или северной стенок, реже по центру могилы (рис. 3.–7, 8). Их параметры (диаметр 15–18 см, высота 12–15 см) соответствуют внутреннему объему погребальной керамической посуды в этом микрорайоне. В некоторых случаях прах зафиксирован в слегка рассыпанном состоянии, но основное ядро скопления соответствует форме и размерам горшководных сосудов.

Соотношение количества захоронений по обрядам ингумации и кремации в могильниках у западных отрогов Джунгарского Алатау неоднозначно. Отдельных конструкций (курганов, оград) с кремированными останками не отмечено. В некоторых случаях оба обряда встречаются внутри одной ограды, иногда в одной могиле. В могильнике Куйган-II (объект 19) встречаются два костяка, покрытые охрой: один помещен в цисту-ящик, здесь же зафиксирован сосуд, орнаментированный треугольниками, второй обнаружен в ящике, северная стенка которого изнутри укреплена тремя стелами.

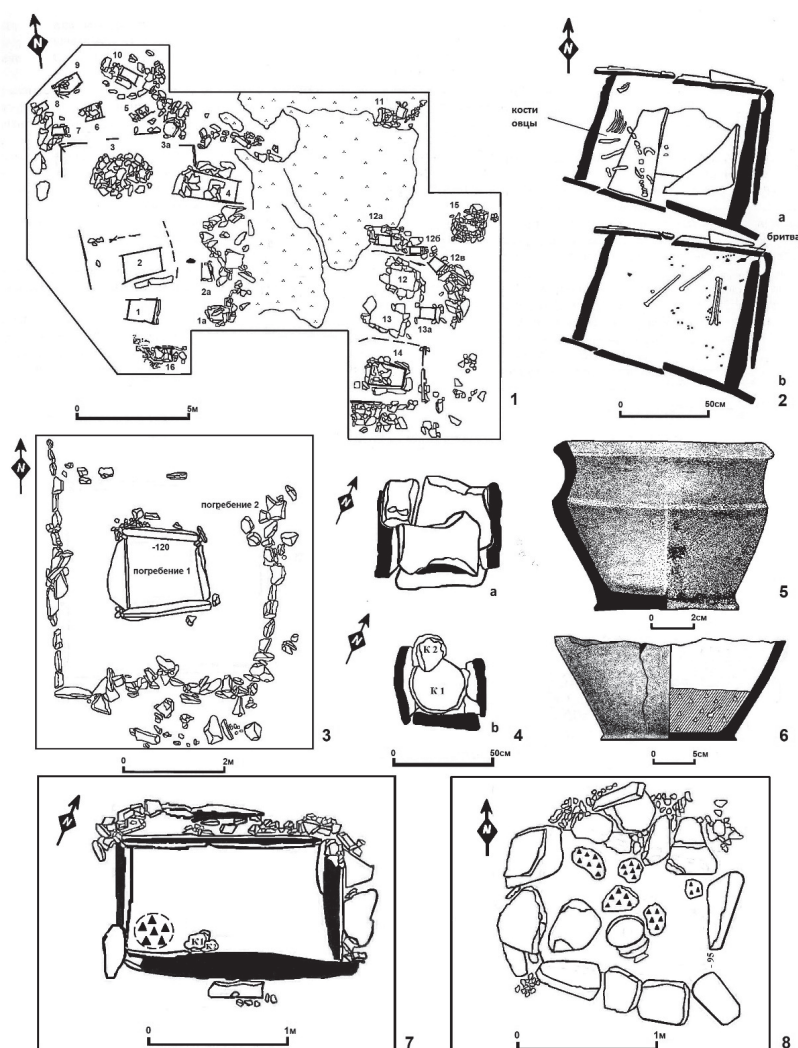

Рис. 3. Погребальные конструкции и инвентарь могильников эпохи бронзы Чу-Илийских гор: 1 — общий план, 2 — могила 1, Тамгалы 6 [Рогожинский, 1999]; 3–6 — Ой-Джайляу-IX; 7, 8 — Ой-Джайляу-III

Fig. 3. Funerary structures and inventory of Bronze Age burial grounds of the Chu-Ili Mountains: 1 — overall plan), 2 — grave 1, Tamgaly 6 [Rogozhinsky, 1999]; 3–6 — Oi-Jailau-IX; 7, 8 — Oi-Jailau-III

В одном случае кальцинированные кости скелета лежали внутри перевернутого вверх дном сосуда и рядом с ним на дне могилы [Карабаспакова, 2011: 69, 76]. Здесь же в ограде 21, разделенной на три секции, среди погребений по обряду ингумации выявлено подобное захоронение двух индивидуумов в цисте 2 под перевернутым керамическим горшком. В этом же памятнике зафиксировано совместное захоронение по обрядам ингумации и кремации (ограда 23), кальцинированные кости одного по-

гребенного представляли собой скопление в виде перевернутого керамического сосуда [Goryachev, 2004: Figure 4.8].

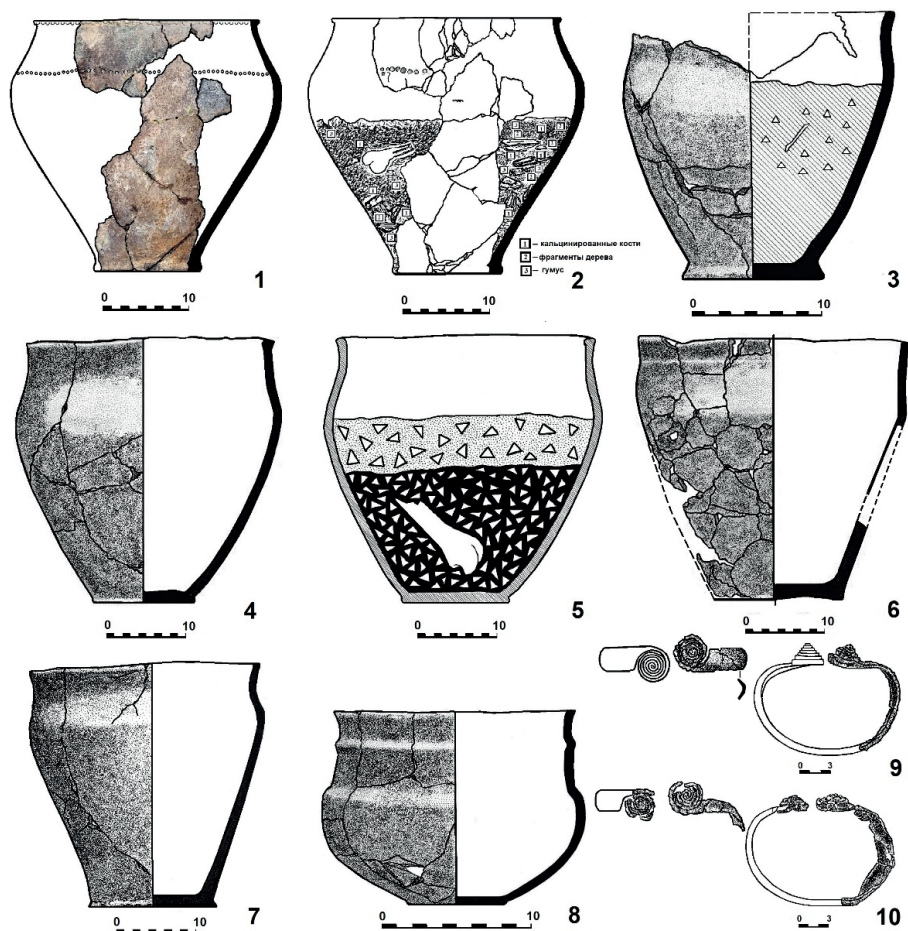

Рис. 4. Керамические сосуды с кремацией и погребальный инвентарь эпохи бронзы юго-восточных районов Семиречья: 1–2 — случайная находка на северном побережье Капчагайского водохранилища; 3–10 — могильник Кызылбулак-I в верховьях ущелья Тургень
 Fig. 4. Ceramic vessels with cremation and funerary inventory of the Bronze Age of the south-eastern regions of Semirechye: 1–2 — accidental discovery on the northern coast of the Kapchagaj reservoir; 3–10 — Kyzylbulak-I burial ground in the upper reaches of the Turgen gorge

В юго-восточной части Семиречья — от долины реки Или до высокогорных плато хребтов Узынкор, Заилийского и Кунгей Алатау — располагается зона распространения памятников кулсайской культуры. Здесь захоронения кремированных останков человека отмечены в другой планиграфической ситуации. Так, на северном побережье Капчагайского водохранилища случайно орнитологом П. В. Пфандером были обнаружены фрагменты разрушающегося конического керамического горшка (d — 35–40 см,

гл. 30–35 см) в грунтовой яме глубиной 50–70 см с кремированными останками погребенного (рис. 4.–1, 2). Там же найдены фрагменты мелких костей животных и древесного тлена от плах из тяньшанской ели.

После реконструкции сосуд представлял собой горшок высотой 29,8 см и диаметром венчика — 27,2 см. Его стенки декорированы двумя линейными орнаментами в виде точечных вдавлений округлой заостренной палочкой с равномерным ритмом, где диаметр углублений 3–4 мм равен расстоянию между ними. В сосуде, помимо костей, обнаружены фрагменты древесных угольков, деревянной плашки перекрытия и останков мелкого рогатого скота.

Более выраженную серию таких сосудов удалось зафиксировать в материалах южной части могильника Кызылбулак-I [Горячев, 2020: 99, 102, 105, 113], находящегося в верховьях ущелья Киши-Турген. Здесь из 24 погребений по обряду кремации три связаны с их захоронением в керамической посуде или грунтовой яме с глиняной обмазкой. На самой южной периферии памятника в юго-восточном углу каменной конструкции ограды 1 в грунтовой яме (d — 30 см, гл. 50 см) зафиксирован керамический сосуд К-9 очень плохой сохранности. При реконструкции выяснилось, что это неорнаментированный горшок (h — 20,3 см, d — 22,6 см). Внутри его развалившихся частей были собраны кремированные останки женщины 20–25 лет и фрагменты древесных угольков (рис. 4.-3).

В ограде 10 в 1 м к северу от могильной ямы и практически в ее стенке на глубине 70 см отмечен керамический сосуд массивных форм К-4, вкопанный вертикально и закрытый сверху каменной выкладкой (рис. 4.–4, 5). При его реконструкции параметры горшка составляли в высоту 32,3 см, диаметр венчика — 34,8 см. Как и остальные он был плохой сохранности, внутри содержал большое количество кремированных костей двух погребенных — мужчины и женщины 30–50 лет. В этой же ограде на глубине 70 см при расчистке границ юго-восточного угла могильной ямы за ее пределами зафиксирован керамический сосуд К-5 горшковидной формы (рис. 4.-6). Сверху он был накрыт тремя керамическими плитками, снизу укреплен мелкими камнями-подпорками. При расчистке из-за чрезмерно рыхлого теста горшок практически развалился. После его реконструкции выяснены параметры сосуда (h — 29,4 см, d — 28,7 см). Внутри не зафиксировано кремированных останков человека, но положение горшка и способ его изготовления полностью соответствовал аналогичным захоронениям на памятнике. В восточном углу ограды 10 внутри грунтовой ямы (d — 40 см, гл. 40 см) обнаружен вкопанный керамический сосуд К-3 (h — 24,3 см, d — 25,1 см), укрепленный снизу камнями-подпорками (рис. 4.-7). В 3 м к востоку от него под массивной каменной плитой найден в развале керамический сосуд К-10 с раздутым туловом и наименьшими параметрами среди всей серии (h — 12 см, d — 15,1 см) (рис. 4.-8).

К этой же серии погребений условно можно присоединить захоронение к югу от центральной могильной ямы в ограде 40. Под округлой каменной выкладкой (d — 30 см) в грунтовой яме (гл. 15 см) с обмазанными глиной стенками найдены кремированные кости женщины 18–20 лет. В их скоплении зафиксированы фрагменты древесных угольков и детали двух оплавленных браслетов (рис. 4.–9, 10). Подобная ситуация представляется как захоронение в условном «глиняном сосуде». Во всех случаях в верх-

них слоях сосудов и грунтовых ям фиксируются следы древесного тлена тяньшанской ели. Вероятно, после помещения останков в могилу сверху она перекрывалась плахой-горбылем, соответствующей ее параметрам.

Сосуды этой серии (кроме К 10) отличаются от остальной керамики погребального комплекса массивными формами и техникой изготовления методом ручной лепки. Их формовочная масса предельно отощена дресвой, керамическое тесто также включало некоторое количество органики. Судя по состоянию черепка, характеру и равномерности окраса его поверхности в результате прокала, можно предположить, что обжиг производился в окислительной среде в печи или на костре под температурой порядка 600–700 °С. Указанная температура держалась недостаточное время для полного выгорания органики. Поверхности сосудов, как снаружи, так и внутри, имеют характерный, но неяркий терракотовый цвет. Внутренняя часть их оставалась чёрной и темно-серой. Высокий процент содержания дресвы в тесте делал стенки сосудов после обжига слабыми и рыхлыми. При небольшом воздействии они крошатся, местами внешняя поверхность на фрагментах отслоилась. Из этого следует, что сосуды изначально изготавливались для их использования только в погребальном ритуале [Чернов, 2021: 199–208].

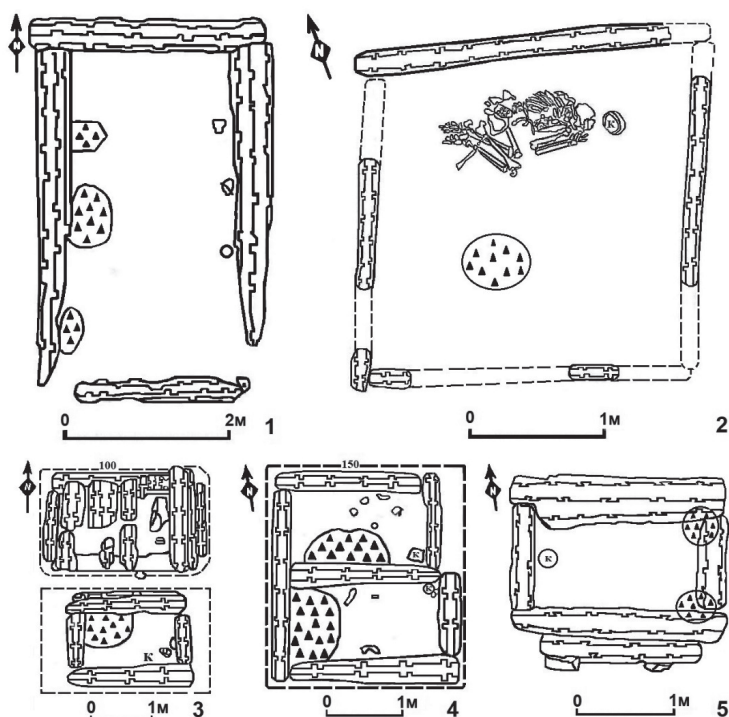

Рис. 5. Погребальные конструкции кульсайского типа эпохи бронзы юго-восточных районов Семиречья: 1 — Кульсай-I; 2–5 — Кызылбулак-I

Fig. 5. Funerary constructions of the Kulsai type of the Bronze Age in the south-eastern regions of Semirechye: 1 — Kulsai-I; 2–5 — Kyzylbulak-I

Зафиксирован факт, что практически во всех исследованных могилах кульсайской культурной традиции Юго-Восточного Семиречья (Кызылбулак-I, II; Узынбулак-I; Кульсай-I) кремированные останки погребенных, где бы они ни располагались, представляют собой плотное скопление кальцинированных костей (иногда слегка расплывшееся) полусферической формы диаметром от 10–12 до 20–25 см и высотой до 20 см (рис. 5.-1–5). Как и в соседнем регионе, они напоминают перевернутые керамические сосуды, что позволяет предполагать перенос праха умерших в них к месту захоронения. При исследовании археологических памятников эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и в устье горной реки Кульсай были зафиксированы места кремации умерших и прослежен маршрут до погребального комплекса [Горячев, 2015: 209–214].

Обсуждение и результаты

Культурно-хронологическое определение данной группы захоронений затруднительно в силу того, что содержащиеся в них материалы не подлежат датированию естественно-научными методами. Некоторым исключением стали отдельные захоронения кульсайской группы в юго-восточной части региона, устроенные внутри могил, сооруженных из бревен тяньшанской ели. Поэтому время их появления определяется общими данными самого памятника и планиграфическим положением объектов на погребальных комплексах.

Ранее проведенные исследования показали, что все памятники Чу-Илийского междуречья, где отмечены подобные захоронения, датируются различными этапами андроновского периода эпохи бронзы Семиречья [Марьяшев, Горячев, 1993: 5–11; Рогожинский, 2011: 174, рис. 140; Горячев, 2020а: 139, табл. 1]. Периферийное положение таких захоронений внутри отдельных комплексов позволяет отнести основную серию захоронений кремированных останков в данном микрорайоне, в том числе и в керамической посуде, к позднеандоновскому этапу, где преимущественное развитие получили федоровские культурные традиции погребального обряда.

Изучение кульсайских памятников на северных склонах хребтов Заилийский и Кунгей Алатау показало более широкие хронологические рамки существования традиции использования керамической посуды в ритуале доставки праха умерших к погребальному комплексу, а также в некоторых случаях и захоронения в ней. Данные по абсолютной хронологии позволяют датировать эти памятники в пределах XIX–XIV\XIII вв. до н. э. [Гасс, Горячев, 2016: 112–113, табл. 1, 2; Gass, 2016: 61].

На могильнике Кызылбулак-I захоронения в керамических урнах и их имитации являлись впускными подзахоронениями тех групп погребений, которые отнесены к XV–XIV вв. до н. э. По новой системе периодизации культур бронзового века Семиречья фактически относятся к периоду общности культур валиковой керамики, что отчасти подтверждается формой сопровождающего одного из захоронений керамического сосуда K10 (рис. 4.-8). В другом случае в качестве инвентаря среди кремированных останков впускного погребения в ограде 40 обнаружены фрагменты бронзовых браслетов (рис. 4.-9, 10) смешанной алакульско-федоровской культурной традиции (на данном памятнике отмечены регулярно). Подобные браслеты известны в материалах могильников андроновского периода Центрального и Северного Казахстана, Средней Азии, Южного Зауралья и Западной Сибири [Кузьмина, 1966: табл. XVIII; Аванесова, 1991:

рис. 52; Маргулан, 1979: 316, рис. 229; Молодин, 1985: 64, рис. 31.-1–8; Потемкина, 1985: рис. 88.–10, 11; Зданович, 1988: табл. 10Б, 7, 15; 10В, 18; Кадырбаев, Курманкулов, 1992: 84, 86; Ткачев, 2002: 247, рис. 69.-25–26, 30–31; Parzinger, 2006: 361, abb. 117.-20]. Они относятся к различным культурным традициям АКИО, но основная их серия соотносится специалистами с позднеандроновским временем.

Таким образом, использование керамической посуды в погребальных традициях происходило на всех этапах развития кульсайских памятников, а применение горшководных сосудов в качестве погребальных урн отмечено во второй половине II тыс. до н. э.

Среди погребальных комплексов ближайших сопредельных территорий захоронения в керамических урнах встречаются единично на территории Центрального Казахстана, где известны отдельные погребения среди материалов могильников Шет-I (ограда 3), Сангру-II (ограда 10) и Уйтас-Айдос (могилы 3, 4 в ограде 2) [Кадырбаев, Курманкулов, 1992: 90, 109; Усманова, Варфоломеев, 1998: 47; Кукушкин, 2019: 57–58]. В Северном Казахстане керамический сосуд в развале с пережженными костями обнаружен в материалах могильника Бурлук-I (ограда 9) [Зданович, 1988: 87]. Керамическая посуда с кремацией соответствует по параметрам аналогичным на территории Чу-Илийского междуречья и обнаружена в могильных сооружениях разного типа — ящиках, грунтовых ямах и цистах. В этих же памятниках и ряде новых погребальных комплексов федоровской культурной традиции Сары-Арки отмечены плотные скопления кальцинированных костей скелетов, однако авторами не указывается их форма в виде перевернутого керамического сосуда [Кадырбаев, Курманкулов, 1992: 72, 109–115; Кукушкин, Жусупов, Дмитриев, 2017: 48–56].

Для Минусинской котловины в эпоху бронзы случаи кремации крайне редки и отмечены только в материалах крупных погребальных комплексов Сухое озеро I, Улус Подкунинский, Орак и Усть-Ерба [Максименков, 1978: 16–45]. Столь же единичны захоронения кремированных останков на территории Восточного Казахстана и Алтая (4–5%) [Черников, 1960: 13–18; Молодин, 1985: 105–108; Кирюшин, Папин, Федорук, 2015: 42–49]. Использование обряда кремации в большей степени зафиксировано в Южном Зауралье и Кузнецкой котловине [Оразбаев, 1958: 247–252; Хлобыстина, 1973: 53–55; Потемкина, 1985: 226, 239; Бобров, Михайлов, 1989: 52–53; Бобров, 2013: 88–89].

В западной части могилы кургана 6 могильника Сухомесовский (Южное Зауралье) обнаружено глиняное блюдо с кремированными останками человека [Андроновская культура, 1966: 33; Сотникова, 2014: 192]. Некоторые аналогии конструктивным деталям могил кульсайского типа в Семиречье имеются среди западносибирских погребальных комплексов (крепление деревянных бревен «в лапу» и сплошное перекрытие из плах) [Савинов, Бобров, 1995: 88; Сотникова, 2014: 190]. Отмечен ряд могил с совместными захоронениями разных костяков по обрядам кремации и ингумации [Хлобыстина, 1988: 20–27; Бобров, 2005: 60–63]. Это позволило специалистам выделять в регионе трупосожжение как особую черту погребального обряда [Косарев, 1981: 117].

В южном направлении от региона на сопредельных территориях Северной Киргизии и Центрального Тянь-Шаня обряд трупосожжения занимает значительное место в погребальной практике древнего населения эпохи бронзы [Бернштам, 1949: 340–344;

Кожемяко, 1960: 81–102; Абетеков, 1963: 93–95; Галочкина, 1977: 30–38; Виноградова, Кузьмина, 1986: 133–134]. В некоторых исследованных комплексах у северных склонов Киргизского Алатау и в долине Кетмень-Тюбе количество захоронений с кремацией преобладало над обрядом ингумации. Отмечается, что в различных частях могил в виде каменных ящиков или грунтовых ям (гл. до 1,5 м) находятся плотные скопления сожженных костей, погребенных и сосуды, но их форма не уточняется.

Помимо параллелей в андроновских комплексах Семиречья и Центрального Казахстана, специалисты обращают внимание на их схожесть с захоронениями по обряду кремации в Средней Азии [Бернштам, 1952: 20; Галочкина, 1977: 32, 36; Виноградова, Кузьмина, 1986: 134–135]. Здесь отмечена целая серия объектов в погребальных памятниках, которая предполагается специалистами связанной с продвижением с севера степных скотоводческих андроновских (федоровских) племен во второй половине II тысячелетия до н. э. [Мандельштам, 1968: 96–108; Аванесова, 2013: 18–20]. Среди них прослеживаются некоторые аналогии в группе погребений с трупосожжением могильников кульсайской группы Семиречья в материалах Раннего Тулхарского могильника в Южном Таджикистане и Бустон VI на юге Узбекистана. В материалах последнего обнаружены две керамические урны с кремированными останками погребенных [Аванесова, 2013: 19]. В Раннем Тулхарском могильнике важно размещение в могилах с кремацией керамики, высушенной на солнце, что сближает их с сосудами кульсайских памятников, изготовленных без прямого обжига [Мандельштам, 1968: 108]. Здесь же отмечено расположение погребений с кальцинированными останками людей на южной периферии памятника, что характерно для основной части захоронений погребальных комплексов Чу-Илийских гор.

Всего на территории Семиречья в могильниках эпохи бронзы выявлено 10 случаев, где кремированные кости погребенных (12) обнаружены в могилах внутри керамических урн. В каждом микрорайоне такие захоронения зафиксированы только в одном-двух могильниках среди серии (до 5–6) рядом расположенных (в Джунгарском Алатау — Куйган-II; в Чу-Илийских горах — Тамгалы-VI и Ой-Джайляу-IX; в Юго-Восточном Семиречье — Кызылбулак-I и побережье Капчагайского водохранилища). Из всей группы исследованных захоронений этого периода они составляют около 2%, что говорит о редкости применения данной практики в погребальных традициях древнего населения. Ситуация повторяется на сопредельных с регионом территориях в рамках тех же позднеандроновского этапа и периода поздней бронзы.

На территории Семиречья детали погребального обряда для различных микрорайонов различаются определенным образом. Так, кремированные останки в урнах на могильнике Куйган-II зафиксированы только в цистах внутри сосудов, установленных в перевернутом виде. В Чу-Илийских горах урны устанавливались в ящиках и ящиках-цистах и, вероятно, перекрывались каменными плитками. На Капчагае и в высокогорной зоне Заилийского Алатау вырывалась грунтовая яма по параметрам керамических урн, на порядок превышающих сосуды из других микрорайонов. Сосуды накрывались каменными плитками, яма перекрывалась плахой-горбылем.

Эти различия, вероятно, связаны с культурной атрибуцией памятников степных районов Юго-Западного и Северо-Восточного Семиречья, которые относятся к федо-

ровской группе андроновского хронологического горизонта. Устройство могил и традиции захоронения в керамических сосудах Чу-Илийского междуречья и Приджунгарья в большей степени обнаруживают аналогии в материалах бронзового века Центрального, Северного Казахстана, Южного Зауралья и юга Западной Сибири. В горной зоне Юго-Восточного Семиречья кульсайские традиции вместо обжига для придания прочности стенкам керамических урн засыпания их остывающей золой и расположения в грунтовых ямах больше соответствуют материалам среднеазиатских могильников, где вместо обжига их сушили на солнце. Тем не менее, в некоторых аспектах в регионе эти традиции перекликаются. Грунтовые могилы с древесными конструкциями известны в Северном Казахстане и Западной Сибири, а сосуд из могильника Ой-Джайляу-IX по параметрам в целом виде похож на кульсайские. Но перед захоронением керамической урне были приданы параметры, характерные для данного обряда в Чу-Илийском микрорайоне.

В Семиречье применение в погребальном ритуале керамики для доставки праха умерших к месту захоронения, вероятно, было более широко распространено. Об этом свидетельствуют материалы могильников кульсайской культуры, где за редким исключением основная часть скоплений кальцинированных костей погребенных демонстрируют форму перевернутого сосуда, даже если в последующем этот прах рассыпается. В предгорьях Джунгарского Алатау ритуал отмечен с оставлением посуды после ее помещения в могилы. В Чу-Илийских горах подобные свидетельства более редки, достоверно отмечены в отдельных могилах комплексов Ой-Джайляу-III и VII, Мадьярсай-I и Тамгалы-VI. В основном здесь фиксируются следы неполной кремации, либо прах рассыпался по дну погребения (в основном в центральной его части). Следов сооружения «куклы» для кремированных останков и их положения в могилу в анатомическом порядке, как это отмечается в сопредельных регионах, не зафиксировано.

Заключение

Несмотря на то, что статистический анализ погребений в керамических урнах показывает в первую очередь современное состояние исследованности региона, их редкость свидетельствует о необычности данной ритуальной практики в религиозных традициях населения эпохи бронзы Семиречья. Появление подобного варианта погребального обряда кремации в эпоху бронзы в определенной степени связано с обычаем доставки праха умерших к месту захоронения в керамическом сосуде. Наибольшее распространение эта традиция получила в кульсайских памятниках горной зоны Юго-Восточного Семиречья. Появление данной практики в погребальных традициях соседних микрорегионов, прежде всего в степной зоне Чу-Илийского междуречья, связано с взаимодействием и взаимовлиянием их населения на позднеандоновском (федоровском) этапе и в период развития Общности культур валиковой керамики (ОКВК).

Различия в погребальной обрядовой практике и выделение в ней захоронений в керамических урнах связаны с религиозным мировоззрением древнего населения региона [Кукушкин, 2018: 87–98; 2019: 54–65]. Семантический аспект данных традиций важен для понимания их особенностей и составляет перспективу дальнейших исследований религиозного-мифологических представлений населения эпохи бронзы Семиречья.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках ПЦФ Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан на 2023–2025 гг. «Древность и средневековые Алматы: исследование и сохранение археологического наследия» (ИРН № BR21882346).

Acknowledgements and funding

The work was carried out within the framework of PTF from the Scientific Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan for 2023–2025 «Ancient and Middle Ages of Almaty: Research and Preservation of Archaeological Heritage» (IRN № BR21882346).

Список сокращений

АКИО — Андроновская культурно-историческая общность
АН СССР — Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АН КазССР — Академия наук Казахской Советской Социалистической Республики
АН КиргССР — Академия наук Киргизской Советской Социалистической Республики
ГРВА — Главная редакция Восточной литературы
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МИА — Материалы и исследования по археологии
МИЦАИ — Международный институт центральноазиатских исследований.
НГУ — Новосибирский государственный университет
НИЦИА — Научно-исследовательский центр по истории и археологии
ОКВК — Общность культур валиковой керамики
ПЦФ — Программно-целевое финансирование
РА — «Российская археология»
СА — «Советская археология»
ТюмГНГУ — Тюменский государственный нефтегазовый университет

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абетеков А. Погребения эпохи бронзы могильника Тегирмен-сай // Краткие сообщения института археологии. 1963. Вып. 93. М. : Изд-во Академии наук СССР. С. 93–95.
- Аванесова Н.А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд : Изд-во МИЦАИ, 2013. 640 с.
- Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям). Ташкент : ФАН, 1991. 200 с.
- Андроновская культура. Памятники западных районов / сост. В.С. Сорокин // Свод археологических источников. М. ; Л. : Наука. Ленингр. отд., 1966. Вып. 3–2. 65 с.
- Аубекеров Б.Ж., Сала Р., Нигматова С., Деом Ж.-М. Климат, ландшафты и исторические события эпохи кочевников на территории Казахстана (зарождение, расцвет и затухание кочевничества) // Научные чтения памяти Н.Э. Масанова : материалы науч.-практ. конф. (Алматы, 25–26 апреля 2008 г.). Алматы : Дайк-Пресс, 2009. С. 48–58.

Байпаков К. М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья (VI — начало XIII в.). Алма-Ата: Наука, 1986. 256 с.

Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // Материалы и исследования по археологии СССР. № 26. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 348 с.

Бернштам А. Н. Основные этапы истории культуры Семиречья и Тянь-Шаня // Советская археология. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. XI. С. 337–384.

Бобров В. В. «Биритуализм» андроновского погребального обряда — нетрадиционная форма развития культуры // XIII Западносиб. археол.-этногр. совещание. Томск : Томский ун-т, 2005. С. 60–63.

Бобров В. В. Характеристика андроновской культуры Кузнецко-Салаирской горной области // Известия Иркутского государственного ун-та. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2. С. 84–92.

Бобров В. В., Михайлов Ю. И. Памятники андроновской культуры в Обь-Чулымском междуречье. Кемерово : КемГУ, 1989. 198 с.

Виноградова Н. М., Кузьмина Е. Е. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы // Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М. : Наука, ГРВА, 1986. С. 126–151.

Галочкина И. Г. Новые данные об исследовании памятников эпохи бронзы // Кетмень-Тюбе. Археология и история. Фрунзе: Илим, 1977. С. 30–38.

Гасс А., Горячев А. А. К вопросу о типологии и хронологии могильников эпохи бронзы в высокогорной зоне Заилийского Алатау // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 5. С. 85–123.

Горячев А. А. Могильник бронзового века Мадьярсай-I // Теория и практика археологических исследований. 2020. № 1. С. 135–151.

Горячев А. А. Погребальные комплексы бронзового века Хантауского транзитного коридора // Хантауский транзитный коридор в эпоху палеометалла. ИАС. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020а. Вып. 7. С. 135–157.

Горячев А. А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2020б. 260 с.

Горячев А. А. К вопросу об устройстве древних храмов эпохи бронзы в горной зоне Заилийского Алатау // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 209–214.

Горячев А. А. О погребальных традициях племен поздней бронзы урочища Ой-Джайлау в Чуилийских горах // Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе. Барнаул : Азбука, 2008. Вып. II. С. 44–59.

Горячев А. А. О погребальных традициях племен эпохи бронзы Шуилийских гор // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2013. № 3. С. 3–28.

Горячев А. А., Антонов М. А. Памятники эпохи бронзы Жетысу: результаты апробации метода геопространственного моделирования (Юго-Восточный Казахстан) // Археология Казахстана. 2024. № 1. С. 154–179.

Зданович Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск : Уральский ун-т, 1988. 184 с.

Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата : Гылым, 1992. 250 с.

Карабаспакова К. М. Жетысу и Южный Казахстан в эпоху бронзы. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. 220 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Федорук О. А. Андроновская культура на Алтае (по материалам погребальных комплексов). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 108 с.

Кожемяко П. И. Погребения эпохи бронзы в Киргизии // Известия АН КиргССР. Серия: Общественные науки. Фрунзе, 1960. Т. II. Вып. 3. С. 81–107.

Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М. : Наука, 1981. 278 с.

Кузьмина Е. Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М. : Наука, 1966. 139 с.

Кукушкин И. А. Мировоззрение и традиции населения андроновской историко-культурной общности (по данным погребальной обрядности) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. Вып. 5. С. 87–98.

Кукушкин И. А. Обряд кремации у андроновского (федоровского) населения: семантический аспект // Российская археология. 2019. № 4. С. 54–65.

Кукушкин И. А., Жусупов Д. С., Дмитриев Е. А. Могильник Акшоки — новый памятник в системе андроновских древностей Сарыарки // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2. С. 48–56.

Максименков Г. А. Андроновская культура на Енисее. Л. : Наука, 1978. 190 с.

Мандельштам А. М. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // Труды Таджикской археологической экспедиции Института археологии АН СССР и Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР. Л. : Наука, 1968. 184 с.

Маргулан А. Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата : Наука КазССР, 1979. 360 с.

Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // Российская археология. 1993. № 1. С. 5–20.

Марьяшев А. Н., Горячев А. А. Памятники кульсайского типа в горной зоне Семиречья // История и археология Семиречья. Алматы : Фонд «XXI век», 1999. С. 44–56.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск : Наука, 1985. 200 с.

Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды истории, археологии и этнографии. Т. V: Археология. Алма-Ата : Изд-во АН КазССР, 1958. С. 216–279.

Потемкина Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М. : Наука, 1985. 376 с.

Рогожинский А. Е. Могильники эпохи бронзы урочища Тамгалы // История и археология Семиречья. Алматы : Фонд «XXI век», 1999. С. 7–43.

Рогожинский А. Е. Петроглифы археологического ландшафта Тамгалы. Алматы : Signet Print, 2011. 346 с.

Савинов Д. Г., Бобров В. В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман I в Западной Сибири // Археологические вести. 1995. № 4. С. 83–90.

Сотникова С. В. Андроновские (федоровские) погребения с кремацией и вертикально установленными объектами (по материалам Юго-Западной Сибири) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. № 10. Ч. III. Тамбов : Грамота, 2014. С. 189–194.

Ткачев А. А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : Изд-во ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 288 с.

Усманова Э. Р., Варфоломеев В. В. Уйтас-Айдос — могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Вып. 2. Алматы ; Москва : Гылым, 1998. С. 46–60.

Хлобыстина М. Д. Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей // Советская археология. 1973. № 4. С. 50–62.

Хлобыстина М. Д. Биритуальные погребения Евразийской степи в бронзовом веке // Краткие сообщения института археологии. 1988. Вып. 193. С. 20–27.

Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 88. М. ; Л. : АН СССР, 1960. 285 с.

Чернов М. А. К вопросу о специализации погребальной керамики эпохи бронзы по материалам могильника Тесик-I // Маргулановские чтения-2021 : материалы Междунар. науч.-практ. конференции. Алматы, 26–27 октября 2021 г. Алматы : Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2021. Т. III. С. 199–208.

Ши Ханьда. Андроновцы на Восточном Памире: к вопросу хронологии и происхождения могильника Сябаньди АП в Синьцзяне (Китай) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. № 3. С. 40–54.

Goryachev A. A. Charter IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechye // Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River. The Edwin Mellen Press. Lewiston, New York, 2004. P. 109–138 (in English).

Gass A. [Гасс А.] Das Siebenstromland zwischen Bronze- und Früheisenzeit [Семиречье между бронзовым и ранним железным веком]. Berlin: De Gruyter Open, 2016. 546 p. (на нем. языке).

Parzinger H. [Парцингер Г.] Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter [Ранние народы Евразии. От неолита до средневековья]. München, 2006. P. 446–519 (на нем. языке)

References

Abetkov A. Pogrebeniya epokhi bronzy mogil'nika Tegirmen-sai [Bronze Age burials of the Tegirmen-sai burial ground]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Summary reports of the Institute of Archaeology]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1963, iss. 93, pp. 93–95 (in Russian).

Aubekero B. Zh., Sala R., Nigmatova S., Deom Zh.-M. Klimat, landshafty i istoricheskie sobytiia epokhi nomadov na territorii Kazakhstana (zarozhdenie, rastsvet i zatukhanie nomadizma) [Climate, landscapes and historical events of the Nomadic era in Kazakhstan (origin, blossoming and fading of nomadism)]. *Nauchnye chteniya pamyati N. E. Masanova: materially nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Scientific readings in memory of N. Masanov]. Almaty: Daik-Press, 2009, pp. 48–58 (in Russian).

Avanesova N. A. *Buston VI — nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoi Baktrii* [Buston VI — the necropolis of the fire-worshippers of pre-urban Bactria]. Samarkand: Izd-vo MITSAL, 2013, 640 p. (in Russian).

Avanesova N. A. *Kul'tura pastusheskikh plemen epokhi bronzy aziatskoi chasti SSSR (po metallicheskim izdeliyam)* [Culture of pastoral tribes of the Bronze Age of the Asian part of the USSR (on metal products)]. Tashkent: Izd-vo FAN, 1991, 200 p. (in Russian).

Baipakov K. M. *Srednevekovaya gorodskaya kul'tura Yuzhnogo Kazakhstana i Semirech'ya (VI — nachalo XIII v.)* [Medieval urban culture of South Kazakhstan and Semirechye (6th — beginning of 13th)]. Alma-Ata: Nauka, 1986, 256 p. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Istoriko-arkheologicheskie ocherki Tsentral'nogo Tian' — Shania i Pamiro-Alaia* [Historical and archaeological sketches of the Central Tien-Shan and Pamir-Alai]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Research in Archaeology]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1952, no. 26, 348 p. (in Russian).

Bernshtam A. N. *Osnovnye etapy istorii kul'tury Semirech'ya i Tian' — Shanya* [The main stages of the cultural history of Semirechye and Tien Shan]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949, vol. XI, pp. 337–384 (in Russian).

Bobrov V. V. “Biritualizm” andronovskogo pogrebal'nogo obryada — netraditsionnaya forma razvitiya kul'tury [“Biritualizm” of Andronovo funeral rites — an unconventional form of cultural development]. *XIII Zapadnosib. arkheologo-etnograficheskoe soveshchanie* [13th West Siberian Archaeological and Ethnographic Meeting]. Tomsk: Tomskii un-t, 2005, pp. 60–63 (in Russian).

Bobrov V. V. *Kharakteristika andronovskoi kul'tury Kuznetsko-Salairskoi gornoj oblasti* [Characterization of the Andronovo culture of the Kuznetsk-Salair mountainous region]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [News of the Irkutsk State University. Series: Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology]. 2013, no. 2, pp. 84–92 (in Russian).

Bobrov V. V., Mikhailov Yu. I. *Pamyatniki andronovskoi kul'tury v Ob' — Chulymskom mezhdureche* [Monuments of the Andronovo culture in the Ob-Chulym interfluvium]. Kemerovo: KemGU, 1989, 198 p. (in Russian).

Chernikov S. S. *Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [East Kazakhstan in the Bronze Age]. *Materialy i Issledovaniya Po Arkheologii SSSR* [Materials and Research in Archaeology]. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1960, no. 88, 285 p. (in Russian).

Chernov M. A. *K voprosu o spetsializatsii pogrebal'noi keramiki epokhi bronzy po materialam mogil'nika Tesik-I* [On the question of specialization of funerary ceramics of the Bronze Age on the materials of the Tesik-I burial ground]. *Margulanovskie chteniia-2021: materyaly mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii g. Almaty, 26–27 oktiabria 2021 g.* [Margulanov Readings-2021: proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Almaty, October 26–27, 2021]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2021, vol. III, pp. 199–208 (in Russian).

Galochkina I. G. *Novye dannye ob issledovanii pamyatnikov epokhi bronzy* [New information on the research of Bronze Age monuments]. *Ketmen' — Tyube. Arkheologiya i istoriya* [Ketmen-Tube. Archaeology and history]. Frunze: Ilim, 1977, pp. 30–38 (in Russian).

Gass A., Goriachev A. A. K voprosu o tipologii i khronologii mogil'nikov epokhi bronzы v vysokogornoi zone Zailiiskogo Alatau [On the question of typology and chronology of Bronze Age burials in the high-mountain zone of the Zailiyskiy Alatau]. *Vestnik NGU. Seriya istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Ser. history, philology]. 2016, vol. 15, no 5, pp. 85–123 (in Russian).

Goryachev A. A. *Drevnii arkheologicheskii kompleks verkhov'ev ushel'ya Kishi-Turgen* [Ancient archaeological complex of the upper reaches of the Kishi-Turgen Gorge]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2020, 260 p. (in Russian).

Goryachev A. A. K voprosu ob ustroistve drevnikh khramov epokhi bronzы v gornoi zone Zailiiskogo Alatau [To the question about the structure of ancient temples of the Bronze Age in the mountain zone of the Zailiyskiy Alatau]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 2015, pp. 209–214 (in Russian).

Goryachev A. A. Mogil'nik bronzovogo veka Mad'iarsai-I [Bronze Age burial ground Magyarsai-I]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2020b, no. 1, pp. 135–151 (in Russian).

Goryachev A. A. O pogrebal'nykh traditsiyakh plemen epokhi bronzы Shuiliiskikh gor [On the funerary traditions of the Bronze Age tribes of the Shuili Mountains]. *Izvestiia Natsional'noi akademii nauk Respubliki Kazakhstan. Seriya obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [News of the of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social Sciences Ser.]. 2013, no. 3, pp. 3–28 (in Russian).

Goryachev A. A. O pogrebal'nykh traditsiyakh plemen pozdnei bronzы urochishcha Oi-Dzhailiau v Chuiliiskikh gorakh [On the funerary traditions of the Late Bronze Age tribes of the Oi-Jailau tract in the Chuili Mountains]. *Mirovozzrenie naseleniia Yuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of South Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul: Izd-vo Azbuka, 2008, iss. II, pp. 44–59 (in Russian).

Goryachev A. A. Pogrebal'nye komplekсы bronzovogo veka Khantavskogo tranzitnogo koridora [Bronze Age burial complexes of the Hantau transit corridor]. *Istoriya i arkheologiya Semirech'ya* [History and archeology of the Semirechye]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana, 2020a., iss. 7, pp. 135–157 (in Russian).

Goryachev A. A., Antonov M. A. Pamyatniki epokhi bronzы Zhetysu: rezul'taty aprobatsii metoda geoprostranstvennogo modelirovaniya (Yugo-Vostochnyi Kazakhstan) [Sites of the Bronze Age of Zhetysu: results of testing the geospatial modeling method (South-East Kazakhstan)]. *Arkheologiya Kazakhstana* [Kazakhstan Archeology]. 2024, no. 1, pp. 154–179 (in Russian).

Kadyrbaev M. K., Kurmankulov Zh. *Kul'tura drevnikh skotovodov i metallurgov Sary-Arki* [The culture of ancient pastoralists and metallurgists of Sary-Arka (based on the materials of the Northern Betpak-Dala)]. Alma-Ata: Gylym, 1992, 250 p. (in Russian).

Karabaspakova K. M. *Zhetysu i Yuzhnyi Kazakhstan v epokhu bronzы* [Zhetysu and Southern Kazakhstan in the Bronze Age]. Almaty: Institut arkheologii im. A. Kh. Margulana; NITsIA “Begazy-Tasmola”, 2011, 220 p. (in Russian).

Khlobystina M. D. Nekotorye osobennosti andronovskoi kul'tury Minusinskikh stepei [Some features of the Andronovo culture of the Minusinsk steppes]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1973, no. 4, pp. 50–62 (in Russian).

Khlobystina M. D. Biritual'nye pogrebeniya Evraziiskoi stepi v bronzovom veke [Biritual burials of the Eurasian Steppe in the Bronze Age]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Summary reports of the Institute of Archaeology]. 1988, iss. 193, pp. 20–27 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Papin D. V., Fedoruk O. A. *Andronovskaya kul'tura na Altae (po materialam pogrebal'nykh kompleksov)* [Andronovo culture in the Altai (based on the materials of funerary complexes)]. Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, 2015, 108 p. (in Russian).

Kosarev M. F. *Bronzovyi vek Zapadnoi Sibiri* [Bronze Age of Western Siberia]. Moscow: Nauka, 1981, 278 p. (in Russian).

Kozhemiako P. I. Pogrebeniya epokhi bronzy v Kirgizii [Bronze Age burials in Kyrgyzstan]. *Izvestiya Akademii Nauk Kirgizskoi SSR. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Izvestiya AN Kirg. SSR. Series: Social Sciences]. Frunze, 1960, vol. II, iss. 3, pp. 81–107 (in Russian).

Kukushkin I. A. Mirovozzrenie i traditsii naseleniya andronovskoi istoriko-kul'turnoi obshchnosti (po dannym pogrebal'noi obriadnosti) [Worldview and traditions of the population of the Andronovo historical and cultural community (according to funeral rites)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2018, vol. 17, iss. 5, pp. 87–98 (in Russian).

Kukushkin I. A. Obryad krematsii u andronovskogo (fedorovskogo) naseleniya: semanticheskii aspekt [Cremation rites of the Andronovo (Fedorovo) population: semantic aspect]. *Rossiiskaya Arkheologiya* [Russian archaeology]. 2019, no. 4, pp. 54–65 (in Russian).

Kukushkin I. A., Zhusupov D. S., Dmitriev E. A. Mogil'nik Akshoky — novyi pamyatnik v sisteme andronovskikh drevnostei Saryarki [Akshoky burial ground — a new monument in the system of Andronovo antiquities of Saryarka]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2017, no. 2, pp. 48–56 (in Russian).

Kuz'mina E. E. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Srednei Azii* [Eneolithic and Bronze Age metalwork in Middle Asia]. Moscow: Nauka, 1966. 139 p. (in Russian).

Maksimenkov G. A. *Andronovskaya kul'tura na Enisee* [Andronovo culture on the Yenisei River]. Leningrad: Nauka, 1978, 190 p. (in Russian).

Mandel'shtam A. M. Pamyatniki epokhi bronzy v Yuzhnom Tadzhikistane [Bronze Age Monuments in Southern Tajikistan]. *Trudy Tadzhikskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Instituta arkheologii AN SSSR i Instituta istorii im. A. Donisha AN Tadzhikskoi SSR* [Proceedings of the Tajik Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR and the A. Donish Institute of History of the Academy of Sciences of the Tajik SSR]. Leningrad: Nauka, 1968, 184 p. (in Russian).

Margulan A. Kh. *Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana* [Begazy-Dandybay culture of Central Kazakhstan]. Alma-Ata: Nauka KazSSR, 1979, 360 p. (in Russian).

Mar'yashev A. N., Goryachev A. A. Pamyatniki kul'saiskogo tipa v gornoi zone Semirech'ya [Monuments of Kulsai type in the mountain zone of Semirechye]. *Istoriya I Arkheologiya Semirech'ya* [History and archaeology of the Semirechye]. Almaty: Fond “XXI vek”, 1999, pp. 44–56 (in Russian).

Mar'yashev A. N., Goryachev A. A. Voprosy periodizatsii i khronologii pamyatnikov epokhi bronzy Semirech'ya [Periodization and chronology of monuments of the Bronze Age of Semirechye]. *Rossiiskaya Arkheologiya* [Russian archaeology]. 1993, no. 1, pp. 5–20 (in Russian).

Molodin V. I. *Baraba v epokhu bronzy* [Baraba in the Bronze Age]. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russian).

Orazbaev A. M. Severnyi Kazakhstan v epokhu bronzy [Northern Kazakhstan in the Bronze Age]. *Trudy istorii, arkheologii i etnografii. Tom V: Arkheologiya* [Proceedings of History, Archaeology and Ethnography. Vol. V: Archaeology.]. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR. 1958, pp. 216–279 (in Russian).

Potemkina T. M. *Bronzovyi vek lesostepnogo Pritobol'ya* [Bronze Age of the forest-steppe Tobol river region]. Moscow: Nauka, 1985, 376 p. (in Russian).

Rogozhinskiy A. E. Mogil'niki epokhi bronzy urochishcha Tamgaly [Bronze Age burial grounds of the Tamgaly gorge area]. *Istoriya I Arkheologiya Semirech'ya* [History and archaeology of the Semirechye]. Almaty: Fond “XX vek”, 1999, pp. 7–43 (in Russian).

Rogozhinskiy A. E. *Petroglify arkheologicheskogo landshafta Tamgaly* [Petroglyphs within the archaeological landscape of Tamgaly]. Almaty: Signet Print, 2011. 346 p. (in Russian).

Savinov D. G., Bobrov V. V. Kurgany andronovskoi kul'tury mogil'nika Yurman I v Zapadnoi Sibiri [Andronovo culture barrows of the Yurman I burial ground in Western Siberia]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological News]. 1995, no. 4, pp. 83–90 (in Russian).

Shi Xan'da. Andronovtsy na Vostochnom Pamire: k voprosu khronologii i proiskhozhdeniya mogil'nika Syaban'di AII v Sin'tszyane (Kitai) [The Andronovo people in the Eastern Pamirs: on the chronology and origin of the Syabandi AII burial ground in Xinjiang (China)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Journal of Archaeology, Anthropology, and Ethnography]. 2025, no. 3, pp. 40–54 (in Russian).

Sorokin V. S. (ed.) Andronovskaia kul'tura. Pamiatniki zapadnykh raionov [Andronovo culture. Monuments of the western regions]. *Svod arkheologicheskikh istochnikov* [Code of archaeological sources]. Moscow — Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1966, iss. 3–2, 65 p. (in Russian).

Sotnikova S. V. Andronovskie (fedorovskie) pogrebeniya s krematsiei i vertikal'no ustanovlennymi ob'ektami (po materialam Yugo-Zapadnoi Sibiri) [Andronovo (Fedorovo) burials with cremation and vertikale placed objects (on materials from South-West Siberia)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Issues of theory and practice]. Tambov: Gramota, 2014, no. 10, pt. III, pp. 189–194 (in Russian).

Tkachev A. A. *Tsentral'nyi Kazakhstan v epokhu bronzy* [Central Kazakhstan in the Bronze Age]. Tiumen': Izd-vo TiumGNGU 2002, pt. 1, 288 p. (in Russian).

Usmanova E. R., Varfolomeev V. V. Uitas-Aidos — mogil'nik epokhi bronzy [Uytas-Aidos — burial ground of the Bronze Age]. *Voprosy arkheologii Kazakhstana* [Problems of Kazakhstan archaeology]. Almaty — Moskva: Fylym. 1998, iss. 2, pp. 46–60 (in Russian).

Vinogradova N. M., Kuz'mina E. E. Kontakty stepnykh i zemledel'cheskikh plemen Srednei Azii v epokhu bronzy [Contacts of steppe and agricultural tribes of Central Asia in the Bronze

Age]. *Vostochnyi Turkestan i Srednyaya Aziya v sisteme kul'tur drevnego i srednevekovogo Vostoka* [Eastern Turkestan and Central Asia in the system of cultures of the ancient and medieval Orient]. Moscow: Nauka, GRVL, 1986, pp. 126–151 (in Russian).

Zdanovich G. B. *Bronzovyi vek Uralo-Kazakhstanskikh stepei* [Bronze Age of the Ural-Kazakh steppes]. Sverdlovsk: Ural. un-t, 1988, 184 p. (in Russian).

Goryachev A. A. Charter IV. The Bronze Age Archaeological Memorials in Semirechye. *Metallurgy in Ancient Eastern Eurasia from the Urals to the Yellow River*. Lewiston, New York, 2004, pp. 109–138.

Gass A. *Das Siebenstromland zwischen Bronze- und Frueheisenzeit* [Das Siebenstromland zwischen Bronze- und Früheisenzeit]. Berlin: De Gruyter Open, 2016, 546 p. (in German).

Parzinger H. *Die fruehen Voelker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter* [Die frühen Völker Eurasiens. Vom Neolithikum bis zum Mittelalter]. München, 2006, pp. 446–519 (in German).

Статья поступила в редакцию: 20.01.2025

Принята к публикации: 15.10.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 902.2

DOI 10.14258/nreur(2025)4–03

*Л. С. Марсадолов**Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург (Россия)*

О КАМЕННЫХ ИЗВАЯНИЯХ ИЗ ТУВЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕДИЦИЙ АЛЕКСАНДРА ДАНИЛОВИЧА ГРАЧА)

В статье кратко рассмотрена история открытия в Туве, поступления и передвижения в Государственном Эрмитаже каменных изваяний, найденных экспедицией А.Д. Грача в 1953–1960-х гг. В настоящее время в музее хранится 12 каменных изваяний, переданных А.Д. Грачом в 1967 г., из которых 11 находятся на постоянных экспозициях Государственного Эрмитажа.

Ранее А.Д. Грач и другие археологи считали, что все 12 изваяний относятся к «древнетюркскому времени». По оценке ряда археологов, в Туве пока не обнаружено ни одного изваяния эпохи бронзы, что выделяет этот регион «белым пятном» среди культур с каменными скульптурами на археологической карте Южной Сибири. В настоящее время автор статьи пришёл к выводу, что в эрмитажной коллекции к древнетюркскому периоду относятся только 9 скульптур, а 3 изваяния, вероятно, были созданы в эпоху бронзы. В статье также проанализирована средневековая скульптура из Тувы, находящаяся на памятнике поэта Велимира Хлебникова в Москве, а также поставлен вопрос о том, где в будущем должно находиться это изваяние.

Ключевые слова: Тува, Эрмитаж, А.Д. Грач, кочевники, каменные изваяния, эпоха бронзы, древнетюркское время, аналогии, Велимир Хлебников

Для цитирования:

Марсадолов Л. С. О каменных изваяниях из Тувы (по материалам экспедиций Александра Даниловича Грача) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 50–69. DOI 10.14258/nreur(2025)4–03.

Марсадолов Леонид Сергеевич, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Отдела археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург (Россия). **Адрес для контактов:** marsadolov@hermitage.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>.

L. S. Marsadolov

The State Hermitage museum, St. Petersburg (Russia)

ABOUT STONE SCULPTURES FROM TUVA (BASED ON THE MATERIALS OF EXPEDITIONS ALEKSANDR DANILOVICH GRACH)

The article briefly examines the history of the discovery in Tuva, the arrival and movement in The State Hermitage museum of stone sculptures found by the expedition of A. D. Grach in 1953–1960. Currently, the museum houses 12 stone sculptures transferred by A. D. Grach in 1967, of which 11 are on permanent exhibitions of the State Hermitage museum.

Earlier, A. D. Grach and other archaeologists believed that all 12 statues belong to the “Ancient Turkic time.” According to a number of archaeologists, not a single statue of the Bronze Age has yet been discovered in Tuva, which distinguishes this region as a “white spot” among cultures with stone sculptures on the archaeological map of Southern Siberia. Currently, the author of the article came to the conclusion that in the Hermitage’s collection only 9 sculptures belong to the Ancient Turkic period, and 3 statues were probably created in the Bronze Age. The article also analyzes a medieval sculpture from Tuva, located on the monument to the poet Velimir Khlebnikov in Moscow, and also raises the question of where this statue should be in the future. Article materials can be useful for scientific publications, for exhibition projects, as well as teachers and students of universities.

Keywords: Tuva, The State Hermitage museum, A. D. Grach, nomads, stone sculptures, Bronze Age, Ancient Turkic time, analogies, Velimir Khlebnikov

For citation:

Marsadolov L. S. On stone sculptures from Tuva (based on the materials of the expeditions of Aleksandr Danilovich Grach). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, No. 4. P. 50–69 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–03.

Marsadolov Leonid Sergeevich, Doctor of Culturology, Leading Researcher of Department of Archaeology of Eastern Europe and Siberia of the State Hermitage Museum, St. Petersburg (Russia). **Contact address:** marsadolov@hermitage.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0480-2225>

Введение

Каменные изваяния на территории Евразии являются ценными археологическими, историческими, культурными, географическими, социологическими, этническими и политическими источниками. Границы распространения скульптурных изображений разных исторических периодов, в том числе эпохи бронзы, раннего железа и Средневековья, были обширные — часто по всему евразийскому степному поясу. Концен-

трация этих изваяний в разных регионах и в разное время не была равномерной. В настоящее время это может быть объяснено тем, что, с одной стороны, не все регионы изучены достаточно хорошо, а с другой стороны, в разные периоды истории предшествующие изваяния часто переделывали, дополняли новыми деталями, а также уничтожали, закапывали и устанавливали на новых местах. Особый интерес для археологов должны представлять регионы, которые являются «белыми пятнами» на археологических картах разных исторических периодов. Поэтому иногда на основе новых данных необходимо передатировать ранее найденные и изученные изваяния.

Краткая история изучения изваяний Тувы

Первые каменные изваяния в Туве были найдены во время путешествия по Саяно-Алтаю в 1881 г. А. В. Адрианова [1888]. Позднее древнетюркские статуи Тувы изучали многие исследователи — Д. Каррутерс, С. Р. Минцлов, Н. Г. Богатырёв, Л. П. Потапов, Л. А. Евтюхова, С. В. Киселёв, А. Д. Грач, Л. Р. Кызласов, М. Х. Маннай-оол, В. Т. Монгуш, В. Д. Кубарев, М. Е. Килуновская и другие учёные [Грач, 1961; Дыртык-оол, 2006; Килуновская, 2009].

Александр Данилович Грач (1928–1981) впервые приехал в Туву в 1953 г., когда ему было 25 лет. В 1953–1960 гг. в ходе его экспедиционных работ в разных районах Тувы было найдено 58 изваяний, в два раза больше, чем в предшествующее время. А. Д. Грач научно обработал каждое найденное им изваяние и в 1961 г. опубликовал книгу «Древнетюркские изваяния Тувы», а в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию по этой теме. Эта книга, актуальная до сих пор, оказала большое влияние на многих учёных, занимающихся данной тематикой.

30 ноября 1967 г. из Ленинградского отделения Института археологии АН СССР А. Д. Грач передал в Государственный Эрмитаж 12 каменных изваяний, которые позднее были инвентаризированы и ныне составляют коллекцию № 2352. Хранительницей этой коллекции с 1967 по 1992 г. была М. П. Завитухина, а с 1992 г. — Л. С. Марсадолов.

Долгое время на постоянной выставке Эрмитажа экспонировалось только одно — самое красивое каменное изваяние из этой коллекции, найденное в Монгун-Тайгинском районе на реке Каргы, которое и ныне находится на первом этаже в Зимнем Дворце в зале 32 (рис. 1; инв. № 2352–3). На этой скульптуре выбита уникальная ритуальная сцена (рис. 1.-3). В 2005 г. из хранилища в Зимнем дворце 11 изваяний были перевезены в эрмитажный Реставрационно-хранительский центр «Старая деревня» (РХЦ), где 10 каменных изваяний входят в маршрут открытого хранения.

В 2012–2014 гг. 7 из 12 каменных изваяний из Тувы экспонировались на временных выставках Эрмитажа в Казани («Кочевники Евразии на пути к империи»; центр «Эрмитаж — Казань», 18 июня 2012 г. — 31 марта 2013 г.) и Выборге («Мир кочевников»; выставочный центр «Эрмитаж — Выборг», 19 ноября 2013 г. — 25 мая 2014 г.), которые посетили сотни тысяч человек. Краткие сведения об этих изваяниях были опубликованы в каталогах, изданных к открытию этих выставок [Марсадолов, 2012: 184–185, 188–190; 2013: 105–107].

Рис. 1. Каменное изваяние древнетюркского периода из Монгун-Тайги в Туве:

1 — фотография А.Д. Грача, 1950-е гг.; 2 — коллекция Гос. Эрмитажа (инв. № 2352–3; см. табл. 1); 3 — фрагмент изваяния с ритуальной сценой

Fig. 1. A stone statue from the Ancient Turkic period from Mongun-Taiga in Tuva:

1 — photo by A. D. Grach, 1950s; 2 — collection of The State Hermitage museum (Inv. No. 2352–3; see Table 1); 3 — fragment of a statue with a ritual scene

Эрмитажные изваяния древнетюркского времени из Тувы

Древнетюркские каменные скульптуры Евразии и Тувы — замечательные памятники монументального и сакрального искусства, пережившие столетия и дошедшие до наших дней. Эти объекты с каждым годом всё реже сохраняются в первозданном ландшафте степных просторов и горных долин.

А.Д. Грач [1961] в своей монографии привёл подробные описания местонахождений и каждого изученного им изваяния, дал их общую классификацию, семантику и датировку. Поэтому мы не будем останавливаться на их детальных характеристиках, но основные данные о них сведены нами в таблицу 1. Эрмитажные изваяния древнетюркского времени относятся к разным стилистическим традициям (рис. 1–3).

Таблица 1

Эрмитажная коллекция каменных изваяний из Тувы, собранная в экспедициях
А.Д. Грача в 1953–1960 гг.

Table 1

Hermitage's collection of stone sculptures from Tuva, collected of expeditions
A. D. Grach in 1953–1960

ГЭ, инв. №	Описание и место хранения изваяния	Размеры (в см)	Место находки	Фотография	А. Д. Грач, 1961
2352-1	Камень со схематичным антропоморфным изображением (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 81, шир. 38, толщ. 37	Монгун- Тайга, правый берег р. Каргы		№ 3
2352-2	Изваяние с объёмным изображением лица. (РХЦ, корп. Б6-320)	Выс. 83, шир. 30, толщ. 30	Монгун- Тайга, правый берег р. Каргы		№ 4
2352-3	Изваяние в виде фигуры мужчины. (Зимний Дворец, зал № 32, у окна)	Выс. 186, шир. 40, толщ. 13	Монгун- Тайга, правый берег р. Каргы		№ 5
2352-4	Изваяние с рельефным изображением лица. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 100, шир. 35, толщ. 12	Бай- Тайга		№ 25
2352-5	Изваяние с рельефным изображением лица. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 106, шир. 35, толщ. 10	Бай- Тайга		№ 26
2352-6	Объемное изображение головы мужчины. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 32, шир. 28, толщ. 27	Бай-Тал		«№ 28
2352-7	Объемное изваяние, выделена голова с проработанными чертами лица (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 102, шир. 28, толщ. 20	Овюрский район, правый берег р. Мугур		№ 36
2352-8	Изваяние с выбитым изображением человеческого лица (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 130, шир. 21, толщ. 15	Овюрский район, долина Орта- Халынын		№ 38
2352-9	Изваяние с выбитым изображением человеческого лица. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 75, шир. 23, толщ. 14	Овюрский район, Орта- Халынын		№ 39
2352-10	Обломок изваяния с выбитым изображением человеческого лица. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 42, шир. 31, толщ. 12	Овюрский район, р. Улатай		№ 47
2352-11	Изваяние с рельефным изображением человеческого лица. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 69, шир. 22, толщ. 7	Овюрский район, р. Улатай		№ 48
2352-12	Небольшое изваяние со схематичным изображением человеческого лица. (РХЦ, корп. ЕЗ-190)	Выс. 45, шир. 17, толщ. 6	Бай- Тайга		№ 49

После тщательного осмотра каждого музейного изваяния автор этой статьи в настоящее время считает, что к «древнетюркскому времени» относятся только 9 скульптур (табл. 1; инв. №№ 2352–3, 6–12 и 4 — переиспользовано?), а три изваяния, вероятно, были созданы в эпоху бронзы (табл. 1; инв. №№ 2352–1, 2, 5). Интересно отметить, на скульптурной голове из Бай-Тала до сих пор сохранились тёмные маслянистые «следы» (рис. 2.-1; ГЭ, инв. № 2352–6) [Грач, 1961: 34, 35; № 28; рис. 50]. По этому признаку изваяние из Тувы близко к скульптуре «Улуг Хуртуях Тас» («Великая каменная бабушка») из Хакасии, которую хакасы издавна и в современности почитают, смазывают рот сметаной и маслом.

Рис. 2. Фотографии каменных изваяний древнетюркского периода из Эрмитажа:

1 — № 2352–6, 2 — № 2352–10,
3 — № 2352–7; 4 — № 2352–8

Fig. 2. Photographs of stone sculptures of the Ancient Turkic period from The State Hermitage museum: 1 — No. 2352–6, 2 — No. 2352–10, 3 — No. 2352–7; 4 — No. 2352–8

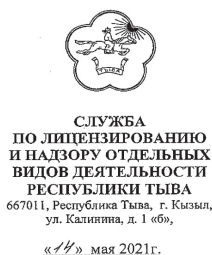
Рис. 3. Фотографии каменных изваяний древнетюркского периода из Эрмитажа:

1 — № 2352–11, 2 — № 2352–12,
3 — № 2352–9; 4 — № 2352–4

Fig. 3. Photographs of stone sculptures of the Ancient Turkic period from The State Hermitage museum: 1 — No. 2352–11, 2 — No. 2352–12, 3 — No. 2352–9; 4 — No. 2352–4

Древнее изваяние из Тувы на современном кладбище в Москве

В 2019–2021 гг. в Государственный Эрмитаж поступило несколько писем от Службы по лицензированию и надзору отдельных видов деятельности Республики Тыва. Особый интерес представляет письмо от 14 мая 2021 г. по поводу каменных изваяний, ранее переданных в музей А.Д. Грачом (рис. 4).

В последние годы не утихают возмущения жителей республики по поводу судьбы уникального каменного изваяния из долины р. Ортаа-Халыын Овюрского района Республики Тыва, вывезенного ленинградским археологом А.Д. Грачом в 50-60-х гг. XX в.

В средствах массовой информации и в социальных сетях утверждается, что каменное изваяние, из долины р. Ортаа-Халыын в настоящее время находится на Новодевичьем кладбище г. Москвы, на могиле поэта Велимира Хлебникова.

В связи с этим, Служба по лицензированию и надзору отдельных видов деятельности Республики Тыва просит предоставить фотографии каменного изваяния из долины р. Ортаа-Халыын, сданного А.Д. Грачом по Акту 793 от 30 ноября 1967 г.

Рис. 4. Фрагмент письма от Службы по лицензированию и надзору отдельных видов деятельности Республики Тыва, 2021 г.

Fig. 4. Fragment of a letter from the Licensing and Supervision Service of Certain Activities of the Republic of Tuva, 2021

Древнетюркское изваяние, о котором идёт речь в письме, было найдено А.Д. Грачём в 1950-е гг. на правом берегу р. Ортаа-Халыын, в трех километрах от поселка Саглы, в южной части Тувы (рис. 5). Это одно из самых красивых изваяний в Тыве ценно ещё и тем, что оно стояло около оградки, где было установлено 100 вертикально поставленных каменных балбалов, что свидетельствует об элитарности этого комплекса объектов. В книге А.Д. Грача [1961: 40–41, рис. 70, 71], приведены и размеры этого изваяния — полная высота 1,17 м, высота от дневной поверхности — 0,84 м, высота лица — 0,30 м, ширина плеч — 0,29 м, толщина — 0,16 м. Эти измерительные данные А.Д. Грача 9 июля 2025 г. на некрополе Новодевичьего монастыря в Москве Л.С. Марсадолов сравнил с размерами древнего тюркского изваяния на памятнике Велимира Хлебникова (рис. 5). Все вышеуказанные размеры древней скульптуры совпали с точностью до 1 см, начиная с высоты — 1,17 м. Судя по экспедиционной фотографии А.Д. Грача, сделанной в Тыве в 1950-е гг., и по фотографиям изваяния на Новодевичьем кладбище, вероятно, это одна и та же скульптура (рис. 5). Совпадают мелкие детали — скол на головном уборе, изображения лица, положения двух рук с сосудом, пояса и предметов вооружения.

Рис. 5. Фотографии каменного изваяния древнетюркского периода: 1, 2 — на памятнике поэта Велимира Хлебникова и его родственников на кладбище Новодевичьего монастыря в Москве (1 — фотография Л. С. Марсадолова, 2025 г.; 2 — изваяние, слегка развёрнутое по вертикали); 3 — изваяния в Туве, Саялы, фотография А. Д. Грача, 1950-е гг.

Fig. 5. Photographs of a stone statue of the Ancient Turkic period: 1, 2 — on the monument of the poet Velimir Khlebnikov and his relatives in the cemetery of the Novodevichy Convent in Moscow: 1 — photo by L. S. Marsadolov, 2025; 2 — the statue is slightly turned vertically); 3 — sculptures in Tuva, Sagly, photo by A. D. Grach, 1950s

На письмо из Тувы (рис. 4), как и на предшествующие письма из Службы по лицензированию и надзору, были посланы подробные разъяснения, акты приемки и фотографии всех эрмитажных изваяний из Тувы. Из музея им сообщили, что «в настоящее время все каменные изваяния из Овюрского района Республики Тыва, в том числе два из долины р. Ортаа-Халыын, находятся в Государственном Эрмитаже (инв. №№ 2352–8 и 2352–9). Изваяние, опубликованное А.Д. Грачом на рис. 70, в Эрмитаж не поступало. О происхождении каменного изваяния, помещенного на могиле В. Хлебникова в Новодевичьем монастыре, Государственный Эрмитаж не имеет достоверных сведений».

Ещё в мою бытность студентом кафедры археологии исторического факультета Ленинградского государственного университета, когда я даже не предполагал, что в будущем стану хранителем изваяний из Тувы, в молодёжном журнале «Юность» за 1975 г. я прочитал небольшую статью под заголовком «С улыбкою недвижимой...», написанную Г. Фёдоровым [1975]. В те годы я уже решил специализироваться по археологии Саяно-Алтая и вырезал для себя из купленного журнала эту статью.

Г. Фёдоров подробно описал историю появления на могиле известного поэта Велимира Хлебникова (1885–1922) древней скульптуры из удалённого региона. Отметим для археологов и любителей истории, что у Хлебникова есть интересное стихотворение «Каменная баба», написанное в годы Гражданской войны в 1919 г., где есть такие строчки:

*...Стоит с улыбкою недвижимой,
Забытая неведомым отцом,
И на груди ее булыжной
Блестит роса серебряным сосцом.*

Поэт-философ Велимир Хлебников дружил с художником Петром Митуричем (1887–1956), который оформил ряд его книг, а позднее женился на его сестре — Вере Хлебниковой. Племянник Велимира Хлебникова художник Май Митурич (1925–2008) и поэт Борис Слуцкий предложили установить древнее каменное изваяние на могилу Хлебникова и через Союз писателей в начале 1970-х гг. обратились с этой просьбой к археологу Г. Фёдорову. После долгих поисков не удалось найти подлинного изваяния в музеях и в полевых условиях.

Процитируем, как далее описывает эту историю археолог и писатель Г. Фёдоров [1975: 104]:

И вдруг после нескольких лет бесплодных поисков и раздумий — неожиданная удача. Мой друг и коллега Леонид Зяблин, работающий в Средней Азии, обследуя местность на берегу высокогорного озера, сделал счастливую находку. Стоявшая на вершине какого-то кургана «баба» ещё в давние времена упала с него и стала постепенно погружаться, уходить в землю. Когда мой коллега обнаружил её, над землёй еле виднелась макушка «бабы». Зяблин выкопал «бабу, привёз её в Москву и передал через меня в Союз писателей.

В конце 1974 г. под руководством архитектора Елены Морозевич древняя статуя была установлена на могиле Велимира Хлебникова.

Позднее я узнал, что Георгий Борисович Фёдоров (1917–1993) родился в Петрограде и после окончания исторического факультета МГУ и аспирантуры работал в 1946–1986 гг. в Институте археологии АН СССР в Москве, участвовал в экспедициях в Литве, на Украине и в Молдавии. Он был доктором исторических наук, специалистом по славяно-русской археологии и нумизматике, а также членом Союза писателей СССР.

С книгой Л. П. Зяблина «Карасукский могильник Малый Копены 3», изданной в 1977 г., я ознакомился ещё студентом вскоре после её опубликования и даже сделал на семинаре Л. С. Клейна в университете доклад о связях памятников карасукской культуры в Сибири с близкими объектами в разных регионах Азии и Европы, а впоследствии стал в Эрмитаже хранителем сибирских и карасукских коллекций.

Леонид Павлович Зяблин (1914–1982) защитил кандидатскую диссертацию в 1952 г. по теме «Археологические памятники кочевников X–XIV веков Восточной Европы» и вместе с Г. Б. Фёдоровым работал в том же московском Институте археологии с 1953 до 1974 г. Совместно с ленинградскими археологами он участвовал в Иркутской экспедиции на Байкале (1959 г.), руководил отрядами Красноярской экспедиции (1960–1968 гг.), а также Абаканским отрядом (1972 г.) и был хорошо знаком с М. П. Грязновым и А. Д. Грачом.

Если в Туве считают, что А. Д. Грач передал изваяние из Тувы для памятника на могилу Велимира Хлебникова, то Г. Б. Фёдоров в своей статье 1975 г. отметил, что эту древнюю скульптуру нашел и передал в Союз писателей Л. П. Зяблин, «работавший в Средней Азии», после чего она была установлена на могиле Хлебникова. Кто именно из двух археологов выкопал это изваяние в Туве, пока точно установить не удалось. Случайно или нет, но подготовка к установке изваяния на могиле В. Хлебникова в Москве в 1974 г. совпала с важными событиями жизни этих двух археологов. В 1973 г. А. Д. Грач был уволен из АО Института археологии АН СССР в Ленинграде, а в 1974 г. Л. П. Зяблин уволили из Института археологии АН СССР в Москве.

Поэт В. Хлебников и археология

В ноябре 2025 г. исполнилось 140 лет со дня рождения до сих пор недооценённого известного поэта-футуриста Серебряного века Виктора/Велимира Хлебникова (9.11.1885–28.6.1922). В его обширном творческом наследии есть неоднократные упоминания и размышления о древних народах разных регионов мира, о скифах, славянах и половецких каменных изваяниях [Хлебников, 2024]. Вероятно, со временем будут подробно проанализированы большие и малые числовые периоды Хлебникова и их связи с археологической хронологией. Многие годы он искал в числах Основные законы времени, которые оказывают влияние на человеческие судьбы, и пытался:

*Помимо закона тяготения
Найти общий строй времени,
Ярочатых солнечных гусель, —
Основную мелкую ячейку времени и всю сеть.*

Русско-японская война 1903–1905 гг. и поражение флота в Цусимской битве оказали большое влияние на Хлебникова. Он утверждал, что в России в будущем будут глубо-

кие потрясения с периодичностью в 12 лет, что приходится на годы Змеи по восточному календарю: 1905 г. — первая русская революция; 1917 г. — Февральская и Октябрьская революции. Это предвидение Хлебникова подтвердилось и позднее — 1929–1941–1953–1965–1977–1989–2001 годы и далее.

Ещё в 1912 г. Хлебников задавал вопрос: «Не следует ли ждать в 1917 году падения государства?». В 1916 г. он делает запись о том, что через полтора года внешняя война перейдет «в мертвую зыбь внутренней войны», что и вылилось в Гражданскую войну в России. В 1915–1916 гг., когда авиация использовалась только в военных целях, он предсказывал, что земледельцы будущего будут обрабатывать землю с воздуха, засевая поля, вызывая дожди.

Хлебников считал особенно важным в истории выделенный им большой период в 317 лет, связанный с происходящими в мире событиями — от войн до революций. Интервал в 317 лет он называл такой же весомостью, как год и сутки Солнца и Земли. Число 317 Хлебников считал связанным со скоростью света и скоростями Земли. Германская (1871 г.) и Римская (31 г. до н. э.) империи основаны через 317 лет \times 6 периодов друг после друга ($317 \times 6 = 1902$; $1902 - 1871 = -31$). Наполеоновские законы 1801 г. во Франции были приняты через (317×4) после создания законов Юстиниана в 533 г.

Следует особо подчеркнуть, что исторический период Хлебникова в 317 лет совпадает со многими археологическими периодами продолжительностью около 300 лет, например, раннее скифское время — VIII–VI вв. до н. э., скифское время — V–III вв. до н. э. и др. [Марсадилов, 2015].

Археологам хорошо известна война персов со скифами. Хлебников сделал интересные обобщения для этого исторического события. Перед этим походом первый десант флота персов под командованием каппадокийского сатрапа Ариарамна захватил в плен брата скифского царя Марсагета. В 512 г. до н. э. состоялся поход Дария I на скифов в Северном Причерноморье. Скифы победили персидское войско и изгнали его из Скифии, но персы захватили греческие территории на берегах Босфора и временно отрезали греческие колонии Причерноморья от основной Греции. Дарию подчинились Фракия и Македония. Македонский царь Аминт I стал вассалом Дария, и в будущем это дало право Александру Македонскому претендовать на власть в персидской Азии. Важным Хлебников считал и 1453 г., когда турки-османы захватили 2-й Рим — Царьград / Константинополь и положили конец древнегреческому и римскому тяготению на Восток.

Незадолго до смерти в 1922 г. В. Хлебников написал стихотворение «Еще раз, еще раз», которое звучало как предупреждение всем его недоброжелателям и критикам:

*Горе и вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над вами,
Как вы надсмехались
Надо мной.*

Проблемы местонахождения каменной скульптуры из Тувы

Для настоящего и будущего времени важна другая проблема — где должна находиться древнетюркская скульптура из Саглы — на Новодевичьем кладбище в Москве, в музее в Кызыле или на своём первоначальном месте около посёлка Саглы в Туве? Сейчас эта скульптура находится в климатических условиях, отличающихся от горностепных в Туве, и постепенно подвергается всё нарастающим процессам разрушения. При установке этой скульптуры в 1970-е гг. на ее правом боку были просверлены два округлых отверстия для крепления к постаменту...

Замечательный поэт-пророк серебряного века Велимир Хлебников достоин надгробного памятника без скандалов в настоящем и будущем, о которых он и не подумывал. На его могиле можно установить одну или даже две скульптуры — хорошую копию изваяния древнетюркского времени из прочного камня, а также, возможно, копию половецкой «бабы» (как в его стихотворении) или фигуру скорбящего Ангела. Эти изваяния должны быть установлены вертикально и устремлены вверх, в Небо, а не давить сверху на могилу поэта и его родственников. На постаменте этого памятника вместо древнетюркского изваяния можно установить сделанные из белого мрамора раскрытую книгу — символ наследия поэта Велимира Хлебникова и палитру художников — символ рода Митуричей.

Ещё студентом первого курса Казанского университета Хлебников писал о себе: *«Пусть на могильной плите прочтут... он связал время с пространством»*. Это заветное пожелание поэта должно быть выполнено и на каменном постаменте на Новодевичьем кладбище под надписью *«Велимир Хлебников (1885–1922)»*, вероятно, нужно выбить дополнительные его строки: *«...Он связал Время с Пространством»*.

Ещё одну копию или подлинную древнюю скульптуру из Саглы желательно было бы установить на месте её первоначальной находки в Туве, в пограничном районе с Монголией. Это местонахождение можно найти по «цепочке» из 100 каменных балбалов и описаниям в книге А. Д. Грача [1961: 40–41, рис. 70–71].

Изваяния периода бронзы из Тувы и соседних регионов

Среди культур с каменными скульптурами эпохи бронзы «белым пятном» на археологической карте Южной Сибири ныне выделяется территория Тувы, где, как считает ряд археологов, пока не найдено ни одного изваяния этого периода. В отличие от древнетюркских изваяний, скульптуры эпохи бронзы в основном можно опознать по выпуклым или углублённым круглым глазам (иногда дополнительно обведённым ещё одним крупным кругом), которые близко сдвинуты к переносице большого по размерам носа, переданного выступающим рельефом или углублённой выбивкой. Если лицо на древнетюркских изваяниях в основном имеет округлую форму с «миндалевидными» глазами (рис. 1–3), то на скульптурах эпохи бронзы часто встречается «сердцевидное» изображение лица (с широкой верхней частью, с понижением к центру «лба» и сильно сужающимся к низу) и круглыми глазами (рис. 6 и 7).

Рис. 6. Фотографии каменных изваяний (1, 2, 4–6) и обломка плиты (3) эпохи бронзы:
 1, 2 — Монгун-Тайга, Тува; Гос. Эрмитаж (инв. № 2352–1); 3 — из комплекса Хар чулуут-1
 в Монголии, по публикации А. А. Ковалёва, Ч Мунхбаяра (2015);
 4 — Иня, Алтай, по материалам В. Д. Кубарева (1970-е гг.); 5 — Бай-Тайга, Тува,
 Гос. Эрмитаж (инв. № 2352–5); 6 — Овюр, на р. Улаатай, Тува, по материалам
 А. Д. Грача (1950-е гг.)

Fig. 6. Photographs of stone sculptures (1, 2, 4–6) and a fragment of a plate (3) of the Bronze Age:
 1, 2 — Mongun Taiga, Tuva; The State Hermitage museum (inv. No. 2352–1);
 3 — from the Har Chuluut 1 complex in Mongolia, according to the publication of A. A. Kovalev,
 Ch. Munkhbayar, 2015; 4 — Inya, Altai, based on materials by V. D. Kubarev, 1970s;
 5 — Bai-Taiga, Tuva, The State Hermitage museum (inv. No. 2352–5);
 6 — Ovyur, on the river Ulaatay, Tuva, based on materials by A. D. Grach, 1950s

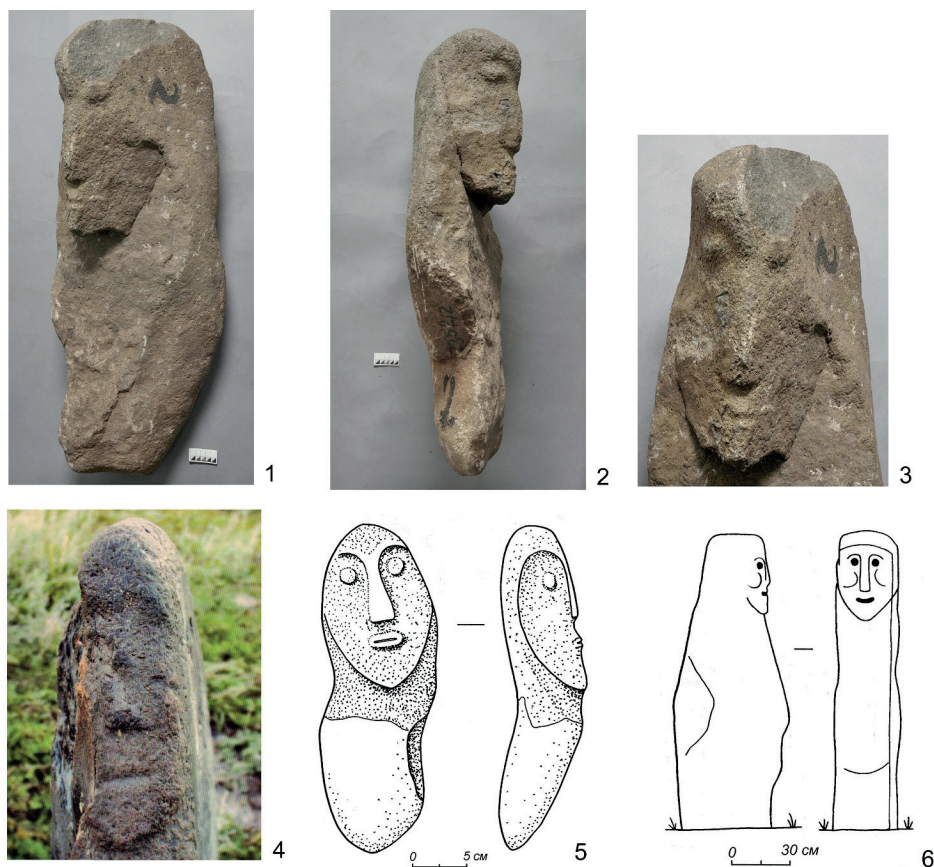

Рис. 7. Фотографии и рисунки каменных изваяний эпохи бронзы: 1–3 — Монгун-Тайга, Тува; Гос. Эрмитаж (инв. № 2352–2); 4 — Нижний Инегень, Алтай, по публикации В. Д. Кубарева (2009); 5 — Усть-Абакан, на р. Бейка, Хакасия, отдельная находка конца XIX в.; 6 — Усть-Абакан, на р. Ниня, Хакасия (5 и 6 — по публикации Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есина (2006); №№ 121 и 23)

Fig. 7. Photographs and drawings of stone sculptures of the Bronze Age: 1–3 — Mongun-Taiga, Tuva; The State Hermitage museum (inv. № 2352–2); 4 — Nizhny Inegen, Altai, according to the publication of Kubarev V.D., 2009; 5 — Ust-Abakan, on the river Beika, Khakassia, a separate find of the late XIX century; 6 — Ust-Abakan, on the river Ninya, Khakassia (5 and 6 — according to the publication of Leontiev N. V., Kapelko V. F., Esina Yu. N., 2006; Nos. 121 and 23)

Два изваяния эпохи бронзы были обнаружены А. Д. Грачом в Монгун-Тайгинском районе Тувы, на правом берегу р. Каргы и отнесены им к древнетюркскому времени. Голова первого изваяния имела форму «сердцевидной» личины, выбитой на тёмно-сером камне с белыми прожилками. У этой скульптуры крупные круглые глаза (что выделяет её среди других скульптур Тувы), углублённый нос и маленький рот (рис. 6-1; табл. 1; инв. 2352–1) [Грач, 1961: 19, 20; № 3; рис. 5, 6]. Образу личины на этом изваянии весьма близко по стилю и технике исполнения изображение на обломке плиты

из комплекса Хар чулуут-1 в Монголии, относящегося к эпохе бронзы (рис. 6.-3) [Ковалёв, Мунхбаяр, 2015: 201; рис. 53].

На втором изваянии, созданном на невысоком камне коричневатого цвета, лицевая часть передана крупным грубоватым рельефом, сильно выступающим вперед. «Лицо» имеет удлинённую к низу форму, с выступающими круглыми глазами, сдвинутыми к переносице крупного, опущенного вниз носа и с небольшим выделенным рельефом ртом (рис. 7.-1–3; табл. 1; инв. 2352–2) [Грач, 1961: 19, 20, № 4; рис. 7–9]. Это изваяние из Тувы ранее Д. Г. Савинов отнёс к кругу архаичных изображений и отметил: «Не исключено, что традиция создания определённого антропоморфного образа существовала в Монголии ещё до появления оленных камней, и, таким образом, изваяния типа Ушкийн-Увэра уже как бы завершают этот ряд» [Савинов, 1994: 86–87; табл. XIII.-8].

Небольшая скульптура из долины р. Нижний Инегень, притока р. Катунь на Алтае (рис. 7.-4), также близка по облику к изваянию из Тувы. На плите из темно-серого сланца, размером 72 x 49 x 12 см, на узкой грани выбито рельефное антропоморфное лицо, а на широких сторонах расположены несколько «чашевидных» углублений и фигурки животных [Кубарев, 2009: 65, 66; рис. 183, 184]. Наибольшее число личин с крупными и небольшими круглыми глазами известно на изваяниях и плитах окуневской культуры в древней Хакасии (рис. 7.-5, 6) [Леонтьев, Капелько, Есин, 2006].

Третье изваяние было найдено А. Д. Грачом в Бай-Тайге. На верхней части плоской каменной плиты зеленоватого цвета расположена рельефная «сердцевидная» личина. Поверхность мягкого камня сильно разрушена, но хорошо различимы два небольших близко посаженных выпуклых круглых глаза (рис. 6.-5; табл. 1; инв. 2352–5) [Грач, 1961: 33, 34; № 26; рис. 47, 48]. К этой стеле стилистически и хронологически близко четвёртое изваяние (рис. 6.-6) из правобережья р. Улаатай, в южных отрогах хребта Танну-Ола, которое известно только по публикации А. Д. Грача [1961: 49; № 51; рис. 87]. Размеры изваяния: высота — 85 см, ширина — 36 см и толщина — 36 см. В верхней части валуна рельефно выбиты «сердцевидная» личина, два выпуклых круглых глаза, крупный нос, рот и небольшая борода или пальцы руки? Ещё одной аналогией этим двум изваяниям из Тувы является скульптура из Ини на Алтае, которая отличается от них изображением крупных ушей (рис. 6.-4) [Кубарев, 1979: 9; рис. 2].

Следует отметить, что 3 из 4-х вышеуказанных изваяний эпохи бронзы из Тувы имеют небольшие размеры: высота — 81–85 см, но зато размеры их ширины и толщины довольно внушительные — 30–40 см (табл. 1; 2352–1; 2352–2; Овюр, Улаатай), что также выделяет их среди средневековых скульптур.

Ряд древних изваяний неоднократно переиспользовали в последующие исторические периоды. Например, изображения на скульптуре в Адыр-Кане на Алтае отличаются по стилю, глубине выбивки и т. д. Самым ранним изображением эпохи бронзы на этом камне является «лицо человека» (III–II тыс. до н. э.), которое резко отличается по глубине выбивки от остальных деталей и образов, а позднее — в VIII–VII вв. до н. э., были нанесены образы коня и оружия (рис. 8.-1, 2) [Кубарев, 1979; 2009; Марсадоллов, 2007]. Следует отметить уникальное совпадение — «лицо» Чуйского каменного изваяния эпохи бронзы очень близко к «антропоморфной личине» на петроглифах северной скалы этого же урочища Адыр-Кан (рис. 8.-4).

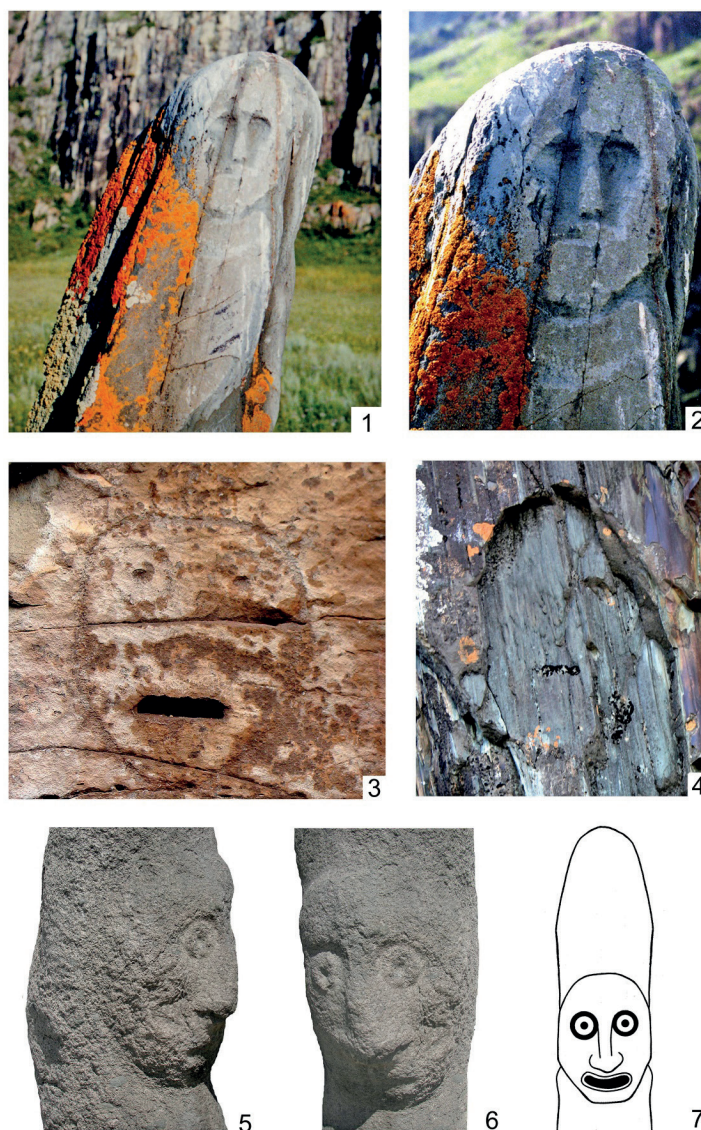

Рис. 8. Каменные изваяния и личины Алтая (1–2, 4) и Хакасии (3, 5–7):
 1–2, 4 — верх изваяния и петроглифы в Адыр-Кане; 3 — Казановка, петроглиф;
 5–7 — изваяние около р. Уйбат, Аскизский район. По материалам Л. С. Марсадолова
 (1–2, 5–6); фотографии Л. В. Еремина (3) и Н. В. Васильевой (4); 7 — по публикации
 Н. В. Леонтьева, В. Ф. Капелько, Ю. Н. Есина (2006; № 34)
 Fig. 8. Stone sculptures and faces of Altai (1–2, 4) and Khakassia (3, 5–7): 1–2, 4 — the top
 of the statue and petroglyphs in Adyr-Kan; 3 — Kazanovka, petroglyph; 5–7 — a statue near
 the river Uybat, Askiz district. Based on materials by L. S. Marsadolov (1–2, 5–6); photographs
 by L. V. Eremin (3) and N. V. Vasilyeva (4); 7 — according to the publication of N. V. Leontiev,
 V. F. Kapelko, Yu. N. Esin, 2006; No. 34)

Все изваяния эпохи бронзы были найдены А.Д. Грачом в южных районах Тувы. В Монгун-Тайгинском районе он ещё в 1950-е гг. обнаружил два изваяния, которые ныне можно отнести к периоду бронзы. Этот район известен археологам ещё и тем, что там А.Д. Грач в 1950–1960-е гг. раскопал ряд объектов, которые позднее он выделил в особую монгун-тайгинскую археологическую культуру эпохи бронзы [Грач, 1971; Чугунов, 1994]. В зависимости от местных условий камни объектов эпохи бронзы должны быть более задернованы и углублены в землю (на 20 см и более) по сравнению с древнетюркскими памятниками.

«Округлые» и «сердцевидные» формы «личин» эпох камня и бронзы характерны не только для изваяний, но и для рисунков на скалах или на керамике из Сибири, Центральной Азии, Дальнего Востока, Нижнего Амура, Америки и Европы [Окладникова, 1979; Марсадолов, 2025]. Изваяния эпохи бронзы из Тувы имеют ряд аналогий среди объектов в соседних регионах — на Алтае, в Монголии, Синьцзяне, Минусинской котловине (рис. 6–8) и на других территориях [Кубарев, 2009; Леонтьев, Капелько, Есин, 2006; Марсадолов, 2007; Ковалев, Мунхбаяр, 2015].

Заключение

В 1950–1970-е гг. А.Д. Грачом были найдены, изучены и переданы в музеи каменные изваяния разных периодов истории Тувы. Из 12 эрмитажных изваяний не менее трех относятся к эпохе бронзы, а 9 скульптур — к древнетюркскому периоду. Вероятно, в эпоху бронзы в Туве располагался довольно крупный, но пока мало изученный регион с каменными изваяниями, возможно, двух или более хронологических этапов.

Для решения проблемы с древней скульптурой, находящейся на памятнике поэта Велимира Хлебникова и его родственников в Москве, должна быть создана специальная административно-научная комиссия.

Изваяния из Государственного Эрмитажа являются важными источниками для изучения древней и раннесредневековой истории и культуры кочевников Тувы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и Саяны, совершенное в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А. В. Адриановым. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1888. 276 с.

Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М. : Изд-во восточной литературы, 1961. 96 с.

Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // Учёные записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1971. Вып. XV. С. 93–106.

Дыртык-оол А. О. Музейное дело Тувы. Кызыл : ТывГУ, 2006. 85 с.

Килуновская М. Е. Собрание каменных изваяний Национального музея им. Алдан-Маадыр Республики Тыва // Наследие народов Центральной Азии и сопредельных территорий: изучение, сохранение и использование : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (9–10.09.2009. Кызыл, Россия). Кызыл, 2009. Ч. 1. С. 64–67.

Ковалев А. А., Мунхбаяр Ч. Чемурческий ритуальный комплекс Хар чулуут-1 в истоках реки Ход (Кобдо) (предварительное сообщение) // Древнейшие европей-

цы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. СПб. : МИСР, 2015. Ч. II. С. 155–214.

Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). Новосибирск : Наука, 1979. 120 с.

Кубарев В.Д. Памятники каракольской культуры Алтая. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ, 2009. 264 с.

Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакаское кн. изд-во, 2006. 236 с.

Марсадолов Л.С. 1200, 600 и 300-летние периодизации археологических эпох и этапов для древней, античной и средневековой культур на Горном Алтае // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: сборник статей, посвященный 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 57–64.

Марсадолов Л.С. Каталогные описания №№ 343–348 // Мир кочевников. Из археологических коллекций Государственного Эрмитажа. Каталог выставки. СПб. : Славия, 2013. С. 105–107.

Марсадолов Л.С. Каталогные описания №№: 487–505 // Кочевники Евразии на пути к империи. Каталог выставки из собрания Государственного Эрмитажа. СПб. : Славия, 2012. С. 184–185, 188–190.

Марсадолов Л.С. Отчёт об исследовании древних святилищ Алтая в 2003–2005 годах: материалы Саяно-Алтайской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа. СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. Вып. 5. 278 с.

Марсадолов Л.С. Прототипы каменных антропоморфных «личин» из Семисарта на Алтае // XVII Оразбаевские чтения : материалы Международной научно-методической конференции (Алматы, 25–26 апреля 2025 г.). Алматы : Казак университети, 2025. С. 91–104.

Окладникова Е.А. Загадочные личины Азии и Америки. Новосибирск : Наука, 1979. 168 с.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. 209 с.

Фёдоров Г. «С улыбкою недвижимой...» // Юность. 1975. №7. С. 103–104.

Хлебников В. Доски судьбы. СПб. : Вита Нова, 2024. 608 с.

Чугунов К.В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. Вып. 8. С. 43–53.

References

Adrianov A. V. *Puteshestvie na Altai i Sayany, sovershennoye v 1881 g. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva chlenom-sotrudnikom A. V. Adrianovym* [Journey to the Altai and Sayan mountains made in 1881 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by a member of the staff A. V. Adrianov]. St. Petersburg: Publishing House of Imper. Sciences Academy, 1888, 276 p. (in Russian).

Chugunov K. V. *Mongun-taiginskaya kul'tura epokhi pozdnei bronzy Tuvy (tipologicheskaya klassifikatsiya pogrebal'nogo obryada i odnositel'naya khronologiya)* [Mongun-Taigin culture

of the Late Bronze Age of Tuva (typological classification of the funeral rite and relative chronology)]. *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin]. 1994, vol. 8, pp. 43–53 (in Russian).

Dyrtyk-ool A. O. *Muzeinoe delo Tuvy* [Museum Work in Tuva]. Kyzyl: TuvGU, 2006, 85 p. (in Russian).

Fedorov G. “S ulybkoyu nedvizhnoi...” [“With a smile immovable...”]. *Zhurnal “Yunost”* [Magazine 'Youth']. Moscow, 1975, no. 7, pp. 103–104 (in Russian).

Grach A. D. *Drevnetyurkskie izvayaniya Tuvy* [Ancient Turkic statues of Tuva]. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 1961, 96 p. (in Russian).

Grach A. D. *Novye dannye o drevnei istorii Tuvy* [New data on the ancient history of Tuva]. *Uchyonye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. [Scientific notes of the Tuva Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl, 1971, vol. XV, pp. 93–106 (in Russian).

Khlebnikov V. *Doski sud'by* [Boards of fate]. St. Petersburg: Vita Nova Publ., 2024, 608 p. (in Russian).

Kilunovskaya M. E. *Sobranie kamennykh izvayanii Natsional'nogo muzeya im. Aldan-Maadyr Respubliki Tyva. Nasledie narodov Tsentral'noi Azii i sopredel'nykh territorii: izuchenie, sokhranenie i ispol'zovanie. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (9–10.09.2009. Kyzyl, Rossiya)* [Collection of stone sculptures of the National Museum Aldan-Maadyr of the Republic of Tuva. Heritage of the peoples of Central Asia and neighboring territories: study, preservation and use. Materials International. scientific-practical. conf. (9–10.09.2009. Kyzyl, Russia)]. Kyzyl, 2009, vol. 1, pp. 64–67 (in Russian).

Kovalev A. A., Munkhbayar Ch. *Chemurcheskii ritual'nyi kompleks Khar chuluut-1 v istokakh reki Khod (Kobdo) (predvaritel'noe soobshchenie)* [Chemurchesky ritual complex Har chuluut 1 at the headwaters of the Khod (Kobdo) river (preliminary report)]. *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: chemurcheskii kul'turnyi fenomen* [The oldest Europeans in the heart of Asia: Chemurchek cultural phenomenon]. St. Petersburg: MISR Publ., 2015, vol. II, pp. 155–214 (in Russian).

Kubarev V. D. *Drevnie izvayaniya Altaya (Olennye kamni)* [Ancient statues of Altai. Deer stones]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 120 p. (in Russian).

Kubarev V. D. *Pamyatniki karakol'skoi kul'tury Altaya* [Monuments of the Karakol culture of Altai]. Novosibirsk: IAET Publ., 2009, 264 p. (in Russian).

Leont'ev N. V., Kapel'ko V. F., Esin Yu. N. *Izvayaniya i stely okunevskoi kul'tury* [Sculptures and steles of Okunev culture]. Abakan: Khakass Book Publ., 2006, 236 p. (in Russian).

Marsadolov L. S. 1200, 600 i 300-letnie periodizatsii arkheologicheskikh epokh i etapov dlya drevnei, antichnoi i srednevekovoi kul'tur na Gornom Altae [1200, 600 and 300-year periodizations of archaeological eras and stages for ancient, antiquity and medieval cultures in Gornyy Altai]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy: sbornik statei, posvyashchennyi 70-letiyu professora Yu. F. Kiryushina* [Archeology of Western Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research: a collection of articles dedicated to the 70-th anniversary of Professor Yu. F. Kiryushin]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2015, pp. 57–64 (in Russian).

Marsadolov L. S. Kataloghnye opisaniya №№ 343–348 [Catalog descriptions No. 343–348]. *Mir kochevnikov. Iz arkheologicheskikh kollektzii Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* [World of nomads. From the archaeological collections of The State Hermitage Museum. Exhibition catalogue]. St. Petersburg: “Slavia” Publ., 2013, pp. 105–107 (in Russian).

Marsadolov L. S. Kataloghnye opisaniya №№: 487–505 [Catalog descriptions No. 487–505]. *Kochevniki Evrazii na puti k imperii. Katalog vystavki iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha* [Nomads of Eurasia on the way to the empire. Exhibition catalog from the collection of The State Hermitage Museum]. St. Petersburg: Slavia Publ., 2012, pp. 184–185, 188–190 (in Russian).

Marsadolov L. S. *Otchyot ob issledovanii drevnikh svyatilishch Altaya v 2003–2005 godakh. Materialy Sayano-Altajskoi arkheologicheskoi ekspeditsii Gos. Ermitazha* [Report on the study of the ancient shrines of Altai in 2003–2005. Materials of the Sayano-Altai archaeological expedition The State Hermitage museum]. St. Petersburg: Gos. Ehrmitazh Publ., 2007, vol. 5, 278 p. (in Russian).

Marsadolov L. S. Prototipy kamennykh antropomorfnykh “lichen” iz Semisarta na Altae [Prototypes of stone anthropomorphic “faces” from Semisart in Altai]. *XVII Orazbaevskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi konferentsii (Almaty, 25–26 aprelya 2025 g.)* [XVII Orazbaev readings: materials of the international scientific and methodological conference (Almaty, April 25–26, 2025)]. Almaty: Kazak universiteti, pp. 91–104 (in Russian).

Okladnikova E. A. *Zagadochnye lichiny Azii i Ameriki* [Mysterious faces of Asia and America]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 168 p. (in Russian).

Savinov D. G. *Olennye kamni v kul'ture kochevnikov Evrazii* [Deer stones in the culture of nomads of Eurasia]. St. Petersburg: Sankt-Peterburg universitet Publ., 1994, 209 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 09.04.2025

Принята к публикации: 03.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 902.6

DOI 10.14258/nreur(2025)4–04

*А. С. Пилипенко, Р. О. Трапезов, С. В. Черданцев, М. А. Томилин**Институт цитологии и генетики СО РАН, Новосибирск (Россия)**Д. В. Папин**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия);**Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)*

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОГЕНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ БОБРОВСКОГО ГРУНТОВОГО МОГИЛЬНИКА (ЛЕОСОСТЕПНОЙ АЛТАЙ)

Бобровский грунтовый могильник, расположенный в Барнаульско-Бийском Приобье лесостепного Алтая, на правом берегу Оби, датируется переходным периодом от эпохи бронзы к раннему железному веку (VIII–VII вв. до н. э.). Из него происходит единственная для Верхнего Приобья палеоантропологическая (краниологическая) коллекция от населения этого времени, позволяющая провести анализ региональных этногенетических процессов в данный период. Целью данного предварительного исследования являлась оценка степени сохранности ДНК в серии образцов из Бобровского могильника на уровне митохондриальной ДНК (мтДНК) и ядерной ДНК и перспективности углубленного палеогенетического анализа этих материалов как практически безальтернативного на данный момент источника молекулярно-генетических данных о рассматриваемой региональной популяции. Для двенадцати индивидов с наиболее высокой сохранностью скелетных останков, включенных в исследование, были получены серии образцов ДНК и оценен уровень ее сохранности. Сохранность ДНК в палеоантропологических образцах из Бобровского могильника низкая, что не характерно для региона в целом и, по-видимому, определяется специфическими локальными условиями среды, в которую попадали останки в погребениях. Генофонд мтДНК носителей большереченской культуры из Бобровского могильника включает как восточно-евразийские (C, D, N9a, M7), так и западно-евразийские (H) гаплогруппы мтДНК. Данные по составу мужского генофонда получить не удалось. Первые данные составу генофонда мтДНК большереченского населения переходного времени коррелируют с результатами краниометрического анализа и не противостоят участию генетически (филогеографически) контрастных компонентов в сложении генетической структуры исследуемой популяции, включая участие как автохтонных для Сибири популяций, так и мигрировавших в регион в предшествующие периоды. Таким образом, предварительные палеогенетические результаты коррелируют

с данными антропологии и археологии, объясняющими вариативность погребального обряда, наблюдаемую на Бобровском могильнике, наличием разных по происхождению этнокультурных компонентов, участвовавших в генезисе населения большереченской культуры переходного времени.

Ключевые слова: Барнаульско-Бийское Приобье, большереченская культура переходного времени от бронзового века к железному, Бобровский могильник, палеогенетика, древняя ДНК, митохондриальная ДНК

Для цитирования:

Пилипенко А. С., Трапезов Р. О., Черданцев С. В., Томилин М. А., Папин Д. В.

Предварительные результаты палеогенетических исследований Бобровского грунтового могильника (леосостепной Алтай) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 70–92. DOI 10.14258/nreur(2025)4–04

Пилипенко Александр Сергеевич, кандидат биологических наук, заведующий Межинститутской лабораторией молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** alexpil@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>

Трапезов Ростислав Олегович, кандидат биологических наук, научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** Rostislav@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>

Черданцев Степан Викторович, младший научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** stephancherd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>

Томилин Матвей Алексеевич, младший научный сотрудник Межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦиГ СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** dogle.rus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2616-8712>

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, заведующий Барнаульской лабораторией археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, Россия; доцент Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия. **Адрес для контактов:** rapindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

A. S. Pilipenko, R. O. Trapezov, S. V. Cherdantsev, M. A. Tomilin

Institute of Cytology and Genetics SB RAS, Novosibirsk (Russia)

D. V. Papin

Altai State University, Barnaul (Russia);

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

PRELIMINARY RESULTS OF PALEOGENETIC STUDIES OF THE BOBROVSKY GROUND BURIAL (FOREST-STEPPE ALTAI)

The Bobrovsky burial ground, located in the Barnaul-Biysk Ob region of the forest-steppe Altai, on the right bank of the Ob River, dates back to the transition period from the Bronze Age to the Early Iron Age (VIII–VII centuries BC). The unic paleoanthropological (craniological) collection from the population of the Upper Ob region of that time, allowing an analysis of regional ethnogenetic processes in this period was obtained here. The main goal of this preliminary study was to assess the degree of DNA preservation in a series of samples from the Bobrovsky burial ground at the level of mitochondrial DNA (mtDNA) and nuclear DNA and the prospects for further comprehensive paleogenetic analysis of these materials, as an almost non-alternative source of molecular genetic data on the regional population under consideration. For the twelve individuals with the highest preservation of skeletal remains included in the study, a series of DNA samples were obtained and the level of its preservation was assessed. DNA preservation in paleoanthropological samples from the Bobrovsky burial ground is low, which is not typical for the region as a whole and, apparently, is determined by the specific local conditions of the environment into which the remains fell in burials. The mtDNA gene pool of Bolsherechenskaya culture carriers from the Bobrovsky burial ground includes both East Eurasian (C, D, N9a, M7) and West Eurasian (H) mtDNA haplogroups. Data on the composition of the male gene pool could not be obtained. The first data on the composition of the mtDNA gene pool of the Bolsherechenskaya population correlate with the results of craniometric analysis and do not contradict the participation of genetically (phylogeographically) contrasting components in the composition of the genetic structure of the studied population, including the participation of both populations native to Siberia and those that migrated to the region in different previous periods. Thus, the preliminary paleogenetic results correlate with the data of anthropology and archeology, explaining the variability of the funeral rite observed at the Bobrovsky burial ground, by the presence of different ethnocultural components involved in the genesis of the population of the Bolsherechenskaya culture of the transitional period.

Keywords: Barnaul-Biysk Ob region, Bolsherechenskaya culture of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age, Bobrovskoye burial ground, paleogenetics, ancient DNA, mitochondrial DNA

For citation:

Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Tomilin M. A., Papin D. V. Preliminary results of paleogenetic studies of the Bobrovsky ground burial (forest-steppe Altai). Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30, № 4. P. 70–92 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–04.

Pilipenko Alexander Sergeevich, Candidate of Biological Sciences, Head of the Inter-Institute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** alexpil@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1009-2554>

Trapezov Rostislav Olegovich, PhD in Biology, Researcher at the Interinstitute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia).

Contact address: Rostislav@bionet.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0483-530X>

Cherdantsev Stepan Viktorovich, Junior Researcher at the Interinstitute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, ICG SB RAS, Novosibirsk (Russia).

Contact address: stephancherd@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4384-3468>

Tomilin Matvey Alekseevich, Junior Researcher, Interinstitute Laboratory of Molecular Paleogenetics and Paleogenomics, Institute of Cytology and Genetics, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** dogle.rus@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2616-8712>

Papin Dmitry Valentinovich, PhD (History), Head of the Barnaul Laboratory of Archaeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia; Associate Professor, Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** papindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Введение

Население переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в южной части Верхнего Приобья, охватывающей лесостепную зону Барнаульско-Бийского Приобья, представлено носителями «большереченской культуры переходного времени», датируемой VIII–VII вв. до н. э. Термин «большереченская культура» при анализе материалов из Верхнего Приобья впервые использовал М. П. Грязнов, рассматривая ее в составе круга региональных культур раннего железного века [Грязнов, 1951]. Позднее М. П. Грязнов относит все памятники Верхнего Приобья, датируемые в пределах VII в. до н. э. — I в. н. э., к большереченской культуре, разделив ее на несколько этапов — большереченский, бийский и березовский. Самый ранний этап (большереченский этап большереченской культуры), датируемый VII–VI вв. до н. э., отражал переход от карасукской культурной традиции к раннему железному веку [Грязнов, 1956].

Т. Н. Троицкая, рассматривая материалы северной части Верхнего Приобья, выделила для этого региона большереченский (ранний, VII–I вв. до н. э.) этап в самостоятельную завьяловскую культуру [Троицкая, 1972]. Название «большереченская культура переходного времени» было предложено относить к материалам VIII–VI вв. до н. э.

из южной части Верхнего Приобья [Шамшин, 1988, 1989] (т.е. синхронным завьяловским материалам более северных районов Верхнего Приобья). Более поздние материалы раннего железного века (V–I вв. до н.э.) из Верхнего Приобья, первоначально отнесенные М.П. Грязновым к следующим этапам большереченской культуры, было предложено рассматривать в рамках каменной культуры скифского времени [Уманский, 1980; Могильников, 1980, 1997]. Это предложение было принято по крайней мере для материалов южной части Верхнего Приобья (Барнаульско-Бийская лесостепь), хотя не все исследователи приняли данную концепцию [Троицкая, Бородовский, 1994].

В фокусе нашего внимания на данном этапе исследования находятся вопросы, связанные с популяционной историей Верхнего Приобья (т.е. происхождением, популяционно-генетическими связями и ролью в последующих этапах формирования состава населения). Мы рассматриваем их в рамках диахронного подхода, объединяющего методы археологии, физической антропологии и палеогенетики. Корпус источников по истории населения Барнаульско-Бийского Приобья переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку характеризуется превалированием поселенческих комплексов над погребальными. Основным источником для этнокультурных построений методами археологии стали материалы, полученные при исследовании поселений Ближние Елбаны I и Мыльниково, раскопанные большими площадями [Папин, Шамшин, 1998]. Общее число известных и исследованных (в разной степени) поселенческих памятников составляет порядка 30 [Папин, 2004].

Помимо поселений, исследована серия могильников, оставленных носителями большереченской культуры переходного времени на территории южной части Верхнего Приобья. Погребальный обряд этого населения реконструирован на основе материалов нескольких крупных грунтовых могильников, таких как Ближние Елбаны — VII, XII, XIV и Бобровский, а также на небольших сериях погребений (часто единичных погребениях), исследованных на ряде других памятников [Грязнов, 1956; Тур, Фролов, 2001; Кунгуров, Папин, 2001]. Основными его признаками являются: трупоположение головой на юго-восток, юго-запад, наличие следов огня в могиле и частое отсутствие инвентаря. Из предметов в могилу чаще всего помещались сосуды, в большинстве случаев это небольшие полусферические чаши [Грязнов, 1956; Шамшин и др., 1996; Кунгуров, Папин, 2001].

Совершенно иначе обстоит дело с современным состоянием исследований населения южной части Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку в отношении популяционной истории, в частности, с анализом материалов перечисленных могильников методами физической антропологии. Краниометрическому анализу были подвергнуты лишь антропологические материалы, полученные при раскопках единственного (!) памятника — Бобровского могильника [Тур, 2001; Тур, Фролов, 2001]. В литературе упоминаются также сведения о предварительном краниометрическом анализе лишь небольшой серии черепов из состава палеоантропологических материалов, полученных при раскопках серии могильников Ближние Елбаны-VII, XII, XIV (на основе анализа которых и была первоначально выделена большереченская культура), хотя именно из этой серии могильников происходит более половины всех известных погребений. В работе констатируется крайне низкая

степень сохранности черепов, снижающая их информативность [Алексеев, 1954]. Насколько нам известно, материалы должны находиться на хранении в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Их состояние и доступность для междисциплинарного исследования пока не ясны. Таким образом, к настоящему моменту Бобровский могильник представляет собой единственный крупный погребальный памятник, доступный для междисциплинарного исследования с целью реконструкции этногенетической истории носителей большеереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Бобровский грунтовый могильник расположен к югу от с. Бобровка Первомайского района Алтайского края, на правом коренном реку Оби (рис. 1).

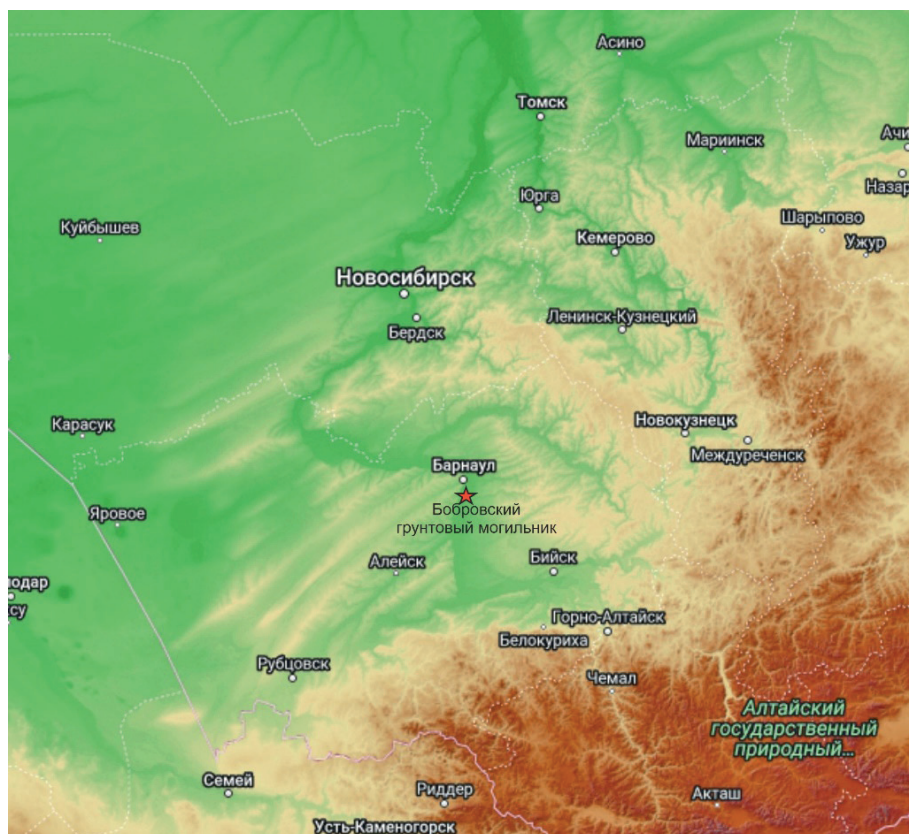

Рис. 1. Местоположение Бобровского грунтового могильника
в Барнаульско-Бийском Приобье

Fig. 1. The location of the Bobrovsky burial ground in the Barnaul-Biysk Ob region

Памятник в разные годы раскапывался экспедициями Алтайского государственного краеведческого музея под руководством Э.М. Медниковой и Алтайского государственного университета под руководством А.Б. Шамшина, его материалы подверглись всестороннему анализу [Шамшин и др., 1996; Папин, 2008]. Инвентарь демонстрирует

определенное единообразие, представлен в основном керамикой, аналогии которой находятся прежде всего в материалах некрополей Ближние Елбаны — VII, XII, XIV. Памятник датируется в пределах VIII–VII вв. до н. э. Подробный анализ погребального обряда демонстрируют его определенную вариативность в пределах Бобровского могильника, которая может свидетельствовать о двух «моделях», потенциально связанных с «ирменским» и «андроноидным (корчажкинским)» происхождением [Тур, Фролов, 2001].

Как уже было отмечено выше, из Бобровского могильника происходит единственная для южной части Верхнего Приобья относительно представительная антропологическая коллекция переходного времени [Тур, 2001; Тур, Фролов, 2001]. Она активно используется при антропологических реконструкциях истории населения Западной Сибири [Рыкун, 2013; Кишкурно, 2023]. Антропологические материалы характеризуются низкой степенью сохранности, из-за чего полученные из большей части погребений Бобровского могильника непригодны для краниометрического анализа. Тем не менее, С. С. Тур удалось провести реконструкцию более 25 черепов (из 61 погребенного индивида) и выполнить краниометрический анализ.

Однако «суммарная краниометрическая характеристика этих материалов в аспекте происхождения населения большереченской культуры оказалась недостаточно информативной и не давала возможности выйти за пределы представлений о местной генетической основе» [Тур, Фролов, 2001]. Разделение краниологической серии Бобровского могильника в соответствии с особенностями погребальной обрядности и анализ характера вариативности отдельных признаков и их групп (что отчасти связано с плохой сохранностью материала и невозможность анализа полного набора анализируемых признаков для части черепов) позволило С. С. Тур констатировать неоднородность состава исследуемой группы населения и предположить наличие трех основных компонентов, которые могли лежать в основе формирования состава населения, сформировавшего Бобровский могильник [Тур, 2001]. Промежуточный европеоидно-монголоидный компонент связан происхождением с местным неолитическим населением. При взаимодействии потомков автохтонных групп с пришлыми елунинскими формируется смешанный тип («средиземноморский»), который затем подвергается модификации под влиянием пришлых андроновских популяций. Кроме того, особое место занимает группа мужских погребений Бобровского могильника с северо-западной ориентацией и краниологическими параметрами, характерными для «ранних скифов» степной зоны Алтая [Тур, 2001]. Таким образом, можно констатировать сложность картины происхождения генетического состава населения, которую удалось предварительно зафиксировать по результатам краниометрического анализа материалов из Бобровского могильника.

Полученные антропологические реконструкции, безусловно, нуждаются в дальнейшей верификации и детализации, как с привлечением дополнительных антропологических материалов рассматриваемого периода из Верхнего Приобья, так и за счет применения методов палеогенетики, в частности, включения материалов переходного периода в состав диахронных палеогенетических моделей для данного региона. При этом низкий уровень макроскопической сохранности материалов, который констатируют специалисты-антропологи, свидетельствует в пользу потенциально низкой

степени сохранности ДНК в антропологическом материале Бобровского могильника. В рамках данного предварительного исследования мы поставили целью оценить степень сохранности ДНК в серии образцов из Бобровского могильника на уровне митохондриальной ДНК (мтДНК) и ядерной ДНК и перспективность углубленного палеогенетического анализа этих материалов как практически безальтернативного (на данный момент) источника молекулярно-генетических данных о рассматриваемой региональной популяции.

Материалы и методы исследования

Как было отмечено выше, Бобровский могильник является базовым для изучения переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа Барнаульско-Бийского Приобья. Однако значительная часть из 58 исследованных могил (три из которых — парные) содержали палеоантропологические материалы, характеризующиеся крайне низким уровнем сохранности останков и их фрагментарностью [Шамшин и др., 1996]. Например, из 61 индивида, погребенного на памятнике, реконструировать черепа до состояния, позволяющего провести хотя бы частичный краниометрический анализ, оказались возможно лишь для 16 мужских и 11 женских скелетов [Тур, 2021]. Для значительной части из этой серии черепов не удалось провести анализ всех краниометрических признаков, что существенно затрудняло исследование данных и снижало их информативность.

По результатам предварительного анализа макроскопической сохранности палеоантропологических останков с участием палеогенетика и антрополога был сделан вывод о полной непригодности фрагментов поскраниального скелета и большинства фрагментов черепа для проведения молекулярно-генетического анализа. Наш опыт показывает, что в материалах такой степени сохранности в подавляющем большинстве случаев не содержится ДНК, пригодная для молекулярно-генетического анализа любым из имеющихся методов. Интересно, что это касалось и пирамиды височной кости (для тех индивидов, у которых они вообще сохранились).

Единственным типом материала в данной коллекции, который потенциально мог содержать ДНК, пригодную для исследования, являлись зубы. На момент отбора образцов зубы присутствовали далеко не у всех индивидов, а значительная часть зубов в составе коллекции характеризовалась признаками низкой макроскопической сохранности. Принимая во внимание эти факторы, для проведения анализа нами были отобраны по два зуба от двенадцати индивидов (для которых сохранность зубов была наилучшей в пределах серии). Следует отметить, что даже для этих индивидов сохранность зубов существенно уступала обычному уровню, характерному для большинства предшествующих и более поздних погребальных памятников Барнаульского Приобья, с которыми мы ранее имели дело в процессе выполнения палеогенетических исследований. Список 12 индивидов, для которых удалось отобрать образцы, включенные в работу, представлен в таблице.

Зубы после отбора из палеоантропологической коллекции в кабинете антропологии Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета были переданы в межинститутскую лабораторию молекулярной палеогенетики и палеогеномики Федерального исследовательского центра Института цитологии и генетики Сибирского отделения Российской академии наук (ИЦИГ СО РАН) (Новосибирск).

Все последующие процедуры предварительной деконтаминации материала и получения порошка, используемого для экстракции суммарной ДНК, выполняли в условиях чистой зоны, предотвращающих возможное загрязнение материала современной ДНК в процессе отбора образцов.

Результаты анализа сохранности ДНК на примере различных молекулярно-генетических маркеров в образцах, полученных из материалов Бобровского могильника переходного от бронзы к железу времени, структура и филогенетическое положение структурных вариантов (гаплотипов) мтДНК, выявленных в образцах с достаточной для проведения анализа степенью сохранности мтДНК

Results of DNA preservation analysis for different molecular genetic markers in samples obtained from the the Bobrovsky burial ground of the transition from Bronze to Iron age, the structure and phylogenetic position of mtDNA structural variants (haplotypes) identified in samples with a sufficient degree of mtDNA preservation

Мо-гила (ск.)	Лаб. код	Гаплотип ГВС1 мтДНК	Гаплогруппа мтДНК	Пол антропология / Пол генетика / Наличие данных по ауто-сомным STR-локусам	Наличие данных по STR-локусам Y-хромосомы
30 (1)	Bob1	16223T-16298C-16327T	C	M/M/ только короткие фрагменты	Ч. д. (только короткие фрагменты)
49 (2)	Bob ²	16239T-16298C-16327T	C	Ж/Ж/ только короткие фрагменты	-
40	Bob ³	16304C	H	Ж?/ Н. д. / Н. д.	
52	Bob4	Н. д.	Н. д.	M/ Н. д. / Н. д.	Н. д.
41	Bob5	16189C-16223T-16297C-16298C-16325C	M7 (M7b ²)	M/M/ только короткие фрагменты	Ч. д. (только короткие фрагменты)
48	Bob6	16111T-16129A-16223T-16257A	N9a	Н. д./ Н. д. / Н. д.	Н. д.
46	Bob7	16223T-16362C	D	M/M/ только короткие фрагменты	Ч. д. (только короткие фрагменты)
27	Bob8	16223T-16362C	D	M/ Н. д. / Н. д.	Н. д.
30 (2)	Bob9	Н. д.	Н. д.	M/Н. д. / Н. д.	Н. д.
47	Bob10	Н. д.	Н. д.	Ж/ Н. д. / Н. д.	Н. д.
50	Bob11	Н. д.	Н. д.	M/ Н. д. / Н. д.	Н. д.
42	Bob12	Н. д.	Н. д.	M/ Н. д. / Н. д.	Н. д.

Примечание: Ч. д. — данные получены частично; н. д. — данные не получены

Поверхность зубов механически очищали от загрязнений. Деконтаминацию от современной ДНК проводили с помощью выдерживания зубов в растворе гипохлорита натрия с последующим отмыванием стерильной водой, этиловым спиртом и облучением ультрафиолетом. После деконтаминации зубы доводили до состояния мелко-дисперсного порошка с помощью шаровой ротационной мельницы Retsch MM-200 (Retsch, Германия). Для экстракции ДНК порошок подвергали процедуре декальцинирования в 0.5 М растворе ЭДТА с последующим лизисом в буферном растворе с протеи-

назой К (Сибэнзим, Россия). ДНК выделяли методом фенол-хлороформной экстракции с последующим осаждением изопропанолом. Полученный водный раствор ДНК хранили в замороженном состоянии. Структуру мтДНК оценивали по последовательности первого гипервариабельного участка контрольного района (ГВС I мтДНК). Амплификацию ГВС I мтДНК проводили двумя разными методами: четырех коротких перекрывающихся фрагментов посредством однораундовой ПЦР [Haak et al., 2005] и одного протяженного фрагмента с помощью вложенной двухраундовой ПЦР [Пилипенко и др., 2008]. Последовательности нуклеотидов определяли с использованием набора реактивов ABI Prism BigDye Terminator Cycle Sequencing Ready Reaction Kit (Applied Biosystems, USA). Секвенирующую реакцию проводили согласно рекомендациям производителя набора. Продукты секвенирующей реакции анализировали на автоматическом капиллярном секвенаторе ABI Prism 3130XL Genetic Analyzer (Applied Biosystems, США) в центре коллективного пользования «Геномика» СО РАН (<http://sequest.niboch.nsc.ru>). Филогенетическое положение исследуемых структурных вариантов мтДНК носителей устанавливали на основании существующей классификации вариантов мтДНК (www.phylotree.org) [van Oven, Kayser, 2009]. Филогеографический анализ исследованных вариантов мтДНК проводили с использованием базы данных по вариабельности мтДНК в современных и древних популяциях Евразии, сформированной в ИЦИГ СО РАН из опубликованных в научной печати результатов, а также включающей банк результатов по вариабельности мтДНК в древних популяциях Евразии, полученных в ИЦИГ СО РАН.

Оценку степени сохранности ядерной ДНК проводили с помощью анализа профилей набора аутосомных STR-локусов и маркеров половой принадлежности останков с использованием коммерческих наборов реактивов: AmpFlSTR® Identifier® Plus PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США), COrDIS «ЭКСПЕРТ 26» (Гордиз, Россия) согласно инструкциям производителей. Оценку степени сохранности и анализ структуры вариантов Y-хромосомы (аллельный профиль STR-маркеров Y-хромосомы) выполняли с помощью коммерческих наборов реактивов AmpFlSTR® Y-filer® PCR Amplification Kit (Applied Biosystems, США), COrDIS Y-STR (Гордиз, Россия) согласно инструкциям производителей. Принадлежность исследованных STR-гаплотипов Y-хромосомы к гаплогруппам устанавливали с использованием программ-предикторов, находящихся в свободном доступе.

Все работы с древним материалом выполнены на базе специализированной инфраструктуры, оборудованной для палеогенетических исследований в межинститутской лаборатории молекулярной палеогенетики и палеогеномики ИЦИГ СО РАН (Новосибирск, Россия). Меры против контаминации и процедуры верификации результатов описаны в наших предыдущих работах [Pilipenko et al., 2018a, б].

Результаты и обсуждение

Одной из основных целей проведения данного молекулярно-генетического анализа является оценка пригодности материалов из Бобровского могильника для проведения молекулярно-генетических исследований. Уровень сохранности скелетных останков в погребениях памятника очень низкий. Единственным потенциально пригодным для этих целей материалом являются зубы. О степени сохранности и комплек-

ности скелетного материала красноречиво свидетельствует тот факт, что для проведения исследования нам удалось отобрать зубы минимально приемлемой макроскопической сохранности только от двенадцати индивидов (из 61 индивида, погребенного в могильнике).

Следует отметить, что ситуация с крайне низкой макроскопической сохранностью останков, отмеченная на Бобровском могильнике, не характерна для антропологического материала из южной части Верхнего Приобья. Ранее разновременные материалы Барнаульского Приобья, относящиеся к андроновской (федоровской), староалейской, каменной археологическим культурам, неоднократно становились объектами палеогенетического исследования с участием авторов (см., например: [Кирюшин и др., 2015; Пилипенко, Папин, 2019; Черданцев и др., 2022]). Практически во всех случаях мы констатировали высокий уровень макроскопической сохранности останков и ДНК в них.

Напротив, Бобровский могильник из-за низкого уровня макроскопической сохранности останков в погребениях изначально выглядел как потенциально сложный объект для палеогенетического исследования. Причиной слабой сохранности останков, очевидно, являлось воздействие неблагоприятных особенностей среды, в которых находились останки в погребениях. Так как условия региона в целом, в том числе климатические, благоприятны для сохранения скелетных останков (и ДНК в них), мы полагаем, что роль неблагоприятных факторов могли играть особенности погребальной обрядности, практикуемой населением. Например, авторы раскопок отмечают незначительную глубину погребений, что способствует более сильному воздействию ряда неблагоприятных факторов внешней среды на останки (колебания температуры, воздействие свободной влаги и др.). Среди потенциально неблагоприятных факторов могло быть воздействие на останки высокой температуры (следы использования огня в погребальной практике отмечены археологами как один из типичных признаков погребальной обрядности Бобровского могильника). То, что на сохранность останков могут влиять особенности погребальной обрядности, практикуемой большеберченским населением, косвенно подтверждается данными об очень низкой сохранности скелетных останков из других могильников большеберченской культуры, в частности, останков из серии могильников Ближние Елбаны, упомянутых В. П. Алексеевым [Алексеев, 1954].

В нашей обычной практике работы с материалами из южных районов Сибири останки подобной сохранности, как правило, не исследуются, так как исключаются на уровне анализа макроскопической сохранности. Однако высокая значимость палеоантропологической серии из Бобровского могильника как ключевого материала для реконструкции истории формирования населения региона в переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа делают чрезвычайно актуальными оценку его потенциала как объекта палеогенетического исследования.

Для каждого из останков 12 индивидов, включенных в выборку, было выполнено 4–6 экстракций суммарной ДНК. Обычной практикой для наших исследований в случае образцов с хорошей сохранностью является получение двух-трех экстракций. Полученные образцы суммарной ДНК для каждого индивида были оценены на предмет возможности анализа маркеров мтДНК (фрагментов ГВСI контрольного района мтДНК различной длины), а также фрагментов ядерной ДНК (преимущественно аутосомные

STR-маркеры и STR-маркеры Y-хромосомы) различного размера. Результаты анализа представлены в таблице.

Сохранность ДНК в образцах из Бобровского могильника. Как видно из таблицы, лишь семь из 12 индивидов продемонстрировали сохранность мтДНК, достаточную для анализа используемыми нами в данной работе методами. Для этих семи индивидов нам удалось определить последовательность первого гипервариабельного сегмента контрольного района мтДНК. Таким образом, лишь чуть более половины образцов, включенных в исследование, оказались пригодными для анализа мтДНК. При этом следует учитывать, что в работу были включены лишь образцы с наибольшей степенью сохранности останков.

Результаты анализа сохранности ядерной ДНК ожидаемо оказались еще более слабыми. Лишь для пяти индивидов удалось получить какие-либо данные по структуре ядерных локусов. Учитывая специфику использованных наборов реактивов, наиболее показательной в этом отношении является ситуация с возможностью определения половой принадлежности, так как в наборах маркеры пола — наиболее короткие из амплифицируемых фрагментов (т.е. сохранность их в древнем материале потенциально более высокая по сравнению с другими анализируемыми маркерами, они наименее чувствительны к процессам деградаци ДНК). Лишь для четырех из 12 образцов нам удалось получить воспроизводимые результаты по половой принадлежности останков, а также амплифицировать наиболее короткие фрагменты, содержащие аутосомные STR-локусы. Трое из четырех индивидов оказались мужского пола, один — женского, что совпало с предварительным анализом половой принадлежности методами физической антропологии. Для трех индивидов с подтвержденным мужским полом удалось также амплифицировать наиболее короткие фрагменты Y-хромосомы, содержащие STR-локусы. Во всех случаях при работе с различными ядерными локусами нам не удалось выполнить анализ фрагментов длиной более 100–120 п. н. К сожалению, это не позволило ни в одном из случаев реконструировать профиль STR-локусов Y-хромосомы, достаточный для определения филогенетического положения ее вариантов с помощью программ-предикторов.

Таким образом, нами выявлен низкий уровень сохранности ДНК в большинстве останков, что коррелирует с наблюдаемым низким уровнем макроскопической сохранности антропологического материала из Бобровского могильника. Обычно для данного региона пригодными для анализа мтДНК оказываются 70–80% всех индивидов из могильника. В нашем исследовании чуть более половины исследованных образцов оказались пригодны для анализа мтДНК. Рассматривая результаты процедуры оценки сохранности ДНК в материале из Бобровского могильника, необходимо учитывать еще и то, что для анализа мы использовали не полную выборку могильника (61 погребенный индивид) и даже не репрезентативную ее часть, а только 1/6 часть индивидов с наиболее высоким уровнем сохранности останков.

Таким образом, доля материалов, пригодных для палеогенетического анализа, охватывает лишь незначительную часть всех погребенных индивидов. В связи с этим необходимо признать, что материалы Бобровского могильника, несмотря на высокую значимость для этногенетических реконструкций в регионе, лишь весьма ограничен-

но пригодны для палеогенетического анализа, главным образом, на уровне мтДНК. Получение данных по ядерным маркерам, по-видимому, возможно лишь при использовании методов, не требующих сохранения в материале фрагментов мтДНК длиной 100 пар нуклеотидов и более.

Единственным возможным подходом, который потенциально позволит получить хотя бы некоторый объем данных по структуре ядерных маркеров генома для исследуемого памятника, является использование методов высокопроизводительного секвенирования ДНК, которые дают возможность осуществлять анализ даже очень коротких фрагментов (от 20–30 пар нуклеотидов) фрагментов древней ДНК. С учетом установленной нами низкой степени сохранности ДНК в останках, получение более-менее информативных геномных данных (с приемлемым покрытием генома) потребует глубокого анализа полученных ДНК-библиотек, что потребует очень существенных затрат ресурсов. Это касается и эффективности полногеномного анализа ОНП как одного из наиболее часто используемых в настоящее время подходов «полногеномного» анализа палеоматериалов. В противном случае покрытие секвенированных участков генома (или доля успешно проанализированных ОНП-локусов) будет очень низким, что может привести к проблемам с достоверностью и корректностью интерпретации данных. Безусловно, при проведении такого исследования следует сфокусировать внимание на образцах, для которых мы уже продемонстрировали наличие сохранившейся древней ДНК. Мы рассматриваем возможность осуществления такого исследования в перспективе, так как на данном этапе располагаем необходимой приборной базой и компетенциями для выполнения такого геномного анализа. Однако даже при проведении такого анализа для единичных индивидов с уже установленной сохранностью древней ДНК потребуются ресурсы, многократно превышающие возможности проекта, в рамках которого был выполнен этот предварительный палеогенетический анализ.

Состав вариантов мтДНК носителей большереченской культуры переходного времени из Бобровского могильника. Основной задачей нашего предварительного палеогенетического исследования материалов Бобровского могильника была оценка степени сохранности ДНК в останках и ее пригодность для анализа различных типов маркеров. В процессе выполнения этой работы нами была определена структура гаплотипов (по ГВС1) мтДНК семи индивидов, определено филогенетическое положение мтДНК (т. е. принадлежность к гаплогруппам) всех исследованных образцов.

Насколько нам известно, полученные результаты являются первыми палеогенетическими данными о населении Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку. Размер исследованной нами серии образцов мтДНК от носителей большереченской культуры переходного времени из погребений Бобровского могильника нельзя назвать репрезентативным и достаточным, чтобы охарактеризовать структуру генофонда мтДНК этой региональной популяции. При такой численности выборки в ее состав могли случайным образом не попасть даже компоненты, занимающие в структуре генофонда мтДНК большереченской популяции доминирующее положение. Учет слабой репрезентативности выборки подразумевает, что основные выводы можно делать, основываясь на факте присутствия тех или иных вариантов (тогда как отсутствие может объясняться эффектом малой выборки).

Важно также понимать, что палеоантропологические материалы переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку являются довольно редкими и немногочисленными в палеоантропологических коллекциях не только для южной части Верхнего Приобья, т. е. лесостепного Алтая, но и для других районов южной части Западной Сибири. Так, наиболее близким географически районом, для которого также были получены данные о генофонде мтДНК населения переходного времени, является Барабинская лесостепь, где из материалов городища переходного времени Чича-1 (Чановский район Новосибирской области) была исследована серия из всего 10 образцов мтДНК [Пилипенко и др., 2008, 2009]. Для других локальных популяций региона на переходного времени данные полностью отсутствуют.

Если рассматривать полученные нами данные в рамках процесса построения диахронной палеогенетической модели (выборки образцов ДНК от представителей разновременных групп населения) лесостепного Алтая, то к настоящему моменту в ее составе присутствуют преимущественно материалы от популяций эпохи развитой бронзы (андоновская (федоровская) культура) и раннего железного века (староалейская и каменская культуры) (см., например: [Кирюшин и др., 2015; Пилипенко, Папин, 2019; Черданцев и др., 2022]; а также пока еще неопубликованные собственные данные авторов).

Другие популяции, включая популяции эпохи неолита, ранней (елунинская культура) и поздней бронзы (ирменская и корчажкинская), которые, согласно результатам антропологического исследования [Тур, 2001], потенциально могут иметь важное значение при рассмотрении этногенетической истории большебереченского населения, пока еще крайне слабо представлены среди палеогенетических результатов (в частности, авторы в настоящее время осуществляют анализ серии образцов ДНК из памятников елунинской и ирменской культуры с территории лесостепного Алтая). В связи с этим возможности использования диахронного подхода при интерпретации полученных нами данных весьма ограничены. С другой стороны, получение первых данных по генофонду мтДНК большебереченского населения мы рассматриваем как еще один шаг к насыщению диахронной модели для региона, осуществляемый параллельно с появлением данных по другим, ранее не исследованным палеогенетически популяциям.

Как видно из таблицы, среди семи исследованных образцов выявлено шесть разных гаплотипов. Лишь образцы с лабораторными шифрами Bob7 и Bob8 (из погребений № 46 и 27 соответственно) характеризуются одинаковой структурой гаплотипа, относящегося к гаплогруппе D. Важно отметить, что шесть из семи исследованных образцов мтДНК относятся к восточно-евразийскому кластеру гаплогрупп. В частности, в серии представлены филогенетические кластеры C, D, M7, N9a. Лишь один из образцов представляет гаплогруппу H, относящуюся к западно-евразийскому кластеру мтДНК.

Принимая во внимание возможное влияние малого размера выборки, мы не можем однозначно утверждать, что наблюдаемое существенное (в пределах серии) доминирование восточно-евразийских вариантов над западно-евразийскими характерно и для генофонда большебереченского населения в целом. Однако мы можем предварительно констатировать их важную роль в сложении большебереченского населения.

Таким образом, генофонд мтДНК большебереченского населения имеет смешанную структуру в отношении представленности западно- и восточно-евразийских компо-

нентов (при возможном преобладании последних). Смешанная структура генофонда является вполне ожидаемой для региона, в котором как минимум на протяжении нескольких тысячелетий (не позднее чем с эпохи ранней бронзы) происходит взаимодействие популяций, разнообразных по своему генетическому и географическому происхождению.

Проведем некоторые параллели с результатами краниометрического анализа материалов из Бобровского могильника. Как уже было отмечено выше, краниометрический анализ антропологического материала позволил выявить основные компоненты, которые легли в основу формирования состава носителей большереченской культуры переходного времени, включая базовый промежуточный европеоидно-монголоидный архаичный компонент, а также «протоевропейский» (вероятно, андроновского происхождения) и «средиземноморский» компоненты, которые модифицировали архаичный антропологический тип [Тур, 2001]. Необходимо подчеркнуть, что жесткой связи между антропологическими компонентами и вариантами мтДНК не существует (и не должно быть). Тем не менее, те данные, которые уже существуют относительно структуры генофонда разновременных популяций юга Сибири, позволяют сделать ряд предварительных заключений из полученных данных.

Прежде всего необходимо отметить, что пришлое андроновское население Верхнего Приобья характеризуется однозначным доминированием (вплоть до абсолютного) западно-евразийских вариантов мтДНК в генофонде. Таким образом, с возможным (опосредованным) вкладом компонентов андроновского происхождения в составе исследованной серии может ассоциироваться только вариант гаплогруппы Н. Этот структурный вариант, действительно, ранее был выявлен нами в составе андроновских серий Верхнего Приобья наряду с другими вариантами этой гаплогруппы [Кирюшин и др., 2015; Трапезов и др., 2022]. Именно с миграциями носителей андроновской (федоровской) культуры мы склонны связывать появление и широкое распространение вариантов гаплогруппы Н и ряда других западно-евразийских кластеров в лесостепной зоне Западной Сибири, включая Верхнее Приобье. Однако следует принимать во внимание и тот факт, что данный структурный вариант характеризуется широким распределением в Евразии и имеет относительно низкую филогеографическую информативность.

Необходимо отметить, что данные антропологии предполагают опосредованное участие андроновских по происхождению компонентов в формировании большереченского населения, а именно, через участие в этом процессе андроидных групп, в частности, носителей корчажкинской культуры андроидного круга. Андроидные культуры формируются в различных регионах юга Сибири в результате взаимодействия мигрантов-андроновцев с аборигенными популяциями региона. Характер этого взаимодействия представляется очень разнообразным: от почти полного отсутствия контактов на генетическом уровне до интенсивного смешения и генетической ассимиляции пришлых групп автохтонным населением (см. например: [Молодин и др., 2013]). В последнем случае андроидные группы могут нести в своем генофонде как пришлые (исходно андроновские), так и аборигенные по происхождению (автохтонно сибирские) компоненты. Такими автохтонными компонентами могут быть восточно-евразийские варианты мтДНК. Поэтому вывод об участии (или его отсутствии) компонентов андро-

новского происхождения на данном этапе остается без однозначного ответа. Как минимум, представляется необходимым получение данных о составе генофонда андронидного корчажкинского населения с территории Верхнего Приобья. Помочь в решении этих вопросов могли бы данные по Y-хромосоме, но как для Бобровского могильника, так и для андронидных групп Западной Сибири они пока еще не получены.

Рассмотрим также и первые данные о разнообразии восточно-евразийских вариантов мтДНК, выявленных в серии из Бобровского могильника (как и прежде, в свете данных антропологии). Варианты С и D гаплогрупп, представленные корневыми и близкими к ним гаплотипами, имеющими чрезвычайно широкое распространение в Восточной Евразии (в первую очередь в Северной и Центральной Азии), можно ассоциировать с потенциальным участием в формировании большереченского населения компонентов, имеющих автохтонное сибирское происхождение. Например, для соседнего и наиболее хорошо палеогенетически исследованного региона Барабинской лесостепи варианты как раз С и D гаплогрупп, представленные, как и в нашей серии, преимущественно корневыми их гаплотипами, составляют основу восточно-евразийской части мтДНК (наряду с некоторыми вариантами гаплогруппы А, такими, как подгруппа А10) на протяжении всех периодов доандроновской бронзы [Молодин и др., 2013].

Что касается непосредственно популяций Верхнего Приобья, то восточно-евразийские компоненты, включая гаплогруппу С, входили в состав населения региона в эпохи неолита [Dryomov et al., 2021] и доандроновской бронзы (елунинская культура — неопубликованные данные авторов). Таким образом, присутствие рассматриваемых восточно-евразийских вариантов, как минимум, не противоречит выводам антропологов о возможном участии в формировании большереченского населения компонентов, связанных по своему происхождению с древними автохтонными компонентами региона (восходящими к неолиту), а также связанными с населением ранней бронзы (елунинцами). Но полученные на данном этапе палеогенетические данные некорректно использовать для более детальных выводов.

Другие восточно-евразийские компоненты, выявленные в данной работе — гаплогруппы N9a и M7, по-видимому, могут быть связаны с более поздними эпизодами проникновения восточно-евразийских вариантов в южные районы Западной Сибири из других районов восточной части Евразии, потенциально включая как прилегающие Алтае-Саянский регион и районы Центральной Азии, так и более южные и юго-восточные территории Азии (включая и Среднюю Азию). Считать эти гаплогруппы даже потенциально ассоциированными с вкладом архаичного европеоидно-монголоидного антропологического компонента, как елунинского, на наш взгляд, нельзя, в отличие от корневых вариантов гаплогрупп С и D. Вероятно, они могут коррелировать с наблюдением археологов и антропологов о возможных контактах с «ранескифскими» популяциями Южной Сибири.

Таким образом, первые результаты по разнообразию мтДНК в генофонде носителей большереченской культуры переходного времени не противоречат сценарию, при котором в его сложении играли роль популяции различного филогеографического происхождения, что хорошо коррелирует с результатами краниометрического анализа материалов Бобровского могильника.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного предварительного исследования мы вынуждены констатировать существенные затруднения, связанные с возможностями полноценного анализа популяционно-генетической структуры носителей большереченской культуры переходного времени от бронзы к раннему железному веку методами палеогенетики. В первую очередь эти затруднения связаны с установленным низким уровнем сохранности ДНК в палеоантропологических образцах из Бобровского могильника, что не характерно для разновременных могильников Верхнего Приобья в целом и, по-видимому, определяется специфическими локальными условиями среды, в которую попадали останки в погребениях. Чуть более половины образцов (зубов) отобранных от индивидов с наибольшей макроскопической сохранностью останков, оказались пригодны для анализа структуры мтДНК. Но на фоне общей численности погребенных на могильнике индивидов эта доля оказывается очень низкой. Ядерная ДНК демонстрирует еще меньший уровень сохранности: ее анализ возможен буквально в единичных образцах. Предпочтителен анализ методами, не требующими сохранения в останках длинных (более 100 пар нуклеотидов) фрагментов ДНК (методы высокопроизводительного секвенирования древней ДНК). Существенная часть материала из антропологической серии Бобровского могильника, по-видимому, не имеет потенциала в качестве объекта палеогенетического исследования. Однако некоторое дальнейшее расширение исследованной серии образцов, в частности, на уровне мтДНК, представляется вполне возможным, хотя и потребует затрат существенного объема ресурсов.

Генофонд мтДНК носителей большереченской культуры из Бобровского могильника включает как восточно-евразийские (C, D, N9a, M7), так и западно-евразийские (H) гаплогруппы мтДНК. Данные по составу мужского генофонда получить не удалось.

Первые данные по составу генофонда мтДНК большереченского населения переходного времени коррелируют с результатами краниометрического анализа и не противостоят участию генетически (филогеографически) контрастных компонентов в сложении генетической структуры исследуемой популяции, включая участие как автохтонных для Сибири популяций, так и мигрировавших в регион в предшествующие периоды. Таким образом, предварительные палеогенетические результаты коррелируют с данными антропологии и археологии, объясняющими вариативность погребального обряда, наблюдаемую на Бобровском могильнике, наличием разных по происхождению этнокультурных компонентов, участвовавших в генезисе населения большереченской культуры переходного времени. Подобное смешение этнокультурно контрастного населения является характерной чертой переходного времени, характеризующегося повышением роли миграционного фактора, распадом традиций культур финального этапа бронзового века и нарастающим влиянием новых для региона элементов скифской эпохи. Можно констатировать, что культурная вариативность связана с этногенетическим многообразием компонентов, сформировавших состав населения, оставившего Бобровский грунтовый могильник.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при поддержке проекта Российского научного фонда № 23–28–01787 «Подходы к проблемам адаптации населения Алтая в конце бронзового века». Специализированная палеогенетическая инфраструктура поддержана за счет бюджетного проекта ИЦиГ СО РАН FWNR-2025–0023.

Acknowledgements and funding

The study was supported by the Russian Science Foundation project No. 23–28–01787 «Approaches to the problems of adaptation of the Altai population at the end of the Bronze Age». The paleogenetic infrastructure was supported by the budget project of the ICiG SB RAS FWNR-2025–0023.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алексеев В. П. Палеоантропология лесных племен Северного Алтая // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. 21. 1954. С. 63–69.

Грязнов М. П. Археологические исследования территории одного древнего поселения // Краткие сообщения института материальной культуры. Вып. 40. 1951. С. 105–113.

Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. № 48. 1956. 170 с.

Кирюшин Ю. Ф., Папин Д. В., Тур С. С., Пилипенко А. С., Федорук А. С., Федорук О. А., Фролов Я. В. Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья : материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.

Кишкурно М. С. Антропологический состав населения Новосибирского Приобья раннего железного века (по краниологическим и одонтологическим данным) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2023. 24 с.

Кунгуров А. А., Папин Д. В. Материалы финальной бронзы археологического комплекса Малый Гоньбинский Кордон-1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2001. № 3. С. 79–85.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М. : Изд-во ИА РАН, 1997. 195 с.

Молодин В. И., Пилипенко А. С., Чикишева Т. А., Ромащенко А. Г., Журавлев А. А., Поздняков Д. В., Трапезов Р. О. Мультидисциплинарные исследования населения Барабинской лесостепи V–I тыс. до н. э.: археологический, палеогенетический и антропологический аспекты. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2013. 220 с.

Папин Д. В. Погребальный обряд Бобровского грунтового могильника и некоторые вопросы хронологии переходного времени от бронзы к железу на Верхней Оби // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2. С. 147–150.

Папин Д. В., Шамшин А. Б. К материалам Бобровского грунтового могильника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. 10 : материалы Всероссийской науч. практ. конф. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 79–82.

Папин Д. В., Шамшин А. Б. Поселение переходного времени от эпохи бронзы к железному веку в лесостепном Алтайском Приобье // Древние поселения Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1998. С. 85–109.

Пилипенко А. С., Папин Д. В. Перспективы применения палеогенетического анализа в рамках биоархеологического исследования населения андроновской культуры // Теория и практика археологических исследований. 2019. № 4. С. 122–128. <https://orcid.org/10.14258/tpai> (2019) 4 (28).–08.

Пилипенко А. С., Ромашенко А. Г., Молодин В. И., Куликов И. В., Кобзев В. Ф., Поздняков Д. В., Новикова О. И. Особенности структуры генофонда митохондриальной ДНК населения городища Чича-1 (IX–VII вв до н. э.) в Барабинской лесостепи // Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. С. 108–127.

Пилипенко А. С., Ромашенко А. Г., Молодин В. И., Куликов И. В., Кобзев В. Ф., Поздняков Д. В., Новикова О. И. Особенности захоронения младенцев в жилищах городища Чича I Барабинской лесостепи по данным анализа структуры ДНК // Археология, этнография и антропология Евразии. 2008. №. 2. С. 57–67.

Рыкун М. П. Палеоантропология Верхнего Приобья эпохи раннего железа (по материалам каменной культуры). Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. 284 с.

Троицкая Т. Н. Новосибирское Приобье в VII–IV вв. до н. э. // Вопросы археологии Сибири : научные труды НГПИ. Вып. 38. 1972. С. 3–35.

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск : Наука, 1994. 184 с.

Тур С. С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VII–VI вв. до н. э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. № 7. Горно-Алтайск, 2001. С. 67–82.

Тур С. С., Фролов Я. В. О происхождении большереченской культуры Верхнего Приобья переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н. э.) // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 69–82.

Уманский А. П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет : тез. докл. и сообщ. к научной конференции. Барнаул, 1980. С. 50–53.

Черданцев С. В., Трапезов Р. О., Томилин М. А., Пилипенко И. В., Папин Д. В., Федорук А. С., Тур С. С., Пилипенко А. С. Разнообразие вариантов мтДНК и Y-хромосомы в генофонде носителей староалейской культуры (могильник Фирсово-XIV) // Теория и практика археологических исследований. 2022. Т. 34, № 1. С. 125–145. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2022) 34 (1).–07.

Шамшин А. Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII–VI вв. до н. э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень : ТюмГУ, 1989. С. 116–129.

Шамшин А. Б. Эпоха поздней бронзы и переходное время от бронзы к железу в Барнаульском Приобье // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. Барнаул, 1988. С. 111–115.

Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 69–88.

Dryomov S.V., Nazhmidenova A.M., Starikovskaya E.B., Shalaurova S.A., Rohland N., Mallick S, Bernardos R., Derevianko A.P., Reich D., Sukernik R.I. Mitochondrial genome diversity on the Central Siberian Plateau with particular reference to the prehistory of northernmost Eurasia // PLoS ONE. 2021. № 16. P. 1–18.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., VILLEMS R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A.K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites // Science. 2005. T. 305. P. 1016–1018.

Pilipenko A.S., Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Zhuravlev A.A., Babenko V.N., Pozdnyakov D.V., Konovalov P.B., Polosmak N.V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population // Archaeological and Anthropological Sciences. 2018b. T. 10. №. 7. P. 1557–1570. <https://doi.org/10.1007/s12520-017-0481-x> (in English).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Cherdantsev S.V., Babenko V.N., Nesterova M.S., Pozdnyakov D.V., Molodin V.I., Polosmak N.V. // Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). PLoS ONE, 2018a, T. 13. P. 1–24. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204062>.

Van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation // Human Mutation. 2009. T. 30. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/18853457> (accessed: 28.10.2025). <https://doi.org/10.1002/humu.20921>.

References

Alekseev V.P. Paleoantropologiya lesnykh plemen Severnogo Altaya [Paleoanthropology of the forest tribes of Northern Altai]. *Kratkie soobshcheniya Instituta ehtnografii* [Brief communications from the Institute of Ethnography]. 1954, iss. 21, pp. 63–69 (in Russian).

Cherdantsev S.V., Trapezov R.O., Tomilin M.A., Pilipenko I.V., Papin D.V., Fedoruk A.S., Tur S.S., Pilipenko A.S. Raznoobrazie variantov mtDNK i Y-hromosomy v genofonde nositelei staroaleiskoi kul'tury (mogil'nik Firsovo-XIV) [Diversity of mtDNA and Y-chromosome variants in the gene pool of the staroaleika culture carriers (Firsovo-XIV)]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2022, no. 1, pp. 125–145. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2022) 34 (1).–07 (in Russian).

Gryaznov M.P. Arkheologicheskoe issledovanie territorii odnogo drevnego poseleniya [Archaeological research of the territory of one ancient settlement]. *Kratkie soobshcheniya instituta material'noi kul'tury* [Brief messages of the Institute of Material Culture]. 1951, no. 40, pp. 105–113 (in Russian).

Gryaznov M.P. Istoriya drevnikh plemen verkhnei Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaya Rechka [History of the ancient tribes of the Upper Ob according to excavations near the village. Big River]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. 1956, no. 48, 170 p. (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Papin D.V., Tur S.S., Pilipenko A.S., Fedoruk A.S., Fedoruk O.A., Frolov Ya.V. *Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya: materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV* [Funeral rite of the ancient population of the Barnaul Ob region: materials from the excavations of 2010–2011 of the Firsovo- XIV]. Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta. 2015, 208 p. (in Russian).

Kungurov A. L., Papin D. V. *Materialy final'noi bronzy arkheologicheskogo kompleksa Mal Gonvinskiy kordon-1* [Materials of the final bronze of the archaeological complex Maly Gonbinsky Cordon-1]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography.]. 2001, no. 3, pp. 79–85 (in Russian).

Mogil'nikov V. A. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine – vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e.* [The population of the Upper Ob region in the middle — second half of the 1st millennium BC]. Moscow: IA RAN, 1997, 195 p. (in Russian).

Molodin V. I., Pilipenko A. S., Chikisheva T. A., Romashchenko A. G., Zhuravlev A. A., Pozdnyakov D. V., Trapezov R. O. *Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya naseleniya Barabinskoi lesostepi V–I tys. do n. e.: arkheologicheskii, paleogeneticheskii i antropologicheskii aspekty* [Multidisciplinary studies of the population of the Baraba forest-steppe in the B-I millennia BC: archaeological, paleogenetic and anthropological aspects]. Novosibirsk: SO RAN, 2013, 220 p. (in Russian).

Papin D. V. Pogrebal'nyi obryad Bobrovskogo gruntovogo mogil'nika i nekotoryye voprosy khronologii perekhodnogo perioda ot bronzy k zhelezu na Verkhnei Obi [Funeral rite of the Bobrovskoye ground burial ground and some questions of the chronology of the transition period from bronze to iron on the Upper Ob]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altay State University]. 2008, no. 60, pp. 147–150 (in Russian).

Papin D. V., Shamshin A. B. Poselenie perekhodnogo perioda ot bronzovogo veka k zheleznomu v lesostepnom Altaiskom Priob'ye [Settlement of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age in the forest-steppe Altai Ob region]. *Drevniye poseleniya Altaya* [Ancient sits of Altai]. Barnaul: Alt. un-ta, 1998, pp. 85–109 (in Russian).

Papin D. V., Shamshin A. B. K materialam Bobrovskogo mogil'nika [To the materials of the Bobrovsky burial ground]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]. Barnaul, 1999, no. 10, pp. 79–82 (in Russian).

Pilipenko A. S., Papin D. V. Perspektivy primeneniya paleogeneticheskogo analiza v ramkakh bioarkheologicheskikh issledovaniy naseleniya andronovskoi kul'tury [Prospects for the application of paleogenetic analysis in the framework of bioarchaeological research of the Andronovo culture population]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2019, no. 28, pp. 122–128. <https://doi.org/10.14258/tpai> (2019) 4 (28).–08 (in Russian).

Pilipenko A. S., Romashchenko A. G., Molodin V. I., Kulikov I. V., Kobzev V. F., Pozdnyakov D. V., Novikova O. I. Osobennosti struktury genofonda mitokhondrial'noi DNK naseleniya poseleniya Chicha-1 (IH — VII vv. do n. e.) Barabinskoi lesostepi. [Features of the structure of the gene pool of mitochondrial DNA of the population of the Chicha-1 settlement (IH — VII centuries BC) in the Baraba forest-steppe]. *Chicha — gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi* [Chicha is a settlement of the transitional period from Bronze to Iron in the Baraba forest-steppe]. Novosibirsk: IAET SO RAN. 2009, pp. 108–127 (in Russian).

Rykun M. P. *Paleoantropologiya Verkhnego Priob'ya rannego zhelezного veka (po materialam kamenskoi kul'tury)* [Paleoanthropology of the Upper Ob region of the Early

Iron Age (based on materials from the Kamenka culture)]. Barnaul: Altayskii gosudarstvennyi universitet. 2013, 284 p. (in Russian).

Shamshin A. B. Ehpokha pozdnei bronzы i perekhodnoe vremya ot bronzы k zhelezu v Barnaul'skom Priob'e [The Late Bronze Age and the transition period from bronze to iron in the Barnaul Ob region]. *Khronologiya i kul'turnaya prinaldlezhnost' pamyatnikov kamennogo i bronzovogo vekov Yuzhnoi Sibiri* [Chronology and cultural affiliation of Stone and Bronze Age monuments in Southern Siberia]. Barnaul, 1988, pp. 111–115 (in Russian).

Shamshin A. B. Perekhodnyi period ot bronzovogo veka k zheleznomu veku v Barnaul'skom Priob'e (VIII–VI vv. do n. e.). [The transition period from the Bronze Age to the Iron Age in the Barnaul Ob region (VIII–VI centuries BC)]. *Zapadnosibirskaya lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* [West Siberian forest-steppe at the turn of the Bronze and Iron Ages.]. Tyumen': TyumGU, 1989, pp. 116–129 (in Russian).

Shamshin A. B., Frolov Ya. V., Mednikova E. M. Bobrovskii gruntovyi mogil'nik [Bobrovsky ground burial]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya* [Funeral rite of the ancient tribes of Altai.]. Barnaul: Altayskiy gosudarstvennyi universitet, 1996, pp. 69–88 (in Russian).

Troitskaya T. N. Novosibirskoe Priob'e v VIII–IV vekakh do nashei ery [Novosibirsk Ob region in the VIII–IV centuries BC]. *Voprosy arkheologii Sibiri: nauchnye trudy NGPI* [Issues of Siberian archeology: scientific works of NGPI]. Novosibirsk, 1972, no. 38, pp. 3–35 (in Russian).

Troitskaya T. N., Borodovskiy A. P. Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya [Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka, 1994, 184 p. (in Russian).

Tur S. S. Kraniologicheskie materialy iz Bobrovskogo mogil'nika kul'tury Velikogo shelkovogo puti perekhodnogo perioda ot bronzovogo veka k zheleznomu (VII–VI vv. do n.e.) v mire etnogeneticheskikh problem drevnego naseleniya Verkhnego Priob'ya [Craniological materials from the Bobrov graveyard of the Great Silk Road culture of the transitional period from the Bronze Age to the Iron Age (VII–VI centuries BC) in the world of ethnogenetic problems of the ancient population of the Upper Priob'ya]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii* [Antiquities of Altai. News of the laboratory of archeology]. Gorno-Altaysk, 2001, no. 7, pp. 67–82 (in Russian).

Tur S. S., Frolov Ya. V. O proiskhozhdenii bol'sherechenskoi kul'tury Verkhnego Priob'ya v perekhodnyi period ot bronzovogo veka k zheleznomu veku (VIII–VI vv. do n. e.). [On the origin of the Bolsherechenskaya culture of the Upper Ob region during the transition period from the Bronze Age to the Iron Age (VIII–VI centuries BC)]. *Problemy izucheniya drevnei i srednevekovoi istorii* [Problemy izucheniya drevney i srednevekovoy istorii]. Barnaul, 2001, pp. 69–82 (in Russian).

Umanskiy A. P. O kul'turnoi i etnicheskoi prinaldlezhnosti kurganov rannego zheleznogo veka na Lesostepnom Altaye [On the cultural and ethnic affiliation of the early Iron Age burial mounds in the forest-steppe Altai]. *Barnaulu 250 let: tezisy, doklady i soobshcheniya k nauchnoi konferentsii* [Barnaul is 250 years old: abstract of a report to a scientific conference.]. Barnaul, 1980, pp. 50–53 (in Russian).

Van Oven M., Kayser M. Updated comprehensive phylogenetic tree of global human mitochondrial DNA variation. *Human Mutation*, 2009, vol. 30. URL: <https://www.ncbi>.

nlm.nih.gov/pubmed/18853457 (accessed at October 28, 2025) <https://doi.org/10.1002/humu.20921>.

Dryomov S. V., Nazhmidenova A. M., Starikovskaya E. B., Shalaurova S. A., Rohland N., Mallick S, Bernardos R., Derevianko A. P., Reich D., Sukernik R. I. Mitochondrial genome diversity on the Central Siberian Plateau with particular reference to the prehistory of northernmost Eurasia. *PLoS ONE*. 2021, no. 16, pp. 1–18. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0244228>.

Haak W., Forster P., Bramanti B., Matsumura S., Brandt G., Tanzer M., Villems R., Renfrew C., Gronenborn D., Werner A. K., Burger J. Ancient DNA from the first European farmers in 7500-Year-Old Neolithic sites. *Science*. 2005, vol. 305, pp. 1016–1018.

Pilipenko A. S., Trapezov R. O., Cherdantsev S. V., Babenko V. N., Nesterova M. S., Pozdnyakov D. V., Molodin V. I., Polosmak N. V. Maternal genetic features of the Iron Age Tagar population from Southern Siberia (1st millennium BC). *PLoS ONE*, 2018a, vol. 13, pp. 1–24. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0204062>.

Pilipenko A. S., Cherdantsev S. V., Trapezov R. O., Zhuravlev A. A., Babenko V. N., Pozdnyakov D. V., Konovalov P. B., Polosmak N. V. Mitochondrial DNA Diversity in a Transbaikalian Xiongnu Population. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2018b, vol. 10, no. 7, pp. 1557–1570. <https://doi.org/10.1007/s12520-017-0481-x>.

Pilipenko A. S., Romashchenko A. G., Molodin V. I., Kulikov I. V., Kobzev V. F., Pozdnyakov D. V., Novikova O. I. Features of infant burial in the dwellings of the Chicha settlement and the Baraba forest-steppe according to DNA structure analysis. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2008, no. 2, pp. 57–67 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 05.06.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 904.031.013

DOI 10.14258/nreur(2025)4–05

*Н. Дж. Ходжаева**Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ, Душанбе
(Таджикистан)*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ НА КРЫШКЕ СОСУДА С ТАХТИ-САНГИНА

В статье рассматривается семантика изображений на каменной крышке сосуда с Тахти-Сангина, одного из самых известных археологических памятников не только Таджикистана, но и Центральной Азии второй половины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Уникальность находки заключается в том, что впервые предмет искусства, пополнивший галерею шедевров бактрийской культуры, был обнаружен не в храме Окса, а в жилом квартале города. На крышке сосуда запечатлён зооморфный фриз с изображениями лошадей и газелей, а также геометрический орнамент, состоящий из крестов, квадратов, кругов и треугольников.

Крышка сосуда с Тахти-Сангина оказалась весьма интересной с точки зрения не только техники исполнения и функционального назначения, но и семантики изображений на ее поверхности. До настоящего времени этой уникальной находке было посвящено несколько публикаций, однако вопрос семантики изображений на ней не был подробно освещен. Автор статьи предлагает восполнить этот пробел.

Сравнительный анализ изображений на каменной крышке сосуда с Тахти-Сангина с письменными источниками, археологическим и этнографическим материалами дает основание предположить, что образы животных и орнамент на крышке носят культовый характер и связаны с культом плодородия, демонстрируя в целом цикл религиозных представлений населения Северной Бактрии, которое даже после прихода греков продолжало оставаться верным своей древней религии — зороастризму.

Ключевые слова: крышка сосуда, Тахти-Сангин, семантика, конь/лошадь, крест, круг, квадрат, треугольник, авестийские божества, зороастризм, ритуальный сосуд

Для цитирования

Ходжаева Н. Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти-Сангина // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 93–113. DOI 10.14258/nreur(2025)4–05.

Ходжаева Наргис Джомиевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук

Таджикистана, Душанбе (Таджикистан). Адрес для контактов: rangha@mail.ru;
<https://orcid.org/0009-0005-6540-0915>.

N. J. Khojaeva

A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography (NAOT), Dushanbe (Tajikistan)

ON THE SEMANTICS OF IMAGES ON THE LID OF A VESSEL FROM TAKHT-I SANGIN

The article considers the semantics of images on the stone lid of a vessel from Takht-i Sangin, one of the most famous archaeological sites not only in Tajikistan, but also in Central Asia in the second half of the 1st millennium BC — the beginning of the 1st millennium AD. The uniqueness of the find is to in the fact that for the first time an object of art, which replenished the gallery of masterpieces of Bactrian culture, was discovered not in the Temple of the Oxus, but in a residential area of the city. The lid of the vessel features a zoomorphic frieze with images of horses and gazelles, as well as a geometric ornament consisting of crosses, squares, circles and triangles.

The lid of the vessel from Takht-i Sangin is of interest not only from the perspective of its craftsmanship and functional purpose but also in terms of the semantic content of the images on its surface. To date, several publications have been devoted to this unique find; however, the semantic interpretation of its images has not been thoroughly explored. The author of this article aims to address this gap.

A comparative analysis of the images on the stone lid of the vessel from Takht-i Sangin with written sources, archaeological and ethnographic materials give us reason to assume that the images of animals and the ornament on the lid are of a cult nature and are associated with the cult of fertility, demonstrating, in general, the cycle of religious beliefs of the population of Northern Bactria, which even after the arrival of the Greeks continued to remain faithful to their ancient religion, Zoroastrianism.

Keywords: vessel lid, Takht-i Sangin, semantics, horse/horse, cross, circle, square, triangle, Avestan deities, Zoroastrianism, ritual vessel

For citation:

Khojaeva N. J. On the semantics of images on the lid of a vessel from Takht-i Sangin. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 93–113 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–05.

Khojaeva Nargis Jomievna, Doctor of Historical Sciences, National Museum of Antiquities of Tajikistan of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National

Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe (Tajikistan). **Contact address:** rangha@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-6540-0915>.

Введение

Тахти-Сангин — один из самых известных и важных археологических памятников истории и культуры Центральной Азии второй половины I тыс. до н. э. — начала I тыс. н. э. Городище находится на территории Кубодиёнского района Хатлонской области Республики Таджикистан, которая в древности входила в состав Бактрии. Памятник стоит ниже слияния Вахша с Пянджем, откуда берет начало Амударья. Город Тахти-Сангин функционировал в конце V в. до н. э. — III в. н. э., включая ахеменидский¹, раннекушанский, позднекушанский и кушано-сасанидские периоды. Город состоит из укрепленной цитадели и жилых районов вокруг нее. Площадь города достигает 105 га, из которых 83 га (3000 м x 100–450 м) — жилые районы [Дружинина, 2004: 224; Drujinina, 2016: 88–91]. На цитадели, расположенной в центре городища, стоял храм Окса [Литвинский, Пичилян, 2000; Литвинский, 200, 2010] — эталонный образец храмов восточного типа по всей истории архитектуры [Пичилян, 1991: 9]. Свое название это монументальное сооружение получило по обнаруженной в северной части коридора № 2 votивной надписи, где упоминается слово Окс (др. греч. Ὠξος) [Пичилян, 1986: 117, 121–122; Литвинский, Виноградов, Пичилян, 1985; Пичилян, 1991: 171; Литвинский, 2010: 195–2002].

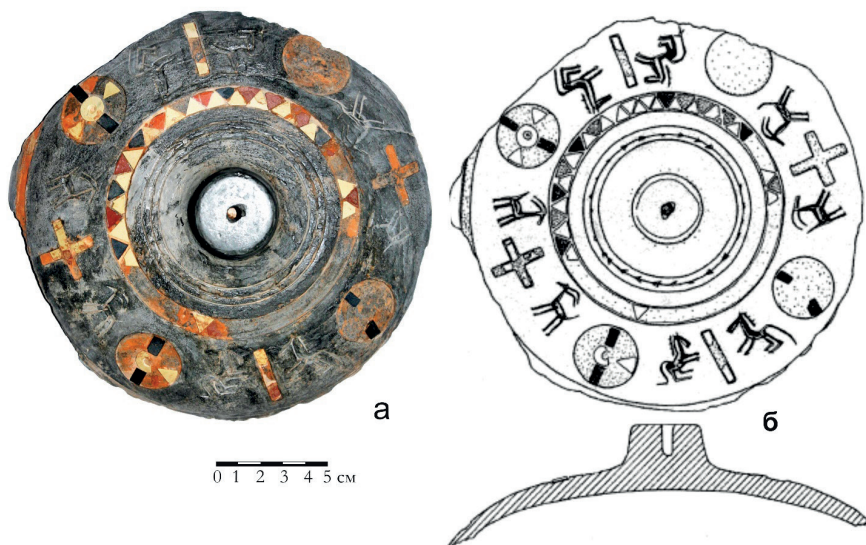
На сегодняшний день на цитадели городища полностью раскрыт храм Окса, обнаружены и раскопаны остатки административного здания, улицы и бронзолитейной мастерской. Изучены также жилые кварталы с многочисленными постройками и оборонительные стены. Кроме того, археологические исследования показали, что Тахти-Сангин имел некрополь и к северу от города округу площадью 20 га, простиравшуюся на 1000 м вдоль реки Вахш на север в сторону слияния его с рекой Пяндж (см.: [Ходжаева, 2023: 80, 125–126]).

За время раскопок на памятнике было обнаружено более 10 тысяч целых и фрагментарных находок, датированных VI в. до н. э. — III в. н. э. (см.: [Ходжаева, 2023: 127]). Основная часть находок, среди которых — сотни произведений искусства, находилась в храме Окса. Многие из артефактов не имеют аналогов в центральноазиатском искусстве. Следует отметить, что в последние десятилетия были найдены уникальные находки и в жилых районах города. Среди них следует отметить крышку каменного сосуда, обнаруженную в 2003 г. в северной части сооружения № 368 в южной половине городища (участок Юг-2) [Дружинина, 2004: 225, рис. 2; 2004а: 98, рис. 2] (рис.-а).

Первое подробное описание крышки было осуществлено А. П. Дружининой: «Крышка круглой формы диаметром 19 см из серо-черного сланца хорошо сохранилась» [Дружинина, 2004: 225]. Внешняя поверхность крышки оформлена инкрустаци-

¹ Результаты археологических исследований на памятнике в 1998–2022 гг., а также раскопки 1976–1991 гг. дают основание утверждать об основании Тахти-Сангина в V в. до н. э., а не в конце IV в. до н. э., как предполагалось ранее [Francfort, 2023: 10–11; Дружинина, 2023: 23–45; Ходжаева, 2023: 239–255].

ей из тонких каменных пластин и резьбой. Борт крышки имеет два узких и одно широкое орнаментальное поле. Узкое внешнее поле образует инкрустация из посаженных встык маленьких прямоугольных пластинок светло-желтого стеатита, сохранившихся только в виде мелких осколков. Узкое внутреннее поле инкрустировано чередующимися треугольниками из красной яшмы, светло-желтого стеатита и синего ляпис-лазурита.

Крышка сосуда с городища Тахти-Сангин: а — см. : [Дружинина, 2004а: 99, рис. 2];
 б — вид сверху и разрез (рисунок А. Салиева [Дружинина, 2004а: 100, рис. 3])
 Lid of a vessel from Takht-i Sangin: а — [Druzhinina, 2004а:99, fig. 2]; б — Top view and section
 (Drawing by A. Saliev [Druzhinina, 2004а:99, fig. 3])

На участке между ручкой крышки и орнаментальной полосой из треугольников также прочерчены три concentрических желобка. Узкими полями обрамлено широкое поле с зооморфным фризом, запечатлевшим по две пары лошадей и газелей. Животные показаны в профиль, фигуры повернуты к друг другу и разделены орнаментальным элементом: газели — крестом, лошади — вытянутым прямоугольником. Фигуры животных разделены розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками» [Дружинина, 2004а: 99, рис. 2; 101, рис. 5] (рис. — а, б).

До настоящего времени крышке с зооморфным фризом с Тахти-Сангина было посвящено несколько публикаций. К ним относятся с статьи руководителя тахтисангинского археологического отряда Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана А.П. Дружининой [Дружинина, 2004; 2004а]. В своем первом опубликованном исследовании ученая акцентировала внимание на особенностях техники исполнения и функциональном назначении крышки. Что касается семантики изображений на поверхности крышки, то она отмечает, что мотив можно трактовать как в восточноиранском, так и в эллинистическом ключе [Дружинина, 2004а: 104]. При этом ученый оставляет этот вопрос открытым.

Л. Додхудоева, анализируя наследие Тахти-Сангина в современной культуре Таджикистана, отмечает, что мотивы изображений на крышке имеют греческие корни [Додхудоева, 2023: 75].

Необходимо подчеркнуть, что крышка с зооморфным фризом и орнаментом из геометрических фигур оказалась весьма интересной с точки зрения не только техники исполнения и функционального назначения, но и семантики изображений на ее поверхности.

Орнамент является одним из древнейших способов отображения окружающего мира и правил, а также культурных традиций, установленных в обществе. Заметим, что на формирование орнамента и символики в любые исторические периоды оказывали влияние факторы окружающей среды и религиозных воззрений, определяющие основы поведения человека в быту как один из механизмов поддержания традиции в системе национальной культуры, одновременно являясь знаком этнической идентичности. Оригинальное оформление крышки в виде зооморфного фриза и орнамента из различных геометрических фигур свидетельствует о том, что мастер следовал традиции, которая имеет глубокие корни и отображает уровень духовного развития населения Тахти-Сангина, одного из городов Северной Бактрии.

Следовательно, определение семантики изображений на крышке дает возможность понять, какой уровень развития духовной жизни был у бактрийцев — предков таджикского народа. Таким образом, возникла необходимость обратиться к данной проблематике. Используя комплексный метод исследования, мы привлекли археологический и этнографический материалы, а также письменные источники.

Функциональное назначение, техника исполнения и датировка крышки

Следует отметить, что на территории, где располагалась Бактрия, подобные каменные крышки с зооморфным фризом до недавнего времени были обнаружены только на городище Ай-Ханум [Francfort, 1976] на левобережье Амударьи, то есть в Южной Бактрии. Крышки с Ай-Ханум имеют отличие от крышки с Тахти-Сангина. На крышках с Ай-Ханум имеется два варианта изображения животных: три бегущие и шесть стоящих лошадей, повернутых парами друг к другу, а также три лошади и три барана, бегущие по кругу [Guillaume, Rougeulle, 1987: pl 6, 1,4]. На крышках с Тахти-Сангина запечатлены по две пары лошадей и газелей, которые, в отличие от крышек с Ай-Ханум, разделены геометрическими фигурами. Кроме того, изображенные фигуры животных на крышках с обоих памятников различаются по углу наклона корпуса, постановке ног и качеству исполнения рисунка.

А. П. Дружинина отмечает, что «крышка с Тахти-Сангина является составной частью каменного сосуда с крышкой» [Дружинина, 2004: 225–226; 2004а: 101–102]. Обращаясь к функциональному назначению находки, ученая проводит сравнительный анализ крышки с Тахти-Сангина с крышками с Ай-Ханум. Она пишет: «А.-П. Франкфор [Francfort, 1976: 91] относит такие сосуды к пиксидам, которые служили для хранения мазей, пряностей или украшений и изготавливались из различных материалов» [Дружинина, 2004а: 101]. Заметим, что крышки с Тахти-Сангина и Ай-Ханум изготовлены из камня. Такие сосуды использовались женщинами в древней Греции. А.-П. Франкфор, сравнив обнаруженные сосуды-пиксиды в Бактрии с древнегреческими пикси-

дами, констатирует, что «бактрийские формы сосудов-пиксид не повторяли греческие образцы, а имели свои местные корни не только по форме, но и по технике исполнения изделий, которая известна в Бактрии с эпохи бронзы» [Francfort, 1976: 91].

А. П. Дружинина справедливо указывает на «отсутствие в восточноиранских языках названия и этнографического термина сосудов, которые закрывала данная крышка» [Дружинина, 2004а: 101]. Поэтому исследователь называет их «сосудами-пиксидами, которые в древней Греции использовали для хранения масел, пряностей и украшений» [Дружинина, 2004а: 101]. Таким образом, А. П. Дружинина подвергает сомнению подобное функциональное назначение таких сосудов в Северной Бактрии, в том числе и на Тахти-Сангине [Дружинина, 2004а: 102, 104].

При изготовлении крышки были использованы техника резьбы по камню, инкрустации по камню и пасты, а также полировка. Что касается датировки, то А. П. Дружинина определяет ее по керамике, найденной вместе с крышкой, и предположительно относит к III–II вв. до н. э. [Дружинина, 2004: 226; 2004а: 104].

Семантика изображений на крышке

Семантика изображений на каменной крышке с Тахти-Сангина представляет большой интерес для исследователей. Это объясняется тем, что через орнаментальное оформление крышки мы сможем раскрыть духовный мир не только человека, который ее изготовил, но и в целом населения Тахти-Сангина. Итак, внутреннее узкое поле крышки инкрустировано треугольниками, а широкое — зооморфным фризом, на котором изображены по две пары лошадей и газелей. Фигуры животных разделены розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками [Дружинина, 2004: 100, рис. 3] (рис.-б). Подобное сочетание встречается впервые.

У древних иранцев отношение к животным было сакральное, о чем свидетельствует «Авеста». Особое место в зороастрийской мифологии занимал конь/лошадь, и это не случайно. О. И. Каландарова, проведя анализ семантики образа коня в сюжетах ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда, отмечает, что конь в жизни народов Центральной Азии, особенно таджиков, всегда «являлся объектом особого почитания, поскольку был связан с авестийским пантеоном богов. Так, богиня плодородия Ардвисура Анахита — Arəduuī-sūrā Anāhitā восседает в колеснице, запряженной четырьмя белыми жеребцами (Yt. 5. 11, 12) [Avesta; Авеста, 1998], которые ассоциируются с дождем, ветром, облаком и градом, дающими влагу («Яшт» 5. 120), что указывает на прямую связь коня с культом плодородия. Солярное божество Митра — Mithra обладает «быстрыми», «яростными», «четырьмя белыми конями», запряженными в колесницу («Яшт» 10. 12, 47, 52, 67). Бог Тиштрия — Tištriia, управляющий дождем и всеми водами, мчится на белом коне с золотой уздой («Яшт» 8. 20, 26). Одним из воплощений Вэрэтрагны — Vərəθraγna является белый конь с золотой уздой, над чьей головой вздымались «мощь и сила» («Яшт» 14. 9) [Каландарова, 2020: 127]. Ученая приходит к важному заключению: «...конь у древних иранцев ассоциировался с силами природы, контролируемые Ардвисурой-Анахитой — богиней плодородия, Митрой — солнечным божеством и Тиштрией — богом дождя, от которых зависит земледельческий цикл». Автор статьи поддерживает данную точку зрения.

Следует отметить, что в авестийском пантеоне упомянут еще один бог — Вайу (авест. *vaūu-*, *vāta-*), бог ветра. В «Авесте» ему посвящен пятнадцатый гимн («Рам-яшт»), где он описывается как воин на золотой колеснице (Yt. 15.57). В ведическом пантеоне Вайу также является богом ветра. Он перемещается на колеснице, запряженной лошадьми (РВ. VIII. 48). Е. Е. Кузьмина полагает, что Вайу принимал и облик коня [Кузьмина, 1977а: 53]. Сотворенный Ахура-Маздой (Ys. 42.3) Вайу является посредником между небом и землей, он гоняет дождевые тучи. А это значит, что от него тоже зависит хозяйственная жизнь земледельца. Таким образом, Вайу так же, как и Ардвисура Анахита, Митра и Тиштрия, участвует в земледельческом цикле древних иранцев.

У индоиранцев конь отождествлялся с верховным богом и царем. Е. Е. Кузьмина отмечает: «В „Ригведе“ и „Авесте“ солнце носит постоянный эпитет „быстроходное“. Представление солнца в виде конной колесницы, или только ее части — колеса или коня — характерно для всех индоиранских народов, что отражено в изобразительном искусстве. Образ Сурьи в виде коня традиционно сопровождается свастикой. То же известно в Скифии и Хорезме (на монетах I в. н. э.), что, учитывая древность общих представлений, позволяет интерпретировать и этот образ как символ солярного высшего божества» [Кузьмина, 2004: 118]. Заметим, что в ведической традиции бог солнца Сурья — *Sūrya* (букв «Солнце») также изображен верхом на колеснице, запряженной семью лошадьми (РВ. I. 121.13, 175.4; IV. 30.4; V. 45.9) [Ригведа, 1999; 1999а].

О том, что конь способен воплотить бессмертие царя, свидетельствует индийский обряд жертвоприношения белого коня «ашвамедха» — *āśvamedhá* (РВ I. 6.1.2, 162; IV. 39.6), который является одним из важнейших обрядов, связанных с царской властью.

Конь фигурировал в ритуальной погребальной практике ахеменидских царей, о чем сообщают Страбон (XV. 3. 7) [Страбон, 1964] и Арриан (VI. 297) [Арриан, 1993].

О связи коня с солнцем свидетельствуют «Авеста» (Yt. 6. 1, 46, 7; 10. 13, 47, 52, 76, 102) и античные авторы (Страбон, XI, 8, 6), отмечающие жертвоприношения этому небесному светилу. Это свидетельствует о том, что иранские племена почитали Солнце так же, как и Ардвисуру, то есть оно тоже имеет отношение к плодородию. На то, что корни всех жертвоприношений животными лежат в магии плодородия, указывал С. П. Толстов [Толстов, 1948: 207]. Разумеется, жертвенное животное само должно быть причастно солярному культу, что подтверждается «Авестой».

Легенды о конях сохранились и в китайских источниках III–VII вв., где зафиксированы предания о «небесных конях» Давани (Фергана), которых невозможно поймать, а также о «божественном» коне, живущем на вершине одной из гор Тохаристана (см.: [Бичурин, 1851: 4, 255; Pulleyblank, 1966: 31]). Для нашего исследования представляют интерес и предания населения Тохаристана о скульптуре бронзовой лошади золотистого цвета, имеющей божественное происхождение и появляющейся в начале нового года в храме небесного огня, который стоит посреди реки Wohu-Окса, в низине, образуемой двумя рукавами реки (см.: [Drège J.-P., Grenet, 1987: 117–118]).

По мнению Ф. Грене, «храм небесного огня связан с Оксом-Вахшем и функционировал в VIII в. на острове посреди реки» [Drège J.-P., Grenet, 1987: 118]. Автор статьи поддерживает точку зрения Б. А. Литвинского, о том, что «китайский путешественник услышал легенды, сохранившиеся у местного населения о храме Окса, уже после того,

как он был разрушен» [Литвинский, Пичилян, 2000: 316]. Более того, Ф. Грене сопоставил рассказ о ежегодно выходящем из вод реки золотистом коне с одной из ипостасей авестийского Тиштрия, «златоухого и с золотой уздой» («Яшт» 8. 18) [Drège J.-P., Grenet, 1987: 121]. Данное сопоставление — наглядный пример устной передачи из поколения в поколение населения Бактрии-Тохаристана легенд, связанных с зороастрийской религией.

Аналогичные верования, связанные с небесным конем, были широко распространены в древней и средневековой Центральной Азии, а эпос и фольклор центральноазиатских народов донесли эти верования до современности [Беленицкий, 1948; 1978; Кузьмина, 1977]. Так, некоторые древние образы не утрачивают своей значимости в современной этнокультуре таджиков и других народов Центральной Азии. Например, у населения региона до сих пор существуют отголоски древних верований и представлений о коне, корни которых уходят в доисламский период, когда зороастризм был господствующей религией в регионе. Особенно это прослеживается у таджиков как в свадебных и похоронно-поминальных обрядах, так и в других семейных и календарных обрядовых циклах. По мнению Л. Чвырь, «исторические превращения персонажей древних, доисламских культов и религий в героев народной среднеазиатской мусульманской мифологии можно считать закономерностью, типичным способом включения архаичных (по происхождению) неисламских персонажей в повседневный мусульманский контекст» [Чвырь, 2018: 86]. Об этом свидетельствуют легенды таджиков о чудесных водяных конях «аспи оби», от которых ведет свое происхождение известная порода «хуттальских» скакунов. С. П. Снесарев отмечает, что сказочный персонаж аспи-оби фигурирует повсеместно в Центральной Азии [Снесарев, 1969: 122].

Следует отметить интересные сведения о свадебных обрядах таджиков конца XIX — начала XX в., многие из которых сохранились даже и в наше время. Так, в Гиссарской долине и Раште невесту везли в дом жениха на лошади, украшенной разноцветными лентами, платками и вышитым сюзане. У ворот дома невесту встречали родственники, которые разжигали костер. Лошадь с невестой три раза обводили вокруг костра. Прежде чем снять невесту с лошади, полагалось кормить животное три раза ячменем, смешанным с кишмишем. После этого невеста сходила на землю, а жених должен был три раза перепрыгнуть через лошадь [Мардонова, 1995: 205]. Лошадь также присутствовала и в свадебной церемонии горнобадахшанцев [Андреев, Половцев, 1911: 15].

Лошадь была обязательной частью выкупа за невесту — «кола». В некоторых районах Таджикистана оседланная лошадь была обязательным предсвадебным подарком. По случаю свадьбы устраивали также и козлодрание («чавандози», «бузкаши»)² [Мардонова, 1995: 204].

Л. Додхудоева констатирует, что «до сих пор у таджиков в детском сорокадневном периоде „чилла“ колыбель иногда называют деревянным конем» [Додхудоева, 2023: 93]. У таджиков Гиссарской долины было принято дарить новорожденному мальчику жеребенка. Так, в честь первого выезда сына на коне отец должен был угощать своих друзей [Мардонова, 1995: 204].

² Козлодрание — борьба всадников за обезглавленную тушу козла

Что касается погребально-поминального обряда, то отголоском древнего обряда посвящения коня покойнику зафиксирован почти во всех районах Таджикистана, где в день смерти хозяина дома накрывали черным или синим покрывалом, оседланного коня и держали рядом с носящими траур близкими. Затем вслед за гробом коня проводили к могиле [Хамиджанова, 1980: 92; Мардонова, 1995: 209–216]. У таджиков Гиссарской долины зафиксирован также обряд оплакивания наряженного коня покойного [Мардонова, 1995: 209–210].

Присутствие коня в свадебных и похоронных обрядах Л. Чвырь объясняет тем, что конь в этих обрядах «символизирует не просто путь, а ритуальный переход с преодолением какого-либо рубежа. Именно благодаря способности „мгновенно“ преодолевать лиминальную зону между „человеческим“ и хтоническим мирами конь прежде всего и ассоциируется со смертью» [Чвырь, 2018: 69]. Отзвук хтонических представлений о коне наблюдается у таджиков и в названии похоронных носилок — «деревянный конь» («аспи-чуби») [Писарчик, 1976: С. 135].

Интересные этнографические сведения, связанные с олицетворением коня с богом ветра Вайу в земледельческих обрядах таджиков верховья Зарафшана, приводит У. Эшонкулов. Ученый пишет: «Если во время молотбы зерна ветер затихал, земледельцы-веяльщики говорили: „Хайдах кокул хез-хез“ — „Хайдах с косами, вставай“. Старотаджикское слово „Хайдах“, обозначающее „молодого горячего коня“, а под „косами“ имелась в виду грива коня, то есть „Хайдах кокул“ — это молодой горячий конь с гривой». Автор, указывая на глубокую историческую память таджиков, отмечает: «По рассказам сторожил Самарканда и Пенджикента, в древности верили, чтодвигающийся с запада на восток весенний ветер прилетает в долину на белом коне, который имеет пышную гриву из вихрей и стройные ноги. В этом представлении точно изображен бог ветра в образе коня» [Эшонкулов, 2007: 635].

О том, какую роль играл конь в древности в духовной жизни населения Центральной Азии, свидетельствует его почитание как бога умирающей и воскресающей природы. Конь ассоциировался с именем Сиёвуша — *Siiāuuaršap* из рода кави — *kauii* (кеяниды), что в переводе с авестийского означает «черный жеребец» [Дьяконов, 1959: 42].

Часть «асп» — конь — была широко распространена в онимах и топонимах древней Центральной Азии. Так, среди онимов, упомянутых в «Авесте», встречаются имена, которые оканчиваются на «асп»: *Аурватаспа* — *Auruuaṣpa* (5.105; Yt. 13.132; 19.71), *Виштаспа* — *Kauii Vištāspa* (Ys. 12.7; 28.7; 41.16; 43.2; 46.14; Yt. 5. 98, 105, 109, 117, 132; 13.99, 100; 15.36; 17.49–52; 19.84–87, 93), *Pouruṣaspa* (Vd. 19.4, 6, 46; Ys. 9.13; Yt. 5.8), *Арэджатаспа* — *Arəjaṣpa* (Yt. 5.109, 113, 116; 9.30; 17.50; 19.87). Что касается топонимов, то согласно сообщениям античных авторов, столица Бактрии называлась Зариаспа (Ариан, 4.1, 7, 16; Страбон, 11.8.9; 11.11.2), то есть Златоконная.

Конь как ритуальное жертвенное животное зафиксирован в «Авесте», где неоднократно упоминается о жертвоприношениях жеребцов, коров и овец богине плодородия Ардвисуре Анахите (Ys. 44. 18; Yt. 5. 21, 25, 29, 33, 37, 41, 45, 49, 57, 68, 81, 108, 112, 116). Кости жертвенных животных, описываемых в источнике, в том числе лошадьми, обнаружены на Тахти-Сангине [Дружинина, Худжагелдыев, Ротт, 2008: 59]. Обряд жертво-

приношения тахтисангинцы посвящали богине Ардисуре Анахите, «растящей жито», «кормящей стадо» и «множащей богатство» [Ходжаева, 2017: 129; 2023: 152–153].

И. Гершевич отмечал, что Митра приобрел солярные черты на «востоке Ирана» [Gershevitch, 1959: 38, 41–42]. В своих исследованиях мы обращались к обнаруженной недавно на Тахти-Сангине надписи [Иванчик, 2001: 120–121, рис. 7], где фигурирует имя Митры — *meiṛo* [Иванчик, 2001: 120, сн. 30], отметив, что «древние иранцы отождествляли авестийского бога Митру-*miθra* с Солнцем» [Ходжаева, 2017: 75–76] и пришли к выводу, что «если Митра ассоциируется с Солнцем, то вполне вероятно, что жертвы лошадьми предназначались не только богине Ардисуре Анахите, и Амударье, несущей воды, но и Солнцу, без которых не может быть хорошего урожая» [Ходжаева, 2017: 179].

Наконец, следует отметить тот факт, что лошадь была одомашнена индоевропейцами, где ведущую роль играли древние иранцы, то есть арийцы. Е. Е. Кузьмина так пишет об этом: «Арии первыми в Старом Свете стали пасти огромные табуны коней, позднее они научились запрягать лошадей в повозки и выработали приемы их тренировки [Кузьмина, 1977а: 10]. О том, что предки таджиков были отличными знатоками выведения пород лошадей, писал и классик персидско-таджикской поэзии Омар Хайям: «В прежние времена никакой народ не знал коней, их достоинств и пороков лучше аджамцев³» (цит. по: [Морочник, Розенфельд, 1957: 122]).

Теперь поговорим о геометрических фигурах, изображенных на каменной крышке с Тахти-Сангина. На поверхности крышки имеется орнамент из треугольников, а на зооморфном фризе животные отделены друг от друга круглыми розетками, крестами и вытянутыми прямоугольниками. Перечисленные фигуры составляют единую композицию с изображением лошадей и газелей. Как мы уже выяснили, лошадь/конь у населения Тахти-Сангина — и сакральное животное, и атрибут инкарнации, и жертвенное животное богов авестийского пантеона. То, что лошади и геометрические фигуры стоят рядом, — не случайность. Все эти геометрические фигуры относятся к сакральной геометрии, которая так же, как и орнамент, отображает представления человека об окружающем мире. Следовательно, геометрические фигуры как сакральные символы играли большую роль в мировоззрении древних людей, особенно земледельцев.

Известно, что у древних иранцев крест ассоциировался с символом солнца [Немолевский, 1927: 70; Хлопин, 1962: 17]. С древнейших времен крест и круг являлись символами Солнца не только у древних иранцев, но и у других народов. История появления этих двух символов имеет глубокие корни, следы которых следует искать в период, когда человек научился добывать огонь. Для розжига использовались два крест-накрест сложенных куска дерева, при трении которых добывался священный огонь (см.: [Городцев, 1923: 282]). Древние люди понимали, что от солнца и огня зависела их жизнь, поэтому они тесно связывали два этих понятия. Вот почему два куска дерева, сложенные в виде креста, они связывали с солнцем и огнем, а значит и с жизнью. Тем самым крест у древних людей олицетворялся с огнем и солнцем. Таким образом они выражали свое поклонение силам природы.

³ Аджамцами у арабов назывались ираноязычные мусульманские народы, проживающие в Хорасане, Мавераннахре и Туркестане.

С появлением земледелия у древних иранцев значение солнца в их жизни вытеснило значение огня. Так как солнце становится не только источником света и тепла, но и плодородия. Теперь солнце — небесный огонь — является богом-спасителем, а свастика и крест оказались подходящими символами солнечных богов-спасителей, заменивших спасителя-огня. Так, астральный культ у древних иранцев был замещен на астрально-земледельческий, а свастика и крест приобретают значение символов астрально-земледельческого культа солнечных богов-спасителей.

Чтобы привлечь внимание солнца и получить его благосклонность, люди изображали символы креста на одежде, домашней посуде, украшениях и оружии. Об этом свидетельствуют многочисленные находки с археологических памятников Центральной Азии, в том числе и каменная крышка с Тахти-Сангина.

Форма креста отразилась также и на планировке культовых сооружений Центральноазиатского региона. Наглядным примером тому служит крестообразный в плане храм-мавзолей Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э. — III в. н. э.), расположенный в низовьях Амударьи [Толстов, 1962: 133–134; Кой-Крылган-кала, 1967: 227–229]. В древности — это территория Хорезма, страна, упоминаемая в «Авесте» (Yt. 10.14). О том, что памятник связан с культом Солнца, свидетельствует, обнаруженная там крышка сосуда с изображением креста, вписанного в круг с отходящими лучами [Кой-Крылган-кала, 1967: 229].

С культом Солнца связан также раннесредневековый храм Зонг (VI–VII вв.) с планировкой свободного креста в Ишкашимском районе Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан [Бубнова. 1982: 179–181].

Изображение креста наблюдается и в мусульманской архитектуре Центральной Азии. Следует упомянуть дворец Хуттальского правителя в Хульбуке (X–XI вв.) [Филимонова, Ахметзянов, Ходжаев, Ходжаев, 2020: 33, рис. 48] на юге Таджикистана и мавзолей Мухаммада Башоро (XI–XIV вв.) [Бретаницкий, 1958: 354, рис. 23] на северо-западе Таджикистана. В оформлении портала этих архитектурных памятников присутствует изображение свастики и креста. Кроме того, изображение креста встречается в орнаменте резьбы по ганчу в Хульбуке [Филимонова, Ахметзянов, Ходжаев, Ходжаев, 2020: 87–88, рис. 117].

Крест и свастика зафиксированы и на орнаменте посуды таджиков XVIII — начала XX в. [Пещерова, 1959: 109–115, рис. 35]. Это свидетельствует о том, что после принятия ислама таджики продолжали хранить свои древние духовные традиции.

Древний солнечный символ продолжает присутствовать во всех видах народного искусства таджиков и в настоящее время. Крест можно встретить в орнаментике сюзане — вышитым вручную ковре, чакане — национальном таджикском платье, украшенном вышивкой, джурабах — традиционных памирских носках, а также на ювелирных украшениях.

Л. Додхудоева, приводит в пример работы современных художников Таджикистана, в которых присутствует «древняя культовая атрибутика изображения равноконечного креста „нархи фалак” — знака огня и солнца, спасения и милосердия, творца Мира, символа четырех стихий („чор унсур”), который являлся дарителем плодородия». Такое же значение, по мнению ученой, придавалось изображению оберега «чор чирог»

в виде светильника-креста с четырьмя фитилями, обращенными в разные стороны. Подобное изображение изначально отождествлялось с понятием «чор унсур» и означало четыре первоэлемента бытия (земля, вода, воздух, огонь), о которых говорится в «Авесте» [Додхудоева, 2024: 107]. Таким образом, приведенные Л. Додхудоевой примеры изображения креста свидетельствуют о преемственности у таджиков древних религиозных традиций.

Следует отметить, что в культовой символике древних иранцев круг также являлся символом Солнца. На крышке с Тахти-Сангина изображены круглые розетки. Скорее всего, это объясняется тем, что солнце имеет круглую форму.

Заметим, что изначально главный символ зороастризма — фаравахар, *faravahar* (авест. *fravaši*) — изображал собой окрыленное солнце, а образ человека к нему добавился позже. Крылатый диск символизировал солнце, а значит, божественную силу и власть.

Вероятнее всего, свадебный обряд хождения молодых вокруг костра три раза, который встречается у таджиков и в наше время, тоже связан с почитанием солнца.

Круг, как и крест, также присутствует в орнаменте сюзана, чакана, джурабах и ювелирных украшений. В целом, изображение этих двух солярных символов свидетельствует о том, что по представлениям современных таджиков они могут обеспечить им благополучие и плодovitость.

Что касается изображения прямоугольника, то его значение следует искать в представлении о четырех стихиях — земле, воде, воздухе и огне, которые, согласно зороастрийской религии, являются священными и не должны оскверняться. Древние иранцы также связывали символ в форме прямоугольника с четырьмя сторонами света, так как квадрат олицетворял землю. Вполне вероятно, этот символ, как и крест, отождествлял у древних иранцев четырех божеств зороастрийского пантеона — Ардвисуру Анахиту, Митру, Тиштрию и Вайу, соединенных в единый культ земледелия, составляя при этом единство, образуемое четырьмя элементами, то есть тетраду [Гиршман, 1978: 71]. Тем самым этот единый культ плодородия символизировал собой завершенный земледельческий цикл.

Обратим внимание на то, что ядром всех зороастрийских храмов является квадратный четырехколонный зал. Автор статьи высказывал точку зрения о том, что храм Окса с Тахти-Сангина — зороастрийский храм, объясняя это тем, что «его месторасположение было идеально для вычисления времени наступления празднования Навруза и Мехргона, то есть весеннего и осеннего равноденствия. Население Тахти-Сангина приходило в храм поклоняться богине Митре, Ардвисуре Анахите, Вайу и Тиштрии, от которых зависит земледельческий цикл» [Ходжаева, 2023: 221–229].

Прямоугольник и квадрат присутствуют в орнаменте сюзана, чакана, джурабах и ювелирных украшений современных таджиков и в настоящее время.

Самыми многочисленными фигурами на крышке с Тахти-Сангина являются треугольники. Треугольник также читается одним из древнейших символов, который использовался в орнаментах древних народов. Треугольник, как крест и квадрат, рассматривался древними людьми в качестве символа плодородия и возрождения природы. Треугольник у древних людей был связан с земледельческими работами, природой и ее календарными циклами, символизируя воздух, землю и огонь. Этот символ соответ-

ствуется нравственной основе зороастризма, которую составляет триада — благие мысли, благие слова и благие деяния.

Необходимо отметить, что вплоть до настоящего времени у замужних таджичек и женщин всего Центральноазиатского региона популярны металлические туморы — футляры для охранной молитвы в форме треугольника. Подобные амулеты-обереги молодые женщины носят для плодovitости. Отсюда следует, что и в нынешнее время форма треугольника не утратила своего значения, связанного с культом плодородия и способствующего многочисленному потомству.

Заключение

Сравнительный анализ изображений на каменной крышке с Тахти-Сангина с письменными источниками, археологическим и этнографическим материалами привел нас к следующим выводам:

1. У населения Тахти-Сангина, как и всей Бактрии, конь был атрибутом инкарнации и жертвенным животным богов авестийского пантеона. Образ коня выражался следующими семантическими признаками: плодородный, соляренный, хтонический и жертвенный.

2. Геометрические фигуры крест, квадрат, круг и треугольник у древних иранцев являются символами, связанными с культом плодородия и с авестийскими божествами Митрой, Ардвисурой Анахитой, Тиштрией и Вайу, от которых, согласно зороастрийским убеждениям, зависит земледельческий цикл.

3. Крышка является крышкой сосуда, который не может быть пиксидой, то есть емкостью для хранения украшений и косметики. Это объясняется тем, что она изготовлена из камня и весит 1 кг. Обычно пиксиды изготавливали из более легкого материала (слоновая кость, медь, дерево). Для женщин подобный сосуд неудобен в употреблении. Вероятнее всего, каменный сосуд, которому принадлежала крышка, имел ритуальное назначение и предназначался для использования во время обрядовых действий в храме Окса.

Таким образом, полученные выводы дают нам основание предположить, что образы животных и орнамент на крышке с Тахти-Сангина носят культовый характер и связаны с культом плодородия, демонстрируя в целом цикл религиозных представлений населения Северной Бактрии, которое даже после прихода греков продолжало оставаться верным своей древней религии — зороастризму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Авеста в русских переводах (1861–1996) / сост., ред. И. В. Рак. СПб. : Журнал «Нева»: Летний Сад, 1998. 480 с.

Андреев М. С. Половцев А. А. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии // Сборник материалов по археологии и этнографии. СПб., 1911. № 9. С. 4–41.

Антонова Е. В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. Опыт реконструкции восприятия. М. : Наука, 1984. 262 с.

Арриан Ф. Поход Александра. СПб. : Алетейя, 1993. 386 с.

Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 154. 1978. С. 31–39.

Беленицкий А. М. Хуттальская лошадь в легенде и историческом предании // Советская этнография. 1948. № 4. С. 162–167.

Бичурин Н. Я. (о. Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. СПб., 1851. Ч. III. 274 с.

Бретаницкий А. С. Об одном малоизвестном памятнике таджикского зодчества // Материалы и исследования по археологии СССР. М. ; Л., 1958. С. 325–357.

Бубнова М. А. Работы Памирского археологического отряда на Западном Памире в 1976 году // Археологические работы в Таджикистане. 1982. Вып. XVI. С. 171–184.

Гиршман Р. М. Религии Ирана от VIII в. до н. э. до периода ислама // Культура Востока: древность и раннее средневековье. Л. : Аврора, 1978. С. 67–73.

Городцев В. А. Археология. Т. I. Каменный век. М. ; Пг. : Государственное издательство, 1923. 404 с.

Додхудоева Л. Наследие Тахти Сангина и современная культура Таджикистана. Душанбе : Дониш, 2023. 194 с.

Дружинина А. П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ эллинистического города // Археологические работы в Таджикистане. Вып. XXIX. 2004. С. 224–236.

Дружинина А. П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти-Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2004а. № 3. С. 131–158.

Дружинина А. П. Строительные элементы и объекты ахеменидского времени из храма Окса // Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти-Сангин (Душанбе, 4–6 октября 2023 г.). Душанбе : Дониш, 2023. С. 6–22.

Дружинина А. П., Худжагелдыев Т. У., Ротт Ф. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти-Сангин в 2006 г. // Археологические работы в Таджикистане. 2008. Вып. XXXII (2006 г.). С. 50–76.

Дьяконов М. Н. Образ Сиявуша в среднеазиатской мифологии // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. 1959. Вып. 40. С. 34–53.

Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти-Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности // Вестник древней истории. 2001. Вып. 4. С. 110–131.

Каландарова О. И. Семантика сюжетов ювелирных украшений Бактрии-Тохаристана и Согда : дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2000. 239 с.

Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма IV в. до н. э. — IV в. н. э. / отв. ред. С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг. М. : Наука, 1967. 348 с.

Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культ коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света // Средняя Азия в древности и раннем средневековье (история и культура). М. : Наука, 1977. С. 28–52.

Кузьмина Е. Е. В стране Кавата и Афрасиаба. М. : Наука, 1977а. 141 с.

Кузьмина Е. Е. Конь в культуре иранцев // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: археология, история, этнология, культура: материалы Международной науч-

ной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Александра Марковича Беленицкого. Санкт-Петербург, 2–5 ноября 2004 г. СПб. : ИИМК РАН, 2004. С. 116–118.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М. : Восточная литература РАН, 2001. 528 с.

Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 3: Искусство, художественное ремесло, музыкальные инструменты. М. : Восточная литература РАН, 2010. 664 с.

Литвинский Б.А., Виноградов Ю.Г., Пичикян И.Р. Вотив Атросока из храма Окса в Северной Бактрии // Вестник древней истории. 1985. № 4. С. 84–116.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Тахти-Сангин — Каменное городище // Археологические работы в Таджикистане. 2004. Вып. XIX (1979 г.). С. 104–136.

Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1. Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М. : Восточная литература РАН, 2000. 503 с.

Мардонова А. Культ коня в семейных обрядах таджиков Гиссарской долины // Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации : материалы Международной конференции. Алматы, 5–7 июня 1995 г. Алматы, 1995. С. 203–221.

Марочник С.Б., Розенфельд Б.А. Омар Хайям — поэт, мыслитель, ученый. Сталинабад : Таджикгосиздат, 1957. 209 с.

Немоевский А. История креста // Атеист. 1927. № 16. С. 67–80.

Пещерова Е.М. Гончарное производство Средней Азии. М. ; Л., 1959. 397 с.

Писарчик А.К. Смерть, похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе : Дониш, 1976. Вып. 3. 256 с.

Пичикян И.Р. Культура Бактрии. Ахеменидский и эллинистический периоды : очерки. М. : ГРВА, 343 с.

Ригведа. Мандалы I–IV. Изд. второе, испр. / подг. Т.Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1999. 768 с.

Ригведа. Мандалы V–VIII. Изд. второе, испр. / подг. Т.Я. Елизаренковой. М. : Наука, 1999а. 745 с.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований у узбеков Хорезма. Л. : Наука, 1969. 336 с.

Страбон. География: в 17 кн. М. : Наука, 1964. 940 с.

Толстов С.П. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М. : Изд-во МГУ, 1948. 352 с.

Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М. : Восточная литература, 1962. 324 с.

Филимонова Т.Г., Ахметзянов М.Р., Ходжаев Ш.Р., Ходжаев А.Р. Археологическая карта Таджикистана. Восейский район. Душанбе, 2020. 376 с.

Хамиджанова М.А. Некоторые архаические погребальные обряды таджиков // Памяти А.А. Семенова. Сборник статей по истории, археологии, этнографии и искусству Средней Азии. Душанбе : Дониш, 1980. С. 287–293.

Хлопин И. Н. Изображение креста в древнеземледельческих культурах Южной Туркмении // Краткие сообщения Института археологии академии наук СССР. 1962. Вып. 91. С. 14–21.

Ходжаева Н. Дж. Историческая география Центральной Азии в доисламский период. Душанбе : Дониш, 2017. 380 с.

Ходжаева Н. Дж. Тахти-Сангин в истории и культуре Центральной Азии. Душанбе : Дониш, 2023. 318 с.

Чвырь Л. А. Очерки культурного синтеза в Туркестане (I–II тыс. н. э.). СПб. : Нестор-историк, 2018. 239 с.

Эшонкулов У. История земледельческой культуры горного Согда (с древнейших времен до начала XX в.). Душанбе : Деваштич, 2007. 849 с.

Avesta. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (дата обращения: 03.02.2025).

Drujinina A. A Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity // Bulletin of MIHO Museum. 2016. Vol. 16. P. 53–119.

Francfort H.-P. Takht-i Sangin: on the pre-Hellenistic finds // Тахти-Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада: материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти-Сангин (Душанбе, 4–6 октября 2023 г.). Душанбе: Дониш, 2023. С. 6–22 (на англ. яз.).

Gershevitch I. The avestan Hymn to Mithra. Cambridge: Cambridge univ. press, 1959. 357 p.

Pulleyblank E. G. Chienese and Indo-Europeans // Journal of the Royal Asiatic Society. 1966. Vol. I–II. P. 9–39.

Drège J.-P., Grenet F. [Дреж Ж.-П., Грене Ф.] Un Temple de l'Oxus près de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s [Храм Окса около Тахти-Сангина по китайским свидетельствам VIII века] // Studia Iranica. 1987. № 16/1. P. 117–121 (на фр. яз.).

Francfort H.-P. [Франкфор А.-П.] Fouilles d'Aï Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches identées 2 [Раскопки в Ай-Ханум III. Святылище храма с ложными нишами. 2]. Paris: Diffusion de Boccard, 1984. 143 p. (на фр. яз.)

Francfort H.-P. [Франкфор А.-П.] Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et palettes à fards «gréco-buddique» [Греко-бактрийские образцы некоторых реликвариев и косметических палет «греко-буддийского» стиля] // Arts Asiatiques. 1976. T. XXXII. P. 92–98 (на фр. яз.).

Guillaume O., Rougeulle A. [Гийом О., Ругель А.] Fouilles d'Aï Khanum VII. Les petit objects [Раскопки в Ай-Ханум VII. Мелкие находки]. Paris: Diffusion de Boccard, 1987. 145 p. (на фр. яз.).

References

Andreev M. S., Polovtsev A. A. Materialy po etnografii iranskikh plemyon i narodnostei [Materials on the Ethnography of the Iranian Tribes of Central Asia]. *Sbornik materialov po arkheologii i etnografii* [Collection of Materials on Archeology and Ethnography]. St. Petersburg, 1911, no 9, pp. 4–41 (in Russian).

Antonova E. V. *Ocherki kul'tury drevnikh zemledel'tsev Perednei i Srednei Azii / Opyt rekonstruktsii vospriyatiya* [Essays on the Culture of Ancient Farmers of Western and Middle Asia. Experience of Perception Reconstruction]. Moscow: Nauka, 1984, 262 p. (in Russian).

Arrian F. *Pokhod Aleksandra* [The Campaigns of Alexander]. St. Petersburg: Aleteiya, 1993, 386 p. (in Russian).

Avesta. URL: <http://titus.uni-frankfurt.de/texte/etsc/iran/airan/avesta/avest.htm> (accessed at February 3, 2025).

Belenitskii A. M. Kon' v ku'ltakh I ideologicheskikh predstavleniyakh narodov Srednei Azii i evraziiskikh stepei v drevnosti I rannem srednevekov'e [The horse in the cults and ideological representations of the peoples of Central Asia and the Eurasian steppes in antiquity and the early Middle Ages]. *Kratkie soobtscheniya instituta arkheologii SSSR* [Brief reports of the Institute of Archeology of the SSSR]. 1978, iss. 154, pp. 31–39 (in Russian).

Belenitskiy A. M. Khutal'skaya loshad' v legendakh i istoricheskom predanii [Huttal horse in legend and historical legend]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography] 1948, no. 4, pp. 162–167 (in Russian).

Bichurin N. Ya. (Iakin'). *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of Information About the Peoples Lived in Middle Asia in Ancient Times]. St. Petersburg, 1851, pt. III, 274 p. (in Russian).

Bretanitskii L. S. Ob odnom maloizvestnom pamyatnike tadjikskogo zodchestva [About a little-known monument of Tajik architecture]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and research on the archeology of the USSR]. Moscow-Leningrad, 1958, pp. 325–357 (in Russian).

Bubnova M. A. Raboty Pamirskogo arkheologicheskogo otryada na Zapadnom Pamire v 1976 godu [The work of the Pamir Archaeological team in the Western Pamirs in 1976]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 1982, iss. XVI (1976), pp. 171–184 (in Russian).

Chvyr' L. A. *Ocherki kul'tury cinteza v turkestane (I–II tys. n. e.)* [Essays on Cultural Synthesis in Turkestan (1st–2nd millennium AD)]. St. Petersburg: Nestor-istorik, 2018, 239 p. (in Russian).

D'yakonov M. N. Obraz Siyavusha v sredneaziatskoi mifologii [The image of Siyavush in Middle Asian mythology]. *Kratkie soobtscheniya instituta istorii i material'noi kul'tury* [Brief reports from the Institute of History and Material Culture]. 1959, iss. 40, pp. 34–53 (in Russian).

Dodkhudoeva L. *Nasledie Takhti Sangina i sovremennaya kul'tura Tadzhikistana* [Heritage of Takht-i Sangin and Modern Culture of Tajikistan]. Dushanbe: Donish, 2023, 194 p. (in Russian).

Drège J.-P., Grenet F. Un Temple de l'Oxus pre de Takht-i Sangin, d'apre un temoignage chinois du VIIIe s [Un Temple de l'Oxus prè de Takht-i Sangin, d'après un témoignage chinois du VIIIe s]. *Studia Iranica*. 1987, no 16/1, pp. 117–121 (in French).

Drujinina A. A. Structure of the Urban Site Takht-i Sangin and Its Vicinity. *Bulletin of MIHO Museum*. 2016, vol. 16, pp. 53–119. (in Russian).

Druzhinina A. P. *Stroitel'nye element i obekty akhemenidskogo vremeni iz khrama Oksa* [Building elements and objects of the Achaemenid period from the temple of the Oxus].

Takhti Sangin kak primer sinteza tsivilizatsiy Vostoka i Zapada. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo sipoziyuma, posvyatschennogo 2500-letiyu goroditscha Takhti Sangin. (Dushanbe, 4–6 oktyabrya 2023 g.) [Takht-i Sangin as an Example of the Synthesis of Civilizations of the East and the West. Pros. of International Scientific Symposium dedicated to the 2500 anniversary of the site of Takht-i Sangin Sangin (Dushanbe, October 4–6, 2023)]. Dushanbe: Donish, 2023, pp. 6–22 (in Russian).

Druzhinina A. P. Kryshka kamennoi piksidy s zoomorfnym frizom s goroditscha Takhti Sangin. Novaya Nakhodka na territorii Baktrii [The lid of a stone pyxis with a zoomorphic frieze from the site of Takht-i Sangin. A new discovery on the territory of ancient Bactria]. *Archaeologiya, etnographiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Euroasia]. Novosibirsk, 2004a, no. 3, pp. 131–158 (in Russian).

Druzhinina A. P. Predvoritel'nye rezul'taty issledovaniya goroditscha Takhti Sangin i opredelenie granits ellinisticheskogo goroda [Preliminary results of the study of the site of Takht-i Sangin and the definition of the boundaries of the Hellenistic city]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 2004, iss. XXIX, pp. 224–236 (in Russian).

Druzhinina A. P., Khudzhageldyev, Rott F. Otchyot o raskopkakh na plotschadi khrama Oksa na goroditsche Takhti Sangin v 2006 g. [Excavation report on the Oxus Temple square at the site of Takhtii in 2006]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 2008, iss. XXXII (2006 r.), pp. 50–76 (in Russian).

Eshonkulov U. *Istoriya zemledel'cheskoi kul'tury gornogo Sogda (s drevneishikh vremyon do nachala XX v.)* [The History of Agricultural Culture of Gorny Sogd (From Ancient Times to the Beginning of the XX century)]. Dushanbe: Devashtich, 2007, 849 p. (in Russian).

Filimonova T. G., Akhmetzyanov M. R., Khodzhaev Sh. R., Khodzhaev A. R. *Arkheologicheskaya karta Tadzhikistana. Voseiskii raion* [Archaeological Map of Tajikistan. Vose District]. Dushanbe, 2020, 376 p. (in Russian).

Francfort H.-P. *Fouilles d'Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple a niches indentees 2* [Fouilles d'Ai Khanum III. Le sanctuaire du temple à niches indentées 2]. Paris: Diffusion de Bocard, 1984, 143 p. (in French).

Francfort H.-P. Les modeles greco-bactriens de quelques reliquaries et pallettes a fards “greco-buddique” [Les modèles gréco-bactriens de quelques reliquaries et pallettes à fards “gréco-buddique”]. *Arts Asiatiques*. 1976, vol. XXXII, pp. 92–98 (in French).

Francfort H.-P. Takht-i Sangin: on the pre-Hellenistic finds. *Takhti-Sangin kak primer sinteza tsivilizatsiy Vostoka i Zapada. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvyashchennogo 2500-letiyu gorodishcha Takhti-Sangin (Dushanbe, 4–6 oktyabrya 2023 g.)* [Takhti-Sangin as an Example of the Synthesis of Eastern and Western Civilizations. Proceedings of the International Scientific Symposium Dedicated to the 2500th Anniversary of the Takhti-Sangin Site (Dushanbe, October 4–6, 2023)]. Dushanbe: Donish, 2023, pp. 6–22.

Gershevitch I. *The avestan Hymn to Mithra*. Cambridge: Cambridge univ. press, 1959, 357 p.

Girshman R. M. Religii Irana ot VIII v. do n. e. do perioda islama [Religions of Iran from the 8th century BC to the period of Islam]. *Kul'tura Vostoka: drevnost' I rannee srednevekov'e*

[Culture of the East: Antiquity and the Early Middle Ages]. Leningrad: "Avrora" Publ., 1978, pp. 67–73 (in Russian).

Gorodtsev V.A. *Archaeologiya. T.I. Kamennyi vek* [Archaeology. Vol. I. Stone Age]. Moscow-Petrograd: Gosudarstvennoe Publ., 1923, 404 p. (in Russian).

Guillaume O., Rougeulle A. *Fouilles d'Aï Khanum VII. Les petits objets* [Fouilles d'Aï Khanum VII. Les petit objects]. Paris: Diffusion de Boccard, 1987, 145 p. (in French).

Ivanchik A. I. Novye grecheskie nadpisi iz Takhti Sangina I problema vozniknoveniya baktriiskoi pis'mennosti [New Greek inscriptions from Takht-i Sangin and the problem of the emergence of the Bactrian script]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History]. 2001, iss. 4, pp. 110–131 (in Russian).

Kalandarova O.I. *Semantika yuvelirnykh ukrashenii Baktrii-Tokharistana i Sogda. Diss kan. ist nauk* [Semantics of jewelry plots in Bactria-Tokharistan and Sogd. Ph. D. Thesis in History]. Dushanbe, 2000, 239 p. (in Russian).

Khamidzhanova M.A. Nekotoryye arkhaischeskie pogrebal'nye obryady tadzhikov [Some Archaic Funeral Rites]. *Pamyati A.A. Semyonova. Sbornik statei po istorii, arkheologii i etnografii Srednei Azii* [In Memory of A.A. Semenov. Collection of Articles on the History, Archeology, Ethnography and Art of Central Asia]. Dushanbe: Donish, 1980, pp. 287–293 (in Russian).

Khlopin I.N. Izobrazhenie Kresta v drevnezemledel'cheskikh kul'turakh Yuzhnoi Turkmenii [The image of the Cross in the Ancient Agricultural Cultures of Southern Turkmenistan]. *Kratkie soobtscheniya instituta arkheologii SSSR* [Brief reports of the Institute of Archeology of the SSSR]. 1962, iss. 91, pp. 14–21 (in Russian).

Khojaeva N.J. *Istoricheskaya geografiya Tsentral'noi Azi v doislamskii period* [Historical Geography of Central Asia in pre-Islamic period]. Dushanbe: Donish, 2017, 380 p. (in Russian).

Khojaeva N.J. *Takhti Sangin v istorii i kul'ture Tsentral'noi Azii* [Takht-i Sangin in the History and Culture of Central Asia]. Dushanbe: Donish, 2023, 318 p. (in Russian).

Kuz'mina E. E. Kon' v kul'ture irantsev [The horse in the culture of the Iranians]. *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do timuridov: arkheologiya, istoriya, etnologiya, kul'tura. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvytchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Markovicha Belenitskogo. Sankt-Peterburg, 2–5 noyabrya 2004 goda* [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: archaeology, history, ethnology, culture. Proc. of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of Alexander Markovich Belenitsky. St. Petersburg, November 2–5, 2004]. St. Petersburg: IIMK RAN, 2004, pp. 16–18 (in Russian).

Kuz'mina E.E. Rasprostranenie konevodstva i kult konya y iranoyazychnykh plemen Srednei Azii i drugikh narodov Starogo sveta [The spread of horse breeding and the cult of the horse among the Iranian-speaking tribes of Middle Asia and other peoples of the Old World]. *Srednyaya Aziya v drevnosti I rannem Srednevekov'e (istoriya I kul'tura)* [Middle Asia in Antiquity and the Early Middle Ages (history and culture)]. Moscow: Nauka, 1977, pp. 28–52 (in Russian).

Kuz'mina E. E. *V strane Kavata i Afrasiyaba* [In the country of Kawat and Afrasiab]. Moscow: Nauka, 1977a, 141 p. (in Russian).

Litvinsky B. A. *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). T. 2: Baktriiskoe vooruzhenie v drevnevostochnom i grecheskom kontekste* [The Temple of the Oxus in Bactria (Southern Tajikistan). Vol. 2. Bactrian arm and Armour in the ancient Eastern and Greek context]. Moscow: "Vostochnaya literature" RAN Publ., 2001, 528 p. (in Russian).

Litvinsky B. A. *Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). T. 3: Iskusstvo, khudozhestvennoe, muzykal'nye instrumenty*. [The Temple of the Oxus in Bactria (Southern Tajikistan). Vol. 3. Art, Fine Art, Musical Instruments]. Moscow: Vostochnaya literature RAN Publ., 2010, 664 p. (in Russian).

Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. *Ellinisticheskii Khram Oksa v Baktrii (Yuzhnyi Tadzhikistan). T. 1: Raskopki, arkhitektura, religioznaya zhizn'* [The Hellenistic Temple of the Oxus in Bactria (Southern Tajikistan). Vol. 1: Excavations, Architecture, Religious Life. Moscow: Vostochnaya literature RAN Publ., 2000, 503 p. (in Russian).

Litvinsky B. A., Pichikyan I. R. Takhti Sangin — Kamennoe goroditshe [Takht-i Sangin — Stone site]. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane* [Archaeological works in Tajikistan]. 2004, iss. XIX (1979), pp. 104–136 (in Russian).

Litvinsky B. A., Vinogradov Yu. G., Pichikyan I. R. Votiv Atrosoka iz khrama Oksa v Severnoi Baktrii [Votive of Atrosok from the temple of the Oxus in Northern Bactria]. *Vestnik drevnei istorii* [Bulletin of Ancient History]. 1985, iss. 4, pp. 84–116 (in Russian).

Mardonova A. Kul't konya v semeinykh obryadakh nadzhikov Gissarskoi doliny [The Cult of the Horse in the Family Rituals of the Tajiks of the Gissar Valley]. *Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): problem genezisa i transformatsii. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii g. Almaty, 1995* [Nomad Culture at the Turn of the Century (XIX–XX, XX–XXI centuries): Problems of Genesis and Transformation. Proceedings of the International Conference Almaty, June 5–7, 1995]. Almaty, 1995, pp. 203–221 (in Russian).

Marochnik S. B., Rozenfel'd B. A. *Omar Khayam — poet, myslitel', uchyonyi* [Omar Khayyam — poet, thinker, scientist]. Stalinabad: Tadzhikgosizdat, 1957, 209 p. (in Russian).

Nemoevskiy A. Istoriya Kresta [The history of the Cross]. *Ateist* [The atheist]. 1927, no. 16, pp. 67–80 (in Russian).

Petscherova E. M. *Goncharnoe proizvodstvo v Srednei Azii* [Pottery production in Middle Asia]. Moscow — Leningrad, 1959, 397 p. (in Russian).

Pichikyan I. R. *Kul'tura Baktrii. Akhemenidskii i ellinisticheskii periody. Ocherki* [Culture of Bactria. Achaemenid and Hellenistic periods. The essays]. Moscow: GRVL, 343 p. (in Russian).

Pisarchik A. K. Smert', pokhorony [Death, funeral]. *Tadzhiki Karategina i Darvaza* [The Tajiks of Karategin and Darvaza]. Dushanbe: Donish, 1976, iss. 3, 256 p. (in Russian).

Pulleyblank E. G. Chienese and Indo-Europeans. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 1966, Vol. I–II, pp. 9–39.

Rak I. V. (ed) *Avesta v russkikh perevodakh (1861–1996)* [Avesta in Russian Translations]. St. Petersburg: Zhurnal "Neva": Letnii Sad, 1998, 480 p. (in Russian).

Rigveda. Mandaly I–IV. [Rig Veda. Mandalas I–IV]. Moscow: Nauka, 1999, 768 p. (in Russian).

Rigveda. Mandaly V–VIII [Rig Veda. Mandalas V–VIII]. Moscow: Nauka, 1999a, 745 p. (in Russian).

Snesarev G. P. *Relikty domusul'manskikh verovanii u uzbekov Khorezma* [Relics of pre-Muslim beliefs among Uzbeks of Khorezm]. Leningrad: Nauka, 1969, 336 p. (in Russian).

Strabon. *Geografiya v 17 knigakh* [Geography in 17 books]. Moscow: Nauka, 1964, 940 p. (in Russian).

Tolstov S. P. *Drevnii Khorezm. Opyt istoriko-arkheologicheskogo issledovaniya* [Ancient Khorezm. The experience of historical and archaeological research]. Moscow: MGU Publ., 1948, 352 p. (in Russian).

Tolstov S. P. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta* [Along the ancient deltas of the Oxus and Jaxartes]. Moscow: Vostochnaya literature Publ., 1962, 324 p. (in Russian).

Tolstov S. P., Vainberg B. I. (eds.) *Koi-Krylgan-kala — pamyatnik kul'tury drevnego Khorezma IV v. do n. e. — IV v. n. e.*, [Koi-Krylgan-kala is a cultural monument of ancient Khorezm of the 4th century BC — 4th century AD]. Moscow: Nauka, 1967, 348 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 03.03.2025

Принята к публикации: 19.10.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 902/904

DOI 10.14258/nneur(2025)4–06

С. В. Шнайдер

*Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия);
Международная исследовательская лаборатория ZooStan — Археозоологический
центр по изучению Центральной Азии — CNRS — Казахский национальный
университет имени аль-Фараби, IRL 2033, Алматы (Казахстан)*

Н. У. Холматов

Самаркандский государственный университет, Самарканд (Узбекистан)

С. Ж. Рахимжанова

Институт археологии им. А. Х. Маргулана, Алматы (Казахстан)

А. Ю. Федорченко

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

У. Рендю

*Международная исследовательская лаборатория ZooStan — Археозоологический
центр по изучению Центральной Азии — CNRS — Казахский национальный
университет имени аль-Фараби, IRL 2033, Алматы (Казахстан)*

Г. И. Марковский

Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия)

НЕОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СТОЯНКИ ТЕПАКУЛЬ-4 (ЗЕРАВШАНСКИЙ ХРЕБЕТ, УЗБЕКИСТАН)

Настоящее исследование посвящено комплексному анализу неолитических материалов стоянки Тепакуль-4, расположенной в среднем течении р. Зеравшан (Узбекистан). Памятник исследовался археологической экспедицией Самаркандского государственного университета под руководством Н. У. Холматова в 1995–2004 гг. В процессе полевых работ были заложены раскопы общей площадью 156 м², в пределах которых зафиксировано пять литологических слоев. Материалы неолитического времени происходят преимущественно из горизонтов 3–4. Ревизия сохранившейся неолитической коллекции, проведенная в 2025 г., актуализировала данные по каменной индустрии, керамическому комплексу и палеофаунистическим материалам Тепакуль-4. Проведенный анализ позволил сопоставить этот комплекс с синхронными памятниками региона. В отличие от стоянок кельтеминарской культуры, таких как Аякагитма-2, каменная индустрия Тепакуль-4 характеризуется более ограниченным технологическим репертуаром при про-

изводстве пластинок и отсутствием типичных для кельтеминара орудий-маркеров. Вместе с тем керамический комплекс стоянки демонстрирует технологические черты, близкие к кельтеминарской культуре, что может указывать на присутствие культурных контактов или общих векторов развития неолитических традиций в регионе. Одновременно неолитический комплекс Тепакуль-4 отличается от материалов обиширской и гиссарской культур. В целом, изучаемый комплекс представляет собой уникальный и информативный источник для реконструкции адаптационных стратегий населения эпохи неолита в среднем течении Зеравшана. В перспективе предполагается реализация программы абсолютного датирования памятника, а также расширение исследований памятников сагаганской культуры, особенно в соседних долинах, с целью выявления локальных особенностей и региональных тенденций культурного развития.

Ключевые слова: Центральная Азия, неолит, каменная индустрия, керамика, археозоологический анализ, сагаганская культура

Для цитирования

Шнайдер С. В., Холматов Н. У., Рахимжанова С. Ж., Федорченко А. Ю., Рендю У., Марковский Г. И. Неолитические материалы со стоянки Тепакуль-4 (Зеравшанский хребет, Узбекистан) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 114–136. DOI 10.14258/nreur(2025)4–06.

Шнайдер Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия); ведущий научный сотрудник международной исследовательской лаборатории ZooStan — Археозоологический центр по изучению Центральной Азии — CNRS — Казахский национальный университет имени аль-Фараби, IRL 2033, Алматы, Казахстан. **Адрес для контактов:** sveta.shnayder@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

Холматов Нормаммад Уразович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии Самаркандского государственного университета им. Ш. Рашидова, Самарканд, Узбекистан. **Адрес для контактов:** normahammadholmatov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1880-2162>

Рахимжанова Сауле Жангельдыевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана, Алматы (Казахстан). Адрес для контактов: rakhimzhanova.saule@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1429-1470>

Федорченко Александр Юрьевич, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** winteralex2008@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Рендю Уильям, PhD, директор международной исследовательской лаборатории ZooStan — Археозоологический центр по изучению Центральной Азии — CNRS — Казахский национальный университет имени аль-Фараби, IRL 2033, Алматы (Казахстан). **Адрес для контактов:** William.RENDU@cnrs.fr; <https://orcid.org/0000-0003-2137-1276>

Марковский Григорий Иванович, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** markovskyyy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2698-707X>.

S. V. Shnaider

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

N. U. Kholmatov

Samarkand State University, Samarkand (Republic of Uzbekistan); International Research Laboratory ZooStan — Archaeozoological Center for Central Asian Studies — CNRS — Kazakh National University named after Al. A. H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty (Kazakhstan)

S. Z. Rakhimzhanova

Institute of Archaeology named after A. H. Margulan, Almaty (Kazakhstan)

A. Y. Fedorchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

W. Rendu

International Research Laboratory ZooStan — Archaeozoological Center for Central Asian Studies — CNRS — Kazakh National University named after Al. A. H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty (Kazakhstan)

G. I. Markovskii

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk (Russia)

THE NEOLITHIC COMPLEX OF THE TEPAKUL-4 SITE (ZERAVSHAN RANGE, UZBEKISTAN)

This study presents a comprehensive analysis of Neolithic materials from the Tepakul-4 site, located in the middle reaches of the Zeravshan River (Uzbekistan). An archaeological expedition from Samarkand State University, led by N. U. Kholmatov, studied the site between 1995 and 2004. Excavations covering a total area of 156 square meters revealed five lithological layers. Materials from the Neolithic period primarily originate from horizons 3–4. In 2025, we revisited the preserved Neolithic collection from Tepekul-4 site. This re-examination refined our understanding of the site's lithic assemblage, ceramic complex, and paleofaunal materials. The analysis enabled comparison with synchronous complexes in the region. Unlike Kelteminar culture sites, such as Ayakagitma-2, the Tepekul-4 stone industry shows a more limited technological repertoire in bladelet production and lacks tools typical of the

Kelteminar culture. However, the site's ceramic assemblage displays technological features similar to the Kelteminar culture. This similarity may indicate cultural contacts or shared developmental trajectories in the region's Neolithic traditions. Additionally, the Tepekul-4 Neolithic complex differs from materials of the Obishir and Hissar complexes. Overall, this complex provides a unique and informative source for reconstructing the adaptive strategies of Neolithic populations in the middle Zeravshan Valley. Future work includes plans for an absolute dating program at Tepekul-4. Further study of Sazagan culture sites, especially in neighboring valleys, is also a promising direction. This research aims to identify local variations and regional trends in cultural development.

Keywords: Central Asia, Neolithic, lithic industry, ceramics, archaeozoological analysis, Sazagan culture

For citation:

Shnaider S. V., Kholmatov N. U., Rakhimzhanova S. Z., Fedorchenko A. Y., Rendu W., Markovskii G. I. The Neolithic complex of the Tepakul-4 site (Zeravshan range, Uzbekistan). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 114–136 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–06.

Shnaider Svetlana Vladimirovna, PhD in History, Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia); Leading Researcher, International Research Laboratory ZooStan — Archaeozoological Center for Central Asian Studies — CNRS — Al-Farabi Kazakh National University, IRL 2033, Almaty, Kazakhstan. **Contact address:** sveta.shnayder@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2230-4286>

Kholmatov Normakhammad Urozovich, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Archaeology, Sh. Rashidov Samarkand State University, Samarkand, Uzbekistan. **Contact address:** normahammadholmatov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1880-2162>

Rakhimzhanova Saule Zhangel'dyevna, Candidate of Historical Sciences, leading researcher of the Institute of Archaeology named after A. H. Margulan, Almaty, Kazakhstan. A. H. Margulan Institute of Archaeology, Almaty (Kazakhstan). **Contact address:** rakhimzhanova.saule@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-1429-1470>

Fedorchenko Alexander Yurievich, Research Associate, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** winteralex2008@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7812-8037>

Rendu William, PhD, Director of the international research laboratory ZooStan — Archaeozoological Center for Central Asian Studies — CNRS — Al-Farabi Kazakh National University, IRL 2033, Almaty (Kazakhstan). **Contact address:** William.RENDU@cnrs.fr; <https://orcid.org/0000-0003-2137-1276>

Markovskii Grigori Ivanovich, Junior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** markovskyyy@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2698-707X>

Введение

Зеравшанская долина, одна из наиболее живописных и плодородных в Центральной Азии, с древнейших времен привлекала людей сочетанием природной красоты и исключительно благоприятных условий для жизни: изобилием воды, мягким климатом, плодородными почвами и богатой растительностью. Наиболее ранние свидетельства заселения региона зафиксированы на памятниках Сои Хавзак, Кутурбулак, Зирабулак и Самаркандская стоянка [Джуракулов, 1987; Коробкова Джуракулов, 2000; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980; Szymczak, 2000; Zaidner, Kurbanov, 2024]. В период энеолита — бронзового века в долине Зеравшана сложились одни из ранних оседлых центров Центральной Азии. Ярким примером служит Саразм в верхнем течении Зеравшана — одно из древнейших поселений региона, где обнаружены ранние свидетельства скотоводства и земледелия [Исаков, 1991]. В нижнем течении, в свою очередь, выделяется заминбабинская культура, также демонстрирующая признаки развитой оседлой земледельческой цивилизации [Гулямов, Исламов, Аскаров, 1966]. В эпоху неолита долину осваивали носители различных культурных традиций: в нижнем течении представлены объекты кельтеминарской культуры [Виноградов, 1981; Szymczak, Khudzhazarov, 2006a], в среднем течении — памятники сазаганской культуры [Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов, 2019].

Сазаганская археологическая культура эпохи неолита имеет особое значение для региона. На основе результатов технико-типологического анализа каменного инвентаря ее памятники датируются в пределах 9–5 тыс. л. н. [Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов, 2019]. Ареал распространения этой культуры приурочен к северным отрогам гор Каратапа и тяготеет к долинам крупных саев (Эгрикулча, Тепакуль, Охалик, Сазаган и др.). Подавляющее большинство этих объектов залегает в стратифицированном контексте на террасах саев. Единственным исключением является пещера Очилгор, где также зафиксированы культурные останки сазаганской культуры [Холматов, 2019]. Непосредственно в долине сая Тепакуль выявлено пять памятников сазаганской неолитической культуры.

Данная работа посвящена материалам памятника Тепакуль-4, который был исследован археологической экспедицией СамГУ в 1995–2004 гг. Он расположен примерно в 5,5 км выше от перекрестка трассы Самарканд — Карши и поворота на пос. Тепакуль, по левому борту сая Тепакуль. Размер террасы составляет 60 × 130 м; поверхность слегка наклонена к ручью (рис. 1). Терраса имеет восточную экспозицию. В ходе исследования стоянки было заложено несколько рекогносцировочных раскопов общей площадью 156 м² [Холматов, 2015].

На памятнике было выделено пять литологических слоев, их описание приводится сверху вниз:

1. Дерновый слой, его мощность достигает 0,15 м.
2. Темный слой почвы с мелкими песчаными частицами, мощность слоя достигает 1 м.
3. Темно-коричневый суглинок с включениями гравия и карбонатов. Истинная мощность слоя составляет 0,4–0,5 м.
4. Слой светло-коричневого суглинка с включением редких карбонатов и гравия в нижней части слоя, истинная мощность слоя достигает 1 м.

5. Слой темно-коричневого суглинка с включениями песчаных линз. Мощность слоя достигает 2 м. В археологическом отношении слой стерилен.

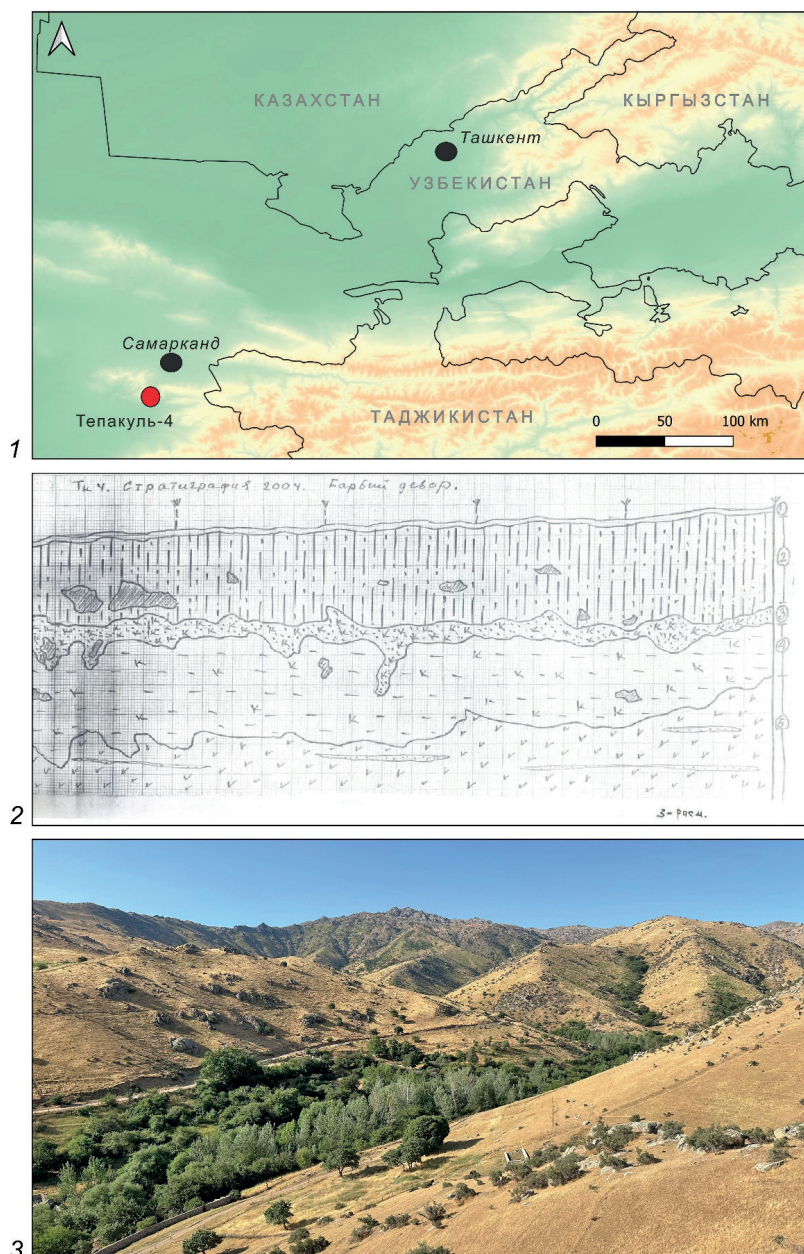

Рис. 1. Стоянка Тепакуль-4: 1 — расположение; 2 — стратиграфия (по итогам раскопок 2004 г., оцифрованная версия из архива Н. У. Холматова); 3 — вид на памятник
 Fig. 1. The Tepakul-4 Site: 1 — location; 2 — stratigraphy (based on the 2004 excavation results, digitized version from the archive of N. U. Kholmatov); 3 — view of the site

В слоях 1–2 был обнаружен археологический материал от неолита до средневековья, представленный каменными артефактами, фрагментами керамических сосудов и палеофаунистическими остатками. В слоях 3 и 4 были зафиксированы находки периода неолита.

Общая коллекция находок с памятника Тепакуль-4 насчитывает около 10 000 единиц хранения, включая каменные артефакты, керамику, палеофаунистические материалы и единичные украшения — подвески из камня и раковин. Коллекция каменных артефактов составляет почти 4 000 экз. Первичный анализ индустрии, проведенный Н. У. Холматовым, характеризует ее как обломочно-отщеповую с выраженной долей микропластинчатого расщепления, ориентированную преимущественно на утилизацию клиновидных ядрищ. В орудийном наборе отмечалось наличие клиновидных орудий, ногтевидных скребков и единичных проколов, напоминающих острия туткаульского типа. Основываясь на значительном сходстве с материалами других памятников сагаганской культуры, Н. У. Холматов отнес индустрию памятника Тепакуль-4 к среднему этапу этой культуры и датировал ее в пределах 8–6 тыс. л. н. [Холматов, 2015, 2019].

Материалы и методы исследования

В марте 2025 г. нашей группой было проведено повторное изучение материалов памятника Тепакуль-4. Работы проводились в хранилище музея археологии Самаркандского государственного университета им. Ш. Рашидова. Анализу подверглись исключительно материалы неолитических слоев; находки из слоев 1–2 в исследование не включались. Сохранившаяся коллекция каменных артефактов насчитывает 3 884 экземпляра. Описание артефактов осуществлялась в соответствии с системой, ранее применявшейся для материалов стоянки Туткаул [Shnaider, Krajcarz, Viola, Abdykanova, Kolobova, Fedorchenko, Alisher-Kyzy, Krivoshapkin, 2020]. Фотосъемка артефактов и фиксация следов обработки и износа на макроуровне осуществлялись посредством камеры EOS 5D Mark IV совместно с объективом Canon EF 100mm f/2.8L Macro IS USM и штативом. Для морфологически выразительных нуклевидных форм, показательных пластинчатых и технических сколов, а также репрезентативных орудий были созданы высокоточные 3D-модели (60 экз.) при помощи 3D-сканера RangeVision Spectrum (разрешение камер 3.1 МП, точность сканирования до 0,04 мм, разрешение 3D моделей до 0,06 мм). Работа с трёхмерными моделями нуклеусов и орудий не только даёт возможность создавать качественные изображения предметов в необходимом ракурсе, но также получать точные сечения и объёмы предметов, высчитывать площади поверхностей и углы между требуемыми плоскостями. Все полученные данные будут использованы для сопоставления с хронологически близкими индустриями других стоянок региона с применением методов 3D-моделирования и математической статистики в рамках подробного технологического анализа.

В коллекции сохранилось 13 фрагментов неолитической керамики, их детальный анализ был проведён в рамках подхода, разработанного А. А. Бобринским [Бобринский, 1978: 5–109; 1999] и его последователями [Волкова, 1996; Васильева, Салугина, 2013; Степанова, 2010; Цетлин, 2006; 2008: 229–244; 2012]. Сильная фрагментированность материала ограничила анализ этапами гончарной технологии, связанными с подготовительной и закрепительной стадиями производства: ступени 1–4 (отбор и обработка исходного сырья, составление формовочной массы), ступени 9–10 (обработка

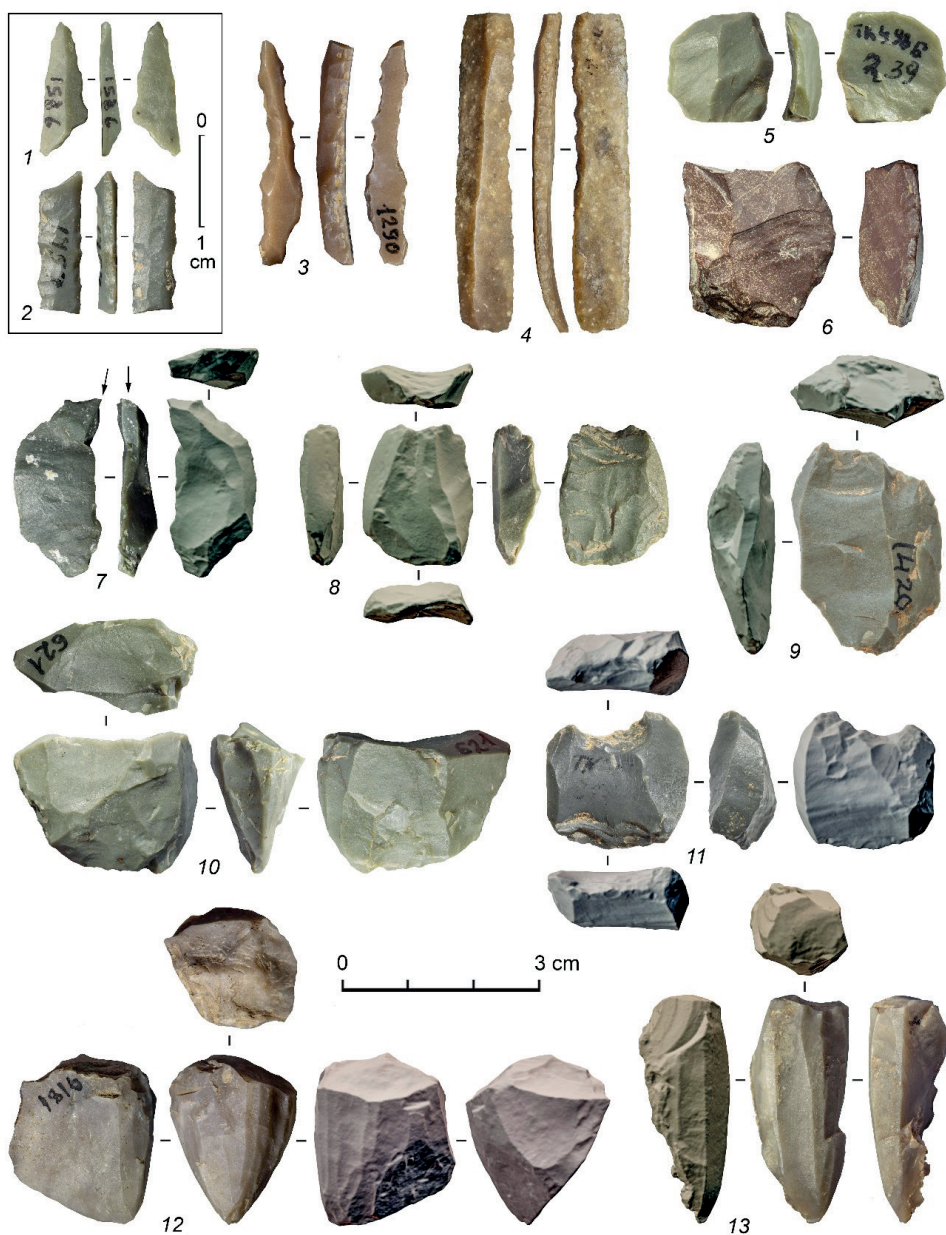

Рис. 2. Каменная индустрия неолитического комплекса стоянки Тепакуль-4:
 1 — неравносторонний треугольник; 2 — пластинка с вентральной ретушью; 3 — проколка;
 4 — пластинка с вентральной ретушью; 5 — концевой скребок; 6 — боковой скребок;
 7 — резец; 8, 9, 11 — долотовидные изделия; 10, 12, 13 — нуклеусы
 Fig. 2. Lithic Industry of the Neolithic Complex from the Tepakul-4 Site: 1 — scalene triangle;
 2 — blade with ventral retouch; 3 — awl; 4 — blade with ventral retouch; 5 — end-scraper;
 6 — side-scraper; 7 — burin; 8, 9, 11 — chisel-like tools; 10, 12, 13 — cores

поверхности и придание сосуду прочности) и дополнительная ступень 13 (декорирование) [Бобринский, 1999].

Навыки отбора и обработки сырья и составления формовочных масс изучались по свежим изломам под микроскопом МБС-10 для выявления естественных включений и искусственно примесей. Степень ожелезненности определялась путем обжига образцов при 850 °С в муфельной печи и сравнения цвета с экспериментальной шкалой [Цетлин, 2006: 421–425]. Степень запесоченности оценивалась по размерности и концентрации естественного песка с использованием критериев пластичности глин по методу Е. В. Волковой [Каздым, Лопатина, 2010: 53]. Для определения навыков механической обработки поверхности анализировались следы на внешней и внутренней поверхности фрагментов. Режим обжига определяли по критериям Е. В. Волковой и Ю. Б. Цетлина, разработанным в ходе экспериментальных исследований [Волкова, Цетлин, 2016].

Палеофаунистическая коллекция памятника Тепакуль-4 (1 446 экз.) была классифицирована по таксонам, размерным классам (по методу Брайана [Brain, 1981]) и неопределенным остаткам. Все идентифицируемые останки (за исключением 884 неопределенных экземпляров) исследовались под увеличительной лупой ×30 для оценки тафономического состояния и выявления возможных следов воздействия человека и/или плотоядных животных.

Таблица 1

Состав каменной индустрии неолитического комплекса памятника Тепакуль-4

Table 1

**Composition of the stone industry of the Neolithic complex
of the Tepakul-4 monument**

<i>Категории первичного расщепления</i>	<i>Кол-во</i>	<i>%</i>
Нуклевидные изделия	48	3,3
Гальки	33	—
Сланцевые плитки	5	0,3
Технические сколы	66	4,6
Отщепы	487	33,7
Пластины	15	1,0
Пластинки	251	17,4
Микропластины	538	37,3
<i>Всего, без учета отходов производства</i>	<i>1 443</i>	<i>37,2</i>
Отходы производства (обломки, осколки, чешуйки, отщепы до 30 мм)	2 441	62,8
Всего	3 884	100%

Нуклеусы, направленные на получение микропластин, демонстрируют признаки использования техники отжима (рис. 2.–10, 12–13). На их фронтах негативы пластинок и микропластин расположены конвергентно (клиновидные нуклеусы), параллельно и субпараллельно. Преобладает количество негативов снятий от шести до девяти; на отдельных изделиях фиксируется 10, 12, 14, 16 и 20 негативов.

Таблица 2
Нуклеусы неолитического комплекса памятника Тепакуль-4
Table 2
Nuclei of the Neolithic complex of the Tepakul-4 monument

<i>Tun</i>	<i>Кол-во</i>
Плоскостные	8
<i>для отщепов</i>	
Дисковидные	2
Продольные	3
Бессистемные	1
<i>для пластин</i>	
Продольные	1
<i>для пластинок</i>	
Продольные	1
Объемные	13
<i>для микропластин</i>	
Призматические	7
Конусовидные	4
Карандашевидные	2
Фрагменты	1
Всего	22

Основания призматических и двух клиновидных нуклеусов уплощены, с признаками забитостей или специальных уплощающих сколов; аналогичные сколы присутствуют на тыльной стороне. Это свидетельствует о преднамеренном формировании изделий, вероятно, для фиксации в щемилке. Два клиновидных нуклеуса имеют сформированные киль и ребро. Угол расщепления между фронтом и ударной площадкой в среднем составляет 90°. Все площадки нуклеусов несут следы подправки дуги скалывания: редуцированием (6 экз.) или в сочетании этого же приема с абразивной подработкой (6 экз.). Все изделия оставлены в крайней стадии утилизации из-за малой ширины (5 экз.), заломов на фронте расщепления (3 экз.), или фрагментации в процессе эксплуатации (5 экз.). Для всех нуклеусов характерны миниатюрные размеры: в средняя длина — 24 мм, ширина — 14 мм, толщина — 12 мм.

Пластинки и микропластины также демонстрируют признаки отжима. Преимущественно представлены медиальные (35%) и медиально-проксимальные фрагменты (33%). Большинство сколов (72%) имеет прямой продольный профиль, треугольное (34%) или трапецевидное (44%) сечение. Практически все (92%) характеризуются продольной огранкой дорсальной поверхности. Подавляющее большинство (89%) обладает точечной ударной площадкой; все площадки несут признаки редуцирования или абразивной обработки. Преобладающие размеры сколов: длина 17–26 мм, ширина — 4,5–6 мм, толщина — 1,5–2 мм.

Таблица 3

Технические сколы неолитического комплекса памятника Тепакуль-4

Table 3

Technical chips of the Neolithic complex of the Tepakul-4 monument

Тип	Кол-во
Краевые сколы	27
Сколы латеральной подправки	6
Сколы подправки дуги скалывания	4
Сколы подправки фронта расщепления	5
Полуреберчатые пластины	6
Полутаблетки	4
Реберчатые пластины	3
Реберчатые пластинки	4
Сколы подправки терминальной части нуклеуса	2
Таблетки	5
Всего	66

Технические сколы коллекции демонстрируют признаки призматического расщепления (табл. 3) и представлены преимущественно краевыми сколами (23 экз.), реберчатыми и полуреберчатыми сколами, а также таблетками и латеральными сколами.

Таблица 4

Орудийный набор неолитического комплекса памятника Тепакуль-4

Table 4

The gun set of the Neolithic complex of the Tepakul-4 monument

Наименование	Кол-во
Долотовидные изделия	188
Скребки	46
Выемчатые	45
Перфораторы	18
Острия	4
Комбинированные орудия	7
Микролиты	4
Проколки	5
Шиповидные изделия	3
Скребла	7
Резцы	2
Молоты	1
Ретушеры	2
Гальки с порезами на плоскостях	1

Окончание таблицы 4

Наименование	Кол-во
Гальки с ретушированными краями	1
Сколы подправки выемчатого орудия	5
Сколы с вентральной ретушью	68
Сколы с дорсальной ретушью	74
Сколы с притупленным краем	9
Сколы с ретушью утилизации	148
Фрагменты неопределимого орудия	22
Итого	660

Орудийный набор включает 660 изделий (табл. 4). Абсолютно преобладают долотовидные изделия (рис. 2.-8–9, 11), среди которых выделены артефакты с одним лезвием и рабочей площадкой (58 экз.), а также орудия с признаками переориентации: двулезвийные (121 экз.) и четырехлезвийные (4 экз.). Еще пять изделий интерпретированы как слабо диагностируемые фрагменты орудий. На корпусе большинства артефактов присутствуют негативы снятий, морфологически сходные со следами резцовых сколов; эти негативы преимущественно ориентированы от ударной площадки к лезвию и удаляют одну или две боковые грани изделий. На ударных площадках орудий зафиксирована утилизационная ретушь — единичная или более многочисленная, мелкая, многогранная, одно- или двусторонняя, обладающая перообразными и ступенчатыми дистальными окончаниями и сопровождающаяся забитостью и выкрошенностью кромки. Лезвия изделий несут повреждения в виде одной крупной или двух-трех более мелких выемок, сформированных интенсивным выкрашиванием. Долотовидные изделия преимущественно выполнены на обломках кремневого сырья, отщепов и технических сколах. Большинство из них характеризуется миниатюрными метрическими параметрами: длина преимущественно составляет 17–25 мм, ширина — 11–17 мм, толщина — 5–9 мм.

Орудийный набор также включает немногочисленные изделия на отщеповых заготовках: выемчатые изделия, концевые и боковые скребки с дугообразным лезвием, оформленным полукрутой и крутой ретушью (рис. 2.-5–6), перфораторы с выделенным крутой или вертикальной ретушью «жальцем» (рис. 2.-3), а также боковые резцы (рис. 2.-7). Среди орудийных форм на пластинках и микропластинах отмечены изделия с вентральной и дорсальной крутой и полукрутой краевой ретушью (рис. 2.-2, 4), пластинки и микропластины с притупленным краем, а также острия. Геометрические микролиты представлены двумя целыми неравносторонними треугольниками и двумя их проксимальными фрагментами (рис. 2: 1). Эти орудия сформированы ретушью притупления, нанесенной по правому продольному краю, и одному сечению. Коллекцию дополняют макроформы: три дисковидных скребла, изготовленных на сланцевых плитках с обработкой полукрутой и крутой ударной краевой ретушью по всему периметру, а также ложило из уплощенной овальной гальки с усеченным продольным краем, интенсивно зашлифованным и заполированным в результате использования.

Каменный инструментарий комплекса включает наковальню, абразив и два ретушера. Наковальня из крупной массивной подпрямоугольной гальки имеет одну централь-

ную рабочую зону, сформированную крупными зарубками, выбоинами и выщербинами. Выделен один абразив — артефакт на плитчатой отдельности песчаника со следами разнонаправленных линейных следов на двух широких сторонах. Оба ретушера изготовлены из крупных первичных сколов подпрямоугольной и подтреугольной формы. Первый имеет две рабочие зоны: расположенные по центральной оси у короткой грани и вдоль одного продольного края. Второй обладает одним рабочим участком, смещенным к продольному краю, и следами аккомодации краев крутой и вертикальной ударной ретушью. В зонах износа инструментов зафиксированы короткие линейные зарубки и мелкие округлые выбоинки, группирующиеся субпараллельно, а также единичные кометообразные следы. На одном изделии эти следы сочетаются с тонкими удлинненными линейными следами, расположенными рядами перпендикулярно длинной оси, что, вероятно, указывает на эпизодическое использование инструмента для абразивной обработки.

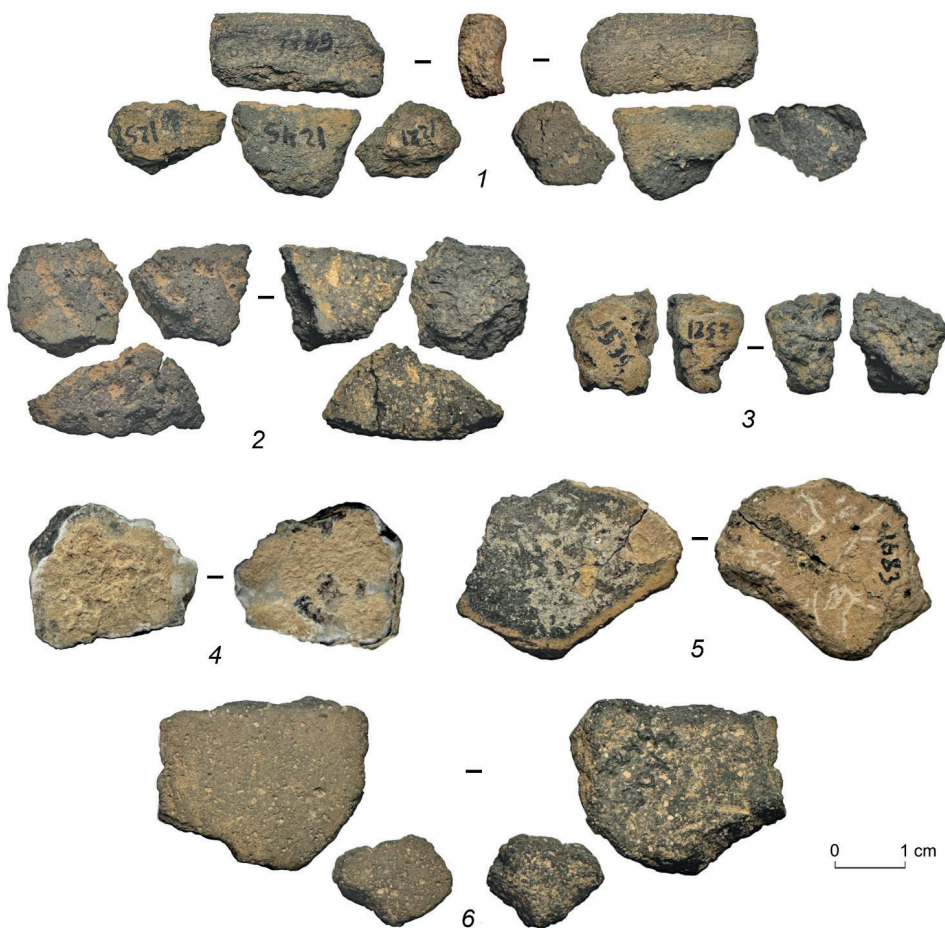

Рис. 3. Керамический комплекс стоянки Тепакуль-4

Fig. 3. Ceramic Complex from the Tepakul-4 Site

Керамический комплекс. Керамическая коллекция поселения Тепакуль-4 представлена тринадцатью фрагментами: одним венчиком и двенадцатью фрагментами тулова. Эти фрагменты условно отнесены к пяти различным сосудам.

Сосуд № 1 включает фрагмент венчика и три фрагмента тулова. Сосуд горшечной формы имеет слегка отогнутый венчик с уплощенным срезом и толщину стенки 5,5 мм (рис. 3.-1). Он изготовлен из среднеожелезненной незапесоченной глины с естественной примесью бурого железняка (0,2–0,3 мм, конц. 1:7). Формовочная масса содержит мелкую дресву гранитоидной породы (0,1–0,9 мм, конц. 1:3) и органический раствор. Внешняя и внутренняя поверхность горизонтально заглажена, вероятно, пальцами. Однослойный излом черного цвета свидетельствует о кратковременном восстановительном обжиге при температуре до 600°.

Сосуд № 2 представлен тремя фрагментами тулова толщиной 4,8 мм. Он орнаментирован гребенчатыми отпечатками. Вероятный узор — сложный мотив из двух горизонтальных рядов гребенчатых отпечатков с вертикальным рядом элементов, наклоненных влево, между ними (рис. 3.-2). Сосуд изготовлен из высокоожелезненной незапесоченной глины с примесью бурого железняка (0,2–0,4 мм, конц. 1:8) и комочков слабоожелезненной глины. Формовочная масса включает мелкую дресву породы с кальцитом, кварцем и слюдой (0,1–0,9 мм, конц. 1:7), шамот (иной ожелезненности) и растительные отпечатки (дл. 2–3,2 мм, шир. 1,5–5 мм) в виде извилистых борозд с жирным металлическим блеском. Поверхность заглажена мягким инструментом (пальцами). Однослойный черный излом указывает на восстановительный обжиг при температуре до 600°.

Сосуд № 3 состоит из двух фрагментов тулова толщиной 7,5 мм (рис. 3.-3, 4). Изготовлен из высокоожелезненной незапесоченной глины с редкими включениями бурого железняка (0,2 мм). Формовочная масса содержит мелкую и среднюю дресву из гранитоидной породы (0,1–1,3 мм, конц. 1:4) и органический раствор. Однослойный черный излом характерен для восстановительного обжига до 600°.

Сосуд № 4 — один фрагмент тулова толщиной 5,5 мм без орнамента (рис. 3.-5). Изготовлен из высокоожелезненной незапесоченной глины с редкими включениями бурого железняка размером (0,2–0,3 мм). Формовочная масса включает мелкую и среднюю гранитоидную дресву (0,1–1,8 мм, конц. 1:3) и органику растительного происхождения (возможно навоз) — извилистые бороздчатые отпечатки с жирным металлическим блеском (дл. до 2 мм, шир. 1,5–3 мм). Поверхность заглажена пальцами. Однослойный черный излом подтверждает восстановительный обжиг до 600°.

Сосуд № 5 представлен двумя фрагментами тулова без орнамента толщиной до 6 мм (рис. 3.-6). Изготовлен из высокоожелезненной незапесоченной глины с бурым железняком (0,2–0,3 мм, конц. 1:6). Формовочная масса содержит мелкую и среднюю дресву из породы, содержащей кальцит (возможно, мрамор), слюду и кварц (0,1–1,2 мм, конц. 1:3), мелкий шамот (0,5–0,8 мм, конц. 1:7, включая шамот в шамоте) и органический раствор. Поверхность заглажена пальцами. Двухслойный излом (верхний коричневый слой 0,8 мм, нижний черный — 5,2 мм) указывает на восстановительный обжиг при температуре не более 700°.

Палеофаунистическая коллекция. Состояние костных остатков характеризуется значительными тафономическими изменениями: свыше 75% образцов демонстрируют признаки выветривания (эксфолиация, трещины и др.), соответствующие 3–4 стадии по классификации Бехренсмейера [Behrensmeyer, 1978]. Более половины материала покрыто конкрециями. Совокупное воздействие этих факторов привело к разрушению более 50% кортикальной поверхности у подавляющего большинства находок, что существенно ограничило выявление возможных перимортальных модификаций. Несмотря на плохую сохранность, антропогенное воздействие на коллекцию прослеживается отчетливо. Следы разделки туш, снятия шкуры и изъятия мяса зафиксированы на 40 образцах (7% от материала, исследованного на тафономию). Обожженные кости (включая обугленные и кальцинированные, см. [Stiner, Kuhn, Weiner, Bar-Yosef, 1994]) встречаются несколько чаще (NISP=40; 9% от общего количества остатков). Таксономический состав представлен тремя группами: овикаприны (86% NISP), Bos (7%), и лошадиные (7%). Примечательно, что анализ по размерным классам выявил значительную долю крупных копытных (NISP=108), составляющих почти 30% от общего числа остатков, что указывает на их недопредставленность в идентифицированной выборке. Все таксоны демонстрируют следы антропогенного использования. Особый интерес представляют остатки минимум трех плодов или новорожденных овикапринов, свидетельствующих о присутствии людей на памятнике, по крайней мере, в весенний период. Находка нескольких серий зубов открывает перспективы для исследования вопросов управления стадом при наличии качественной стратиграфической информации.

Обсуждение

Комплексный анализ материалов стоянки Тепакуль-4 позволяет сделать следующие выводы о характере представленной здесь каменной индустрии. На памятнике достоверно фиксируется применение отжимной техники в рамках объемного расщепления, ориентированного на производство пластинок и микропластин. Полученные сколы преимущественно использовались без вторичной обработки; среди немногочисленных ретушированных пластинок преобладают экземпляры с вентральной ретушью. Пластинки и микропластинки служили заготовками для изготовления единичных типологически значимых орудий, таких как проколки, острия и неравносторонние треугольники. Параллельно в индустрии представлены нуклеусы, ориентированные на получение отщепов в рамках центростремительного и продольного расщепления. Эти отщепы, в свою очередь, выступали заготовками для ряда орудийных форм, включая долотовидные и выемчатые изделия, а также концевые скребки. Важнейшей особенностью орудийного набора является абсолютное доминирование долотовидных изделий. Примечательно, что большинство из них изготовлено на неспецифических заготовках — обломках, что указывает на отсутствие специализированного производства основ для этих орудий. Присутствие подобных орудийных форм может служить косвенным свидетельством активной обработки кости и рога для производства формальных орудий [LeBlanc, 1992], которые отсутствуют в археологическом материале из-за специфических условий сохранности.

Проведенный технико-технологический анализ керамики неолитического комплекса стоянки Тепакуль-4 выявил устойчивые традиции в выборе исходного пластичного

сырья, составлении формовочной массы, обработке поверхности и обжига. На основании имеющихся данных можно выделить две основные традиции составления формовочной массы: первая — с добавлением дресвы из гранитоидной породы и органики, вторая — с минеральной примесью шамота, дресвы из породы, содержащей кальцит, кварц, слюду, кальцит или мрамор, а также органики. Учитывая наличие выходов гранита, мрамора и известняка в пределах 80 км от памятника (Джамское месторождение и Ингичка) [Туробов, Боймуродов, Хужакулов, 2025: 28], можно утверждать, что население использовало преимущественно местные ресурсы. Важно отметить, что имеющиеся данные не позволяют пока однозначно разделить источники дресвы по составу, так как в регионе зафиксировано совместное залегание соответствующих пород [Туробов, Боймуродов, Хужакулов, 2025: 28]. Это позволяет предположить, что древние мастера могли не придавать решающего значения минералогическим различиям дресвы при ее отборе. Присутствие второго рецепта формовочной массы (глина + дресва + шамот + органика) может свидетельствовать либо о культурных контактах с группой, использовавшей шамот в качестве основной примеси, либо о дальнейшем внутреннем развитии керамической технологии местного населения. Кроме того, анализ выявил сходство традиций составления формовочной массы сазаганской керамики Тепакуль-4 с керамическими комплексами кельтеминарской культуры, где также широко применялись добавки дресвы и шамота [Виноградов, 1968: 35].

Индустрия неолитического комплекса стоянки Тепакуль-4 демонстрирует значительное сходство с материалами других памятников сазаганской культуры, такими как Тепакуль-1, -2, -3 и -5, Сазаган-1, -2 и -3, Джангал-1 и пещера Очилгор, где представлена схожая технология расщепления камня и аналогичные типы каменных орудий. При этом отмечаются различия в композиции орудийных наборов, вероятно, связанные с хронологией и функциональной спецификой памятников [Холматов, 2015]. Хотя исследователи ранее подчеркивали черты сходства между кельтеминарской и сазаганской культурами [Джуракулов, Холматов, 1991; Холматов, 2019], материалы Тепакуль-4 выявляют и существенные отличия от кельтеминарских комплексов. Ключевое различие заключается в технологии пластинчатого расщепления: на стоянке Тепакуль-4 зафиксировано использование только одной технологии получения пластинчатых сколов.

В то же время для первичного расщепления на кельтеминарской стоянке Аякагитма характерно применение как минимум двух техник: непрямого удара и отжима для получения микропластин с карандашевидных нуклеусов [Szymczak, Khudzhazarov, 2006b; Brunet, 2012]. Кроме того, в комплексе Тепакуль-4 отсутствуют характерные орудия-маркеры кельтеминарской неолитической культуры: кельтеминарские наконечники, симметричные и роговые трапеции, а также зубчато-выемчатые орудия на пластинах [Виноградов, 1981; Szymczak, Khudzhazarov, 2006a]. Тем не менее, в области керамического производства сохраняются черты сходства. Как отмечалось ранее, технология изготовления керамики сазаганской культуры на Тепакуль-4, в частности традиции составления формовочной массы с использованием добавок дресвы или шамота, находят параллели в кельтеминарской керамике [Виноградов, 1968].

Неолитический комплекс стоянки Тепакуль-4 также демонстрирует значительные отличия от материалов памятников Обиширской группы (южная часть Ферганской

долины). Индустрия стоянки Обишир-5 характеризуется отжимным микропластинчатым расщеплением. Ее орудийный набор характеризует доминирование микропластин с вентральной ретушью и концевых скребков; дополнительно представлены проколки, долотовидные выемчатые и шиповидные орудия [Исламов, 1980; Shnaider et al., 2017]. В материалах Тепакуль-4 хотя и представлены микропластины с вентральной ретушью, но они не являются основным компонентом орудийного набора. Данные свидетельствуют о преимущественном использовании микропластинчатых сколов без дополнительной обработки, что потенциально указывает на различие в типах используемых составных орудий. Наблюдаются кардинальные различия в роли долотовидных орудий: в то время как на стоянке Обишир-5 долотовидные изделия представлены единичными экземплярами, в Тепакуль-4 они составляют абсолютно доминирующую категорию. Важным отличием является полное отсутствие керамических изделий в обиширских материалах на настоящий момент.

Исследователи неоднократно отмечали общие черты материалов стоянки Тепакуль-4 с комплексами гиссарской неолитической культуры [Холматов, 2019]. Каменная индустрия этой культуры характеризуется сочетанием двух основных технологий: галечного расщепления, ориентированного на получение крупных отщепов, а также объемного призматического скалывания, направленного на производство микропластин и крупных пластинчатых сколов. Орудийный набор гиссарских комплексов включает скребла на крупных отщепах, концевые скребки, выемчатые изделия, а также единичные вкладыши серпов. Дополнительно представлены симметричные трапеции, шлифованные изделия и зернотерки; небольшую серию изделий составляют костяные шилья и украшения из камня и кости [Ранов, Коробкова, 1971].

Заключение

Проведенный анализ позволил привести детальную характеристику неолитическим материалам памятника Тепакуль-4. Каменная индустрия комплекса характеризуется сочетанием двух технологических подходов: одной технологии, направленной на получение микропластин в рамках объемного расщепления с использованием отжимной техники скола. При этом выделяется также доля нуклеусов, направленных на получение отщепов в рамках плоскостного продольного и центростремительного расщепления. В орудийном наборе доминируют долотовидные изделия, скребки, выемчатые орудия, для их изготовления преимущественно использовались отщепы и обломки. Микропластины в большей степени использовались без предварительной подготовки. Важно отметить наличие в коллекции единичных неравносторонних треугольников. Помимо формальных орудий, в коллекции присутствуют абразивы, ретушеры и наковальни, что подтверждает наличие комплексной производственной деятельности. Анализ фрагментов керамики, несмотря на малый объем выборки, позволил установить наличие двух технологических традиций в составлении формовочной массы: одна ориентирована на использование гранитоидной дресвы и органических примесей, вторая включает добавление шамота и дресвы с кальцитом и кварцем. Степень ожелезнённости и запесоченности глин, а также характер обжига (восстановительный, до 600–700 °С) указывают на наличие устойчивых навыков в гончарном ремесле. Выявленные особенности керамики демонстрируют определённую близость к технологиям кельтеми-

нарской культуры, что может свидетельствовать о культурных контактах или общем направлении развития неолитических традиций региона.

Палеозоологический анализ костных остатков выявил абсолютное доминирование костей мелкого рогатого скота (*Ovis/Capra*), составляющих около 86% идентифицированных образцов. Также зафиксировано присутствие остатков крупного рогатого скота (*Bos*) и лошадиных (*Equidae*). Признаки антропогенного воздействия — следы обжига и обработки — отмечены на 7–9% проанализированного костного материала. Наличие костей плодов или новорожденных особей овец и коз указывает на присутствие людей на памятнике в весенний период. Эти данные предоставляют важную информацию для реконструкции сезонности хозяйственной деятельности и практик управления стадом. Стоит отметить, что значительная доля неопределимых фрагментов в коллекции представлена костями крупных копытных. Это позволяет предположить, что таксоны *Bos* и *Equidae* могли быть недопредставлены в идентифицированной части выборки.

Таким образом, неолитический комплекс памятника Тепакуль-4 представляет собой важнейший источник для реконструкции культурного разнообразия и стратегий хозяйственно-культурной адаптации к природным условиям Центральноазиатского региона. Полученные данные свидетельствуют о выраженном своеобразии сазаганской культурной традиции в среднем течении Зеравшана, указывая на возможность ее относительно автономного развития в данном регионе. Для верификации этого вывода и его дальнейшего развития необходимо проведение более детального изучения материалов стоянки Тепакуль-4, включая абсолютное датирование и биоархеологические исследования, а также сравнительный анализ этого комплекса с коллекциями других памятников сазаганской археологической культуры, особенно расположенных в соседних долинах.

Благодарности и финансирование

Исследование проведено при поддержке проекта РНФ № 24–78–10127 «Неолитизация в горной части Центральной Азии (от Копетдага до высокогорий Памира)».

Acknowledgements and funding

The study was carried out in frame of RSF project № 24–78–10127 “Neolithization in mountain Central Asia (from Kopetdag to Pamir high-lands)”.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара : Изд-во Самарского СПУ, 1999. С. 5–109.

Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М. : Наука, 1978. 272 с.

Васильева И. Н., Салугина Н. П. Из опыта проведения экспериментального обжига глиняной посуды // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век : материалы Международной полевой научной конференции. Ульяновск : Печатный двор, 2013. С. 57–89.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. М. : Наука, 1981. 176 с.

Виноградов А. В. Неолитические памятники Хорезма. М. : Наука, 1968. 178 с.

Волкова Е. В. Гончарство фатьяновских племен. М. : Наука, 1996. 276 с.

Волкова Е. В., Цетлин Ю. Б. О разработке методики определения температуры обжига древней керамики // Краткие сообщения Института археологии. 2016. Вып. 245. С. 254–264.

Гулямов Я. Г., Исламов У. И., Аскарлов А. А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент : ФАН, 1966. 268 с.

Джуракулов М. Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент : ФАН, 1987. 268 с.

Джуракулов М. Д., Холматов Н. У. Мезолит и неолит Среднего Зеравшана. Ташкент : ФАН, 1991. 124 с.

Исаков А. И. Саразм. Душанбе : Дониш, 1991. 244 с.

Исламов У. И. Обиширская культура. Ташкент : ФАН, 1980. 178 с.

Каздым А. А., Лопатина О. А. О естественной примеси песка в древней керамике (к обсуждению проблемы) // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М. : ИА РАН, 2010. С. 46–57.

Коробкова Г. Ф., Джуракулов М. Д. Самаркандская палеолитическая стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии: (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // *Stratum plus*. Археология и культурная антропология. 2000. № 1. С. 385–462.

Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул — многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане // Советская Археология. 1971. № 2. С. 133–147.

Степанова Н. Ф. Особенности сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. М. : ИА РАН, 2010. С. 117–125.

Ташкенбаев Н. Х., Сулейманов Р. Х. Культура древнекаменного века долины Зарафшана. Ташкент : ФАН, 1980. 166 с.

Туробов Ш. Н., Боймуродов Н. А., Хужакулов А. Н. Анализ геолого-минералогических и экономических потенциалов для дальнейшей разработки вольфрамовых руд месторождения Ингичка // *Universum: технические науки*. 2025. № 4 (133). С. 26–30.

Цетлин Ю. Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. М. : ИА РАН, 2012. 384 с.

Цетлин Ю. Б. Неолит центра Русской равнины: орнаментация керамики и методика периодизации культур. М. : МА РАН, 2008. 359 с.

Цетлин Ю. Б. Об определении степени ожелезненности исходного сырья для производства глиняной посуды // Вопросы археологии Поволжья. Самара : Научно-технический центр, 2006. Вып. 4. С. 421–425.

Behrensmeyer A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering // *Paleobiology*. 1978. Vol. 4. P. 150–162.

Brain C. K. The Hunter or the hunted. An Introduction to African Cave Taphonomy. Chicago, London: The University of Chicago press, 1981. 365 p.

Brunet F. The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion? // The Emergence of Pressure Blade Making. New York: Springer New York, 2012. P. 307–328,

LeBlanc R. Wedges, Pieces Equillees, Bipolar Cores, and Other Things: An Alternative to Shott's View of Bipolar Industries // North American Archaeologist. 1992. Vol. 13. P. 1–14.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoschapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex // Quaternary International. 2020. Vol. 535. P. 139–154.

Shnaider S.V., Krajcarz M. T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Y., Alisher-Kyzy S., Krivoschapkin A.I. New investigations of the Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. 2017. Vol. 91. Iss. 360. P. 1–7.

Stiner M. C., Kuhn S. L., Weiner S, Bar-Yosef O. Differential burning, recrystallization, and fragmentation of archaeological bone // Journal of archaeological science. 1995. Vol. 22. № 2. P. 223–237.

Szymczak K. Kuturbulak Revisited: a Middle Palaeolithic site in Zeravshan River Valley, Uzbekistan. Warsaw. 2000. 129 p.

Szymczak K., Khudzhazarov M. Bullet-shaped core reduction in Kelteminar culture (Neolithic of Central Asia). // The Stone: Technique and Technology. Wrocław: Institute of Archeology, Univ. of Wrocław, 2006b. P. 191–198 (in English).

Szymczak K., Khudzhazarov M. Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums: Ayakagytma «the Site» and Other Collections. Warsaw: Archeobooks, 2006a. 246 p. (In English).

Zaidner Y., Kurbanov S. Soii Havzak: a new Palaeolithic sequence in Zeravshan Valley, central Tajikistan // Antiquity. 2024. Vol. 98. Iss. 402. P. 1–8 (in English).

Холматов Н.У. Сазогон маданияти ва унинг Ўзбекистон неолит даврида тутган ўрни. Тарих фани бўйича тарих фанлари доктори (DSc) диссертацияси автореферати мундарижаси [Культура Сазогон и её место в неолитическом периоде Узбекистана : автореф. дис. ... д-ра ист. наук (DSc)]. Самарканд, 2019. 296 с. (на узбек. яз.).

Холматов Н.У. Тепакул 4 неолит макони тадқиқоти натижалари хусусида [О результатах исследования неолитического памятника Тепакул 4] // O'zbekiston Arxeologiyasi [Археология Узбекистана]. 2015. № 10. С. 11–28 (на узбек. яз.).

References

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob'ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Pottery technology as an object of historical and cultural study]. *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharstva* [Current issues in the study of ancient pottery]. Samara: Izdatel'stvo Samarskogo SPU, 1999, pp. 5–109 (in Russian).

Bobrinskii A.A. *Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya* [Pottery of Eastern Europe. Sources and Methods of Study]. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (in Russian).

Dzhurakulov M.D. *Samarkandskaya stoyanka i problemy verkhnego paleolita v Srednei Azii* [Samarkand site and problems of the Upper Paleolithic in Central Asia]. Tashkent: FAN, 1987, 268 p. (in Russian).

Dzhurakulov M.D., Kholmatov N. U. *Mezolit i neolit Srednego Zeravshana* [Mesolithic and Neolithic of Middle Zeravshan]. Tashkent: FAN, 1991, 124 p. (in Russian).

Guliamov Ya. G., Islamov U. I., Askarov A. A. *Pervobytnaia kul'tura i vzniknovenie oroshaemogo zemledeliia v nizov'iax Zarafshana* [Primitive culture and the emergence of irrigated agriculture in the lower reaches of Zarafshan]. Tashkent: FAN, 1966, 268 p. (in Russian).

Isakov A. I. *Sarazm*. Dushanbe: Donish, 1991, 244 p. (in Russian).

Islamov U. I. *Obishirska kul'tura* [Obishirian culture]. Tashkent: FAN, 1980, 178 p. (in Russian).

Kazdym A. A., Lopatina O. A. O estestvennoi primesi peska v drevnei keramike (k obsuzhdeniyu problemy) [On the natural admixture of sand in ancient ceramics (towards a discussion of the problem)]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and prospects of study]. Moscow: IA RAN, 2010, pp. 46–57 (in Russian).

Korobkova G. F., Dzhurakulov M. D. Samarkandskaia paleoliticheskaia stoianka kak etalon verkhnego paleolita Srednei Azii: (spetsifika tekhniki rasshchepleniia i khoziaistvenno-proizvodstvennoi deiatel'nosti) [Samarkand Paleolithic site as a standard of the Upper Paleolithic of Central Asia: (specificity of the splitting technique and economic and industrial activity)]. *Stratum plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology], 2000, no. 1, pp. 385–462 (in Russian).

Ranov V. A., Korobkova G. F. Tutkaul — mnogosloinoe poselenie gissarskoi kul'tury v Iuzhnom Tadjikistane [Tutkaul — a multi-layered settlement of the Hissar culture in southern Tajikistan]. *Sovetskaya Arkheologiya* [Soviet archeology], 1971, no. 2, pp. 133–147 (in Russian).

Stepanova N. F. Osobennosti syr'ya i formovochnykh mass keramiki epokhi neolita i bronzy Gornogo Altaia i ego severnykh predgorii [Features of raw materials and molding masses of ceramics of the Neolithic and Bronze Age of the Altai Mountains and its northern foothills]. *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya* [Ancient pottery: results and prospects of study]. M.: IA RAN, 2010. P. 117–125 (in Russian).

Tashkenbaev N. Kh., Suleimanov R. Kh. *Kul'tura drevnekamennogo veka doliny Zarafshana* [The old stone age culture of the Zarafshan valley]. Tashkent: FAN, 1980, 166 p. (in Russian).

Tsetlin Iu. B. *Drevniaya keramika. Teoriya i metody istoriko-kul'turnogo podkhoda* [Ancient ceramics. Theory and methods of historical-cultural approach]. Moscow: IA RAN, 2012, 384 p. (in Russian).

Tsetlin Iu. B. *Neolit tsentra Russkoi ravniny: ornamentatsiia keramiki i metodika periodizatsii kul'tur* [Neolithic of the Central Russian Plain: Ornamentation of Ceramics and Methods of Periodization of Cultures]. Moscow: MA RAN, 2008, 359 p. (in Russian).

Tsetlin Iu. B. Ob opredelenii stepeni ozheleznenosti iskhodnogo syr'ya dlya proizvodstva glinyanoi posudy [On the determination of the degree of iron content of the initial raw material for the production of clay pottery]. *Voprosy arkheologii Povolzh'ya* [Questions of Archaeology of the Volga Region]. Samara: Nauchno-tekhnicheskii tsentr, 2006, no. 4, pp. 421–425 (in Russian).

Turobov Sh. N., Boimurodov N. A., Khuzhakulov A. N. Analiz geologo-mineralogicheskikh i ekonomicheskikh potentsialov dlya dal'neishei razrabotki vol'framovykh rud mestorozhdeniya Ingichka [Analysis of geological, mineralogical and economic potentials for further

development of tungsten ores of the Ingichka deposit]. *Universum: tekhnicheskie nauki* [Universum: technical sciences], 2025, no. 4 (133), pp. 26–30 (in Russian).

Vasil'eva I. N., Salugina N. P. Iz opyta provedeniya eksperimental'nogo obzhiga glinyanoi posudy [From the experience of conducting experimental firing of clay pottery]. *Eksperimental'naya arkheologiya. Vzglyad v XXI vek. Materialy mezhdunarodnoi polevoi nauchnoi konferentsii* [Eksperimental'naia arkheologiya. Vzgliad v XXI century. Materialy mezhdunarodnoi polevoi nauchnoi konferentsii]. Ul'ianovsk: Pechatnyi dvor, 2013, pp. 57–89 (in Russian).

Vinogradov A. V. *Drevnie okhotniki i rybolovy Sredneaziatskogo mezhdurech'ya* [Ancient hunters and fishermen of the Central Asian interfluve]. Moscow: Nauka, 1981, 176 p. (in Russian).

Vinogradov A. V. *Neoliticheskie pamyatniki Khorezma* [Neolithic sites of Khorezm]. Moscow: Nauka, 1968, 178 p. (in Russian).

Volkova E. V. *Goncharstvo fat'ianovskikh plemen* [Pottery of the Fatyanovo tribes]. Moscow: Nauka, 1996, 276 p. (in Russian).

Volkova E. V., Tsetlin Yu. B. O razrabotke metodiki opredeleniya temperatury obzhiga drevnei keramiki [On the development of a method for determining the firing temperature of ancient ceramics]. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology]. 2016, no. 245, pp. 254–264 (in Russian).

Behrensmeyer A. K. Taphonomic and ecologic information from bone weathering. *Paleobiology*, 1978, vol. 4, pp. 150–162.

Brain C. K. *The Hunter or the hunted. An Introduction to African Cave Taphonomy*. Chicago, London: The University of Chicago press, 1981, 365 p.

Brunet F. The Technique of Pressure Knapping in Central Asia: Innovation or Diffusion? *The Emergence of Pressure Blade Making*. New York: Springer New York, 2012, pp. 307–328.

LeBlanc R. Wedges, Pieces Equillees, Bipolar Cores, and Other Things: An Alternative to Shott's View of Bipolar Industries, North American. *Archaeologist*, 1992, vol. 13, pp. 1–14.

Shnaider S. V., Kolobova K. A., Filimonova T. G., Taylor W., Krivoschapkin A. I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: The Tutkaulian complex. *Quaternary International*, 2020, vol. 535, pp. 139–154.

Shnaider S. V., Krajcarz M. T., Viola T. B., Abdykanova A., Kolobova K. A., Fedorchenko A. Y., Alisher-Kyzy S., Krivoschapkin A. I. New investigations of the Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360, pp. 1–7.

Stiner M. C., Kuhn S. L., Weiner S., Bar-Yosef O. Differential burning, recrystallization, and fragmentation of archaeological bone. *Journal of archaeological science*, 1995, vol. 22, no. 2, pp. 223–237.

Szymczak K. *Kuturbulak Revisited: a Middle Palaeolithic site in Zeravshan River Valley, Uzbekistan*. Warsaw, 2000, 129 p.

Szymczak K., Khudzhanazarov M. Bullet-shaped core reduction in Kelteminar culture (Neolithic of Central Asia). *The Stone: Technique and Technology*. Wrocław: Institute of Archeology, Univ. of Wrocław, 2006b, pp. 191–198.

Szymczak K., Khudzhanazarov M. *Exploring the Neolithic of the Kyzyl-Kums: Ayakagytna "the Site" and Other Collections*. Warsaw: Archeobooks, 2006a, 246 p.

Zaidner Y., Kurbanov S. Soii Havzak: a new Palaeolithic sequence in Zeravshan Valley, central Tajikistan. *Antiquity*, 2024, vol. 98, iss. 402, pp. 1–8.

Kholmatov N. U. *Sazozon madaniiati va uning Ўzbekiston neolit davrida tutgan ўrni. Tarikh fani Ўyiicha tarikh fanlari doktori (DSc) dissertatsiiasi avtoreferati mundarizhasi* [The Sazaghan culture and its role in the Neolithic period of Uzbekistan. Table of contents of the author's abstract for the dissertation of the Doctor of Historical Sciences (DSc) in History]. Samarkand, 2019, 296 p. (in Uzbek).

Kholmatov N. U. Tepaқul 4 neolit makoni tadқiqoti natizhalari khususida [On the results of the research of the Tepaқul 4 Neolithic site]. *O'zbekiston Arxeologiyasi* [Archaeology of Uzbekistan], 2015, no. 10, pp. 1128 (in Uzbek).

Статья поступила в редакцию: 16.06.2025

Принята к публикации: 11.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 297.1

DOI 10.14258/nneur(2025)4–07

Б. У. КИТИНОВ

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ТУГЛУК ТИМУР И ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКО- РЕЛИГИОЗНОГО РАЗВИТИЯ МОГУЛИСТАНА (СЕРЕДИНА XIV В. — НАЧАЛО XV В.)

В настоящей статье изучаются особенности политико-религиозного развития Могулистана (То-хор (на тибет.), Си-юй (на кит.)) при Туглук Тимуре и его преемниках. Выделены два периода в политико-религиозном развитии государства: первый (1347–1365 гг.) и второй (1365–1410-е гг.), их разделение обусловлено политическими событиями и сложным характером взаимодействия региональных лидеров: в первом периоде Туглук Тимур объединил улус Чагатая, но его сын Илйас Ходжа не смог сохранить власть; второй период характеризуется неудачной борьбой Камар ад-Дина с Тамерланом, после чего ханами стали другие потомки Туглук Тимура.

Автором уточняются религиозные течения, имевшие распространение в Могулистане: из ислама — *катаки* (шейх Джамал ад-Дин; маулана Аршад ад-Дин, от которого принял ислам Туглук Тимур), из буддизма — течения *Кагью* (ламы: Чатэл Ченпо; Сангье Рипа, ставший Государственным Наставником Могулистана; Кармапа Ролпэ Дорджэ, приглашенный в Могулистан лично Туглук Тимуром). По мнению автора, ранее религиозный фактор повлиял на определении северной части Могулистана как *Калмак* в значении местожительства тех, кто «остался в прежней вере». К местным *калмакам* следует отнести уйгуров (сариг-уйгуров), среди которых мог вырасти Туглук Тимур, в среде которых позже скрывался его сын Хизр Ходжа. Указанные выше обстоятельства составляют новизну исследования.

Кризисное развитие государства во второй половине XIV в. в условиях нашествия Тамерлана актуализировало религиозный фактор, когда Могулистан стал известен как *Джете* (разбойники) и *Кафиристан* (страна неверных, кафиров) по причине наличия населения, определяемых как «еретики» (следующие учению *катаки*) либо «языч-

ники». Тогда же в результате борьбы дуглатов с эркенутами победил Хизр Ходжа, ставший ханом Могулистана, а его соперник Гунашири возглавил буддийский Хами.

Падение центральной власти, активность исламских проповедников из Мавераннахра и уничтожение значительной части населения в северной части страны вызвали ряд цепных реакций, специфически повлиявших на дальнейшую региональную историю. К наиболее значимым последствиям следует отнести постепенное усиление в Могулистане влияния тариката *Накибандийа* и миграцию ойратов из Западной Монголии на его северо-восточные земли (*Калмак*). Последнее было обусловлено рядом причин, в том числе борьбой ойратов с восточными монголами за лидерство в Монголии и ролью их лидеров-чоросов, сородичей чурасов Могулистана. Эти процессы шли на фоне актуализации политического, этнического и религиозного факторов, охвативших всю эту часть Центральной Азии после падения династии Юань, кризиса власти чингизидов и начала влияния Минского Китая.

Ключевые слова: Туглук Тимур, Тамерлан, ислам катаки, буддизм Кагью, Могулистан, Калмак, Джете, улус Чагатай, Тибет, Китай, ойраты, монголы, чингизиды

Для цитирования

Китинов Б. У. Туглук Тимур и особенности политико-религиозного развития Могулистана (середина XIV в. — начало XV в.) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 137–164. DOI 10.14258/nreur(2025)4–07.

Китинов Баатр Учаевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** b.kitinov@ivran.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

B. U. Kitinov

Institute of Oriental studies of the Russian academy of sciences, Moscow (Russia)

TUGHLUK TIMUR AND THE PECULIARITIES OF THE POLITICAL AND RELIGIOUS DEVELOPMENT OF MOGHULISTAN (MID-14TH CENTURY — EARLY 15TH CENTURY)

The article examines the specific features of the political and religious development of Moghulistan (Stod hor in Tibetan, Xi-yu in Chinese) under Tughluk Timur and his successors. Two periods in the political and religious development of the state are distinguished: the first (1347–1365) and the second (1365–1410s). Their division is conditioned by political

events and the complex nature of the interactions between the regional leaders: in the first period, Tughluk Timur united the Chagatai ulus, but his son Ilyas Khoja failed to retain power; the second period was characterized by the unsuccessful struggle between Qamar al-Din and Tamerlane, after which other descendants of Tughluk Timur became khans.

The author clarifies the religious movements that were widespread in Moghulistan: the Islamic Qataqi (Sheikh Jamal al-Din; Maulana Arshad al-Din, from whom Tughluk Timur converted to Islam), and the Buddhist Kagyu sect (lamas: Chathel Chenpo; Sangye Ripa, who became the State Tutor of Moghulistan; Karmapa Rolpe Dorje, personally invited to Moghulistan by Tughluk Timur). According to the author, the religious factor previously influenced the definition of the northern part of Moghulistan as Qalmaq, meaning the place of residence of those who “remained in the previous faith”. The local Qalmaq people should include the Uighurs (Sarig Uighurs), among whom Tughluk Timur could have grown up, and among whom his son Khizr Khoja later hid.

The state's crisis in the second half of the 14th century in conditions of Tamerlane's conquest brought the religious factors into sharp focus, as Moghulistan became known as Jete (bandits) and Kafiristan (country of infidels, kafirs) due to the presence of population classified as “heretics” (those, who follow the teachings of the Qataqi) or “pagans”. At the same time, the struggle between the Dughlats and the Erkenuts resulted in the victory of Khizr Khoja, who became the Khan of Moghulistan, while his rival, Gunashiri, became the head of the Buddhist Hami.

The crisis of central authority, the activity of Islamic preachers from Maverannahr, and the extermination of a significant part of the population in the northern part of the country triggered a series of reactions that had a specific impact on the region's subsequent history. Among the most significant consequences were the gradual strengthening of the influence of the Naqshbandi tariqa in Moghulistan and the migration of Oirats from Western Mongolia to Moghulistan's northeastern lands (Qalmaq). The latter happened due to a number of reasons, including the Oirats' struggle with the Eastern Mongols for leadership in Mongolia and the role of their Choros leaders, relatives of the Churas of Moghulistan. These processes unfolded against the backdrop of the increasing political, ethnic, and religious factors that engulfed this entire region of Central Asia after the fall of the Yuan dynasty, the crisis of Chinghizid power and the rising leverages of Ming China.

Keywords: Tughluk Timur, Tamerlane, Islamic Qataqi, Buddhist Kagyu, Moghulistan, Qalmaq, Jete, the Chagatai ulus, Tibet, China, Oirats, Mongols, Chinghizid

For citation:

Kitinov B. U. Tughluk Timur and the Peculiarities of the Political and Religious Development of Moghulistan (mid-14th century — early 15th century). *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 137–164. DOI 10.14258/nreur(2025)4–07.

Baatr Uchaevich Kitinov, doctor of historical sciences, leading researcher of the Institute of Oriental studies of the RAS, Moscow (Russia). **Contact address:** b.kitinov@ivran.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4031-5667>

Введение

В истории Могулистана самым известным правителем был Туглук Тимур (1329/1330–1363), сыгравший принципиальную роль в обращении местных народов в ислам. Период его правления, а также его преемников изучен в целом неплохо, особенно с учетом ограниченного количества источников. Жизнь и деятельность Туглук Тимура описаны в различных источниках, которые мы в целом подразделяем на тюрко-мусульманские и тибетско-буддийские. Основными источниками для настоящей статьи стали две известные работы: «Тарих-и Рашиди» Мирзы Мухаммад Хайдара (1499–1551) и «Синяя книга» Гой лозцавы Шоннубала (1392–1481).

Ценные сведения предоставляет «Тарих-и Рашиди», где отмечено, что в Могулистан «хан [Туглук Тимур] в возрасте 16 лет был доставлен из калмаков Амиром Буладжи; в возрасте 18 лет он стал ханом. В возрасте 24 лет он был обращен в ислам и умер в возрасте 34 лет. Он родился в 730 г. (1329–1330 гг.)» [Хайдар, 1996: 38]. В этих предложениях в конспективной форме дается большой массив информации, значительная часть материала в нашей статье также изложена в соответствующей логике. Таким образом, изучается эволюция ситуации в Могулистане в контексте его политико-религиозного развития¹. Хронологический период — с середины XIV в. по начало XV в., когда случились важные события в истории региона начиная с правления Туглук Тимура и до появления там ойратов.

Политическая история региона

Могулистан охватывал огромный регион от оазисов Яркенда и Хотана на юге до Алтайских гор на севере, от Балхаша и Семиречья на западе до Карашара и пустыни Такла-Макан на востоке; границы этого государственного образования были достаточно подвижны. До середины XIV в. регион пребывал в составе улуса Чагатай (1183–1242). На стыке XIII–XIV вв. государство возглавлял хан Дува (прав. 1282–1307), праправнук Чагатай. Дува играл видную роль в истории этой части Центральной Азии, в союзе с Хайду (прав. 1271–1301, внук Угэдэя (1186–1241)), выступивший против Хубилая (прав. 1271–1294, внук Чингисхана, основатель династии Юань) в последней четверти XIII в. Последующими главами улуса были его сыновья (напр., Исен Бука (прав. 1310–1318), Кебек (1318–1326)), после Тармаширина (прав. 1326–1334) почти все ханы правили не более двух-трех лет. Они уже не контролировали центробежные процессы, и после убийства Казан-хана (прав. 1343–1346) улус распался на две части: западную (Мавераннахр) и восточную (Могулистан).

Острый политический кризис в государстве чагатаидов, длившийся около сорока лет, начиная со смерти Дувы (1307), вынуждал лидеров Могулистана искать правителя, чей авторитет мог принести стабильность и порядок. Эмир Пуладчи стоял во главе наиболее влиятельного в Могулистане народа дуглатов, его авторитет признавали все правители этого государства; ему фактически подчинялись «Семиречье, районы к югу от Иссык-куля и Восточный Туркестан от Кашгара до Кучара, т. е. без террито-

¹ Под политико-религиозным развитием автор понимает совокупность политических и религиозных процессов с выделением ключевых фигур (политических и религиозных деятелей, в том числе религиозных школ), их решений и действий, обусловивших изменения в различных сферах общественной и религиозно-культурной жизни регионального сообщества.

рии Кочо» [Зотов, 1999: 69]. Пуладчи решил найти и посадить на трон потомка Чагатая, для чего отправился в северную часть государства.

В. В. Бартольд писал: «эмир Пуладчи в 1348 г. привез из Кульджинского края в Аксу, через проход Музарт, восемнадцатилетнего царевича Туклук-Тимура, объявил его внуком Тувы и заставил всех признать его ханом» [Бартольд, 1943: 65]. Деятельность этого хана оставила значительный след в истории Центральной Азии.

Политическое развитие Могулистана в период ханства Туглук Тимура (прав. 1347–1362/1363) и его преемников в изучаемый период состояло из двух этапов. Первый (1347–1365) заключал в себе две взаимоувязанные части, из которых начальная состояла в «собрании земель» восточной части улуса Чагатая. Источник признает ограниченность в сведениях этого периода деятельности Туглук Тимура [Хайдар, 1996: 31], сведения «Зафар-намэ» также предоставляют данные скорее более позднего периода, 1360-х гг., обозначенных нами как заключительная часть. Ее основное содержание заключалось в борьбе за западную часть улуса, когда хан после двух походов 1360 и 1361 гг. подчинил себе Мавераннахр [Шараф, 2008: 20, 25]; в «Тарих-и Рашиди» отмечено, что хан «во время своего правления захватил [не только] весь Моголистан, но даже большую часть владений Чагатая» [Хайдар, 1996: 27]. В Мавераннахре остался править его сын Ильяс Ходжа, сам хан «в величии и почете воротился в свою страну» [Шараф, 2008: 26]. Когда в 1363 г. Туглук Тимур скончался, Ильяс Ходжа бежал обратно в Могулистан и возглавил его. Его правление, видимо, не было отмечено значимыми событиями. Спустя год он был убит Камар ад-Дином (брат скончавшегося эмира Пуладчи), который стал новым правителем.

Именно с Камар ад-Дина следует второй этап (1365–1410-е гг.) в политическом развитии Могулистана; год начала указан в источнике: «[События] после смерти Туглук Тимур хана, о которых рассказывают моголы... произошли большей частью после смерти Ильяс ходжа хана» [Хайдар, 1996: 61], т. е. начиная с 1365 г.

Несмотря на довольно продолжительное правление Камар ад-Дина (прав. 1365–1389), он не был признан целым рядом народностей Могулистана, а его внутреннее управление не принесло процветания: «Эмир Камараддин занялся управлением и устройством дел Моголистана, однако из-за противодействия эмиров положение его было непрочным» [Хайдар, 1996: 62]. Его статус был нелегитимен, так как к власти он пришел через убийство Ильяс Ходжи, чингизида. С целью укрепления своих позиций он совершил набег на Мавераннахр, что привело его к столкновению с Тамерланом уже в 1370–1371 гг., когда войска первого отступили. Спустя год Тамерлан дошел до Уч-Турфана, Камар ад-Дин вновь бежал.

При таком очевидном политическом кризисе в Могулистане противостоявшие друг другу кланы и народы (где лидерами были дуглаты и эркенуты) не могли выдвинуть своих лидеров в ханы, так как те не были чингизидами. Дуглатский Худайдат (сын эмира Буладжи) поддержал кандидатуру Хизр Ходжи, уцелевшего сына Туглук Тимура. Мать сохранила его, спрятав в Кашгаре, затем он скрывался в Хотане и у желтых уйгуров (Sarigh-Uigur) [Bretschneider, 1888: 228]; про пребывание мальчика у сариг-уйгуров писал и М. Хайдар [Хайдар, 1996: 81]. Под желтыми уйгурами (сариг-уйгурами)

следует понимать предков нынешних сарыг-югуров, сохранивших веру предков (буддизм) [Тенишев, Тодаева, 1966: 7, 38].

Этот момент представляется крайне важным для уяснения прежнего религиозного окружения Туглук Тимура — ведь фактически его сын скрывался у калмаков, возможно, у потомков тех же людей, среди которых рос сам Туглук Тимур! Также надо иметь в виду, что к указанному времени эти уйгуры уже переселились с северной стороны Тянь-Шаня на южную. Комментаторы М. Хайдара пишут: «Сариг-уйгур — название области «желтых уйгуров» на юго-восточной границе Восточного Туркестана (восточнее Черчена) и южнее озера Лоб-нор» [Хайдар, 1996: 610]. Этот же регион отмечает и китайский исследователь Фэн Цзя-шэн: под землями, занятыми «уйгурами Западного округа», «надо понимать территории между Кучей и Ганьсу (с запада на восток) и между северными отрогами восточной части Тяньшаня и пустыней Такламакан (с севера на юг) с центром в Турфанском оазисе» [Малявкин, 1974: 134]. Следовательно, Хизр Ходжа вначале укрывался на самой юго-западной окраине Могулистана (Кашгар), затем его отправили в более южный Хотан, и оттуда — в регион ближе к Тибету (стык юго-востока Могулистана и юго-запада Восточного Туркестана), где все еще жили уйгуры-буддисты (между Черченом и Лоб-нором, к реке Черчен-Дарья).

В свою очередь эркенутский лидер Анка Тура обратился к Гунашири, другому потомку Чагатая, в то время кочевавшему в Северной Монголии, с предложением возглавить государство. Однако их встреча не состоялась из-за начавшихся боевых действий: согласно Шараф-ад-Дину, в конце 1387 г. многочисленное войско из Джете (Могулистана) во главе с Анка Тура напало на Сайрам и Ташкент, в надежде разгромить многочисленные гарнизоны Тамерлана, отправившегося в очередной поход. Против Анка Тура выступил Умаршайх, и после нескольких столкновений джетинцы дрогнули: «Анка Тура не устоял, и ушел в сторону Кафиристана. Войско царевича Умаршайха преследовало их до трех дней пути и многих поубивало из войска Джете» [Шараф, 2008: 124]. Характерно, что под *Кафиристаном* в данном случае подразумевался Могулистан, вообще же это слово могло соотноситься с любым регионом, где могли жить враги ислама (в данном случае, скорее, враги Тамерлана). У Шараф-ад-Дина ранее давалась религиозная оценка жителям Могулистана: «В тот год Кабана (1383) государь Сахибкиран [т.е. Тамерлан] эмирзаде Алийа отправил с войском в сторону Джете, многие из которых были неверными, кяфирами» [Шараф, 2008: 102]. Судя по всему, наличие в этой части бывшего Чагатайского улуса большого числа не-мусульман, а также мусульман, воспринявших «еретическое», с точки зрения тимуридов, учение *катаки*, послужили причинами появления такого уничижительного термина, как *Джете* («разбойники», в переводе В.В. Бартольда [Бартольд, 1943: 66]), сопоставимого с понятием «неверные» (*кафиры*). Сами же воины Тамерлана описываются как «победоносные борцы за веру», которые вели «священную войну с еретиками и зачинщиками разлада» [Материалы, 1973: 138].

Вот что писал Э. Бретшнейдер: «Не может быть никаких сомнений, что под Би-ши-ба-ли или Бишбалык (название империи впоследствии было изменено на И-ли-ба-ли или Илибалик) китайцы с конца четырнадцатого по шестнадцатый век понимали во-

сточную часть так называемой «Срединной империи», первоначально приписанной второму сыну Чингисхана, Чагатаю. Как можно доказать сравнительными исследованиями, Би-ши-ба-ли в «Истории Мин» — это то же самое, что и империя Джете (Jetes) или Гете (Getes) у мусульманских хронистов того же периода. На западе она была известна также под названием Могулистан» [Bretschneider, 1888: 225, сн. 1013]. А. Г. Малявкин тоже пишет, что Могулистан называется в китайских источниках XV в. как Geta и Jatah [Малявкин, 1974: 173, сн. 775]. В. В. Григорьев был уверен, что слово Джете, как и Могулистан, появилось лишь при Тамерлане [Григорьев, 1873: 313, сн. 47].

Что касается Анка Туры, то он был разбит на своих кочевьях в Семиречье и позже у оз. Алаколь. Тамерлан направил отдельный отряд к Иртышу, где остатки могулистанских войск были окончательно рассеяны. На обратном пути они разными маршрутами прошли практически по всему северному Могулистану, и, захватив богатую добычу, вернулись в Фергану [Шараф, 2008: 133]. Таким образом, 1389 г. стал годом ухода с политической сцены Камар ад-Дина и Анка Туры, а в северной части Могулистана (в *Калмаке*) остались править представители Тамерлана. Позже он организовал еще два похода для «искоренения Джетинского улуса» [Материалы, 1973: 139; Шараф, 2008: 135–137], когда были разбиты силы Хизр Ходжи и Камар ад-Дина, причем последний вновь ушел в сторону Иртыша [Материалы, 1973: 143–144]. В конце концов Хизр Ходжа возглавил Могулистан (прав. 1389–1399). Он смог помириться с Тимуром и выдал за него свою дочь [Материалы, 1973: 144].

Приглашенный Анка Турой Гунашири отправился в Могулистан не напрямую через Западную Монголию, но предпочел южный путь, через Хами. Причиной Ким Ходонг видит две основные причины: войну Тамерлана с Анка Турой и угрозу его личной безопасности со стороны ойратов, в то время занимавших Западную Монголию [Hodong, 1999: 310]. Дело в том, что Гунашири был дружен с Токуз Тимуром, внуком Тогон Темура, последнего юаньского императора, с которым (с Токуз Тимуром) враждовали ойраты и который был убит с их помощью. Гунашири остановился в Хами и стал его правителем. В то время Турфан и Хами пребывали под управлением уйгуров-буддистов, эти оазисы не были в составе Могулистана.

Таким образом, политическое развитие Могулистана прошло через два этапа: первый в 1347–1365 гг., второй в 1365–1399 гг., причем первый этап состоял из двух частей: объединение Могулистана и объединение улуса Чагатая. Правление Ильяс Ходжи было кратковременным, внутригосударственная политика Камар ад-Дина была в целом безуспешной, а столкновение с Тамерланом вызвало походы Сахибкирана в Могулистан. Тогда страна получила новое название, основанное на социально-религиозном факторе: *Джете* (местопребывание разбойников) и *Кафиристан* (страна неверных) как местожительство *кафиров*. Попытки разрешить политический кризис поляризовали могулистанские политические кланы: дулатский Худайдат поддержал кандидатуру Хизр Ходжи, выжившего сына Туглук Тимура, а эркенутский Анка Тура — Гунашири, другого чагатаида. Камар ад-дин и Анка Тура были разбиты Тамерланом, который опустошил северный Могулистан. Гунашири остался править в Хами, где все еще преобладали уйгуры-буддисты.

Могулистан и Калмак

Слово Могулистан означает «страна могулов» (или-Могул), оно произошло от произношения слова «монгол» как «могол/ могул» тюрками Центральной Азии, и обозначает восточную часть улуса Чагатай, тогда как слово Мавераннахр (часть Восточного Хорасана, запад улуса Чагатай) произошло от араб. *ma vara*» *an-nahr* (То, что за рекой; Заречье) и появилось после арабских завоеваний VII–VIII вв.

Для тибетской историографии Могулистан был известен как *То-хор* (*Stod hor*), он был традиционно важен для Тибета, поскольку сменявшие там друг друга кочевники могли нести угрозу для его северо-запада. К То-хор также относили и более восточный регион, известный как Восточный Туркестан, с которым Тибет связывали и религиозные отношения — в оазисах последнего (Турфан, Хами, Кочо) развивались различные направления буддизма.

Особенную актуальность *То-хор* обрел для тибетских правителей после монгольских завоеваний, поскольку оттуда стали совершаться набеги на тибетские земли. Наиболее драматичные события происходили во второй половине XIII в., когда после смерти Мэнгу-хагана в 1259 г. единая империя монголов начала дробиться.

«Тибетцы в древности, по-видимому, не отличали монголов от тюрков и всех называли хорами» [Дамдинсүрэн, 1957: 216]. Этот момент хорошо прослеживается в известном труде тибетского историка XIV в. Кунга Дорджи: приводимая им информация про *хор-по* в отношении событий второй половины IX в. имеет четкую привязку к региону, где располагались уйгуры [Roerich, 1949: part 1, p. XVII], тогда как при освещении эпохи войн Чингисхана и его преемников — с монголами (*hor rgyal po ching ges* — хорский, т.е. монгольский правитель (*гьял-по*) Чингис). Таким образом, эти кочевники были известны как *хоры* (*хорцы*), и они делились на *верхних* (*stod*, северо-западных) и *нижних* (*smad*, юго-восточных). Соответственно, народы, населявшие регион *То-хор*, стали зваться *то-хорами*. С. Ч. Дас в своем знаменитом «Тибетско-английском словаре», включающем в свой состав целые предложения из исторических сочинений, особо отметил, что *то-хор* (*stod hor*) обозначает ровно то же, что и *то-сог* (*stod sog*), а именно «татаров Бухары и Хотана» [Das, 1902: 554]; он также добавлял, что есть и еще одно определение для них — *гья-сог* (*rgya sog*) [Das, 1902: 307].

Действительно, *то-хорами* звали монголов, которые подчинялись Хулагу (прав. в 1256–1265, внук Чингисхана, образовавший на Среднем Востоке государство Хулагуидов) и заняли *То-хор*. В тибетском сочинении «Gtam gyi tshogs thag pa'i rgya mtsho zhes bya ba» отмечено: «Старший брат Сэчен хана (Хубилая), под именем Ху-ла-ху, не получив трона, увел 100.000 человек войска, данных ему в качестве его доли ... Он обосновался в *Stod* (т.е. в Западном Тибете), и они стали известны как *то-хор* (*stod hor* — верхние монголы), тогда как (те монголы), бывшие в Китае, стали известны как *ме-хор* (*smad hor*)» [Wylie, 1962: 134]. Таким образом, *то-хорами* звались монголы Хулагу, когда они пребывали в Западном Тибете, а также на землях будущего Могулистана и Восточного Туркестана. Хулагу начал свое правление в Персии с 1256 г., а на указанных территориях стали закрепляться потомки Чагатай. Вообще же этот период (50–60-е гг. XIII в.) был принципиален в связи с целым рядом политических перемен: формированием Юаньского государства, улуса Чагатай и государства Иль-ханов. Тогда же, по мнению Р. Вита-

ли, наименование *то-хор* стало переходить от хулагуидов к чагатаидам [Vitaly, 2024: 310, note 439]. Вернее будет заметить, что таким образом по названию региона стали обозначать монголов и тюрков, подданных чагатаидов, сменявших там подданных Хулагу.

В китайской историографии эти земли известны как *Си-юй* (западные земли), а проживавшие там народы в целом были хорошо исследованы, особенно в более ранние периоды их истории. Религиозной ситуации в регионе изучаемого периода в китайских источниках не уделено достаточного внимания. Например, в «Мин-ши» в отношении встречи императора с его окружением в 1515 г. отмечено: «Министр кабинета министров Лян Чу² и другие сказали: „Религии западных стран злы, абсурдны и неразумны. Хотя наши предки отправляли посланников (на Запад), когда они были у власти, это случалось потому, что мир только что стабилизировался, и они хотели использовать это (обстоятельство) для обучения и просвещения невежественных и упрямых людей, охраны и умиротворения отдаленных районов, а не потому, что они верили в их (западные религиозные) доктрины и поклонялись им”» [Мин ши: цзюань 331]. Вместе с тем отдельная информация в китайских источниках очень ценна и использована в настоящей статье.

Особой частью Могулистана были территории севернее Тянь-Шаня, обозначенные в ряде источников как *Калмак*.

Калмак сыграл определенную роль в судьбе Туглук Тимура, он здесь родился и вырос. В. В. Бартольд дал двойное уточнение региона, откуда его привезли в Аксу: во-первых, из места, где позже появится Кульджа (на р. Или, столица будущего Джунгарского ханства), и во-вторых, через проход Музарт [Бартольд, 1943: 65] — это перевал Музарт в этой части Тянь-Шаня (между бассейнами Или и Тарима, из Кульджи в Аксу), также известный как «Ледяной». Это легендарное место, в связи с преодолением его юным Туглук Тимуром, у автора «Тарих-и-Рашиди» названо «ледяной расщелиной». [Хайдар, 1996: 26, 27].

В *Калмаке* жили кочевники различного этнического происхождения, в силу места проживания объединяемые политонимом *калмаки*. В. В. Бартольд был совершенно прав в своем замечании, что «слово *калмак*, по-видимому, впервые появляется в *Зафар-наме* Шереф ад-дина Йезди как будто не как этнографический, а как географический термин. Говорится, что после изгнания монгольской династии из Китая в ее владении остались только ее «коренные области» (*юрт-и асли*), т. е. Каракорум и Калмак; позднее «эмиры ойратов» отняли у них и это» [Бартольд, 1968: 538].

В «Тарих-и Рашиди» имеется следующая информация: Каракорум и *Калмак* — это «исконные земли» Чингисхана [Хайдар, 1996: 366]; под *Калмаком*, вероятно, подразумевались Западная Монголия и Джунгарская котловина (включая Баркуль и Хами), поскольку далее в этом источнике указано: «На севере Кашар [граничит] с горами Могулистана, которые тянутся с запада на восток ... Те горы, с одной стороны, простираются до Шаша, а с другой, пересекая Турфан, упираются в земли калмаков» [Хайдар, 1996: 367]. Информация от М. Хайдара позволяет однозначно утверждать, что речь

² Лян Чу (1451–1527) — крупный политический деятель при правлении императора Чжу Хоучжао (прав. 1505–1521, девиз правления Чжэндэ).

идет о топониме и связанном с этим словом политониме — в *Калмаке* жили *калмаки* (по факту это были разные этносы) [Китинов, 2018]. Поскольку *Калмак* был в составе Могулистана, то эта часть земель могулов также могла напрямую соотноситься с ними: Э. Бретшнейдер упоминает слова католического монаха П. де ла Круа о «большой орде могольских ханов Калмака» [Bretschneider, 1888: 225, note 919].

Информацию о *Калмаке* как значимом и обширном регионе можно обнаружить и в более поздних источниках [Шараф, 2008: 356]. Его могли упомянуть при последовательном перечислении стран и местностей; хорошим примером является сочинение Сейфи «Таварих» («Хроника», закончена в 1582/1583 г.), полное название звучит следующим образом: «История правителей Индии, Синда, Хитая, Кашмира, Ирана, Кашгара, Калмака, Чина, многих прежних правителей, потомков Чингисхана, Хакана и Фагбура, и правителей Хиндустана, во время султана Мурад-хана, сына султана Селима. Составлена /ныне/ покойным дефтердаром Сейфи Челеби в 990 году (хиджры)» [Санчилов, 1987: 9]. Географическая привязка очевидна: *Калмак* расположен между Кашгаром и Чина (Китаем). Такую же локализацию дают и европейские средневековые карты, где регион *Калмак* показан находящимся севернее оазисов Восточного Туркестана³.

Название закрепилось за регионом (за местными народами) по причине религиозной ориентации последних. Изначально слово *Калмак* (*Qalmaq*) — тюркское, точнее, уйгурского происхождения, в корне имевшее значение «оставаться», и впервые зафиксировано еще в древнеуйгурском языке. Со временем его смысл трансформировался в своего рода политоним — им стали идентифицировать тех, кто не желал принимать ислам, «остался» в своей вере.

Одно из наиболее ранних упоминаний о *калмаках* как немусульманах относится к периоду правления Узбек-хана (прав. 1313–1341), при котором ислам стал доминирующей религией Золотой Орды. Анонимный «Шаджарат ал-атрак» («Родословие тюрков», составлен не ранее середины XV в.) сообщает: «Когда Султан-Мухаммед Узбек-хан вместе со своим илем и улусом достиг счастья (удостоиться) милости бога, то по указанию таинственному и знаку несомненному святой Сейид-Ата всех их привел в сторону областей Мавераннахра, а те несчастные, которые отказались от преданности святому Сейид-Ата и остались там, стали называться калмак, что значит «обреченный оставаться»... По этой причине с того времени пришедшие [в Мавераннахр] люди стали называться узбеками, а люди, которые остались там [на прежней родине], — калмаками» [Тизенгаузен, 1941: 206–207]. Очевидно, что *калмаки* не были какой-то одной этнической группой, более того, «несогласные» занимали самые разные регионы Азии. «Народ» *калмаков* зафиксирован и в других исламских источниках, например, в «Место восхода двух счастливых звезд и место слияния двух морей» Абд ар-Раззака Самарканди (закончен около 1475 г.) [Тизенгаузен, 1941: 201] (см. также: [Bretschneider, 1888: 167]). Таким образом, можно с большой долей вероятности утверждать, что топоним *Калмак* связан не столько с географической детерминантой, сколько с религиозной ориентацией народов, обитавших здесь продолжительный период, и прежде всего — уйгуров.

³ Напр., см: A New Map of Tartary <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (дата обращения: 20.03.2025)

Захваченная арабами значительная часть Средней Азии стала более известна как *дар ал-ислам* — страна ислама, тогда как прежнее географическое (не политико-правовое) наименование — Туркестан — сузилось к тем тюркским регионам, которые оказались вне пределов арабского влияния — Карлукскому и Уйгурскому каганатам [Камолиддин, 2002: 67]. Более того, как пишет Ш. Камолиддин, под Туркестаном арабы понимали также и тех, кто проживал еще восточнее этих каганатов, в том числе китайцев, тибетцев, монголов и др. [Камолиддин, 2002: 67]. Аналогичное отмечается специалистами и в отношении слова *Калмак*⁴.

Поскольку земля, населенная тюрками и известная как Туркестан, издавна (буквально изначально, уже в период после потопа, согласно Гардизи) «была отделена от населенных земель, то ей дали название Тюрк» [Бартольд, 1973: 41–42]. Иначе говоря, население Туркестана воспринималось как далекие, малоизвестные люди. Исламские авторы владели скудными знаниями о тех территориях, особенно их восточных окраинах, что повлияло на мнение М. Хайдара: «Ту сторону, кроме [земель] калмаков, никто не видел и не знает» [Хайдар, 1996: 367]. Отмеченное позволяет утверждать, что для этих авторов и сами границы *Калмака* оставались *terra incognita*.

Таким образом, Могулистан был известен как *То-хор* (у тибетцев) и *Си-юй* (у китайцев) — топонимы, куда относили и Восточный Туркестан. Северная часть Могулистана звалась *Калмак*. Это слово, прежде топоним (земля, где обитают «неправоверные»), затем стало политонимом, т. е. объединило под одним наименованием (*калмаки*) народы, в том или ином смысле оказавшиеся за пределами арабо-исламского влияния. К нему причисляли этносы, родственные уже принявшим ислам (тюрки), т. е. те, кто мог быть этнически близок (*калмаки*, напр. уйгуры, карлуки и др.), и, условно, тех, кто не близок к тюркам ни этнически, ни религиозно (например, собственно монголы). Этимология слова Могулистан подразумевает, что этот соседствующий с Мавераннахром регион в немалой степени заселен тюркизированными монголами.

Религиозное развитие региона

Двумя основными религиями, оказывавшими влияние на население региона в целом и на действия Туглук Тимура в частности, были буддизм и ислам. Актуальность религиозного фактора в целом совпадает с этапами политического развития Могулистана, но различается продолжительностью и эволюцией: обе религии ко времени его правления уже обладали определенной историей в регионе и отличавшимися векторами развития.

Восточный Туркестан с давних пор был заселен буддистами, зороастрийцами, манихеями, христианами. В. В. Бартольд ссылается на неназванного персидского географа конца X в., писавшего, что в Турфанской области в пяти селениях согдийцев (основанных, вероятно, в VII в.) жили люди разных вероисповеданий, среди них — сабии, под которыми могли подразумеваться как буддисты, так и манихеи [Бартольд, 1963: 190]. Следовательно, персы могли отождествлять буддистов и манихеев, тем более, что к тому времени последние действительно стали сильно похожи на буддистов сво-

⁴ Использование слова «калмак» для обозначения других народов, например тибетцев и монголов, отмечал Р. Села и другие специалисты [Islam and Tibet, 2011: 286, note 17; Sela, 2014: 349].

ими текстами, обрядами и т. п. Поэтому позже из-за религиозного фактора под определение иноверцев (например, политоним *калмак* как вариант экзонима) могли попадать все те, кто не был мусульманином или христианином.

Буддийское население региона (согдийцы, тохары и другие иранские народы) значительно увеличилось после того, как переселившиеся в середине IX в. уйгуры стали принимать буддизм (традиции тхеравады), который оставался влиятельной силой и при наступлении ислама в XI в.

Определенную роль в истории религии на этих «западных землях» (*Stod hor*) сыграли тибетские ламы школы *Кагью*, в частности, *Цена*, *Таглун*, *Карма* и др. Они и прежде были активны в этом регионе, особенно в соседнем тангутском государстве Си-Ся [Tshal pa, 1981: 452]. И после падения этого государства в 1227 г. ламы продолжали окормлять проживавшие там народы.

Одним из первых лам, упоминаемых в связи с Восточным Туркестаном, был Чатэл Ченпо (*Bya bral chen po*), принадлежавший к школе Тэл (*Thel*). Его наставником была Дзема из Верхнего (северного) Цзан (Западный Тибет). Чатэл Ченпо стал учителем Сангье Рипа (*Sangs rgyas ri pa*), который «стал наставником Онпо Палдан-драга и Верхнего Хора (*Stod hor*, Могулистана) и получил титул «государственного наставника» (*Ti-shih*)» [Roerich, 1949: 1040]. Это, вероятно, единственный случай, когда тибетский лама получал звание Государственного Наставника *То-хора*. По мнению Витали, они оба жили в XIII в. [Vitali, 2024: 287].

Надо заметить, что среди известных лам подшкол *Кагью* были и такие, чья родословная уходит к тюркам из этого региона. В этом плане интерес представляет Сангье Рэчен, происходящий из народа *тугу* (*gru gu*), который Рерих относил к центральноазиатским тюркам [Roerich, 1949: 480]⁵. Он стал учеником знаменитого ламы Дуйсум Кьенпа (*Dus gsum mkhyen pa*, 1110–1193), который был учеником Гампопы, одного из основателей *Кагью*. Сам же Рэчен стал наставником Помтагпы, который, в свою очередь, обучал Карма Пакши (1204–1283) [Roerich, 1949: 485], второго Кармапу, главу *Карма Кагью*.

Четвертым Кармапой, перевоплощением Карма Пакши, стал Ролпэ Дорджэ (1340–1383). Он давал посвящения в таких ключевых регионах Тибета, как Уй, Кхам и Амдо, посещал и более северные земли, бывал в районе Ганчжоу и Ганьсу. В сакьяском монастыре Тулпэ-дэ, что в окрестностях Ланчжоу, «перед множеством людей, говорящих на разных языках, он произнес проповедь. Справа от его трона стоял монгольский (*Sog*) и уйгурский (*Yu gur*) переводчики, а слева тангутский (*Mi nag*) и китайский переводчики. Каждый из них переводил проповедь на свой язык, и, таким образом, ученики могли понять его слова» [Roerich, 1949: 501]. В этом и других пассажах следует обратить внимание на упоминание уйгуров и Уйгурии. Фактически речь идет о таких оазисах, как Турфан и Хами (восточные соседи Могулистана), где буддизм продолжал процветать в указанное время. Таким образом, наш источник подтверждает, насколько

⁵ Вероятно, древний термин *gru gu* служил для обозначения тюрков вообще. Например, тибетский онлайн-словарь дает следующее определение для этого термина: *yu gur gyi yul* (государство уйгуров) и *li yul* (обычно подразумевают Хотан). См.: Tibetan Vocabulary URL: <https://sites.google.com/view/tibvocab/home> (дата обращения: 25.05.2025).

ко активной и разнообразной была религиозная жизнь многонационального народа этого обширного региона.

В 1360 г. лама «укрепил на Пути Высшего Просветления многих уездных чиновников и важных людей из Китая, Монголии, Уйгурии, Миньяга (Си-Ся), Каули (Корея) и других стран» [Roerich, 1949: 502]. В 1363 г. он посетил императорский юаньский двор в Пекине, но вскоре вернулся в район Ганчжоу (Ганьсу), где «раздавал благословения беспрерывно с утра до заката, и продолжалось это 19 дней» [Roerich, 1949: 504]. Далее в «Синей книге» отмечено: «В это время он получил приглашение от правителя То-Хора (Моголистан) Тхо-лут Тэмура, но отклонил его» (Roerich, 1949: 504). Аналогичное отмечено в кармапинских хрониках: согласно Х. Ричардсону, Ролпэ Дорджэ получил приглашение от «правителя То-хора ... чагатайского монгола Тоглаг Темура» [Richardson, 1958, p. 147], но не решился ехать в Могулистан по причине принятия Туглук Тимуром мусульманской веры.

Что могло сподвигнуть хана на обращение к этому ламе?

Заметим, что приглашение от Туглук Тимура поступило уже после того, как лама побывал в Пекине. Скорее, здесь был прежде всего политический расчет, так как Ролпэ Дорджэ был признан во дворе Юань, и потому нельзя исключить желания Туглук Тимура обрести через ламу надежный канал связи с Пекином. Вместе с тем данный эпизод позволяет заключить, что он был знаком с буддизмом (выше указывалось, что будущий хан жил у калмаков), а также допустить с большой степенью вероятности, что это был тибетский буддизм течения Карма Кагью (аналогичное отмечалось Л. Мозесом [Moses, 1977: 87]).

Однако невозможно говорить только об одностороннем интересе тибетских лам к проповедям в этом регионе. Сам Чагатай и его потомки не только проявляли религиозную толерантность, но и поддерживали школу Кагью, особенно в условиях натиска со стороны школы Сакья, патронируемую Хубилаем и его преемниками. В частности, это были войска из Восточного Туркестана, которые поддерживали восстание школы Дрикунг Кагью против Сакья, имевшее место на северо-западе Тибета в 1285–1290 гг. «...В год дерева-курицы (1285 г.) ... Бригон [Дрикунг] привела войска верхних монголов против Сакья...» [Пагсам-джонсан, 1991: 40]. В тибетских источниках определение войска дается вполне конкретное: они названы *верхними монголами* (*stod hor*) [Tucci, 1949, vol. 1: 16, 253], даже указывается имя их правителя — Ху-ла. Таким образом, получается, что иль-хан Хулагу был жив в 1290 г., хотя, как отмечалось выше, его не стало в начале 1265 г. В указанном случае под *верхними монголами* подразумевались войска Дува [Peteich, 1983: 189, 201; Rossabi, 1988: 222; Wylie, 1977: 131–132] либо Хайду [Kwanten, 1972: 131].

Несмотря на активность тибетских лам в духовной жизни народов региона и свое близкое знакомство с калмаками, Туглук Тимур принял ислам и приложил значительные усилия распространению этой религии среди своих подданных. Но очень важно отметить весьма особенный штрих: его духовные наставники принадлежали к особому течению ислама — к *катаки*.

Согласно М. Хайдару, некогда в Бухаре было семейство уважаемых ханафитских суфиев. Во времена Чингисхана их представителя Маулана Шуджааддин Махмуда пересе-

лили со всей семьей в Каракорум. «Во время беспорядков в Каракоруме его сын уехал в Луб [и] Катак, представлявшие собой значительные города между Турфаном и Хотаном» [Хайдар, 1996: 28]. Ему удалось восстановить религиозное служение, и у него было несколько последователей. Последним из них был шейх Джамал ад-Дин, который жил в Катаке. Однажды он предсказал гибель этого города, и ушел оттуда вместе с одним из служителей мечети (муаззином) [Хайдар, 1996: 28].

Далее в источнике описывается встреча шейха с Туглук Тимуром, который оказался под большим впечатлением от его проповеди и пообещал шейху непременно принять ислам, но только после того, как станет ханом.

Вскоре шейх скончался, но перед тем завещал своему сыну маулане Аршад ад-Дину: «Я видел сон, будто поднял светильник на возвышенность так, что осветилась вся восточная сторона. После этого я встретился в Аксу с Туглук Тимур ханом... Поскольку мне не хватило жизни, то [теперь] ты подожди, пока тот юноша станет ханом, и иди к нему; возможно, он исполнит свое обещание и примет ислам. Ревнителем того счастья явишься ты, так что весь мир озарится благодаря тебе» [Хайдар, 1996: 29–30]. Аршад ад-Дин жил в Аксу, когда Туглук Тимур стал ханом, он отправился к нему. Он расположился недалеко от ханской ставки, и стал каждое утро призывать к молитве. Его вызвали к Туглук Тимур, и маулана напомнил хану про его обещание принять ислам и дал ему наставление. В результате хан стал мусульманином.

Туглук Тимур не сразу проявил себя приверженцем новой веры. Вначале он с Аршад ад-Дином составили «план для распространения и успешного продвижения ислама и порешили на том, что будут вызывать эмиров по одному и приказывать, чтобы каждый принял ислам, в противном же случае они применят стих священного Корана „Сражайтесь все с многобожниками“» [Хайдар, 1996: 30]. Они стали испытывать лидеров племен, предлагая им принять ислам, при этом оказалось, что некоторые подчиненные хана уже были мусульманами. Отказался только один из них — Чурас, который предложил маулане побороться с его сильным борцом, «неверным», который поднимал двухлетнего верблюда, и в случае победы проповедника обещал принять его веру. В результате маулана победил, и «в тот день сразу обрили головы и стали мусульманами сто шестьдесят тысяч человек. Хан сам над собой совершил обряд обрезания. Лучи ислама поглотили мрак неверия, и ислам распространился в юрте Чагатай хана» [Хайдар, 1996: 31]. Как пишет Хайдар, «у моголов нет больше сведений, кроме этого рассказа о том, что Туглук Тимур хан стал мусульманином благодаря маулане Аршадад-дину. Подробности этого никто не знает» [Хайдар, 1996: 31]. Это случилось в 1353 г.

Эпизод с борьбой, действительно, в целом сохранился в народной памяти, что находит подтверждение в русском архивном документе от 1724 г., где представитель Петра Первого, капитан И. Унковский, излагает старое сказание, которое ему рассказали «бухарцы» в бытность посещения ставки джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана (прав. 1697–1727): «сказывали бухарцы... пред сим за 334 года [1723–334=1389?] погребен Темерхаган, которого магаметане святым почитают, для того как он кочевал по реке Борталу. Тогда приехали к нему из Великой Бухары с торгом бухарцы. Между оными был один богомолец, и вышел из своей коши на высокое место, кричал гласно по закону своему магамецкому скликал на молитву прочих магаметан. То услышал помяну-

тый Темерхан ... велел одного крикуна к себе привести и спрашивал для чего он кричал. Ответствовал, что он прочих своих товарищей на молитву божью скликал. И по многим разговорам о законе положили залог. Чтоб тому магометанину с самым сильным Темерхановым человеком бороться и которой поборет тот и правом по закону быть ... и помянутый магометанин того сильного Темерханова борца трижды легко поборол того ради Темерхан принял магаметской закон и все его люди обрезались и с шапок залу (или кисти) в реку Борталу побросали и будто оными реку запрудили для того Темерхана магаметане святым почитают и над гробом его полаты построены» [АВПРИ. Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 1. Л. 27–27 об]. Содержание этого источника, так же, как и анализ данных (например, даты конвертации хана в ислам (1389 г., согласно легенде, и 1353 г. согласно «Тарих-и Рашиди»), позволяет уверенно утверждать следующее: во-первых, упоминаемый Темерхан — это и есть Туглук Тимур, во-вторых, информация о реке Бортале нисколько не противоречит данным «Тарих-и Рашиди», что детство и юность Туглук-Тимур действительно провел в *Калмаке* («он кочевал по реке Борталу»⁶).

Как писал Ким Ходонг, «восприятием ислама Туглук Тимур, который начинал как номинальный правитель, смог вооружить себя и своих сторонников идеологией, которая обеспечила внутреннюю консолидацию и внешнюю экспансию» [Hodong, 1999: 302]. В дальнейшем *катаки* укрепят свои позиции во дворе могульских правителей и сформирует тарикат *Катаки*, чьи члены сыграют видную роль в обращении в ислам могулов-кочевников и оседлых уйгуров [Hodong, 1999: 302].

Надо заметить, что Туглук Тимур в поисках духовного наставника обратил свой взор не на суфиев, представлявших известные городские центры Мавераннахра, но на тех, которые все еще были связаны с кочевым образом жизни. Здесь мы видим исламского проповедника, который готов нести учение к кочевникам, и оставалось лишь найти соответствующего лидера.

Шейх Джамал ад-Дин вынужден бежать из города не потому, что ему претит город (все-таки ислам — изначально городская вера) либо он боится небесной кары, — не менее важно было то, что очень мало людей приходило на проповеди шейха, а в последний день существования города никто не пришел даже на пятничный призыв *муаззина*, никто и не пытался спастись. Следующий немаловажный момент — это выделение отдельных черт характера Туглук Тимура: он подозрителен к некоторым народам («Таджики — не люди») [Хайдар, 1996: 29], и в таком случае ему ближе животные; он сравнивает шейха с собакой, на что шейх достойно отвечает: «Если вера будет со мной, то я лучше, а если не будет со мной веры, то собака лучше меня» [Хайдар, 1996: 29]. Последний эпизод однозначно утверждает важность ислама для хана как правителя, он должен ценить людей, в противном случае уподоблялся собаке.

Известные тибетские источники не содержат достаточно сведений о буддийской активности в То-хоре после смерти Туглук Тимура, хотя ламы и продолжали там проповеди. Так, минский император Чжу-ди (прав. 1402–1424, девиз правления Юнлэ) в 1403 г., т. е. в самом начале своего правления, направил своих представителей к Пя-

⁶ Река протекает между гористой системой Борохоро и оз. Алаколь, впадает в оз. Эбинур и граничит с восточной окраиной Семиречья.

тому Кармапе Дешин Шегпа (De bzhin gshegs pa, 1384–1415), поскольку «был наслышан о его сверхъестественной практике Пути, когда тот бывал во дворах центрально-азиатских правителей» [Karney, 1975: 75]. На наш взгляд, под центральноазиатскими правителями следует иметь в виду ханов Могулистана, которых мог посещать этот лама.

Преемники Туглук Тимура поддерживали и распространяли ислам. М. Хайдар писал, что Хизр Ходжа «был ханом, придерживающимся норм ислама, некогда принятого Туглук Тимур ханом» [Хайдар, 1996: 81], а его сын и преемник Мухаммад хан (прав. 1407–1415) «приложил много усилий для того, чтобы большая часть улуса моголов в его благословенное время приняла ислам» [Хайдар, 1996: 86]. Судя по всему, это был все тот же ислам *катаки*, и лишь в более поздний период, в отношении Вайс (Увайс) хана (прав. 1418–1421, 1425–1428) сказано, что он следовал учению *Накишбандийа*: «[Увайс хан] был мюридом маулана Мухаммада Кашани. Маулана Мухаммад был мюридом Хазрата Ходжа Хасана «Аттара... Ходжа был мюридом Хазрата полюса опоры наставничества Ходжа Бахааддина Накшбанда» [Хайдар, 1996: 94].

Еще в период правления Мухаммад хана начинаются попытки подчинения соседних Турфана и Хами, где было много буддистов, однако появление там ойратов в начале XV в. значительно повлияет на дальнейшее политико-религиозное развитие региона.

Таким образом, важной особенностью религиозной истории Восточного Туркестана было распространение на его землях в течение ряда веков различных течений буддизма — тхеравады (согдийско-тохарская версия), а позже и тибетского (подшколы *Кагью*). Обращение Туглук Тимура к Кармапе Ролпэ Дорджэ, а также контакты с шейхом Джамал ад-Дином и мауланой Аршад ад-Дином с последующим принятием ханом учения *катаки* характеризуют его как умелого политика, успешно сочетавшего религиозные и политические инструменты власти. В последнем случае важно было то, что и глава *Карма Кагью*, и родоначальники тариката *Катаки* были связаны с монгольским двором. Восприятие учения *катаки* Туглук Тимуром и его ближайшими преемниками составляют другую важную особенность религиозной истории региона. Эволюция религиозной ситуации в Могулистане изучаемого периода в целом была близка к этапам политического развития региона. Ислам *катаки*, давший идеологическое обоснование власти Туглук Тимура и формировавший религиозный фон Могулистана, после первого десятилетия XV в. начнет замещаться учением *Накишбандийа*; влияние буддизма упрочится после миграции в регион ойратов.

Ойраты и Калмак

Большое влияние на историю народов Центральной и Восточной Азии в последнюю треть XIV в. оказало падение монгольской династии Юань и становление в Китае власти династии Мин, чей основатель Чжу Юаньчжан фактически «закрыв» Китай. Последовавшее затем среди кочевников возрождение трайбализма фактически оказало двойственное влияние на тюркские и монгольские народы: с одной стороны, децентрализационные процессы вели к вражде и разобщению, с другой — они же способствовали последующим центробежным процессам и формированию новых объединений и центров, в том числе государств. Большое влияние на такие события оказали перемены в концепции власти, установившейся еще со времен Чингисхана: правителем мог быть только тот лидер, кто является его потомком по мужской линии. В новых

условиях тюрко-монгольский мир явил свои новшества: у чингизидов на фактическую власть могли притязать, например, так называемые *гургены* (güregen, зятья). И пример Тамерлана очень характерен для тюркского мира; у монголов власть оспаривали ойратские *тайши* — фактически военачальники и главные министры при чингизидах.

В отношении ранних этапов истории ойратов мнения известных специалистов по истории Китая и Монголии Н.Я. Бичурина и Дз. Мияваки во многом совпадают: история этих западно-монгольских народов началась со времени падения Юань [Бичурин, 1991: 24; Miyawaki, 1997: 40]. Первым ойратским лидером минские источники называют Мунко Темура (Meng-k'o T'ieh-mu-er) [Dictionary, 1968: 1035; Чернышев, 1990: 18], под кем, скорее всего, следует понимать известного Угэчи Хашига [Liĵei, 2002: 72].

Согласно монгольским источникам, вплоть до самого завершения XIV в. ойраты не проявляли какой-либо заметной активности, которой они прославились буквально в последующие десятилетия. Это позволяет предположить, что они были во власти Элбек-хагана, потомка Тогон Темура. Как следует из этих источников, у этого хагана в ближайшем окружении был ойратский лидер Хутхай Тафу⁷, который как-то похвалил красоту Элзита, невестки Элбека. Последний не остановился перед убийством собственного сына, чтобы овладеть ею, за что Элзит оговорила Хутхай Тафу, обвинив его в попытке насилия. Когда же выяснилось, что этого ойратского лидера казнили беспричинно, Элбек-хаган распорядился, чтобы власть над ойратами сохранилась за сыновьями Хутхай Тафу: Угэчи Хашигой и Батулой [Лубсан Данзан, 1973: 257–258; Elverskog, 2007: 62, note 199]⁸.

По неясным причинам монгольский правитель проявил большое участие к судьбе лишь одного из братьев — Батуле, который был возведен в чинсанги (министерский чин) и стал зятем хагана, женившись на его дочери Самур Гунджи [Желтая история, 2017: 84]. Дальнейший ход событий источники описывают так: «После того, как хаган просидел на престоле шесть лет, ойратские Батула-чинсанг и Угэчи Хашига прикончили Элбэг-хагана в год змеи [1401], и он стал тэнгри. Батула-чинсанг и Угэчи Хашига сначала захватили четыре тумэна ойратов и стали врагами», отмечается в «Алтан тобчи» [Лубсан Данзан, 1973: 258; Elverskog, 2007: 61].

Представляется следующая картина: хагана убил Угэчи Хашиг (на этом настаивает «Желтая история»: «ойратский Угэчи-хасха убил хана» [Желтая история, 2017: 85]), и по этой причине братья стали врагами. Также эти обстоятельства повлияли на усиление вражды между восточными и западными монголами (из «Алтан Тобчи»: «Говорят, так была захвачена ойратами единая держава монголов» [Лубсан Данзан, 1973: 258; Elverskog, 2007: 61]), хотя их соперничество началось еще ранее, во времена империи.

Следующий правитель после Элбека, его сын Гантемур, был вскоре тоже убит Угэчи Хашигом, который сам стал хаганом и изменил свое имя на Гуйлинчи-хана⁹ [Успенский, 1880: 147]. Он передал Аругтаю, своему ближайшему сподвижнику из восточных монголов, титул *чинсанга*, тем самым отобрав его у своего брата Батулы. Ойратам Бату-

⁷ И.Я. Златкин считал, что он принадлежал к роду чорос [Златкин, 1983: 25].

⁸ Согласно «Мин ши», в то время был известен еще один ойратский лидер — Батуболо; «народ ойратов распался на три части» [Чернышев, 1990: 18].

⁹ Н.Я. Бичурин назвал его «Гольци, не имевший законного права на престол» [Бичурин, 1991: 25].

лы удалось разгромить войска Гуйлинчи, и тому пришлось отказаться от трона всемонгольского правителя и вернуться к себе на родину (Ганьсу), где он чуть позже и умер¹⁰.

В 1408 г. всемонгольским хаганом, благодаря стараниям Аругтая, был провозглашен Буяншир, младший сын Элбека, брат Гантемура, пребывавший в Бешбалыке (северо-восток Могулистана). Новый правитель принял имя Ользитемур, а Аругтай удостоился нового титула — *тайши* — «Великий Наставник»¹¹. Новая должность подразумевала и право командовать войсками.

Появление нового хагана встревожило ойратов, и их лидеры — Батула, Батуболо и Тайпин¹² — выступили против монголов. Минский император Чжу-ди, с целью поддержания вражды между этими кочевниками, решил выделить ойратов, в связи с чем в том же 1408 г. вручил новые титулы этим ойратским лидерам: Батуле (другое имя — Махаму) достался титул «шунь-нин-ван, Тайпину — сянь-и-ван, Батуболо — ань-лэ-ван¹³» ([Чернышев, 1990: 18; [Успенский, 1880: 148]). Следом, весной 1409 г., Батула был поощрен дополнительным титулом *ван* («Верный мирный принц»). В ответ Ользитемур убил посланника императора и направил свои войска против ойратов, но безуспешно [Jamsran, 2010: 499]. Между хаганом и его *тайшой* случилась вражда, и Ользитемур в 1412 г. бежал обратно в Могулистан, где пребывали его родственники, но по дороге он был схвачен и казнен Батулой. Очередным хаганом с подачи Батулы стал Делбек (1395–1415), сын Ользитемура.

Чтобы сохранить контроль над Делбеком, следовало окончательно разгромить Аругтая, который закрепился в столице — Каракоруме. На фоне подготовки Батулы к войне с Аругтаем минский император вручил последнему в июле 1413 г. титулы «Послушного Принца» (*хенани-ван*) и «Правителя Каракорума» (*Хар-Хорин ван*), а также подарки его окружению [Serruys, 1977: 359]. Несмотря на такие недружественные шаги, Батула не хотел ссоры с императором и направлял своих посланников ко двору. Однако враги Батулы из Монголии всячески старались очернить его перед минскими властями, обвиняя в преступлениях и неподобающем поведении. Это подтверждается записями в «Мин шилу», относящимся к 1413 г.: «Северный варвар Буян-Буха прибыл ко двору и сообщил: «С тех пор как ойратский Мухмуд убил своего хана, он стал очень гордым и пытается бороться со Срединным государством. Тот факт, что он шлет слов ко двору — показатель не подчинения, но алчности к золоту, шелку и вещам» [Jagchid, 1970: 51].

¹⁰ В «Желтой истории» сказано, что Угэчи-Хашиг умрет лишь после смерти Батулы [Желтая история, 2017: 85].

¹¹ Н. Я. Бичурин также отмечал, что в начале XV в. «сильные князья Монголии разделились на три стороны или партии, и Глава сильнейшей из них обыкновенно занимал при Хане должность Тайши... пользовался неограниченным полномочию в делах и правом предводительствовать войсками целой Монголии» [Бичурин, 1991: 25].

¹² Согласно В. Успенскому, его звали Тайван [Успенский, 1880: 147].

¹³ По утверждению А. И. Чернышева, Батула-чинсанг — это Махаму, Угэчи Хашиг — Тайпин, Батуболо не идентифицирован [Чернышев, 1990: 18]. Выше отмечалось, что Угэчи Хашиг ранее скончался. Скорее всего, А. И. Чернышев ошибся в своих предположениях, и Тайпина все еще следует идентифицировать как и Батуболо.

Стремление наладить отношения со Срединным государством, вероятно, было не случайно — выше уже отмечалось, что Батула женился на Самур Гунджи, и благодаря этому событию чороские правители оказались связаны с домом Борджигитов-чингизидов, и уже вполне могли, как и позже Тамерлан, заявлять о себе как зятях «Золотого рода». Следовательно, у них были вполне обоснованные претензии на лидерство среди не только ойратов, но и монгольских народов, а поддержка со стороны Нанкина могла придавать дополнительную легитимность. Аругтай в такой ситуации не имел никаких прав быть общемонгольским лидером.

Тем не менее Аругтаю удалось договориться с минским двором о совместном выступлении против ойратов. Союзникам в 1414 г. в битве у современного Улан-Батора удалось разбить ойратскую армию. Однако вскоре Аругтай убил Эсеха, сын Угэчи Хашиги, который объявил хаганом себя и принял имя Ойрадай [Jamsran, 2010: 500]. Осознавая необходимость покорения своих сородичей-ойратов, он направил против них свою армию. Ойратам пришлось уходить в сторону Джунгарской впадины, и таким образом они вошли в *Калмак*. Прежде его северо-восточная оконечность была своего рода буферной зоной между улусами Угэдэя, Толуя и Чагатая, однако к рассматриваемому времени в целом вся эта часть Могулистана значительно обезлюдела после нашествий Тамерлана.

Ойраты дошли до Хамийского оазиса (юго-восток Могулистана), где в 1416 г. потерпели поражение, а их оставшийся единственный лидер Батула попал в плен и был казнен¹⁴. Так закончился период, непосредственно предшествовавший подчинению ойратами вначале северо-востока Джунгарской котловины, а позже и всего Восточного Туркестана.

Следует отметить, что описанные события, начиная с убийства Элбек-хагана и последующих притязаний ойратских правителей возглавить Северную Юань, привели не только к резкому противостоянию ойратов и монголов, но более того — фактическому отделению первых от вторых. Эта мысль явно показана в монгольской хронике «*Altan Khürdün Minggan Khegesütü*» (ок. 1739 г.), где те события (соперничество с чингизидами) оцениваются как отход ойратского сообщества (*ug ündüsün*) от монгольского (*mongyol*). «После этого политического акта ойраты описываются как отличные от монголов, хотя они продолжали быть включенными в число тех, кто говорит на монгольских языках (*mongyol kheleten*)» [Sneath, 2007: 171].

Согласно Г. И. Рамстедту, «при этом ойраты и сами все же народ, говорящий чисто монгольским языком и соединяющий себя с монголами под общим именем дөрбөн — «сорок и четыре, сорок-четыре». Эти монгольские «четверо ойратов» являются самыми западными монгольскими племенами...» [Рамстедт, 1909: 547]. Б. Я. Владимирцов объяснял создавшуюся ситуацию следующим образом: после падения Юань «„Золотой род“ начал оскудевать; царевичей просто стало мало. А между тем младшие феодалы *sayid*'ы... поняли, что сами могут стать на их место. Ойратские сайды оказались в особо благоприятном положении» [Владимирцов, 2002: 442]. Такое «благопри-

¹⁴ Разные версии гибели Махаму (Батула-чинсанга) рассмотрены И. Я. Златкиным [Златкин, 1983: 28–29].

ятное положение» сложилось по ряду причин, среди которых важными указаны подчинение ойратов непосредственно хагану (т.е. ойраты перешли к Угэчи Хашиге и Батуле прямо от него), и энергия «молодого народа», «только что перешедшим на «степь», лучше других монгольских племен сохранившимся во время войн империи и феодальных схваток между царевичами» [Владимирцов, 2002: 443].

Г.И. Рамстедт отмечает: «...после изгнания монгольской династии из Китая имя Ойрат делается все более и более известным; ойраты... выступают в виде врагов восточных монголов, и стремления их направлены на добывание самостоятельности и независимости от «сорока» монголов» [Рамстедт, 1909: 547]. Очевидно было следующее: чтобы обрести независимость от чингизидов¹⁵, ойратам требовалось найти замену монгольской идентичности, т.е. выделить иные отличительные черты и показатели, ибо «быть монголом означало, собственно, находиться под правлением борджигитов» [Sneath, 2007: 171]. Поскольку монгольские народы, включая ойратов, в рассматриваемый период могли быть объединены только принципом чингизидства на фоне слабых родовых отношений (тогда этнические группы фактически формировались правителями, безотносительно родственных связей [Sneath, 2007: 174]), то последнее играло в пользу ойратов. Именно политический фактор способствовал их сплочению, так как они представляли интересы степной аристократии, требовавший соблюдения традиций предков, в потере которых обвиняли окитаившихся юаньских монголов [Успенский, 1880: 146–147]. В этом плане их интересы совпадали с мнением могулистанских правителей, которые почитали себя более приверженными установлениям Чингисхана и традициями монголов, по сравнению с тюрками Мавераннахра. Однако в отличие от лидеров Могулистана, ойраты со временем обратились к буддизму.

Главенствующая роль у ойратов перешла к *чоросам*, тюркам по происхождению, вероятно, выходцев из Джунгарской впадины / Восточного Туркестана. У *чоросов*, в отличие от их сородичей-*чурасов*, были иные, уникальные условия, повлиявшие на становление и развитие своей династии: тибетский религиозный, китайский политико-административный и монгольский идеолого-этнический. Эти условия были обеспечены всей их предшествующей историей, именно они создали уникальные предпосылки для формирования ойратского государственного образования: державы под управлением *чоросов*. Под влиянием указанных обстоятельств ислам, вероятно, игравший определенную роль среди *чоросов* (другое имя Батулы — Махаму — однозначно указывает на влияние этой религии), стал терять свои позиции. Важным условием было наличие многоэтнического населения, неоднозначно относившегося к исламу — *калмаков*, чьи территории стали занимать ойраты, и этот момент пересиливал тюрко-исламскую составную как ойратского этно-религиозного развития, так и регионально-могульского, заложенного Туглук Тимуром.

Итак, падение монгольского правления в Китае и череда последовавших в Монголии политических событий и процессов одним из важнейших последствий явили воз-

¹⁵ Хотя чингизиды претерпевали экономическое давление, междоусобицу, борьбу с ойратами и периодические вторжения Китая в начале XV в., они рассчитывали на стабильность и сильное лидерство, надеясь на свою принадлежность к «Золотому роду» [Mongols, Turks, 2005: 473].

растание роли ойратов, возглавляемых Угэчи Хашигом и Батулой. Динамика перемен в политико-статусном вопросе, тонкая дипломатия Нанкина и общее столкновение ойрато-монголо-минских интересов повлияли на дальнейшую эволюцию политических устремлений ойратских лидеров: они были нацелены на выживание народа путем миграции в сторону Калмака. На этот выбор повлияли и внутриойратские этнические процессы: исход ойратов от монгольского мира и принадлежность их лидеров — чоросов — к известному могулистанскому клану чурасов.

Заключение

Туглук Тимур пришел к власти в Могулистане и укрепил свое влияние благодаря двум принципиальным обстоятельствам: своему происхождению (чингизид) и поддержке ведущей религии — ислама. Определенную роль сыграл и сам Могулистан (страна могулов) как территория и государство ввиду богатого духовного наследия (наличие населения с ранними религиозными традициями буддизма, христианства, манихейства и др.) и по причине давнего взаимодействия с Тибетом (для которого он был известен как *То-хор* (*Stod hor*)) и Китаем (был известен как *Си-юй*).

Могулистан называли также *Джете* (в целом Могулистан) и *Калмак* (чаще его северная часть). Слово *Калмак* имело не столько географическое, сколько топонимическое и даже шире — этнотопонимическое значение; его население звалось *калмаками* — людьми, которые не были мусульманами; к ним следует в первую очередь отнести уйгуров (сариг-уйгуров). Можно допустить, что слово *Калмак* имело и некоторое политико-правовое обеспечение — существование в этой части Могулистана в монгольский и пост-монгольский период определенного объединения (группы) народов, не желавших подчиняться могульским правителям (пример — *чурасы*). *Калмак* как регион Могулистана упомянут в источниках и показан на средневековых европейских картах.

В религиозной сфере в Могулистане действовали по-своему уникальные учения: тибетские течения школы *Кагью* (буддизм) и исламский тарикат *катаки* (региональный, лобнорский ислам), которые обладали важным политическим потенциалом: связями с монголо-юаньским двором. Возможно, это обстоятельство и повлияло на обращение Туглук Тимура к Кармапа-ламе Ролпэ Дорджэ с просьбой о встрече, от чего лама отклонился, поскольку ранее хан принял наставления от мауланы Аршад-ад-Дина, сына и ученика шейха Джамал ад-Дина из лобнорского Катаки.

Начало заката династии, заложенной Туглук Тимуром, было связано с нарушением важнейшего из условий сохранения власти — принципа чингизидства, когда Камар ад-Дин, лидер дуглатов, убил Ильяс Ходжу, преемника Туглук Тимура. Более чем десятилетняя борьба Тамерлана против Камар ад-Дина, объявленная первым как война с *кафирами*, привела к кризису центральной власти и сокращению населения в северной части Могулистана. В южной части произошла перегруппировка народов и племен, когда одни практически исчезли, а другие усилили свое влияние. В жестокой борьбе за власть победил Хизр Ходжа, сын Туглук Тимура, поддержанный дуглатами. Он смог спастись, укрывшись у *калмаков*, с которыми мог быть связан Туглук Тимур, уроженец *Калмака*.

Между тем в Монголии падение династии Юань повлияло на зарождение ойрато-монгольской вражды. Лидеры ойратов (Батула, Угэчи Хашиг и др.) и монголов (Ользимур, Буяншир и др.) в борьбе за право возглавить Монголию ссылались на Ясу

Чингисхана и традиции, но вмешательство династии Мин формировало новые условия: прежние установления эпохи Чингисхана сменяли трансформационные процессы, состоявшие, в том числе, в территориальных и этноконфессиональных переменах. Именно в таком контексте следует оценивать сложившийся дисбаланс сил и интересов в Монголии, который обусловил стремление ойратов отделиться от монголов и создать свое государство. Таким образом, миграция ойратов к оазису Хами в десятых годах XV в. была не только результатом военных событий, но также знаменовала собой очередной поворот в истории Могулистана и формирование новых региональных политических и религиозных контекстов.

При Туглук Тимуре и его преемниках политико-религиозное развитие Могулистана прошло через два этапа, охватывающих 1347–1365 и 1365–1410-е гг. Особенности первого этапа — это централизаторская политика хана и его преемника, принятие учения *катаки*, второго — кризисное развитие страны и формирование тариката *катаки*. Проповеди тибетских лам также следует признать важной особенностью религиозной ситуации; источники позволяют констатировать на первом этапе как минимум нейтральную позицию правителей (Туглук Тимура) в отношении региональной активности буддистов, на втором — допустить сохранение деятельности буддийских монахов. В 1347 г. началось ханство Туглук Тимура, а 1410-е гг. являются переломным периодом в политической и религиозной эволюции Могулистана, когда возросло влияние тариката *Накишбандийа*, а на его восточных рубежах появились ойраты, благодаря которым региональный буддизм вновь усилит свои позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 113. Оп. 113/1. Д. 1. 1724.

Бартольд В. В. «Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*» Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М. : Наука, 1973. С. 23–62.

Бартольд В. В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В. В. Сочинения. Т. II. Ч. 1. Работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М. : Наука, 1963. С. 169–433.

Бартольд В. В. Калмыки // Бартольд В. В. Сочинения. Т. V: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М. : Наука, 1968. С. 538–540.

Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Фрунзе : Киргизгосиздат, 1943. 104 с.

Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. Элиста : Калмыцкое книжное издательство, 1991. 127 с.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм // Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М. : Восточная литература, 2002. С. 295–488.

Григорьев В. В. Землеведение К. Риттера. География стран Азии. Восточный или китайский Туркестан. Выпуск второй. СПб. : Типография К. Замысловскаго, 1873. 525 с.

Дамдинсүрэн Ц. Исторические корни Гэсэриады. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1957. 240 с.

- Желтая история (Шара туджи). М. : Восточная литература, 2017. 406 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М. : Наука, 1983. 332 с.
- Зотов О. В. Китай и Восточный Туркестан в XV–XVIII вв. Межгосударственные отношения. М. : Наука, 1991. 168 с.
- Камолиддин Ш. С. К вопросу об употреблении географических названий «Мавераннахр» и «Туркестан» // *O'zbekiston tarixi* (История Узбекистана). 2002. № 4. С. 61–79.
- Китинов Б. У. Калмак и ойраты: топоним в религиозной истории народов Центральной Азии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2018. Т. 10. № 3. С. 270–281.
- Лубсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание) / пер. с монг., введение, комментарий и приложения Н. П. Шастиной. М. : Наука, 1973. 439 с.
- Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. (История и культура Востока Азии, Т. II). Новосибирск : Наука, 1974. 210 с.
- Материалы по истории Казахстана и Центральной Азии. Вып. 1. / сост. и отв. редактор Ж. М. Тулибаева. 2-е изд., испр. Астана : издательство ГУ Национального центра археологии и источниковедения, 2011. 276 с.
- Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М. : Наука, 1973. 280 с.
- Пагсам-джонсан: История и хронология Тибета / пер. с тиб. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. М. : Наука, 1991. 260 с.
- Рамстедт Г. И. Этимология имени Ойрат // *Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. Записки ИРГО по отделению этнографии*. Т. XXXIV. СПб. : типография В. У. Киршбаума (отделение), 1909. С. 547–558.
- Санчиров В. П. «Калмаки» в «Истории» турецкого автора XVI в. Сейфи Челеби // *Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе*. Элиста : Калмыцкий НИИ истории и филологии, 1987. С. 6–27.
- Тенишев Э. Р., Тодаева Б. Х. Язык желтых уйгуров. М. : Наука, 1966. 84 с.
- Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1941. 308 с.
- Успенский В. Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // *Записки Императорского Русского географического общества*. 1880. Т. 6. С. 59–196.
- Хайдар Мирза М. Тарих-и Рашиди / введение, перевод с персидского А. Урунбаева, Р. П. Джалиловой, А. М. Епифановой. Ташкент : ФАН, 1996. 727 с.
- Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М. : Наука, 1990. 136 с.
- Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-Намэ / пер. со староузбекского, комм. А. Ахмедова. Ташкент : САНАТ, 2008. 484 с.
- A Newe Mape of Tartary // David Rumsey Map Collection. URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (дата обращения: 20.03.2025).

Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources*. London, 1888. Vol. II. 352 p.

Das S. Ch. *A Tibetan-English Dictionary*. Calcutta: Published by the Bengal Secretariat Book Depot, 1902. 1353 p.

Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. New-York; London: Columbia University Press, 1968. Vol. II. P. 1023–1751.

Elverskog J. *The Pearl Rosary. Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007. 196 p.

Hodong Kim. *The Early History of the Moghul Nomads: the Legacy of the Chaghatai Khanate. The Mongol Empire and its Legacy*. Ed. by Reuven Amitai-Preiss and David O. Morgan. Brill, 1999. P. 290–318.

Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011. 391 p.

Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese // *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*. 1970. № 7, pp. 35–80.

Jamsran L. *Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength. The History of Mongolia. Yuan and Late Medieval Period*. Global Oriental. 2010. Vol. II. Pt. 3, pp. 497–507.

Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips ltd., 1975. 128 p.

Kwanten L. H. M. *Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368*. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972. 131 p.

Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship // *Central Asiatic Journal*. 1997. No. 41/1. P. 38–75.

Reuven A., B. Michal (eds.) *Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World*. Brill, 2005. 550 p.

Moses L. W. *The Political Role of Mongol Buddhism*. Indiana University Uralic Altaic Series. Indiana University Press, 1977. Vol. 33. 299 p.

Petech L. *Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols. China Among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th — 14th Centuries*. Berkeley: University of California press, 1983. P. 173–203.

Roerich G. *The Blue Annals*. Parts 1–2. Delhi, Patna, Varanasi: Motilal Banarsidass. 1949. 1275 p.

Rossabi M. *Khubilai Khan. His Life and Times*. Berkeley: University of California Press, 1988. 352 p.

Sela R. *Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th-18th Centuries. Trails of the Tibetan Tradition*. Papers for Elliot Sperling. India: LTWA, 2014. P. 345–359.

Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. No. 2. P. 353–380.

Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007. 273 p.

Tibetan Vocabulary. URL: <https://sites.google.com/view/tibvocab/home> (acessed May 25, 2025).

Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Roma, 1949. Vol. 1. 327 p.

Vitaly Roberto. *Early bka' brgyud pa Masters in the Lands on the "Upper Side" (1191–1344)*. Dharamsala: Mutag books, 2024. 390 p.

Wylie T.V. The Geography of Tibet According to the “Dzam-gling-rgyas-bshad”. Roma: Is. M. E. O., 1962. 286 p.

Wylie T.V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted // Harvard Journal of Asian studies. 1977. Vol. 37. No. 1. P. 103–133.

Liĵei K. [Лидже К.] Oyirad-un teūke šasin-u sudulul [Исследование истории и культуры ойратов]. Urumĵi [Урумчи]: Šinĵiyang-un arad-un keblel-ün qorii-a [Издательство Шиндзянын арадын келелин горья], 2002. 248 p. (на старо-монг. яз.)

明师 [Мин ши]. 卷 [Том] 331. 列传第219节 [Биографии, раздел 219]. 西域 [Западный край] 第3部分 [часть 3]. С. 8571–8591 (на кит. яз.).

Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. Deb ther dmar po. (Красная книга). Beijing, 1981. 955 p. (на тибет. яз.)

REFERENCES

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi impeii [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire] (AVPRI) [AFPRI]. Fund 113. Inventory 113/1. File 1. 1724 (in Russian).

Bartol'd V.V. “Iz vlechenie iz sochineniya Gardizi Zain al-akhbar” [“Excerpt from the work of Gardizi *Zayn al-akhbar*”]. Prilozhenie k “Otchetu o poezdke v Srednyuyu Aziyu s nauchnoi tsel'yu. 1893–1894 gg. [Appendix to the “Report on a trip to Central Asia for scientific purposes. 1893–1894.”]. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [Works]. *Tom VIII* [Vol. VIII]. *Raboty po istochnikovedeniyu* [Works on source studies]. Moscow: Nauka, 1973, pp. 23–62 (in Russian).

Bartol'd V.V. *Istoriya kul'turnoi zhizni Turkestana* [History of the cultural life of Turkestan]. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [Works]. *Raboty po istorii Srednei Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoi Evropy* [Works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe]. Moscow: Nauka, 1963, vol. 2, pt. 1, pp. 169–433 (in Russian).

Bartol'd V.V. *Kalmyki* [Kalmyks]. *Bartol'd V.V. Sochineniya* [Works]. *Tom V*. [Vol. V] *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [Works on the history and philology of the Turkic and Mongolian peoples]. Moscow: Nauka, 1968, pp. 538–540 (in Russian).

Bartol'd V.V. *Ocherk istorii Semirech'ya* [Essay on the history of Semirechye]. Frunze: Kirgizgosizdat, 1943, 104 p. (in Russian).

Bichurin N.Ya. *Istoricheskoe obozrenie oiratov ili kalmykov s XV stoletiya do nastoyashchego vremeni* [Historical review of the Oirats or Kalmyks from the 15th century to the present]. 2nd ed. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991, 127 p. (in Russian).

Chernyshev A.I. *Obshchestvennoe i gosudarstvennoe razvitie oiratov v XVIII v.* [Social and state development of the Oirats in the 18th century]. Moscow: Nauka, 1990, 136 p. (in Russian).

Damdinsuren Ts. *Istoricheskie korni Geseriady* [Historical roots of Gesariad]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957, 240 p. (in Russian).

Grigor'ev V.V. *Zemlevedenie K. Rittera. Geografiya stran Azii. Vostochnyi ili kitayskii Turkestan* [Geoscience of K. Ritter. Geography of Asian countries. Eastern or Chinese Turkestan]. Vypusk vtoroi — dopolneniya. Otdel pervyi — istoriko-geograficheskii [Second edition — additions. First section — historical and geographical]. St. Petersburg: Tipografiya K. Zamyslovskago, 1873, 525 p. (in Russian).

Haidar Mirza M. *Tarikh-i Rashidi* [Tarikh-i Rashidi]. Vvedenie, perevod s persidskogo A. Urumbaeva, R. P. Dzhaliilovoi. L. M. Epifanovoi [Introduction, translated from Persian

by A. Urunbaev, R. P. Dzhaliylova, L. M. Epifanova]. Tashkent: FAN, 1996, 727 p. (in Russian).

Kamoliddin Sh. S. K voprosu ob upotreblenii geograficheskikh nazvanii “Maverannakhr” i “Turkestan” [On the issue of the use of the geographical names “Maverannakhr” and “Turkestan”]. *O'zbekiston tarixi*. [History of Uzbekistan] 2002, no 4, pp. 61–79 (in Russian).

Kitinov B. U. Kalmak i oiraty: toponim v religioznoi istorii narodov Tsentral'noi Azii [Kalmak and Oirats: toponym in the religious history of the peoples of Central Asia]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya* [RUDN Journal of World History] 2018, no 10 (3), pp. 270–281 (in Russian).

Lubsan Danzan. *Altan tobchi (Zolotoye skazaniye)* [Altan tobchi (Golden tale)]. Per. s mong., vvedenie, kommentarii i prilozheniya N. P. Shastinoy [Trans. from Mongolian, introduction, commentary and appendices by N. P. Shastina]. Moscow: Nauka, 1973, 439 p. (in Russian).

Malyavkin A. G. *Materialy po istorii uigurov v IX–XII vv. (Istoriya i kul'tura Vostoka Azii, Tom II)*. [Materials on the history of the Uyghurs in the 9th–12th centuries. (History and Culture of East Asia, Vol. II)]. Novosibirsk: Nauka, 1974, 210 p. (in Russian).

Materialy po istorii Kazakhstana i Tsentral'noy Azii [Materials on the history of Kazakhstan and Central Asia]. Vyp. 1. Sost. i otv. redaktor Zh. M. Tulibayeva. 2-ye izd., ispr. [Issue 1. Compiled and edited by Zh. M. Tulibayeva. 2nd ed., corrected]. Astana: Izdatel'stvo GU Natsional'nogo tsentra arkhografii i istochnikovedeniya, 2011. 276 p. (in Russian).

Materialy po istorii kirgizov i Kirgizii [Materials on the history of the Kirghiz and Kirghizia]. Vypusk 1 [Issue 1]. Moscow: Nauka, 1973, 280 p. (in Russian).

Pagsam-dzhonsan: Istoriya i khronologiya Tibeta [Pagsam-dzhonsan: History and chronology of Tibet]. Per. s tib. yaz., predisl., komment. R. E. Pubaeva [Transl. from Tibetan, preface, commentary by Dr. of Historical Sciences R. E. Pubaev]. Moscow: Nauka, 1991, 260 p. (in Russian).

Ramstedt G. I. Etimologiya imeni Oirat [Etymology of the Oirat name]. *Sbornik v chest' semidesyatiletiya G. N. Potanina. Zapiski IRGO po otdeleniyu etnografii* [Collection in honor of the seventieth anniversary of G. N. Potanin. IRGO Notes on the ethnography department]. T. XXXIV. [Vol. XXXIV] St. Petersburg: Tipografiya V. U. Kirshbauma (otdelenie), 1909, pp. 547–558 (in Russian).

Sanchirov V. P. “Kalmaki” v “Istorii” turetskogo avtora XVI v. Seyfi Chelebi [“Kalmaks” in the “History” of the Turkish author of the 16th century Seyfi Chelebi]. *Maloissledovannyye istochniki po istorii dorevolutsionnoi Kalmykii i zadachi ikh izucheniya na sovremennom etape* [Little researched sources on the history of pre-revolutionary Kalmykia and the tasks of their study at the present stage]. Elista: Kalmytskii NII istorii i filologii, 1987, pp. 6–27 (in Russian).

Sharaf ad-Din Ali Yazdi. *Zafar-Name* [Zafar-Nameh]. Per. so starouzbekskogo, komm. A. Akhmedova [Translated from Old Uzbek, commented by A. Akhmedov]. Tashkent: SANAT, 2008, 484 p. (in Russian).

Tenishev E. R., Todaeva B. Kh. *Yazyk zhyoltykh uigurov* [The language of the Yellow Uyghurs]. Moscow: Nauka, 1966, 84 p. (in Russian).

Tizengauzen V. G. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. *Tom II. Izvlecheniya iz persidskikh*

sochinenii, obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym [Vol. II. Extracts from Persian works, processed by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941, 308 p. (in Russian).

Uspenskii V. Strana Kuke-Nor, ili Tsinkhai, s pribavleniem kratkoi istorii oiratov i mongolov, po izgnanii poslednikh iz Kitaya, v svyazi s istoriei Kuke-Nora [The country of Kuke-Nor, or Qinghai, with the addition of a brief history of the Oirats and Mongols, after the expulsion of the latter from China, in connection with the history of Kuke-Nor] *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society]. 1880, Tom 6 [Vol. 6], pp. 59–196 (in Russian).

Vladimirtsov B. Ya. Obshchestvennyi stroi mongolov. Mongol'skii kochevoi feodalizm [Social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism]. *Vladimirtsov B. Ya. Raboty po istorii i etnografii mongol'skikh narodov* [Works on the history and ethnography of the Mongolian peoples]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2002, pp. 295–488 (in Russian).

Zhyoltaya istoriya (Shara tudzhi) [Yellow history (Shara tuji)]. Per. s mong., transliter., vved. i komm. A. D. Tsendinoi [Trans. from Mongolian, transliteration, introduction and commentary by A. D. Tsendina]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2017, 406 p. (in Russian).

Zlatkin I. Ya. *Istoriya Dzhungarskogo khanstva 1635–1758*. [History of the Dzungar Khanate. 1635–1758]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 1983, 332 p. (in Russian).

Zotov O. V. *Kitai i Vostochnyi Turkestan v XV–XVIII vv. Mezghosudarstvennye otnosheniya* [China and Eastern Turkestan in the 15th–18th centuries. Interstate Relations]. Moscow: Nauka, 1991. 168 p. (in Russian).

A Newe Mape of Tartary. *David Rumsey Map Collection*. URL: <https://www.davidrumsey.com/luna/servlet/workspace/handleMediaPlayer?lunaMediaId=RUMSEY~8~1~285388~90058061> (accessed March 20, 2025).

Bretschneider E. *Medieval Researches from Eastern Asiatic sources*. London, 1888, Vol. II, 352 p.

Das S. Ch. *A Tibetan-English Dictionary*. Calcutta: Published by the Bengal Secretariat Book Depot, 1902, 1353 p.

Dictionary of Ming Biography. 1368–1644. Vol. 2. New-York; London: Columbia University Press, 1968, pp. 1023–1751.

Elverskog J. *The Pearl Rosary. Mongol Historiography in Early Nineteenth Century Ordos*. The Mongolia Society, Inc., 2007, 196 p.

Hodong Kim. The Early History of the Moghul Nomads: the Legacy of the Chaghatai Khanate. *The Mongol Empire and its Legacy*. Ed. by Reuven Amitai-Preiss and David O. Morgan. Brill, 1999, pp. 290–318.

Islam and Tibet: Interactions Along the Musk Routes. Ed. Anna Akasoy, Charles Burnett, Ronit Yoeli-Tlalim. Ashgate, 2011, 391 p.

Jagchid S. Trade, peace and war between the nomadic Altaics and the agricultural Chinese. *Bulletin of the Institute of China Boarder Aare Studies*, 1970, № 7.

Jamsran L. Attempts to Overcome a Crisis of State: the Oirats Gain in Strength. *The History of Mongolia*. Vol. II. Part 3. Yuan and Late Medieval Period / ed. by D. Sneath and C. Kaplonski. Global Oriental, 2010, pp. 497–507.

Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Aria & Phillips ltd., 1975, 128 p.

Kwanten L. H. M. *Tibetan-Mongol Relations during the Yuan Dynasty. 1207–1368*. PhD diss. University of South Carolina Press, 1972, 131 p.

Miyawaki J. The birth of the Oyirad khanship. *Central Asiatic Journal*. 1997, no 41/1, pp. 38–75.

Mongols, Turks and Others. Eurasian Nomads and the Sedentary World. Ed. by Amitai Reuven and Biran Michal. Brill, 2005, 550 p.

Moses L. W. *The Political Role of Mongol Buddhism*. Indiana University Uralic Altaic Series. Vol. 133. Indiana University Press, 1977, 299 p.

Petech L. Tibetan Relations with Sung China and with the Mongols. *China Among Equals. The Middle Kingdom and its Neighbors, 10th — 14th Centuries* / ed. by M. Rossaby. Berkeley: University of California press, 1983, pp. 173–203.

Roerich G. *The Blue Annals*. Parts 1–2. Delhi, Patna, Varanasi: Motilal Banarsidass, 1949, 1275 p.

Rossabi M. *Khubilai Khan. His Life and Times*. Berkeley: University of California Press, 1988, 352 p.

Sela R. Central Asian Muslims on Tibetan Buddhism, 16th–18th Centuries. *Trails of the Tibetan Tradition. Papers for Elliot Sperling* / ed. by Roberto Vitali with assistance from Gedun Rabsal and Nicole Willock. Dharamshala (H. P.), India: LTWA, 2014, pp. 345–359.

Serruys H. The Office of Tayisi in Mongolia in the fifteenth Century. *Harvard Journal of Asiatic Studies*, 1977, vol. 37, no 2, pp. 353–380

Sneath D. *The Headless State: Aristocratic Orders, Kinship Society, and the Misrepresentation of Nomadic Inner Asia*. Columbia University Press, 2007, 273 p.

Tibetan Vocabulary URL: <https://sites.google.com/view/tibvocab/home> (accessed May 25, 2025).

Tshal pa kun dga rdo rje brtsams. *Deb ther dmar po* (Red Book). Beijing, 1981, 955p. (in Tibetan).

Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Vol. 1. Roma, 1949, xv+327 p.

Vitaly Roberto. *Early bka' brgyud pa Masters in the Lands on the "Upper Side" (1191–1344)*. Dharamshala: Mutag books, 2024, 390 p.

Wylie T. V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asian studies*. 1977, Vol. 37, no 1, pp. 103–133.

Wylie T. V. *The Geography of Tibet According to the "Dzam-gling-rgyas-bshad"*. Roma: Is. M. E. O., 1962, 286 p.

Ljjei G. *Oyirad-un teüke šasin-u sudulul* [A Study of History of Buddhism among the Oirats]. Urumji: Šinjijyang-un arad-un keblel-ün qorii-a, 2002, 248 p. (in Old Mong.)

明师 [Míng shī]. 卷331 [volume 331]. 列传第219节 [biographies, chapter 219]. 西域 [western regions] 第3部分 [part 3]. , pp. 8571–8591 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 08.07.2025

Принята к публикации: 10.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 902/904+297.17 +316.472.45

DOI 10.14258/nreur(2025)4–08

*А. Г. Баимов, А. И. Тузбеков**Институт этнологических исследований УФИЦ РАН, Уфа (Россия)*

ЭЗОТЕРИКИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: НЕТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В статье рассматриваются процессы сакрализации археологических памятников представителями эзотерических учений на территории Республики Башкортостан. В качестве основного источника эмпирических данных использованы открытые материалы социальной сети «ВКонтакте».

На первом этапе исследования была проведена тематическая классификация аккаунтов и групп, что позволило выделить эзотерический дискурс. Впервые был проведён систематический анализ сообществ и пользователей, регулярно проводящих эзотерические ритуалы на археологических объектах региона.

Применение количественных методов нетнографии позволило определить демографические характеристики участников: их возраст, пол и географическое положение. Качественный анализ был реализован через иммерсивное погружение в контент публикаций. Такой подход позволил реконструировать особенности ритуалов, символику и мировоззренческие установки эзотериков, а также выявить ранее неизвестный объект сакрализации, не входивший в первоначальную выборку.

Методологическая особенность работы заключается в сочетании цифровых и полевых данных. Для верификации онлайн-материалов использовались многолетние экспедиционные наблюдения. Нетнография показала высокую эффективность в исследовании «скрытых» участников эзотерических практик, углубила понимание современных форм сакрализации культурного наследия и подтвердила свою ценность как междисциплинарного метода на стыке археологии, этнологии, религиоведения и социологии.

Ключевые слова: археологическое наследие, эзотерики, «места силы», социальные сети, нетнография.

Для цитирования:

Баимов А. Г., Тузбеков А. И. Эзотерики в археологическом пространстве республики Башкортостан: нетнографическое исследование // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 165–186. DOI 10.14258/nreur(2025)4–08.

Айрат Гайсарович Баимов – младший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева

Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа (Россия). **Адрес для контактов:** baimov.airat@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8985-0676>

Айну́р Ильфа́тович Тузбе́ков — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий отделом археологического наследия Южного Урала Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, Уфа (Россия). **Адрес для контактов:** aitzubekov@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-5895-9826>

A. G. Baimov, A. I. Tuzbekov

Institute of Ethnological Research UFIC RAS, Ufa (Russia)

ESOTERICA IN THE ARCHAEOLOGICAL SPACE OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: NETNOGRAPHIC RESEARCH

The article examines the processes of sacralization of archaeological sites by adherents of esoteric teachings in the Republic of Bashkortostan. Open materials from the social network “VKontakte” served as the primary source of empirical data.

At the initial stage of the study, a thematic classification of accounts and groups was conducted, which enabled the identification of esoteric discourse. For the first time, a systematic analysis was performed on communities and users regularly conducting esoteric rituals at archaeological sites in the region.

The application of quantitative netnography methods allowed for the determination of participants’ demographic characteristics, including age, gender, and geographic location. Qualitative analysis was implemented through immersive engagement with the content of posts. This approach facilitated the reconstruction of ritual characteristics, symbolism, and the worldview of esoteric practitioners, as well as the identification of a previously undocumented sacralized object not included in the initial sample.

The methodological distinctiveness of the study lies in the integration of digital and field data. Long-term expeditionary observations were used to verify online materials. Netnography demonstrated high effectiveness in studying “hidden” participants of esoteric practices, deepened the understanding of contemporary forms of cultural heritage sacralization, and confirmed its value as an interdisciplinary method at the intersection of archaeology, ethnology, religious studies, and sociology.

Keywords: archaeological heritage, esotericists, “places of power”, social network, netnography

For citation:

Baimov A. G., Tuzbekov A. I. Esoterica in the archaeological space of the Republic of Bashkortostan: netnographic research. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 165–186 (in Russian). DOI. 10.14258/nreur(2025)4–08

Ayrat Gaisarovich Baimov — junior researcher Department of Archaeological Heritage of the South Ural Institute of Ethnological Research named after. R. G. Kuzeev Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, (Russia). **Contact address:** baimov.airat@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8985-0676>

Ainur Ilfatovich Tuzbekov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Department of Archaeological Heritage of the Southern Urals of the Institute of Ethnological Research named after. R. G. Kuzeev Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa (Russia). **Contact address:** aituzbekov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-5895-9826>

Введение

Исследования показывают, что из более чем 3,5 тыс. памятников археологии Республики Башкортостан около 120 активно используется всевозможными политическими, националистическими, религиозными, неоязыческими и различными другими группами. Научное сообщество, в советские годы имевшее «исключительные знания» об объектах археологии и их местонахождении, в постсоветский период обнаружило, что памятники начали активно «осваиваться» жителями страны, а на некоторых из них эти процессы приобрели поистине стихийный характер. В крайних случаях это приводит к полному или частичному разрушению объекты археологического наследия (ОАН), как это произошло с Мегалитическим комплексом Ахуново [Бахшиев, 2010].

На сегодняшний день сакрализация археологических памятников рассматривается исследователями в различных контекстах:

1. Археология как основа для конструирования религиозной [Юнусова, 2015: 106–115], этнической [Тузбеков, 2013: 99–102; Шнирельман 2015, с. 53–64], региональной [Михайлов, 2013: 37–51; Шнирельман, 2015: 53–64] идентичностей;

2. Археологический памятник как туристический объект [Корандей, Арапов, 2023: 175–198];

3. Общие признаки сакрализации археологического памятника [Ахатов, Бахшиев, Тузбеков, 2016: 33–42; Тузбеков, 2018: 78–85];

4. Сакрализация отдельных объектов культурного наследия [Селезнев 2014: 41–59; Тузбеков, Бахшиев, 2015: 103–107; Ахатов, Тузбеков, 2012: 25–30; Силина, 2015: 422–437];

5. Факторы, определяющие мобилизующий потенциал объекта культурного наследия [Михайлов, 2015: 121–126; Белолипецкая, 2010: 69–77].

Особый интерес для нас представляют исследования, посвященные эзотерикам, осуществляющим практики на памятниках археологии [Белолипецкая, 2008: 20–23; Сили-

на, 2009: 211–223; Куприянова, 2014: 146–161; Шнирельман, 2015]. В данных работах описываются процессы, протекающие на памятниках Аркаим, Остров Веры и других объектах Челябинской области.

В ходе многолетних экспедиционных выездов, сотрудниками Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН неоднократно фиксировались следы проведения различных ритуалов на археологических объектах Республики Башкортостан. Было установлено, что часть археологических памятников стали активно посещать последователи неосуфийского тариката хаккани [Тузбеков, Бахшиев, 2015: 103–107; Явная, 2023: 105–112; Хабибулина, Тузбеков, 2023: 38–79] и представители различных эзотерических учений. Они получили новый импульс развития исходя из существующих реалий. Лидеры сообществ актуализировали старые и придумали новые легенды, наделяя эти места новыми сверхъестественными особенностями.

В предшествовавших исследованиях были рассмотрены вопросы, связанные с изучением процессов формирования новых сакральных пространств на археологических памятниках Республики Башкортостан, однако деятельность эзотериков в данном контексте до сих пор оставалась за пределами внимания исследователей.

Целью данной работы является изучение процессов сакрализации археологических памятников Республики Башкортостан представителями эзотерических учений.

В соответствии с целью исследования, мы ставим перед собой следующие *задачи*:

- 1) выделить наиболее посещаемые эзотериками памятники археологии Республики Башкортостан;
- 2) дать половозрастную характеристику эзотериков, участвующих в сакрализации памятников археологии Республики Башкортостан и установить географию их проживания;
- 3) определить значение и роль сакрализованных объектов археологии Республики Башкортостан для эзотериков;
- 4) выявить наиболее распространенные обряды и ритуалы, осуществляемые эзотериками на объектах археологии Республики Башкортостан.

Ввиду обширного количества различных эзотерических учений и неохотного желания их представителей становиться объектами исследования, нами было принято решение использовать междисциплинарное научное направление Digital Humanities (DH) [Таллер, 2012].

Для достижения поставленной цели и решения задач в рамках DH нами был использован нетнографический подход. Термин «нетнография» ввел в научный оборот Роберт Козинец в конце 1990-х гг. [Kozinets, 1998]. За последние три десятилетия нетнография отделилась от родственных направлений, таких как виртуальная этнография и цифровая этнография. Нетнография определяется как постоянно развивающийся качественный исследовательский подход, который предполагает систематическое, иммерсивное и мультимодальное использование наблюдений, цифровых следов и/или извлечения информации [Kozinets, 2020a, 2020b]. На сегодняшний день Р. Козинец предлагает использовать свой подход при анализе именно социальных сетей.

Методы нетнографии были подробно описаны и апробированы в предшествующих исследованиях. Полученные цифровые данные показали хорошую корреляцию с полевыми материалами [Хабибуллина, Тузбеков, 2023: 38–79].

Для нашего исследования, с учетом уже имеющегося полевого материала по теме, применение методов нетнографии имеет ряд преимуществ:

- 1) значительно увеличивается количество источников и объем обрабатываемой информации;
- 2) ведение наблюдения за объектом исследования происходит скрыто, что исключает возможность влияния исследователя и информанта друг на друга;
- 3) цифровой анализ позволяет получить некоторые данные, намеренно или непреднамеренно скрываемые от глаз *offline* исследователя.

В качестве поля исследования была выбрана социальная сеть ВКонтакте, наиболее посещаемая в России и пользующаяся популярностью среди разных возрастов вне зависимости от гендерной принадлежности [Социальные сети в России: цифры и тренды, 2023].

Сбор необходимой статистической и иной информации был осуществлен с помощью сервиса автоматизированного сбора информации «VK.Barkov.net: поиск целевой аудитории в соцсетях» [VK.Barkov.net: поиск целевой аудитории в соцсетях, <https://vk.barkov.net>] (далее – парсер). Выбор обозначенного парсера обусловлен его удобством и доступностью, а также наличием всех необходимых для данного исследования инструментов, таких, как «поиск по новостям и хештегам ВК», «анализ любой аудитории пользователей» и возможностью выгрузки полученных данных в формате «Excel» для анализа и создания сводных таблиц. Функционал сервиса позволяет осуществлять сбор информации только из открытых страниц, т.е. используются материалы исключительно из открытых источников, что позволяет снять вопрос об этичности использования полученного материала.

Необходимо отметить, что термин «эзотерика» в данном исследовании нами рассматривается в рамках представлений Е. Г. Балагушкина как широкий спектр направлений духовно-ориентированных учений: от пропаганды оккультно-мистических познаний и неоязыческих религий до различных видов психодуховных практик, включая альтернативную медицину [Балагушкин, 2002: 248].

Полевой, источниковый и историографический анализы

Первоначально, используя материалы полевых экспедиций Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН 2015–2023 гг., в ходе которых на археологических памятниках были зафиксированы следы ритуальных действий (возведение ограждений, новых сооружений, насыпей; нанесение различных знаков, рисунков, надписей; подвязывание ленточек, платков; оставление «даров» в виде монет, украшений, зернышек и пр.) и осуществив пространственный анализ данных [Валеева, Тузбеков 2023: 5–18], нами были выделены 4 самых популярных сакрализованных объекта археологического наследия на территории Республики Башкортостан, которые регулярно посещаются эзотериками.

Каменная выкладка на горе Ауштау (Ауштау). Объект расположен на вершине горы, находящейся на западном берегу оз. Аушкуль (Учалинский район Республики

Башкортостан), представляет собой каменную оградку или курган, в центре которого находится захоронение [Савельев, 2012: 164]. Памятник предположительно датируется XIII в., на что указывает эпитафия на надгробном камне, где указан 651 год хиджры (1253 г.). Археологически объект не изучен, но ряд исследователей в своих работах неоднократно описывали данное место [Савельев, 2012: 128–166]. В настоящее время памятник регулярно посещают паломники, возле него проводятся различные ритуалы и обряды. В качестве жертвоприношений оставляют монеты, камни, лоскутки ткани, пища и т.д.

Ильчигуловский IV могильник (гора Нарыстау). Данный курганный могильник находится на горе Нарыстау в Миякинском районе Республики Башкортостан. Памятник был изучен Г.Н. Гарусовичем в 1986 г. [Гарустович, 1986]. Специалисты соотносят данное погребение с кочевниками XIV в. В настоящее время объект имеет большую популярность у эзотериков и мусульманского населения региона, в особенности среди последователей неосуфийского тариката хаккани [Ахатов, Бахшиев, Тузбеков, 2016: 33–44].

Памятник археологии Мегалитический комплекс Ахуново (Ахуновские менгиры). Памятник открыт в 1996 г. и включает в себя 13 вертикально установленных менгиров. В ходе археологических исследований выявлен керамический материал, датирующийся эпохой поздней бронзы и относящийся к межовской и черкаскульской археологическим культурам. В результате археоастрономических исследований, А.К. Кирилов предположил, что мегалитический комплекс мог использоваться в древности в качестве астрономического комплекса [Петров, Кирилов, 2007: 19–23]. В 2010 г. 5 из 13 менгиров были подвергнуты целенаправленному разрушению [Бахшиев, 2010]. В настоящее время памятник регулярно посещается людьми. Вблизи него эзотерики проводят различные ритуалы и обряды.

Мавзолей Тура-хана (Турахан). Является памятником архитектуры XIV в., местом погребения людей, предположительно относившихся к золотоордынской аристократии. Представляет собой конструкцию из камня портално-купольного типа, с граненым пирамидальным куполом (шатром), отдельно пристроенной порталной восточной входной группой. Впервые памятник был описан в 1772 г. П.И. Рычковым [Рычков, 1772] и другими исследователями. Археологическое изучение памятника и прилегающей территории проводилось Г.В. Юсуповым, Е.А. Хворостовой, Р.Р. Насретдиновым. До середины XX в. мавзолей Тура-хана, наряду с мавзолеем Хусейн-бека, был одним из объектов паломничества мусульман, который со временем утратил свою значимость. В последние годы интерес к памятнику возрождается, растет количество посетителей, число которых в выходные дни может достигать до нескольких десятков. На памятнике регулярно фиксируются монеты, ленточки, записки с желаниями, оставленные посетителями [Ахатов, Бахшиев, Тузбеков, 2016: 33–44].

Необходимо сразу отметить, что Мавзолей Тура-хана и Мавзолей Хусейн-бека, известные мусульманские святыни, в последние годы все меньше привлекают внимание эзотериков. В рамках создания Евразийского музея кочевых цивилизаций на объектах постоянно работают различные специалисты и археологи, что практически исключает возможность проведения различных обрядов.

Парсинг и машинный анализ данных

Для решения второй задачи с помощью парсера в социальной сети ВКонтакте был осуществлен сбор всех публикаций, которые содержат ключевые слова: «Ауштау», «Әуештау» (на башк. яз.), «Нарыстау», «Ахуновские менгиры», «Ахун менгирзары» (на башк. яз.), «Турахан». В результате было обнаружено 2273 публикации с упоминанием интересующих нас археологических памятников, сделанных 1071 уникальным пользователем.

Ранжирование рассматриваемых памятников по упоминаемости среди всех пользователей во ВКонтакте позволило определить следующее: наибольшую популярность имеет археологический объект Ауштау (упомянули 500 пользователей), затем объект Нарыстау (418 пользователей), Ахуновские менгиры (126 пользователей), Мавзолей Тура-хана (27 пользователей).

Далее была осуществлена группировка аккаунтов пользователей, связанных друг с другом больше, чем с остальными, что в дальнейшем позволило выделить из всего массива аккаунты, в которых интересующие нас археологические памятники упоминаются в контексте эзотерических объектов.

После детального изучения каждого аккаунта страницы пользователей, в зависимости от тематики публикуемых ими материалов, были объединены в несколько условных групп. Наибольший интерес среди них для изучения сакрализации археологических объектов эзотериками представляют следующие:

1. «Туристы» — пользователи, самостоятельно посетившие археологические памятники в качестве туристов и написавшие отзыв о поездке. Туристы считают археологические объекты «местом силы», но не являются последователями определенного эзотерического учения (320 аккаунтов);

2. «Туроператоры» — пользователи, опубликовавшие информацию об археологических памятниках как о сакральных местах. Данные аккаунты реализуют туристические поездки на эти объекты, при этом активно используют «эзотерический нарратив» для привлечения внимания клиентов (233 аккаунта);

3. «Эзотерики» — пользователи, рассматривающие указанные археологические памятники как «места силы», исповедующие и пропагандирующие определенное эзотерическое учение, проводящее обряды на ОАН (55 аккаунтов). Считаем необходимым также перечислить не вошедшие в исследование, но выделенные нами группы;

4. «Локальные сообщества» — группы, публикующие объявления и новости локального характера (сообщества типа «подслушано», «черное и белое» и др.) (191 аккаунт);

5. «Официальные страницы госучреждений, профсоюзов и предприятий» — помимо перечисленных структур в эту же категорию вошли аккаунты централизованных печатных изданий и СМИ (162 аккаунта);

6. «Тематические сообщества» — группы, на стене которых имеются общие сведения об археологических памятниках нейтрального содержания (67 аккаунтов);

7. «Официальные страницы духовных управлений мусульман», «хаканиты», «салафиты» — пользователи и группы, опубликовавшие информацию о своем отношении к археологическим объектам с точки зрения ислама (28 аккаунтов);

8. «Эксперты» — ученые и специалисты, публикующие информацию о памятниках археологии с научной позиции (12 аккаунтов);

9. «Башкирские националисты» — лица, использующие археологические памятники в контексте собственных представлений о происхождении своего этноса (3 аккаунта).

В публикациях данных групп эзотерический компонент отсутствует, результаты их анализа выходят за пределы данного исследования.

Половозрастной состав, география участников группы 3

Первоначально была проанализирована наиболее интересная для нашего исследования группа № 3. Аккаунты данной группы были объединены в одну, как последователи какого-либо эзотерического учения, так как все они так или иначе ассоциируют археологические памятники с «местом силы», которое может принести «физическое и духовное исцеление», исполнить желание при условии выполнения на нем определенных обрядов.

Анализ анкетных данных пользователей позволил установить, что 90% аккаунтов зарегистрированы как женщины, 45% из которых находятся в возрасте от 35 до 39 лет. Свое место жительства в анкете указали 25 пользователей из 55, среди которых 9 из Уфы, 8 из Челябинска, двое из Магнитогорска, по одному представителю из городов Белорецк, Мегион, Стерлитамак, Екатеринбург, Москва, Учалы.

В ходе анализа публикаций было установлено, что среди рассмотренных памятников наиболее часто упоминаемыми среди группы 3 являются Ахуновские менгиры (Мегалитический комплекс Ахуново) — упомянули 25 раз и Ауштау (Каменная выкладка на горе Ауштау) — 23 раза, существенно меньший интерес для данной группы представляет памятник Нарыстау (Ильчигуловский IV могильник) — отмечен 7 раз. Отсутствие отметок о Мавзолее Тура-хана может быть связано с пристальным вниманием к памятнику со стороны государственных органов по охране недвижимых объектов культурного наследия [Башкультурнаследием выявлен факт акта вандализма, https://vk.com/im?sel=78683858&w=wall-131796757_1820%2Fe76038aaafbe4f3c52], а также большому количеству материалов о нем в СМИ как о мусульманской святыне.

Следует отметить, что отличительной особенностью группы 3 от остальных является минимальное количество личных данных при достаточно развернутой информации о пропагандируемом ими учении.

Половозрастной состав, география участников групп 1 и 2

Изучение текстов, оставленных аккаунтами из групп 1 и 2, показало, что словосочетание «место силы» широко используется «туроператорами», как слоган для привлечения клиентов, а также туристами. В этой связи аккаунты, отнесенные в эти группы, также представляют интерес для изучения эзотерического контекста в сакрализации археологических объектов на территории Республики Башкортостан.

Первоначально был определен половозрастной состав пользователей из группы 1, описавших поездку на рассматриваемые археологические объекты в качестве туристов. В результате было установлено, что большинство из них принадлежат женщинам (81,64%), старше 35 лет. Среди мужчин выделяется одна возрастная группа 40–44 года. При просмотре их страниц выявлено большое количество фотографий и любителей активного отдыха.

Что касается места жительства, то 105 из 142 аккаунтов, упоминающих в сообщениях поездку на Ауштау, указали в анкете родной город. Из них 38 являются жителями Челябинска, 12 из Уфы, 10 — Миасс, 7 — Кыштым, 6 — Екатеринбург, 3 — Копейск, по 2 — городов Чебаркуль, Учалы, Озерск, 23 пользователя отметили «другой город».

Среди посетивших Ахуновские менгиры свою локацию указали 28 пользователей из 38. Из них 6 человек из Магнитогорска, 5 из Уфы, 5 — Челябинск, 3 — Учалы, 2 — Санкт-Петербург, по одному из городов Салават, Усть-Катав, Белорецк, Москва, 3 аккаунта указали в качестве места проживания «другой город».

Так как страницы туроператоров ведутся администраторами от имени юридического лица и могут быть зарегистрированы на кого угодно, проведение половозрастного анализа группы 2 мы сочли нецелесообразным и больше внимания уделили их географическому расположению.

Из 155 подписчиков группы 2, упомянувших на своих страницах памятник Ауштау, 34 аккаунта указали город. Среди них: 13 находятся в Челябинске, по 4 из городов Учалы, Миасс, Уфа, двое из Златоуста, по одному из городов Оренбург, Пермь, Копейск, Сатка, Еманжелинск. Два пользователя указали «другие города».

В анкетах пользователей, упоминавших Ахуновские менгиры, локация указана лишь в 4 из 21 анкеты. Из них двое находятся в Уфе, по одному из Учалов и п. Теректа Челябинской области.

Изучение анкет, в которых есть упоминание о Нарыстау, позволило установить, что 7 из них находятся в Уфе, 2 в Нефтекамске, по одному в городах Благовещенск, Давлеканово, Стерлитамак, Учалы, Туймазы, Салават и селе Кушнаренково.

Турахан упоминается только в сообщениях двух авторов, среди которых лишь один указал, что живет в Уфе.

Несмотря на то, что Каменная выкладка на горе Ауштау и Ахуновские менгиры расположены в Республике Башкортостан, они пользуются наибольшей популярностью у эзотериков, проживающих в Челябинской области. Среди посетителей Нарыстау и Мавзолея Турахана большая часть пользователей являются жителями Республики Башкортостан.

В ходе изучения сообщений установлено, что многие туроператоры рассматриваемые объекты включают в состав одного маршрута. Учитывая то, что в районах Республики Башкортостан нет достаточного количества инфраструктурных объектов (гостиниц, кемпингов и т. д.), наибольшим спросом у населения пользуются однодневные маршруты. В этой связи туры с посещением Ауштау и Ахуновских менгиров, которые расположены ближе к городам Челябинск, Миасс и др., предлагают туроператоры из Челябинской области, а на Нарыстау и Мавзолей Турахана организуются поездки из Уфы («Terra Bashkiria» [TERRA BASHKIRIA Душа Урала, сердце Евразии, <https://terrabashkiria.ru/>], проект «Башкирское долголетие. Туризм» [Проект Республики Башкортостан «Башкирское долголетие. Туризм», <https://xn-clabeaorbvc6b.xn-90alcrhmdckk5a.xn-p1ai/>]).

Исходя из вышесказанного можем сделать вывод о преимущественно экзотерриториальном характере проникновения эзотерических практик, осуществляемых на археологических памятниках, находящихся в Башкортостане.

Иммерсивный анализ текстов

Для определения значения и роли сакрализованных объектов археологии Республики Башкортостан для различных групп эзотериков и описания обрядов и ритуалов, осуществляемых на них, был произведен иммерсивный анализ сообщений. Из общего массива публикаций были выделены публикации, описывающие процессы, протекающие на ОАН, их значение и интерпретация.

Иерархия ОАН в «эзотерическом мире»

Как было указано ранее, самым упоминаемым эзотериками археологическим памятником стал Мегалитический комплекс Ахуново. Данный объект состоит из 13 менгиров. Существует мнение, что менгир № 1 и менгир № 2 указывают направление с юга на север с отклонением в 13 градусов от магнитного полюса Земли. Также утверждается, что на расстоянии 13 км на западе от Ахуновских менгиров находится гора Услутау, которая имеет высоту 666 м.

Заметим, что вершина Тибетского Кайласа — мирового места поклонения, расположена на высоте 6666 метров. Странное совпадение! Находясь на Ахуновском мегалитическом памятнике, можно заметить, что весной и осенью, в дни Равноденствия, солнце садится именно за Услутау. А это уже не может быть простым совпадением. Услутау в переводе с башкирского означает «пиковая вершина» (сообщество в социальной сети «ВКонтакте» «ВБлесовЪ КругЪ», дата публикации 12 октября 2016 г.).

Сообщается, что в окрестностях находятся 13 так называемых чаш желаний, хаотично разбросанных в лесу.

Не без приключений находим каменные чаши желаний. Они представляют собой огромные каменные глыбы разной высоты. Внутри некоторых камней есть углубления, в которых накапливается вода, которая не исчезает, несмотря на погоду. Вода прозрачная, в ней отражается небо и облака, плавают листья и иголки от сосен. Всего в лесу находится 13 чаш, все они разбросаны по территории (Елена Р., Челябинск).

Также удалось установить, что Мегалитический комплекс Ахуново, помимо «чаш желаний», в ряде случаев рассматривается эзотериками, в совокупности с другим археологическим памятником — «Ново-Байрамгулово-1, поселение» («святилище Бакшай»). Таким образом, применение иммерсивного анализа постов позволило выявить и рассмотреть ещё один важный для эзотериков объект, ранее не входивший в выборку.

Ново-Байрамгулово-1, поселение (Святилище Бакшай) расположено в 2,4 км к юго-востоку от д. Ново-Байрамгулово, в 1,4 км севернее д. Гадельшино. Памятник открыт в 1965 г. Н.А. Мажитовым [Мажитов, 1965: 2]. Раскопками под напластованиями эпохи бронзы обнаружены остатки крупного сооружения (рвы и столбовые ямы), датирующиеся, вероятно, эпохой энеолита и являющегося культовым объектом.

По ключевому слову «святилище Бакшай» парсер обнаружил 29 публикаций, из которых 19 имеют явный эзотерический контекст. Всего в интересующем нас ключе об ОАН написали 13 уникальных пользователей, при этом 8 из них — это сообщества (туроператоры и тематические группы). Среди оставшихся пяти пользователей двое являются мужчинами, три — это женщины. Мужчины относятся к одной возрастной группе 40–44 года, а женщины — 36, 58 и 70 лет. Любопытно, что возраст вовлечения

как мужчин, так и женщин совпал с данными, полученными по объектам, включенным в выборку. Все пять пользователей являются жителями Челябинской области.

По наделяемым значениям установлено, что, например, инглиисты рассматривают Ахуновские менгиры и Ново-Байрамгулово-1, поселение (Святилище Бакшай) как «прародину древних славян» наравне с укрепленным поселением Аркаим и другими поселениями эпохи бронзы схожего типа.

Поездка на Бакшай — моя мечта. Мы ездили туда четыре года назад, весной. И с тех пор в наших сердцах живёт любовь к этому месту. К долине, полной тайн, к камням, свидетелями чудес, к рекам, сливающим три русла в одно, третье по своей протяженности в Европе Урал уступает по длине только Волге и Дунаю.

Древнейшее святилище арийских предков тут расположили не случайно. Прямо на границе Европы и Азии, с ориентиром на гору Ирмель (Меру) предки поклонялись Солнцу, радовались Свету и наполнялись энергией Вселенной.

Тогда, четыре года назад, я приехала сюда без сил и энергии жить, буквально умирая, а через два часа уехала наполненной и счастливой. С тех пор моё сердце своей частичкой живёт тут. Путь не близкий, но он того стоит. По дороге мы посетим Ахуновские менгиры — древнейшая обсерватория, древнее Аркаима, Ахуново сравнивают со Стоунхенджем, только тут тоже все древнее и, однозначно, Бакшай связан с обсерваторией в Ахуново. Тот же народ ставил эти мегалиты, размещая их с уникальным точным астрономическим расчётом... (Екатерина М., Челябинск).

Одной из вероятных причин сакрализации данных археологических объектов является форма круга, которая, по мнению инглиистов, олицетворяет солнце.

Бакшай до странности подобен Стоунхенджу (Англия, графство Уилтшир). Те же земляные валы и рвы, выстроенные в правильный круг, а круг был одним из священных образов древних ариев» (сообщество во «ВКонтакте» «Наследие древних цивилизаций. Наука, артефакты, дата публикации 15 сентября 2023 г.)

Популярность Ахуновских менгиров среди эзотериков, на наш взгляд, обусловлена наличием целого ряда научных и научно-популярных публикаций, в которых объект позиционируется как древняя астрономическая обсерватория [Потемкина 2011, 11–35]. Существенный вклад в популяризацию памятника среди любителей «сверхестественных явлений» и уфологов, внес знаменитый уфимский офтальмолог и автор эзотерических книг Э. Мулдашев [Мулдашев, 2009: 528]. Благодаря известности Э. Мулдашева как высококлассного офтальмолога и глазного хирурга с мировым именем, его труды в области эзотерики также пользуются большой популярностью. Его интервью неоднократно транслировались на федеральных телевизионных каналах [Тайны века — Мулдашев. Живая мертвая вода, <https://www.youtube.com/watch?v=dkCi5wEadwk>].

Исследование личных страниц, вошедших в выборку пользователей, показало, что в основном это люди, осуществляющие различные виды психопрактик, направленные на духовное очищение, а также представители альтернативных направлений медицины (астрологи, тарологи, тета-практики, нумерологии, секта «сюцай», практика «рэйки», гирудотерапия и др.). Большинство организаторов туров на «места силы» предлагают свои услуги за плату, стоимость тура зависит от количества участников в одной группе, чем меньше группа, тем выше стоимость предлагаемых услуг. Напри-

мер, цены на наиболее дешевые «психотуры» для групп из 20 человек варьируются в пределах от 1,5 до 2 тыс. руб., индивидуальные туры могут достигать 110 тыс. рублей.

Обряды

Не все эзотерики поддерживают практику проведения устоявшихся ритуалов на археологических памятниках.

Среди паломников широко распространен обряд: если взять у подножия камень и донести его до вершины, то искупятся грехи. Также необходимо обойти могилу и повязать ленточку на дерево. Однако подобные действия не имеют никакого смысла и наносят урон древнему погребению. На пути к вершине установлены информационные таблички, но судя по тому, что каменная насыпь постепенно растет, а ветки деревьев «цветут» трикотажем, правила соблюдают не все (Алтын Х., Магнитогорск). Также некоторые считают, что для посещения памятника не стоит выбирать время с апреля по июнь, так как в этот период появляется вода в источнике, из-за чего много мусульманских паломников.

Источник Аулия бьет где-то в мае-июне, и тогда здесь делать простым туристам нечего. Сюда съезжаются мусульмане, у них праздник, лучше не мешать (Екатерина М., Екатеринбург).

Но всё же в большинстве случаев, вне зависимости от направлений эзотерического учения, памятники археологии посещаются с целью проведения определенных обрядов. Благоприятными для этого считаются дни летнего или зимнего солнцестояния, а также весеннего или осеннего равноденствия. Помимо этого, туры осуществляются в значимые дни для определенных эзотерических учений. Так, например, часто астрологи и тарологи водят группы туристов на Ахуновские менгиры 12 августа. Эта дата в астрологии является началом нового времени, когда закрываются «врата льва». Считается, что знак льва находится под управлением солнца.

12 августа — начало нового времени... вот и будем проходить ритуал «Врата перехода». 12–13 августа мы едем на Ахуновские Менгиры. О них знают ещё немногие, пока там очень чистое, девственно-безопасное пространство с космической энергией трансформации. Места силы бывают разные и по-разному контактируют с людьми, это место пристраивает баланс проявления в этом мире. (Надежда Ш., Екатеринбург).

Перед посещением «мест силы» принято совершать определенные «ритуалы очищения». Например, в качестве таких обрядов на горе Ауштау считается возложение камней к каменной оградке, расположенной на вершине горы. Камень необходимо взять у основания горы и преодолеть весь затяжной подъем. В данном случае камень символизирует грехи человека, от которых необходимо избавиться, оставив на вершине, для «духовного возрождения».

Ауштау. Священное место для мусульман. Многие читали легенду, и я в том числе. Три раза поднялась на неё. Два из них с камнями для того, чтобы оставить свою «ношу», то есть то, от чего хочу избавиться. Подъем давался легко. А вот третий раз я не забуду никогда.

По запланированному маршруту с группой ZavDrive, после Нурали — посещение Ауштау. Взяла камень на хребте. Выбирала сердцем, тот к которому потянуло и захотелось взять для передачи энергии от одной горы на другую. По пути передумала,

задумала поступить также, как первые два посещения. Уже у подножия Ауштау, чувствую, что-то не так. Не идёт мне «изнутри» оставлять «грех» у захоронения. С самого начала подъёма ноги ватные, тяжёлые, не идут как будто. Мысленно обращаюсь с вопросом «что не так?». Встречный внутренний вопрос к себе «а для чего выбирала камень и как?». Сразу ответ — выбирала сердцем. А что у тебя на сердце? Любовь, радость, благодарность. После внутреннего принятия решения нести камень с любовью, мне стало идти вверх легко и свободно. Хотите верьте, хотите нет.

Достаточно на горе Ауштау людских «грехов» за столько лет. Не пора ли изменить традицию и нести Духу горы свою Любовь? С нас не убудет, а ему станет счастливее (Антонина Ж., Миасс).

Считается, что перед восхождением на гору Нарыстау, необходимо принять обряд очищения в виде купания в специально оборудованной купели со «святой водой», температура которой, вне зависимости от погоды и времени года, составляет +5 °С. После подъёма к захоронению паломники должны совершить обрядовое действие в виде обхода могилы 7 раз и загадать желание.

Как и у любой святыни любой религии, у священной горы Нарыстау тоже есть поверье, согласно которому нужно загадать три желания и обойти захоронение семь раз, после чего они обязательно исполнятся» (Айгуль Ж., Стерлитамак).

Перед посещением Мегалитического комплекса Ахуново группы туристов под руководством эзотериков первоначально посещают «чаши желаний». Считается, что в одной из них находится «мертвая вода», а в другой — «живая». Проводя ритуал с «мертвой водой», избавляются от старого, грешного тела, после чего возрождаются заново при помощи чаши с «живой водой».

Также поедem к 13 ахуновским менгирам. Здесь мы выстроим связь с древней цивилизацией камней и получим умение работать с камнями. На первом менгире проведём работу на мужскую силу, Ян, на энергию Творчества. На втором менгире проведём работу на женскую силу, Инь, энергию Гармонии. Установим связь с нашими космическими предками. Каждый участник получит мудрый совет от хранителей камней. Рядом с менгирами расположены каменные чаши исполнения желаний. На востоке — чаши с живой водой, на западе — чаши с мёртвой водой. Всё, что отработало и должно уйти, уберём мёртвой водой. Всё, что должно восстановиться, оживиться, прорасти — напитаем живой водой. И конечно же, загадаем сокровенные желания (Лада Т., Уфа).

Также фиксируется практика изготовления предметов ритуального характера из природного сырья, добытого в окрестностях так называемых мест силы, в том числе с целью дальнейшей их реализации. Такие предметы «наделяются» различными магическими свойствами или предназначены для «духовного очищения».

Привезла Полюнь с Нарыстау, скоро буду сотворять с ней свечи на очищение. Нарыстау — это священное место. Место силы. (Лиля П., Уфа).

Помимо обязательного обряда очищения, прослеживается еще одна общая для рассматриваемых памятников особенность (за исключением Мавзолея Тура-хана), во всех случаях рядом с памятниками имеются территории с «женской энергетикой».

На горе Ауштау такой территорией является остров в форме «сердца» посреди озера Аушкуль, который виден с вершины горы.

Сегодня прекрасной женской компанией гоняли в Башкирию на озеро Аушкуль и забирались на гору Ауштау. Я очень давно хотела там побывать чисто с туристическим интересом — вид с хребта на озеро с островом-сердечком меня манил. Но перед поездкой я немного изучила вопрос и вычитала, что это сакральное место. (Валерия К., Миасс).

На Мегалитическом комплексе Ахуново центральные менгиры также наделяют мужской и женской энергетикой. Ранее мы приводили цитату пользователя Лады Т. (Уфа), которая обозначила менгир № 1 как мужскую силу «ян», а менгир № 2 — как женскую «инь». Существует поверье, что проведение обрядов на Ахуновских менгирах лечит от бесплодия, способствует укреплению семейных уз и обретению «женского счастья».

Рассказывают случай, что в последнюю поездку их сопровождала женщина, которая не могла забеременеть уже на протяжении многих лет и теперь она перешла от традиционных методов к нетрадиционным. Однако факт остается фактом, теперь у нее два сына» (сообщество во «ВКонтакте» «Наследие древних цивилизаций. Наука, артефакты, дата публикации 15 сентября 2023 г.)

«Женская гора» есть и рядом с памятником на горе Нарыстау. В сфере эзотерических услуг преподносится, что гора «исполняет» женские желания.

Волшебная гора Нарыстау и Женская гора — дарующая женскую энергию и исполняющая желания (описание сообщества во «ВКтакте» «Нарыстау и гора женского счастья»).

Рядом с Нарыстау высится Женская гора, на которой исполняются женские желания (Елена А., Екатеринбург).

Наличие как «места очищения», так и территории с «женской энергией» характерны и пионеру среди памятников археологии по степени и очередности сакрализации эзотериками — Аркаиму. Сотрудница историко-культурного заповедника областного значения «Аркаим» Н. А. Белолипецкая отмечает, что обряды очищения проводятся путем окунания на реке Большая Караганка. В свою очередь, купание в этой реке рекомендуется некоторыми эзотериками для лечения бесплодия. Иные группы обряд «очищения» на Аркаиме проводят путем соблюдения очередности посещений горы Шаманка и горы Любви [Белолипецкая, 2008: 20–23].

Эзотерика и социально-экономические реалии

Распространенным мнением среди исследователей, когда-либо изучавших эзотериков, является утверждение о том, что «эзотерика развивается и будет развиваться на фоне экономической нестабильности», характеризуя обращающихся к услугам эзотериков как «растерянных людей» [Таксеитова, 2022: 91–101]. Однако, как мы уже отмечали ранее, по обнаруженным нами материалам стоимость услуг эзотериков в 2023 г. достигала 110 тыс. руб. за одну поездку. Еще в 2008 г. Н. А. Белолипецкая исходя из своих наблюдений отмечала, что за три дня организаторы «зороастрийской конференции в июне 2008 г. собрали со своих слушателей более чем по 30 тыс. руб. [Белолипецкая, 2008: 20–23]. По данным Росстата, среднемесячная заработная плата жителей Республики Башкортостан в 2008 г. составляла около 17 тыс. руб. [Дифференциация заработной платы работников по видам экономической деятельности и профессиональным группам, https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_04/isswww.exe/stg/d09/1-00.htm], на конец октября 2023 г. дан-

ный показатель составляет 54,7 тыс. руб. [Социально-экономическое положение Республики Башкортостан: комплексный доклад, 2023]. В обоих случаях стоимость самых дорогих услуг эзотериков составляла вдвое большую сумму, чем среднемесячная зарплата жителей региона. Вместе с тем, конечно, существуют и более бюджетные туры, стоимостью от 1500 руб. Однако утверждения о том, что социально-экономическое положение людей влияет на их желание обратиться к «местам силы», на наш взгляд, являются ошибочными.

То же самое можем сказать относительно влияния низкого уровня образования на духовные изыскания человека. Напомним, что ранее упомянутый нами Э. Р. Мулдашев имеет ученую степень доктора наук. Мы и не отрицаем вероятность того, что политические и экономические кризисы, переживаемые обществом, могут являться катализатором роста популярности сакрализованных археологических объектов. Но скорее согласимся с мнением Ю. В. Борисовой, которая считает, что причиной распространения эзотерики является потребность в целостном видении мира и в контроле над тем, что происходит вокруг [Борисова, 2013: 37–40]; а также стремление быть частью чего-то особенного, доступного лишь избранным.

Выводы

Проведенное исследование с использованием методов нетнографии позволило осуществить систематизацию данных, полученных путем применения программ автоматизированного поиска информации и иммерсивного анализа текстов. Комбинирование количественных и качественных методов нетнографии позволило выявить представителей эзотерических учений, осуществляющих духовные практики на объектах археологического наследия Республики Башкортостан; установить их половозрастной состав; определить регион проживания. По количеству упоминаний были определены наиболее значимые для эзотериков археологические памятники. Общие представления о проводимых обрядах и наблюдаемых при их осуществлении закономерностях нам дал анализ текстов постов. В результате проведенных исследований установлено:

Наиболее популярными среди эзотериков археологическими объектами на территории Республики Башкортостан является ОАН «Мегалитический комплекс Ахуново» (Ахуновские менгиры) и Каменная выкладка на горе Ауштау. Эти объекты посещаются преимущественно эзотериками из соседних регионов.

Сакрализованные объекты археологии, находящиеся на территории Республики Башкортостан, для отдельных групп эзотериков приравниваются к таким известным, почитаемым памятникам археологии, как Аркаим и Стоунхендж.

Эзотерический контекст археологическим памятникам республики придают чаще жители других регионов. Таким образом, эзотерическая сакрализация имеет экзотерриториальный характер.

Археологические объекты на вершинах Ауштау, Нарыстау привлекают внимание по большей части эзотериков, занимающихся различными видами психопрактик, которые обозначают эти территории как «место силы», «очищения» или «перезагрузки».

Чаще всего духовные практики на сакрализованных археологических объектах Республики Башкортостан осуществляют женщины среднего возраста.

Уровень достатка или образования граждан не является основным фактором популярности и распространения эзотерики в обществе.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 23–28–01674 «Сакрализация археологических памятников как феномен современной духовной жизни населения Южного Урала».

Acknowledgements and funding

The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of scientific project No. 23–28–01674 «Sacralization of archaeological monuments as a phenomenon of modern spiritual life of the population of the Southern Urals».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ахатов А. Т., Бахшиев И. И., Тузбеков А. И. Роль археологических объектов в формировании новых сакральных пространств Южного Урала // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). 2016. С. 33–44.

Ахатов А. Т., Тузбеков А. И. Мегалитический комплекс Ахуново в социокультурном пространстве Южного Урала // Проблемы востоковедения. 2012. № 4 (94). С. 25–30.

Балагушкин Е. Г. Нетрадиционные религии в современной России: морфологический анализ. М. : ИФ РАН, 2002. Ч. 2. 248 с.

Бахшиев И. И. Проект границ и охранной зоны памятников археологии «Мегалитический комплекс Ахуново» и «Поселение Ахуново», расположенных в Учалинском районе Республики Башкортостан // Уфа, 2010 // Архив Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан (ГБУ НПЦ МК РБ).

Башкультнаследием выявлен факт акта вандализма на объекте культурного наследия федерального значения Мавзолей «Тура-хана» // Башкультнаследие. URL: https://vk.com/im?sel=78683858&w=wall-131796757_1820%2Fe76038aaafbe4f3c52 (дата обращения: 28.10.2023).

Белолипецкая Н. А. «Эзотерики» Аркаима // Археология в современной культуре России (региональные аспекты): круглый стол, п. Аркаим, 22–23 августа 2007 г. : материалы заседаний. Челябинск : Крокс, 2008. С. 20–23.

Белолипецкая Н. А. Заповедник «Аркаим»: особенности взаимоотношения музея и общества // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 69–77.

Борисова Ю. В. Эзотерика как социокультурный феномен // Известия ВолгГТУ. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. 2013. № 16. С. 37–40.

Валеева А. Ф., Тузбеков А. И. Геоинформационные системы в изучении святых мест мусульман на Южном Урале // Исторический поиск. 2023. Т. 4. № 4. С. 5–18.

Гарустович Г. Н. Отчет об археологических работах в Мелеузовском, Кугарчинском, Чишминском, Миякинском, Бишбулякском и Зианчуринском районах Башкирской АССР по открытым листам формы 1 за №№ 406 и 407 в 1986 г. Уфа, 1987 // Архив Научно-производственного центра по охране и использованию недвижимых объектов культурного наследия Республики Башкортостан.

Дифференциация заработной платы работников по видам экономической деятельности и профессиональным группам. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_04/isswww.exe/stg/d09/1-00.htm (дата обращения: 21.10.2023).

Корандей Ф. С., Арапов М. Г. Туризм на археологических местах Среднего Зауралья: переосмысление статуса ландшафта и режима наследия // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 175–198.

Куприянова Е. В. Поселение Аркаим и популяризация археологии на Южном Урале (к вопросу о проблемах взаимодействия науки и массового сознания) // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 146–161.

Мажитов Н. А. Научный отчет об археологических исследованиях в южных, юго-восточных районах Башкирии и Челябинской области за 1965 г. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 659.

Михайлов Д. А. Алтайский национализм и археология // Этнографическое обозрение. 2013. № 1. С. 37–51.

Михайлов Д. А. Археологические места социальной памяти // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 121–126.

Мулдашев Э. В поисках Города Богов: Т. 3: В объятиях Шамбалы. М. : Олма Медиа Групп, 2009. 528 с.

Петров Ф. Н., Кириллов А. К. Исследования мегалитического комплекса Ахуново в 2003 г. // Уфимский археологический вестник. 2007. Вып. 6–7. С. 19–23.

Потемкина Т. М. Мегалитические сооружения Урала: структура сакрального пространства // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 11–35.

Проект Республики Башкортостан «Башкирское долголетие. Туризм». URL: <https://xn--c1abeaorbc6b.xn--90alcrhmdckk5a.xn--p1ai/> (дата обращения: 28.10.2023).

Рычков Н. П. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в Киргиз-Кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772. 194 с.

Савельев Н. С. Малые культовые объекты Южного Урала: от археологии к этнографической современности // Документы и материалы по истории башкирского народа (с древнейших времен до середины XVI в.). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 128–166.

Селезнев А. Г. Новая мифология истории: архетип «древних цивилизаций» и сакральный центр в районе деревни Окунево // Этнографическое обозрение. 2014. № 5. С. 41–59.

Силина В. Е. Культовая деятельность нетрадиционных религиозных движений на территории заповедника «Аркаим» // Религиозное многообразие Уральского региона: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Оренбург : ИПК «Университет», 2009. С. 211–223.

Силина В. Е. Сакрализация археологических памятников Южного Урала на примере заповедника «Аркаим», Острова Веры, Национального парка «Зюраткуль» // Этническое взаимодействие на Южном Урале : материалы VI Всероссийской научной конференции. Челябинск : Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 422–437.

Социально-экономическое положение Республики Башкортостан: комплексный доклад, № 10 (январь-октябрь 2023 г.). Уфа : Башкортостанстат, 2023. 43 с.

Социальные сети в России: цифры и тренды, весна 2023. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023> (дата обращения: 23.10.2023).

Тайны века — Мулдашев. Живая мертвая вода. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dkCi5wEadwk> (дата обращения: 27.10.2023).

Таксеитова А. Р. Коммерциализация эзотерики в российской социальной сети «ВКонтакте» // Казанские социологические чтения. V Международная конференция. Казань, 2022. С. 91–101.

Таллер М. Дискуссии вокруг Digital Humanities // Ист. Информатика. 2012. № 1. С. 5–13.

Тузбеков А. И. Конструирование новых сакральных пространств вокруг археологических памятников на Южном Урале // Историко-культурное наследие народов Урало-Поволжья. 2018. № 2 (5). С. 78–85.

Тузбеков А. И., Бахшиев И. И. Археологические объекты как объекты сакрализации (на примере могильника Ильчигулово IV) // Известия Уфимского научного центра Российской академии наук. 2015. № 4. С. 103–107.

Тузбеков А. И., Бахшиев И. И. Объекты археологического наследия Башкирского Зауралья в современной ритуальной практике юго-восточных башкир // Ислам и государство в России : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа, 2013. С. 99–102.

Хабибуллина З. Р., Тузбеков А. И. Киберсуфизм в Республике Башкортостан: тарикат хаккани в социальной сети ВКонтакте // Виртуальный ислам на постсоветском пространстве: киберсреда и религиозные авторитеты. Баку : AVE Print, 2023. С. 38–79.

Шнирельман В. А. Конструирование исторического наследия — случай Аркаима // Сибирские исторические исследования. 2015. № 2. С. 53–64.

Юнусова А. Б. Мобилизованный архаизм: новые тенденции в традиционной религиозной практике поклонения башкирских мусульман // Известия Уфимского научного центра РАН, 2015. № 3. С. 106–115.

Явная Т. А. Применение методов нетнографии при изучении ПАЛОМНИКОВ-мусульман и посетителей святых мест Республики Башкортостан // Исторический поиск / Historical Search. 2023. Т. 4. № 4. С. 105–112.

TERRA BASHKIRIA Душа Урала, сердце Евразии. URL: <https://terrabashkiria.ru/> (дата обращения: 28.10.2023).

VK.Barkov.net: поиск целевой аудитории в соцсетях. URL: <https://vk.barkov.net> (дата обращения: 23.10.2023).

Kozinets R. V. E-Tourism Research, Cultural Understanding, and Netnography // Handbook of e-Tourism. Cham: Springer, 2020a. P. 1–15.

Kozinets R. V. Netnography. The Essential Guide to Qualitative Social Media Research. SAGE Publications, 2020b. 472 p.

Kozinets R. V. On netnography. Initial reflections on consumer investigations of cyberculture // Consumer Research. 1998. Т. 25. P. 366–371.

References

Akhatov A. T., Bakhshiev I. I., Tuzbekov A. I. Rol' arkheologicheskikh ob'ektov v formirovanii novykh sakral'nykh prostranstv Yuzhnogo Urala [The Role of Archaeological Sites in the Formation of New Sacred Spaces of the Southern Urals]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Journal]. 2016, no. 4, pp. 33–44 (in Russian).

Akhatov A. T., Tuzbekov A. I. Megaliticheskii kompleks Akhunovo v sotsiokul'turnom prostranstve Yuzhnogo Urala [The Akhunovo Megalithic Complex in the Sociocultural Space

of the Southern Urals]. *Problemy vostokovedeniya* [Problems of Oriental Studies]. 2012, no. 4 (94), pp. 25–30 (in Russian).

Bakhshiev I. I. Proekt granits i okhrannoi zony pamyatnikov arkheologii “Megaliticheskii kompleks Akhunovo” i “Poselenie Akhunovo” raspolzhenykh v Uchalinskom raione Respubliki Bashkortostan” Ufa, 2010 [Project of boundaries and the protective zone for the archaeological monuments “Akhunovo Megalithic Complex” and “Akhunovo Settlement” located in the Uchalinsky District of the Republic of Bashkortostan]. *Arkhir Nauchno-proizvodstvennogo tsentra po okhrane i ispol'zovaniyu nedvizhimykh ob'ektov kul'turnogo naslediya Respubliki Bashkortostan (GBU NPTs MK RB)* [Archive of the Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan (State Budgetary Institution SPC MC RB)] (in Russian).

Balagushkin E. G. *Netraditsionnye religii v sovremennoy Rossii: morfologicheskii analiz* [Non-Traditional Religions in Modern Russia: A Morphological Analysis]. Moscow: IF RAN, pt. 2. 2002, 248 p. (in Russian).

Bashkul'tnasledie vyyavil fakt akta vandalis'ma na ob'yekte kul'turnogo naslediya federal'nogo znacheniya “Mavzoley “Tura-khana” [Bashkul'tnasledie revealed a fact of an act of vandalism on the object of cultural heritage of federal significance “Mausoleum of Tura-khan”]. URL: https://vk.com/im?sel=78683858&w=wall-131796757_1820%2Fe76038aaafbe4f3c52 (accessed October 28, 2023) (in Russian).

Belolipetskaya N. A. “Ezoteriki” Arkaima [Arkaim “Esotericists”]. *Arkheologiya v sovremennoi kul'ture Rossii (regional'nye aspekty): Kruglyi stol, p. Arkaim, 22–23 avgusta 2007 g.: materialy zasedanii* [Archaeology in Modern Russian Culture (Regional Aspects): Round Table, Arkaim Settlement, August 22–23, 2007: Proc. of the Meetings]. Chelyabinsk: Krokus, 2008, pp. 20–23 (in Russian).

Belolipetskaya N. A. Zapovednik “Arkaim”: osobennosti vzaimootnosheniya muzeya i obshchestva [The “Arkaim” Reserve: Features of the Relationship Between the Museum and Society]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2010, no. 4, pp. 69–77 (in Russian).

Borisova Yu. V. Ezoterika kak sotsiokul'turnyi fenomen [Esotericism as a Sociocultural Phenomenon]. *Izvestiya VolgGTU. Seriya “Problemy sotsial'no-gumanitarnogo znaniya”* [Izvestiya VolgSTU. Series “Problems of Social and Humanitarian Knowledge”]. 2013, no. 16, pp. 37–40 (in Russian).

Differentsiatsiya zarabotnoi platy rabotnikov po vidam ekonomicheskoi deyatelnosti i professional'nym gruppam [Differentiation of employees' wages by types of economic activity and professional groups]. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b10_04/isswww.exe/stg/d09/1-00.htm (accessed October 21, 2023) (in Russian).

Garustovich G. N. Otchet ob arkheologicheskikh rabotakh v Meleuzovskom. Kugarchinskom. Chishminskom. Miyakinskom. Bishbul'yakskom. i Zianchurinskom rayonakh Bashkirskoy ASSR po otkrytiym listam formy 1 za №№ 406 i 407 v 1986 g. Ufa 1987 [Report on archaeological work in the Meleuzovsky, Kugarchinsky, Chishminsky, Miyakinsky, Bishbul'yaksky, and Zianchurinsky districts of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic based on open sheets of form 1 No. 406 and 407 in 1986. Ufa 1987]. *Arkhir Nauchno-proizvodstvennogo tsentra po okhrane i ispol'zovaniyu nedvizhimykh ob'ektov kul'turnogo naslediya Res-*

publiki Bashkortostan [Archive of the Scientific and Production Center for the Protection and Use of Immovable Cultural Heritage Objects of the Republic of Bashkortostan] (in Russian).

Khabibullina Z. R., Tuzbekov A. I. Kibersufizm v Respublike Bashkortostan: tarikat khakkaniya v sotsial'noi seti VKontakte [Cyber-Sufism in the Republic of Bashkortostan: The Hakkaniyya Tariqa in the VKontakte Social Network]. *Virtual'nyi islam na postsovetском prostranstve: kibersreda i religioznyye avtoritety* [Virtual Islam in the Post-Soviet Space: Cyber Environment and Religious Authorities]. Baku: AVE Print, 2023, pp. 38–79 (in Russian).

Korandei F. S., Arapov M. G. Turizm na arkheologicheskikh mestakh Srednego Zaural'ya: pereosmyslenie statusa landshafta i rezhima naslediya [Tourism at Archaeological Sites of the Middle Trans-Urals: Rethinking the Status of the Landscape and the Heritage Regime]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2023, no. 1, pp. 175–198 (in Russian).

Kupriyanova E. V. Poselenie Arkaim i populyarizatsiya arkheologii na Yuzhnom Urale (k voprosu o problemakh vzaimodeistviya nauki i massovogo soznaniya) [The Arkaim Settlement and the Popularization of Archaeology in the Southern Urals (On the Problems of Interaction Between Science and Mass Consciousness)]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014, no. 5, pp. 146–161 (in Russian).

Mazhitov N. A. Nauchnyi otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v yuzhnykh yugo-vostochnykh rayonakh Bashkirii i Chelyabinskoi oblasti za 1965 g. [Scientific report on archaeological research in the southern and southeastern regions of Bashkortostan and the Chelyabinsk Region in 1965.]. *Nauchnyi arkhiv Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [Scientific archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. Inventory 2. File 659] (in Russian).

Mikhailov D. A. Altaiskii natsionalizm i arkheologiya [Altai Nationalism and Archaeology]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2013, no. 1, pp. 37–51 (in Russian).

Mikhailov D. A. Arkheologicheskie mesta sotsial'noi pamyati [Archaeological Sites of Social Memory]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2015, no. 394, pp. 121–126 (in Russian).

Muldashev E. V poiskakh Goroda Bogov: Tom 3: V ob'yatiyakh Shambaly [In Search of the City of Gods: Volume 3: In the Embrace of Shambhala]. Moscow: OlmaMediaGrupp, 2009, 528 p. (in Russian).

Petrov F. N., Kirillov A. K. Issledovaniya megaliticheskogo kompleksa Akhunovo v 2003 g. [Research of the Akhunovo Megalithic Complex in 2003]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Herald]. 2007, no. 6–7, pp. 19–23 (in Russian).

Potemkina T. M. Megaliticheskie sooruzheniya Urala: struktura sakral'nogo prostranstva [Megalithic Structures of the Urals: The Structure of Sacred Space]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2011, no. 2 (15), pp. 11–35 (in Russian).

Proekt Respubliki Bashkortostan "Bashkirskoe dolgoletie. Turizm" [The Republic of Bashkortostan project "Bashkir Longevity. Tourism"]. URL: <https://xn-cl1abeaopbvc6b.xn-90alcrhmdckk5a.xn-p1ai/> (accessed October 28, 2023) (in Russian).

Rychkov N. P. *Dnevnie zapiski puteshestviya kapitana Nikolaya Rychkova v Kirgiz-Kaisatskoi stepi v 1771 godu* [Daily Notes of the Journey of Captain Nikolai Rychkov in the Kirghiz-Kaisak Steppe in 1771]. St. Petersburg, 1772, 194 p. (in Russian).

Savelev N. S. Malyye kul'tovy ob'ekty Yuzhnogo Urala: ot arkheologii k etnograficheskoi sovremennosti [Small Cult Objects of the Southern Urals: from Archaeology to Ethnographic Modernity]. *Dokumenty i materialy po istorii bashkirskogo naroda (s drevneyshikh vremen do serediny XVI v.)* [Documents and Materials on the History of the Bashkir People (from Ancient Times to the Mid-16th Century)]. Ufa: IYAL UNTs RAN, 2012, pp. 128–166 (in Russian).

Seleznev A. G. Novaya mifologiya istorii: arkhetip “drevnikh tsivilizatsii” i sakral'nyi tsentr v raione derevni Okunevo [The New Mythology of History: The “Ancient Civilizations” Archetype and the Sacred Center in the Area of the Village of Okunevo]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2014, no. 5, pp. 41–59 (in Russian).

Shnirel'man V. A. Konstruirovaniye istoricheskogo naslediya — sluchai Arkaima [The Construction of Historical Heritage — The Case of Arkaim]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research]. 2015, no. 2, pp. 53–64 (in Russian).

Silina V. E. Kul'tovaya deyatel'nost' netraditsionnykh religioznykh dvizhenii na territorii zapovednika “Arkaim” [Cult Activity of Non-Traditional Religious Movements on the Territory of the “Arkaim” Reserve]. *Religioznoe mnogoobrazie Ural'skogo regiona: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Religious Diversity of the Ural Region: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Orenburg: IPK “Universitet”, 2009, pp. 211–223 (in Russian).

Silina V. E. Sakralizatsiya arheologicheskikh pamyatnikov Yuzhnogo Urala na primere zapovednika “Arkaim”, Ostrova Very, Natsional'nogo parka “Zyuratkul” [Sacralization of Archaeological Sites of the Southern Urals on the Example of the “Arkaim” Reserve, Vera Island, “Zyuratkul” National Park]. *Etnicheskie vzaimodeistviya na Yuzhnom Urale. Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Ethnic Interactions in the Southern Urals. Proc. of the 6th All-Russian Scientific Conference]. Chelyabinsk: “Chelyabinskij gosudarstvennyj kraevedcheskij muzej”, 2015, pp. 422–437 (in Russian).

Sotsial'no-ekonomicheskoye polozhenie Respubliki Bashkortostan: kompleksnyi doklad, № 10 (yanvar' — oktyabr' 2023 g.) [Socio-Economic Situation of the Republic of Bashkortostan: A Comprehensive Report, No. 10 (January–October 2023)]. Ufa: Bashkortostanstat, 2023, 43 p. (in Russian).

Sotsial'nye seti v Rossii: tsifry i trendy, vesna 2023 [Social networks in Russia: figures and trends, spring 2023]. URL: <https://brandanalytics.ru/blog/social-media-russia-spring-2023> (accessed October 23, 2023) (in Russian).

Taksaitova A. R. Kommertsializatsiya ezoteriki v rossijskoi sotsial'noi seti “Vkontakte” [Commercialization of Esotericism in the Russian Social Network “VKontakte”]. *Kazanskie sotsiologicheskie chteniya. V Mezhdunarodnaya konferentsiya* [Kazan Sociological Readings. 5th International Conference]. Kazan, 2022, pp. 91–101 (in Russian).

Taller M. Diskussii vokrug Digital Humanities [Discussions around Digital Humanities]. *Istoricheskaya informatika* [Historical Informatics]. 2012, no. 1, pp. 5–13 (in Russian).

Tayny veka — Muldashev. Zhivaya mertvaya voda [Secrets of the Century — Muldashev. Living Dead Water]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=dkCi5wEadwk> (accessed October 27, 2023) (in Russian).

TERRA BASHKIRIA Dusha Urala, serdtse Evrazii [TERRA BASHKIRIA The Soul of the Urals, the Heart of Eurasia]. URL: <https://terrabashkiria.ru/> (accessed October 28, 2023) (in Russian).

Tuzbekov A. I. Konstruirovaniye novykh sakral'nykh prostranstv vokrug arkhеologicheskikh pamyatnikov na Yuzhnom Urale [The Construction of New Sacred Spaces Around Archaeological Sites in the Southern Urals]. *Istoriko-kul'turnoe nasledie narodov Uralo-Povolzh'ya* [Historical and Cultural Heritage of the Peoples of the Ural-Volga Region]. 2018, no. 2 (5), pp. 78–85 (in Russian).

Tuzbekov A. I., Bakhshiev I. I. Arkheologicheskie ob'ekty kak ob'ekty sakralizatsii (na primere mogil'nika Il'chigulovo IV) [Archaeological Sites as Objects of Sacralization (on the Example of the Il'chigulovo IV Burial Ground)]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk* [Proceedings of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. 2015, no. 4, pp. 103–107 (in Russian).

Tuzbekov A. I., Bakhshiev I. I. Ob'ekty arkhеologicheskogo naslediya Bashkirskogo Zaural'ya v sovremennoi ritual'noi praktike yugo-vostochnykh bashkir [Objects of Archaeological Heritage of the Bashkir Trans-Urals in the Modern Ritual Practices of the Southeastern Bashkirs]. *Islam i gosudarstvo v Rossii. Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Islam and the State in Russia. Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Ufa, 2013, pp. 99–102 (in Russian).

Valeeva A. F., Tuzbekov A. I. Geoinformatsionnye sistemy v izuchenii svyatykh mest musul'man na Yuzhnom Urale [Geographic Information Systems in the Study of Muslim Holy Sites in the Southern Urals]. *Istoricheskii poisk* [Historical Search]. 2023, vol. 4, no. 4, pp. 5–18 (in Russian).

VK.Barkov.net: *poisk tselevoi auditorii v sots setyakh* [VK.Barkov.net: searching for a target audience in social networks]. URL: <https://vk.barkov.net> (accessed October 23, 2023) (in Russian).

Yavnaya T. A. Primeneniye metodov netnografii pri izuchenii palomnikov-musul'man i posetitelei svyatykh mest Respubliki Bashkortostan [The Application of Netnography Methods in the Study of Muslim Pilgrims and Visitors to Holy Sites in the Republic of Bashkortostan]. *Istoricheskii poisk* [Historical Search]. 2023, vol. 4, no. 4, pp. 105–112 (in Russian).

Yunusova A. B. Mobilizovannyi arkhaizm: novye tendentsii v traditsionnoi religioznoi praktike pokloneniya bashkirskikh musul'man [Mobilized Archaism: New Trends in the Traditional Religious Practice of Worship among Bashkir Muslims]. *Izvestiya Ufimskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Ufa Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences]. 2015, no. 3, pp. 106–115 (in Russian).

Kozinets R. V. E-Tourism Research, Cultural Understanding, and Netnography. *Handbook of e-Tourism*. Cham: Springer, 2020a, pp. 1–15.

Kozinets R. V. *Netnography. The Essential Guide to Qualitative Social Media Research*. SAGE Publications, 2020b, 472 p.

Kozinets R. V. On netnography. Initial reflections on consumer investigations of cyberculture. *Consumer Research*. 1998, vol. 25, pp. 366–371.

Статья поступила в редакцию: 28.07.2024

Принята к публикации: 09.06.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 393.05

DOI 10.14258/nreur(2025)4–09

*И. Г. Петров**Институт этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева УФИЦ РАН, Уфа (Россия)*

ПИЩА И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ЗАПРЕТЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ В ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ЧУВАШЕЙ

В исследовании, основанном на литературных, архивных, фольклорных источниках, а также полевых материалах автора, рассматриваются пищевые запреты и ограничения, которые были частью обычаев и обрядов похоронно-поминального цикла чувашей, проживающих в Волго-Уральском регионе. Эти запреты и ограничения были обусловлены страхом человека перед смертью и умершим, желанием задобрить покойника и обеспечить его благополучный переход в загробный мир. Соблюдение этих правил не только гарантировало безопасность и благополучие людей, но и обеспечивало покровительство умершего как представителя мира предков. Пищевые табу регламентировали бытовое и ритуальное поведение человека, накладывали определенные ограничения на состав еды и напитков, технологию приготовления, особенности трапезы, количество блюд и участников обряда, а также на время и место проведения обрядовых действий. Эти запреты присутствовали на всех этапах обряда (предпохоронном, похоронном, послепохоронном) и составляли один из компонентов соционормативной культуры этноса. Несмотря на то, что большинство запретов были основаны на суевериях, они продолжают соблюдаться и в настоящее время. Это свидетельствует о древности их происхождения и устойчивости во времени и пространстве.

Ключевые слова: чуваше, Урало-Поволжье, похороны и поминки, пища, трапеза, запреты, ограничения, приметы, поверья

Для цитирования:

Петров И. Г. Пища и связанные с ней запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 187–204.
DOI 10.14258/nreur(2025)4–09

Петров Игорь Георгиевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа (Россия). **Адрес для контактов:** ipetrov62@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>

I. G. Petrov

R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Studies UFRS RAS, Ufa (Russia)

FOOD AND RELATED PROHIBITIONS AND RESTRICTIONS IN CHUVASH FUNERAL AND MEMORIAL RITES

The study, based on literary, archival and folklore sources, as well as the author's field materials, examines food prohibitions and restrictions that were part of the customs and rituals of the funeral and memorial cycle of the Chuvash people living in the Volga-Ural region. These prohibitions and restrictions were conditioned by the human fear of death and the dead, the desire to placate the deceased and ensure his safe passage to the afterlife. Observance of these rules not only guaranteed the safety and well-being of people, but also ensured the patronage of the deceased as a representative of the world of ancestors. Food taboos regulated human domestic and ritual behaviour, imposed certain restrictions on the composition of food and drinks, the technology of preparation, the peculiarities of the meal, the number of dishes and participants in the ritual, as well as on the time and place of ritual actions. These prohibitions were present at all stages of the rite (pre-funeral, funeral, post-funeral) and constituted one of the components of the ethnos' socio-normative culture. Despite the fact that most of the prohibitions were based on superstition, they are still observed today. This testifies to the antiquity of their origin and their stability in time and space.

Keywords: Chuvashes, Ural-Volga region, funerals and wakes, food, repast, prohibitions, restrictions, omens, beliefs.

For citation:

Petrov I G. Food and related prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites. Nations and religions of Eurasia. 2025. T. 30, № 4. P. 187–204 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–09

Petrov Igor Georgievich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Ethnography Department, R. G. Kuzeev Institute of Ethnological Researches of Ufa Federal Research Center of RAS, Ufa (Russia). **Contact address:** ipetrov62@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8664-3004>

Введение

Одним из мало исследованных компонентов соционормативной культуры традиционных обществ являются запреты (табу). Они охватывали практически все стороны жизни человека и регламентировали повседневную жизнь, хозяйственные занятия, промыслы, ремесла, пищу, обычаи и обряды, религию и религиозные верования, этикет, язык, культуру речи и т.д. Целью соблюдения запретов являлось «предотвращение угрожающих жизни и благополучию людей событий и состояний» [Виноградова, Толстая, 1999: 270].

Большое место запреты занимают в ритуалах. Присутствуя в них в виде системы определенных правил, регламентирующих бытовое и обрядовое поведение индивидуума и коллектива, они помогали установить определенный порядок и гармонию с окружающим миром — с природой, общиной, семьей, и в том числе с миром предков.

Особое значение им придавалось в похоронных и поминальных обычаях и обрядах. Их неукоснительное соблюдение было полностью подчинено общей логике обряда и обусловлено страхом членов социума перед умершим и смертью, желанием задобрить покойника и заручиться его покровительством, а также стремлением обеспечить его благополучный переход в потусторонний мир.

В чувашской этнографии пищевые запреты и ограничения в похоронных обычаях и обрядах пока не стали объектом специального исследования. В контексте изучения различных аспектов традиционной культуры они частично затронуты в монографиях А. К. Салмина, Е. В. Сергеевой, И. Г. Петрова, Е. А. Ягафовой, И. Г. Петрова [Салмин, 2007; Сергеева, 2015; Петров, 2028; Ягафова, Петров, 2023], а также в статьях И. Г. Петрова, Е. В. Сергеевой, И. Г. Петрова и Е. А. Ягафовой [Петров, 2021; Сергеева, 2021; Петров, Ягафова, 2023] и др. Такие же разрозненные и поверхностные сведения по этой теме присутствуют в литературе второй половины XIX — начала XX в.

Цель настоящей статьи — на примере чувашей Урало-Поволжского региона рассмотреть наиболее характерные пищевые запреты и ограничения, которые регламентировали и упорядочивали поведение человека и социума в целом во время похорон и поминок, и произвести их анализ в контексте ритуала. На чувашском материале такое исследование на основе обобщения ранее опубликованных и неопубликованных источников производится впервые. Это подчеркивает не только его актуальность, но и научную новизну.

Источниками исследования являются сведения, почерпнутые из историко-этнографической литературы по теме, архивные документы, фольклорные тексты, а также полевые материалы автора.

Хронологически исследование охватывают период со второй половины XIX до начала XX в. В связи с тем, что некоторые из запретов актуальны и сегодня, в работе также приводятся примеры их современного бытования, извлеченных из полевых материалов автора.

Исследование проведено с использованием общепринятых научных методов — анализа, синтеза, систематизации, а также методов исторических исследований — историзма, объективности, системности, конкретности.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней воссоздана традиционная система пищевых запретов и ограничений чувашей Урало-Поволжья, связанная с похоронами и поминками.

Материалы и обсуждение

Похоронно-поминальная обрядность представляет собой сложный комплекс, в котором присутствуют разные компоненты — элементы материальной культуры, ритуальные действия, фольклорные тексты и т.д. Одним из важных элементов материально-вещной среды ритуала является обрядовая и поминальная пища, посредством которой члены общества пытались восстановить социальное равновесие, нарушенное

смертью одного из своих членов. Поэтому неудивительно, что во время похорон и поминалок обрядовая еда обременялась множеством запретов и ограничений. Эти запреты присутствовали на всех этапах обряда (предпохоронном, похоронном, послепохоронном) и составляли один из компонентов соционормативной культуры этноса.

Пищевые ограничения и запреты обретали свою значимость уже с момента наступления смерти человека. Дом, в котором умер человек, у чувашей считался нечистым. Поэтому в нем готовить еду и употреблять пищу запрещалось. По верованиям чувашей, после того, как Дух смерти *Эсрел* (от арабского *Азраил*, «ангел смерти») [Чувашская мифология, 2018: 426] незримо приходил к умирающему и рассекал козой или ножом его суставы, всё домашнее пространство вокруг пачкалось кровью покойника [Прокопьев, 1903: 7–8]. По этой причине, как только покойник испускал дух, за пределы жилища — на улицу или во двор выносили бытовые вещи, которые имели контакт с умершим. Прежде всего это касалось перины и постели, а также нательной одежды. Их выносили во двор и на открытом воздухе в целях очищения держали несколько дней.

В некоторых селениях вместе с постельными принадлежностями и одеждой на улице выносили бытовую утварь, кухонную посуду, а также питьевую воду. Аналогичных взглядов придерживались марийцы. По их поверьям, после кончины человека Ангел смерти *Азырен* в воде вымывал свой нож и по этой причине она становилась непригодной к употреблению [Абукаева, 2018: 92]. Если предметы домашнего обихода для очищения от невидимой крови усопшего держали на улице, а потом заносили обратно, то воду выливали. Руководствуясь этим табу, в Свияжском уезде Казанской губернии в домах с покойником не варили еду, а его обитатели до похорон питались у своих родственников или соседей [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 105–106]. В среднем это продолжалось до трех дней. В других селениях аналогичный запрет соблюдали до укладывания умершего в гроб [Магницкий, 1881: 160].

В указанном ограничении определенно просматривается влияние на чувашей распространённого среди мусульманского населения представления о ритуальной нечистоте дома и напрямую связанного с ним трехдневного пищевого табу. К примеру, такого запрета до сих пор придерживаются татары Западной Сибири, татары и башкиры Урало-Поволжья, в частности казанские, касимовские, чепецкие татары, башкиры на юге Башкирии, а также народы Казахстана и Средней Азии — казахи, узбеки, киргизы, туркмены, таджики и др. [Тихомирова, 2009: 93–94; Касимова, 2003: 158]. Среди чувашей такие представления, вероятно, укоренились благодаря контактам с татарами и влияния на них исламской веры. В то же время вполне допустимо предположить, что некоторая часть чувашей могла сохранить эти поверья и представления с более ранних времен, когда их предки были последователями мусульманской религии, например, в эпохи Золотой Орды и Казанского ханства. Видный венгерский этнограф Дьюла Месарош, опубликовавший в начале XX в. обстоятельный труд о старой чувашской вере, не случайно сделал вывод о том, что когда-то большая часть чувашского народа была мусульманами, но потом, в силу различных обстоятельств, их связь с мусульманским миром прекратилась, в результате чего «в душе народа неукоренившийся ислам слился с еще не совсем забытым язычеством» [Месарош, 2000: 20].

Другим устойчивым верованием чувашей является вера в то, что с момента смерти покойник нуждается в постоянной опеке со стороны живых родственников. Это касалось также его питания. Чуваше верили, что в загробной жизни покойник, как и они, нуждается в пище и питье. Поэтому, как только человек умирал, на стол ставили стакан с водой, кусок хлеба, а также одну или три свечи, вставленные в тарелку с зерном. Потом эту воду и хлеб ежедневно обновляли в течение 40 дней [ЧНТ, 2009: 55].

На это же были направлены коллективные поминальные трапезы. Как и у других народов, они осмыслились как совместные застолья живых и мертвых, а также как один из способов коммуникации с потусторонним миром. Поминальные застолья устраивались как в день похорон, так и в дни поминок. Если первое коллективное угощение в честь усопшего у некрещеных и крещеных чувашей в основном проводилось в день похорон, то последующие трапезы у каждой конфессиональной общности устраивались в разное время и с разной периодичностью. Это касалось как частных поминок по конкретно умершему человеку, так и общих, когда поминали всех умерших независимо от даты их смерти [Ягафова, Петров, 2023: 156–204, 205–227].

Постольку поскольку умерший с момента смерти считался представителем сакрального пространства, соприкосновение остальных людей с ним было возможно только при условии соблюдения различного рода правил, ограничений и запретов. Такие прескрипции накладывались также на пищу, в том числе поминальную пищу и трапезу. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим некоторые особенности поминальной пищи и поминальных трапез у чувашей. Для этого остановимся на таких вопросах, как состав еды и напитков на поминальном столе, перечень запрещенных продуктов и блюд, запреты и ограничения, касающиеся их приготовления, а также особенности поминального застолья.

Состав еды и напитков на поминальном столе

В празднично-обрядовой кухне чувашей, как и в повседневной, преобладала пища растительного и животного происхождения. Разница между ними состояла лишь в том, что для праздников и обрядов готовились более разнообразная еда и напитки. Это касалось как количества блюд, так и их ассортимента. Объяснялось это стремлением, чтобы покойник насытился всеми выставленными угощениями и остался всем доволен.

После кончины человека начинались поминки, сопровождаемые подношением пищи, и для этих случаев готовились специальные поминальные блюда. Одним из таких блюд была тюрю из ржаной или полбенной муки — *чун пӓтти* (каша души) или *арпах-сарпах пӓтти* [Прокопьев, 1903: 15]. Она готовилась путем смешивания небольшого количества воды и муки, что придавало ей жидкую консистенцию, похожую на кисель.

Первый раз покойника поминали до обмывания. В дом заносили несколько щепок, оставшихся от гроба, и клали их на пол. Затем каждый из присутствующих с помощью лучины брал из чашки приготовленную тюрю и бросал ее на щепки со словами: «*Умӓнта пултӓр*» (Пусть будет пред тобою). После этого остатки тюри вместе с щепками выбрасывали во двор.

Второй раз покойника поминали после укладывания в гроб. В этот раз из пресного теста, замешанного на сметане, готовили тоненькие лепешки *хӓймалу*. Их пекли на ско-

вороде с маслом, используя щепки от гроба. Когда все было готово, у изголовья покойника ставили изготовленные из липы чиялак *чёрес* и чашку. В чиялак с тем же пожеланием «*Умйнта пултър*» родственники поочередно отливали немного воды, а в чашу крошили кусочки лепешки *хыймалу*. Затем содержимое сосудов также выносили на улицу и выбрасывали. В дальнейшем чиялак и чашка использовались только для поминовений покойника, применять их для других целей было запрещено. После больших поминок *юпа* их разбивали и выкидывали в поле [Прокопьев, 1903: 16], так как они считались атрибутами покойника и предметами, представляющими опасность.

Третий раз покойника поминали на кладбище после погребения. После водружения надгробного памятника на могиле зажигали свечу, а на могильный холм отрывали кусочки *хыймалу* [Прокопьев, 1903: 20]. Следует отметить, что *хыймалу* всегда пекли в нечетном (*ытй*) количестве — 3, 5, 7, 9, 11 штук и т.д. Приготовление лепешек в четном (*тёкел*) количестве запрещалось, потому что нарушение этого табу могло спровоцировать еще одну смерть в течение года [Прокопьев, 1903: 16].

Состав еды и напитков на поминальном столе был разнообразным. Одним из главных кушаний на нем был хлеб *сайкар*. В основном его выпекали из ржаной муки, воды, соли с добавлением закваски или без нее. На праздники, в том числе и на поминки, хлеб пекли из пшеничной муки, в результате чего получался белый хлеб или калач — *кулачай*, *хяпарту*.

Другим обязательным блюдом были блины — *икерчё* (диал. *куймак*, *кульмак*, *пёльм*). В некоторых селениях вместо блинов готовили обрядовые лепешки — *хыймалу*, *кўптёрме*, *сўху*. Для разнообразия мучных блюд, кроме этого, готовили различные лепешки без начинки *пашалу*, *капартма*, *хяпарту*. Для их приготовления использовали полбенную, гороховую, чечевичную муку [Сергеева, 2015: 48–49].

В некоторых чувашских селениях Самарского Заволжья и Закамья также пекли закрытые пироги или курники *хуплу*. Для этого использовали мелко нарубленное мясо, животный жир, а также полусваренную кашу из проса или пшеничной крупы. Иногда вместо каши применяли мелко накрошенный картофель. Как и некоторые другие обрядовые блюда, *хуплу* пекли от трех до девяти штук, т.е. нечетное количество [Ягафова, Петров, 2023: 171]. Однако бывали и исключения. Так, в некоторых ареалах проживания чувашей пироги и *хуплу* не готовили совсем, так как они полностью закрывались тестом [Сергеева, 2021: 257] и их ставили в горячую печь.

Кроме мучных блюд на поминальный стол подавали горячие блюда и напитки. Горячие блюда обязательно варили из мяса домашних птиц и животных, которых жертвовали в честь покойного. Это могла быть курица или какое-либо животное — овца, баран, теленок, телка, корова, лошадь. Потом из мяса птицы или животного готовили суп на курином бульоне с лапшой *салма яшки*, *чай яшки* или суп из говядины — *какай яшки* / *какай шўрни* / *аш яшки* / *аш шўрни*. Кроме этого, из мяса животного готовили два вида ритуального супа — *кукар яшки*, *кукар шўрни* (суп, бульон из паленых ног и головы животного) и *сўрме* / *сўрме* (суп из потрохов). Эти блюда чаще всего готовили на большие поминки *юпа*, а на частных поминках обходились супом из курятины. Перед приготовлением *кукар яшки* голову и ноги животного опаливали на открытом огне и после тщательной очистки варили в отдельном котле. Иногда в бульон добав-

ляли крупу или картофель. После приготовления сваренные голову и ноги животного родственники умершего брали с собой на кладбище и совершали обряд приглашения покойника на поминки. Около надгробия они зажигали свечу или разводили небольшой костер, на могиле раскладывали принесенные с собой яства и совершали небольшую тризну. Напоследок покойника и всех умерших родственников звали на поминки и возвращались обратно.

Сўрме / *сўрме* варили на воде или мясном бульоне с добавлением мелко нарезанных кусочков легких, печени, сердца, желудка и кишок животного. Лапшу и крупу в кушанье не добавляли [Афанасьева, 2002: 44–45]. Есть основания считать, что в прошлом *кукар яшки* и *сўрме* использовались на определённых этапах поминальной трапезы. Например, в селениях чувашей-язычников Закамья, проживающих в Республике Татарстан, первое блюдо подавали перед тем, как родственники умершего отправлялись на кладбище, чтобы установить надмогильный столб *юпа*, а второе — после того, как они возвращались с кладбища [Ягафова, Петров, 2023: 217–218].

Завершающим блюдом поминального стола была каша *пăтă*. Чаще всего его варили из проса, полбы, пшеничной крупы, гречки, гороха. Кашу готовили на мясном бульоне, а иногда на бульоне, в котором варились голова и ноги животного. В традиционной кухне чувашей Южного Приуралья эта каша так и называется — *пуç пăтти* (каша головы) или *кукар пăтти* (каша голя) [Афанасьева, 2002: 45]. Позднее в традицию культуры питания чувашей вошли рис, пшено, овсянка, перловка и другие крупы. В некоторых случаях хозяйки варили кашу с добавлением нескольких видов круп. Подача на стол каши соблюдается и в настоящее время. Однако это блюдо в чистом виде не подают, а подают вместе с мясом, рыбой, овощами и т.д.

Традиционными напитками поминальной трапезы испокон веков были домашнее пиво из хмеля и солода *сăра*, самогонка *сăмакун* / *ханиша* / *анишарли* / *кумăшка*, покупная водка *эрех*. Люди, держащие пчел, с использованием меда, воды, солода или закваски готовили медовую бражку *кăрчама* или выдержанный на хмелевых дрожжах крепкий медовый напиток *симпыл*. Квас, чай, компот, кисель и различные соки получили распространение сравнительно поздно, лишь начиная с 60–70-х гг. XX в.

Таким образом, основными блюдами на поминальном столе у чувашей были хлеб *сăкăр*, блины *икерчĕ*, лепешки *хăймалу*, *кўптёрме*, *сўхў*, суп-лапша из курятины *салма яшки* / *чăх яшки*, суп из говядины — *какай яшки* / *какай шўрни* / *аш яшки* / *аш шўрни*, суп из потрохов *сўрме*, суп из голя *кукар яшки*, каша *пăтă*. Из напитков — пиво и домашняя водка.

Запрещенные продукты, блюда и напитки

На поминальном столе чувашей можно было увидеть практически все кушанья и напитки, которые использовались в быту и в празднично-обрядовых ситуациях. Однако были и исключения: некоторые продукты, блюда и напитки на поминальный стол не ставились ни в коем случае.

К примеру, для приготовления поминальных кушаний запрещалось использовать свинину. Потому что свинья считалась не только «нечистым», но и плотоядным животным. По народным представлениям, плотоядные животные, которые приносят смерть другому существу, представляли такую же опасность и для покойника. Возмож-

но, что этот запрет является рудиментом прежней мусульманской веры чувашей, а также результатом многовекового влияния на них исламизированного населения (прежде всего татар) и мусульманской веры в целом.

Кроме свинины чуваша также избегали готовить еду из козьего мяса. Коза считалась «проклятым» или дьявольским животным, и её мясо ели только в повседневной жизни, но не использовали для ритуальных целей.

Также под запретом были блюда из рыбы. В народе бытовало поверье, что после поедания рыбы родными и близкими покойного последний на «том свете» будет плавать в воде также, как рыба [Сергеева, 2021: 257].

Практически никогда не готовили блюда с молоком и молочными продуктами, такие как молочный суп, кислое молоко, сметана, творог, масло. На похоронно-поминальных трапезах молоко никогда не использовалось также в качестве напитка.

Как отмечалось выше, в некоторых ареалах проживания чувашей к запрещенным блюдам относились закрытые пироги [Сергеева, 2021: 257]. Объяснением этого запрета является толкование, которое было записано в начале XX в. в одном из чувашских селений Среднего Поволжья: «*Кукăль тумаççĕ, кукăль пĕçерсен, вилнĕ çыннине япалапа чўркесе кăмакана пăрахса сунтарнă пек пулат, теççĕ*» (Пирог не готовят, если готовят пирог, это значит, что мертвеца закутывают во что-либо и сжигают в печи) [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 231. Л. 371]. Это говорит о том, что согласно нормам симпатической магии, имевшей место в обычаях и верованиях чувашей, пироги, приготовляемые для поминального стола, ассоциировались с телом покойника.

По этой же причине мучные продукты, которые выставлялись на поминальный стол, такие как хлеб, лепешки и другое, никогда не резали ножом. Как правило, их ломали на отдельные кусочки руками и только после этого ставили на стол. В настоящее время, руководствуясь этим же поверьем, на поминальный стол не ставят разного рода салаты, в состав которых входят мелко накрошенные ножом овощи или другие продукты.

Спектр подобного рода запретов был достаточно широк. До больших поминок, а позднее — до наступления 40 дней со дня смерти, родным и близким покойного запрещалось топить в домах печь, подавать жар в бане, печь блины и пироги, шить одежду, стирать белье, толочь в ступе кудель, ставить жерди в огороде, копать землю, стричь овец, мазать печку глиной. Считалось, что все эти действия могут причинить покойному физическую боль и страдания. Если кто-нибудь из этого круга людей нарушал табу и, например, топил печку, стряпал пироги или блины, подавал жар в бане, это было равносильно тому, что обжигалось лицо и тело покойника. По этой же причине не стирали белье, так как грязная вода может попасть в глаза и рот покойника, не мазали и не белили печь — глиной и побелкой забьются глаза, рот и уши, не пряли нитки и не стригли овец — есть опасность причинить боль волосам покойного, не пользовались иголкой и не шили одежду — можно уколоть тело, не обрабатывали волокна в ступе — можно раздробить суставы и кости и т.д. [Петров, 2021: 162].

К этой же категории относится запрет родным и близким умершего есть мясо курицы, приготовленной для поминального обеда. Существовало поверье, что поедание курицы в этот день равносильно поеданию тела покойника: «Потом все, кроме семейных, из которой семьи был умерший, садятся за стол есть курицу и пить пиво. Хозяе-

ва же этой курицы не ели, потому что у чуваш было поверье, что если кто из домашних будет есть мясо этой курицы, заколотой на имя умершего, то он будет есть тело умершего» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 176. Л. 167].

С переходом чувашей в христианскую религию, который начался в 30–40-е гг. XVIII в., в их религиозную практику вошла традиция придерживаться постной или скоромной пищи, в том числе во время поминальных трапез. В соответствии с этой традицией в определенные дни православного календаря мирянам запрещалось употреблять продукты и еду, полученные от теплокровных животных и птиц — мясо, субпродукты, животный жир, молоко, масло, кисломолочные продукты, яйца, а также блюда, содержащие эти ингредиенты. Скоромная пища обычно не употреблялась во время религиозных постов. Поэтому, если поминальные трапезы совпадали с постными днями, набор продуктов и блюд существенно менялся. В обычный пост из состава поминальных блюд исключались мясные и молочные продукты, а в строгий пост — также рыба и растительное масло. Однако эта традиция среди чувашей утвердилась не сразу. Поначалу ее придерживалась только небольшая часть верующих. Доля постящихся составляет небольшую часть населения и в настоящее время, в том числе среди официально православных чувашей. Тем не менее во время поминальных трапез интересы постящихся учитываются и соблюдаются. Для них во время трапез готовятся отдельный стол с постной пищей или им за общим столом подаются специально приготовленные постные блюда. С учетом поста вместо мясомолочной пищи им предлагаются кушанья из рыбы, грибов, круп и овощей.

Запреты и ограничения, соблюдаемые при приготовлении поминальных блюд

В процессе приготовления пищи для поминального стола также существовали определённые правила и ограничения. Их было не так много, но они соблюдались неукоснительно. В частности, для приготовления мучных продуктов, таких как блины, лепёшки и другие кушанья, использовали только пресное тесто *тутлă чуста* [Прокопьев, 1903: 16; Ашмарин, 1941: 302–303]. Кислое тесто для этих целей запрещалось. Это объяснялось тем, что тесто, приготовленное на закваске, имело семантику возрастания, увеличения, прибавления [Сергеева, 2021: 255], что противоречило смыслу и содержанию похоронно-поминального обряда.

Кроме этого, для приготовления этих кушаний нельзя было использовать муку, полученную из нового урожая. Следовательно, для этих целей применяли только «старую» муку, оставшуюся от прежних запасов урожая [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 218. Л. 13].

С учетом ряда запретов пекли блины — один из главных блюд поминальной трапезы. Согласно чувашским обычаям, в день похорон и поминок в доме покойника обязательно должно было пахнуть жареными на сковороде блинами. Считалось, что таким образом можно насытить покойников, так как они будут вдыхать их аромат. В процессе приготовления первый испеченный блин откладывали в сторону, так как он предназначался для покойника. Потом его выбрасывали на улицу или отдавали собакам, поскольку верили, что умершие приходят к живым в облике собак. Поэтому в дни, когда поминали умерших, собак не обижали и всячески баловали едой, в том числе с поминального стола [Прокопьев, 1903: 24, 34]. Остальные блины складывали друг на друга в виде горки, а затем расставляли на разных местах стола, за которым проводили тра-

пезу. Блины при этом старались не пережаривать, чтобы у покойного на «том свете» не изменился цвет лица, и он не стал красным [Сергеева, 2015: 126].

Ещё одной особенностью указанных поминальных блюд было то, что при их приготовлении не использовалась соль. Есть основания предполагать, что без соли готовили не только специальные поминальные кушанья *хаймалу*, *сўхў*, *кўптёрме*, но и блины *икерчй*. По Л. С. Лаврентьевой, которая изучила и обобщила роль и значение соли в обрядах и верованиях восточных славян, это было продиктовано тем, что еда без соли олицетворяла еду иного, т. е. потустороннего мира [Лаврентьева, 1992: 53]. Следует отметить, что кушанья без соли в дни похорон и поминок бытовали не только у восточных славян [Лаврентьева, 1992: 52–53; Пьянкова, Седакова, 2021: 114], но и народов Поволжья, в частности, у бесермян и удмуртов [Попова, 2023: 581–582]. Аналогичные представления, возможно, были распространены и среди чувашей.

Некоторые запреты соблюдались при приготовлении горячих блюд, например, супа на курином бульоне с лапшой. Лапшу готовили особым способом: сначала замешивали тесто, затем его раскатывали, а после этого руками разрывали на мелкие кусочки размером в ноготь. Разрезать раскатанное тесто ножом было запрещено, иначе тело покойника будет испытывать боль и страдания. Поэтому такая лапша так и называлась — *татнй салма* (досл. «оторванная лапша») или *алйпа татнй салма* (лапша, оторванная руками), а суп, приготовленный из нее, — *татнй салма яшки* (суп с оторванной лапшой) [Афанасьева, 2002: 44].

Использование ножа было также под запретом при разделке сваренного мяса. К примеру, перед тем как подать на стол мясо курицы, его разделявали исключительно руками. При приготовлении поминального стола этого правила придерживаются и в настоящее время. По этой же причине на поминальный стол не кладут острые предметы, прежде всего ножи и вилки [ЧНТ, 2009: 29]. По верованиям чувашей, они являются колющими предметами, а потому для покойника представляют опасность.

Ряд обязательных запретов соблюдали при забое скота и птицы, а также в процессе приготовления мясных блюд. В день похорон и поминок покойнику в обязательном порядке следовало пожертвовать домашнюю птицу или домашний скот. На этот счёт среди чувашей, особенно сельского населения, до сих пор существует правило, согласно которому покойнику обязательно нужно принести кровавую жертву — *юн кйлармалла* (досл. «выпустить кровь»). В честь умершего обычно закалывали курицу (редко петуха), а также овцу (если покойником была женщина) или барана (если покойник мужчина). В старину на поминках мужчины резали бычка, жеребенка или лошадь, женщины — корову или теленка. Обычно умирающий перед смертью сам указывал на скот, который следовало зарезать и сварить из него еду [Салмин, 2007: 337].

Считалось, что на том свете покойник будет ухаживать за ними и использовать их в качестве рабочих и ездовых животных [Прокопьев, 1903: 26–27]. Тем не менее, животных в основном закалывали на больших поминках, а на индивидуальных поминках, например, на 3-й, 7-й, 9-й, 20-й дни обходились жертвованием курицы. Более предпочтительной считалась овца, так как она символизировала «продолжение рода» [Ягафова, Петров, 2023: 171]. Если по каким-либо причинам приходилось резать барана, то на землю клали несколько монет и, обращаясь к усопшему, говорили:

«Вот, для тебя режем барана, прими. А на эти деньги купи там себе овцу» [ПМА-2]. По народным воззрениям, принесение в жертву овцы, возможно, гарантировало покойнику прибавление поголовья скота, в чем он был заинтересован так же, как и его живые родственники.

После того, как резали курицу, перья и пух птицы выбрасывали на улицу [Прокопьев, 1903: 23], потому что они считались законной долей покойника и их хранить дома запрещалось. В прошлом их выкидывали в какой-либо овраг за пределами селения или на улицу. В настоящее время пух и перья птицы собирают в мешочек, после чего кладут в гроб или закапывают на дне могильной ямы [Ягафова, Петров, 2023: 170–171].

Как правило, забивали только домашнюю живность, брать или покупать ее на стороне запрещалось. Перед закланием голову животного направляли в сторону кладбища, иначе жертва не дойдет до покойника. В это время женщины крошили на землю три лепешки *хймалу* или хлеб, а на голову животного из ковша выливали воду, чтобы оно отряхнулось и стало пригодным для жертвоприношения. После этого они в полголоса пели или произносили речитативом причитание по покойнику *сас кӕларни* [Прокопьев, 1903: 27–28]. Собирать кровь для последующего употребления запрещалось, так как она предназначалась покойнику. Поэтому делали так, чтобы кровь стекала на землю в специально приготовленное углубление.

Кроме этого, животных всегда резали на сакрально «чистом» месте. По К.П. Прокопьеву, у чувашей-язычников таковым считалось место, на котором мастерили гроб [Прокопьев, 1903: 27]. В других локальных традициях пригодным для жертвоприношений местом являлся небольшой участок, находящийся на восточной стороне подворья. Здесь членам семьи запрещалось справлять нужду, выливать нечистоты, сквернословить, ударять по земле палкой и т.д. [Ягафова, Петров, 2023: 283].

Для приготовления поминальной пищи использовали только левые половинки туш животных, так как правые половинки были под запретом. К примеру, в начале XX в. так поступали чувашаи Свияжского уезда Казанской губ. [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 109–110]. Некрещеные чувашаи на больших поминках варили левые половинки туши, а правые откладывали для проведения обряда после установления надмогильного памятника *юпа*, совершаемого через несколько дней [Салмин, 2007: 339]. Эта традиция жива и сегодня. Так, чувашаи Южного Приуралья из левой половинки туши животного готовят исключительно поминальную еду, а мясо с правой половинки употребляют в обычные дни [ПМА-1]. Такой избирательный подход, вероятно, был обусловлен тем, что у чувашей, как и у других народов, левая сторона ассоциировалась с потусторонним миром, т.е. миром мертвых и миром предков. Сказанное подтверждается и другими фактами похоронно-поминальной практики чувашей. Например, все узлы на одежде и обуви умершего завязывали исключительно в левую сторону, при одевании покойника перво-наперво надевали левый рукав одежды и только потом правый, левую полу верхней одежды всегда клали поверх правой, онучи на ногах заворачивали не слева направо, а наоборот [Петров, 2018: 208–209].

В некоторых селениях при приготовлении поминальных блюд не использовали внутренности животного — сердце, легкие, трахею с горлом, печень и кишки. Это объяснялось поверьем, что их употребление может вызвать у родственников сильные боли

внутренних органов [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 208. Л. 109–110] или же принести большое горе [Салмин, 2007: 338].

Поминальная трапеза и связанные с ней запреты

В завершение несколько слов о некоторых запретах и ограничениях, имевших место на поминальных трапезах. Из всех коллективных трапез своими особенностями отличалась трапеза, которая устраивалась на больших поминках. У некрещеных чувашей эта трапеза называлась *юпа*, у крещеных — сороковины или поминки сорокового дня — *пумилкке, хёрхмёш*. В соответствии с традиционными представлениями, в этот день душа покойного навсегда покидала родной дом. Поэтому, чтобы с ним «попрощаться» и достойно проводить в «мир предков», приглашали как можно больше людей. Наряду с родственниками и близкими на поминки приглашали всех участников похорон, но, прежде всего, тех, кто изготавливал гроб, кто копал могилу, кто обмывал тело покойника, кто после выноса гроба мыл внутренние помещения жилища, кто стирал белье, кто пек блины, кто варил еду и готовил поминальный стол и т.д.

Поминальный стол старались сделать богатым и разнообразным. Экономить на еде и питье запрещалось. Это делали для того, чтобы покойник на своих прощальных поминках получил обильное угощение и всем остался доволен. Кроме этого, бытовало поверье, что за недостаточное угощение и почтение умерший может наказать родственников, наслав на них различные болезни, бедствия и несчастья.

Считалось, что во время поминальных застолий вместе со всеми остальными питается и покойник. В прошлом для него либо на скамейке, либо на столе около входной двери, либо на краю общего поминального стола ставили большую деревянную чашу, в которую поминающие поочередно по кусочку отрывали разные виды пищи. Рядом с ней на столе или под ним ставили деревянное ведро или другой сосуд, куда отливали домашнее пиво, вино или водку. По краям чаши и ведра прикрепляли и зажигали свечи, которые с собой приносили участники поминок [Прокопьев, 1903: 23, 25, 29]. Начиная с XX в., вместе с большой чашей или миской, куда крошилась еда и отливалось питье, на стол стали ставить столовые приборы с едой — тарелку с супом, стакан с пивом (чаем, компотом), рюмку с водкой, столовую и чайную ложки. Также для покойника ставили отдельный стул, а сверху на него клали подушку. Суп всегда наливали в тарелку, которой покойник пользовался при жизни. Впоследствии указанные тарелку и ложку с другими столовыми приборами не смешивали, так как их использовать наравне с другой посудой было нельзя. В поминальный обед в день похорон, а также в последующие поминальные дни для покойника ставили только эту посуду, а после больших поминок их разбивали и выкидывали.

Стул и место за столом, предназначенные для покойника, должны были оставаться незанятыми в течение всей трапезы. Кому-либо садиться на это место и тем более принимать пищу запрещалось. С одной стороны, этим родственники демонстрировали почтительное отношение к покойнику, с другой — подчеркивали дистанцированность умершего от них и принадлежность к миру предков.

Коллективную поминальную трапезу начинали только после совершения обряда ритуального «кормления» *хывни* [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 243. Л. 74]. Обряд «кормления» был прост и универсален во всех ареалах проживания чувашей — все участни-

ки поминок по очереди подходили к чаше, стоящей на столе, и со словами «*Умӑнта пултӑр*» (Пусть будет пред тобою) крошили в нее что-нибудь из еды. Напитки (пиво, вино, водку), как было отмечено выше, отливали в другой сосуд. Вначале со своими кушаньями этот обряд совершали домохозяева и члены семьи, за ними — приглашенные гости [Прокопьев, 1903: 29; Салмин, 2007: 341]. С начала XX в. напитки стали отливать непосредственно в чашу с едой, отдельное ведро или сосуд для этих целей применялось все реже и реже. Затем 3 или 5 человек из числа родственников (обязательно нечетное число) выходили во двор и все содержимое сосудов со словами «*Умӑнта пултӑр*» выливали около столбовых ворот и возвращались в дом. Только после этого начиналось общее застолье. В некоторых локальных традициях обряд «кормления» совершали во время коллективной трапезы. Все виды продуктов с поминального стола понемногу складывали в чашу или миску, затем периодически, но обязательно нечетное количество раз (от 3 до 5) выносили во двор. В других местностях этот обряд совершали перед завершением трапезы. При этом использованную посуду внутрь жилища не заносили и оставляли во дворе или в сенях до следующего дня.

В день похорон во время поминального обеда, а в некоторых селениях и на больших поминках соблюдали гендерный принцип. Сначала за стол садились мужчины и только после них женщины, которым первыми садиться за стол запрещалось [Сергеева, 2021: 257]. Информанты объясняют это тем, что за стол первыми должны сесть те, кто копал могилу, изготавливал гроб, нес его до территории кладбища, т. е. мужчины. Однако вполне возможно, что это является проявлением прежних мусульманских традиций, в соответствии с которыми женщины и мужчины в общественных местах должны были питаться не только отдельно друг от друга, но и в разных помещениях.

После поминальной трапезы хозяевам провожать гостей запрещалось, в противном случае в доме появится еще один покойник. На этот феномен обратил внимание Н. Каменский и отметил в сочинении о языческих обрядах и религиозных верованиях чувашей. По этому поводу он, в частности, написал следующее: «Когда гости выходят из того дома, где был их покойник, то их никто из хозяев не провожает, иначе, будь то бы, у них кто-нибудь умрет очень скоро» [Каменский, 1879: 32].

Обращает на себя внимание также запрет после больших поминок оставлять в доме излишки еды и питья. Потому что бытовало поверье, что все приготовленные кушанья после поминок для последующего потребления становятся непригодными [Прокопьев, 1903: 34]. Неслучайно приготовленное для поминок пиво у чувашей называлось *вилӑ сын сӑри* (досл. пиво мертвого человека) [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 152. Л. 165–165 об.] или *виле сӑри* / *вилӑ сӑри* (досл. пиво мертвеца) [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 21. Л. 531–532]. Руководствуясь этим табу, чуваша от излишков пива после поминок всячески избавлялись, т. е. выливали на улицу [Ашмарин, 1930: 230].

Аналогично поступали с остатками поминального супа [Прокопьев, 1903: 34]. Если оставшийся после трапезы бульон выливали, то мясо и другие продукты раздавали односельчанам. Одни раздавали соседям, другие — беднякам и нищим, третьи — проживающим по соседству этнически неродственным народам, например, татарам [Тимрясов, 1876: 274]. Поэтому, чтобы все яства и напитки были съедены и выпиты и ничего

лишнего не оставалось, устроители поминок на трапезу приглашали как можно больше людей — родственников, соседей, односельчан, в том числе и посторонних людей.

Заключение

Таким образом, еда и напитки являются важной и составной частью не только культуры питания, но и религиозных представлений и верований. Наибольшую устойчивость и значимость пища сохраняет в семейно-обрядовой сфере, в том числе в обычаях и обрядах похоронно-поминального цикла. Включаясь в обряд, она приобретает выраженные ритуальные функции и становится важным и необходимым элементом как обряда в целом, так и отдельных промежуточных его этапов. Именно по этой причине еда и пища в обрядах похорон и поминок приобретают выраженный сакрализированный характер. Это находит отражение также в системе пищевых запретов и ограничений. Последние не только регламентировали бытовое и ритуальное поведение человека во время ритуала похорон и поминок, но и накладывали определенные ограничения на ассортимент пищи и напитков, технологию приготовления, особенности трапезы, количество блюд и участников обряда и т. д.

В настоящее время пищевые запреты и ограничения в похоронно-поминальной обрядности чувашей соблюдаются, но не так беспрекословно и последовательно, как в прошлом. Уменьшение и исчезновение запретительных норм обусловлено стиранием границ между сакральным и профанным пространствами, необязательностью их соблюдения для большинства членов социума, современными социокультурными процессами и т. д.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института этнологических исследований УФИЦ РАН № 122041900118–5.

Acknowledgement and funding

The research was carried out within the framework of the State Assignment of the Institute of Ethnological Studies UFRC RAS № 122041900118–5.

Список сокращений

ВЧУ — Вестник Чувашского университета

ИКЕ — Известия Казанской епархии

МАЭ — Музей антропологии и этнографии

НА — Научный архив

ПМА — Полевые материалы автора

СГСПУ — Самарский государственный социально-педагогический университет

СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии

ТЖЛАИ — Томский журнал лингвистических и антропологических исследований

УИИЯЛ — Удмуртский институт истории, языка и литературы

ФИКИ — Фонд историко-культурологических исследований им. К. В. Иванова

ЧГИГН — Чувашский государственный институт гуманитарных наук

ЧНТ — Чувашское народное творчество

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

- Абукаева Л.А. Запреты в системе воззрений мари. Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2018. 212 с.
- Афанасьева Л.А. Ритуальные блюда в похоронно-поминальном обряде чувашей Приуралья // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения : материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Елабуга : Елабужский государственный педагогический институт, 2002. С. 43–46.
- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Чебоксары : Наркомпрос, 1930. Вып. V. 420 с.
- Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XVI. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1941. 376 с.
- Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Запреты // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2. Д — К (Крошки). М. : Международные отношения, 1999. С. 269–273.
- Каменский Н. Современные остатки языческих обрядов и религиозных верований у чуваш. Казань : Типография Императорского ун-та, 1879. 36 с.
- Касимова Д.Г. Семейная обрядность чепецких татар (середина XIX–XX вв.). Ижевск : УИИЯЛ, 2003. 300 с.
- Лаврентьева С.А. Соль в обрядах и верованиях восточных славян // СМАЭ. Т. 45: Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб. : МАЭ, 1992. С. 44–55.
- Магницкий В.К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Собр. в некоторых местностях Казанской губ. Казань : Типография Императорского ун-та, 1881. 266 с.
- Месарош Д. Памятники старой чувашской веры: пер. с венг. Чебоксары : ЧГИГН, 2000. 360 с.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Ед. хр. 21.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 152.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 176.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 208.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 218.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 231.
- Научный архив Чувашского гос. ин-та гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 243.
- Петров И.Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX — начало XX века). Уфа : Башк. энцикл., 2018. 296 с.
- Петров И.Г. Поведенческие запреты в похоронных и поминальных обрядах чувашей // ВЧУ. 2021. № 2. С. 158–170.
- Петров И.Г., Ягафова Е.А. Ритуал похорон и поминок чувашей в контексте запретов // ТЖЛАИ. 2023. № 2. С. 142–150.
- Попова Е.В. Символика соли в верованиях и обрядах бесермян и удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2023. Т. 17. № 4. С. 575–586.
- Прокопьев К.П. Похороны и поминки у чуваш. Казань : Императорский ун-т. 1903. 39 с.

Пьянкова К. В., Седакова И. А. Соль // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 5. С (Сказка) — Я (Ящерица). М. : Международные отношения, 2012. С. 113–119.

Салмин А. К. Система религии чувашей. СПб. : Наука, 2007. 654 с.

Сергеева Е. В. Ритуальные блюда и напитки чувашей в семейной обрядности чувашей // Исследования по этнологии чувашского народа : сб. ст. Чебоксары : ЧГИГН, 2021. Вып. 1. С. 243–261.

Сергеева Е. В. Традиционная кухня и застольный этикет чувашей (конец XIX — начало XXI в.). Историко-этнографическое исследование по материалам этнографической группы низовых чувашей. Чебоксары : ФИКИ, 2015. 172 с.

Тимрясов С. Похороны и поминки у чуваш-язычников дер. Ишалкиной Чистопольского уезда Саврушского прихода // ИКЕ. 1876. № 9. С. 269–274.

Тихомирова М. Н. Правила и запреты в пище и трапезе погребально-поминального обряда татар Западной Сибири // Сибирский сборник: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Кн. 2. С. 93–100.

Чувашская мифология: этнографический справочник / науч. ред. Д. В. Егоров. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с.

Ягафова Е. А., Петров И. Г. Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация. Самара : СГСПУ, 2023. 352 с.

Чувашское народное творчество. Приметы и поверья. Сновидения / сост. Е. В. Федотова. Чебоксары : Чувашское книжное изд-во, 2009. 383 с. (на чуваш. яз.).

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ АВТОРА (ПМА)

ПМА-1. Информатор П. М. Наумова, 1937 г. р., с. Уязыбашево Мякинского района Республики Башкортостан. 2004 г.

ПМА-2: Информатор Е. М. Садаева, 1917 г. р., с. Мраково Гафурийского района Республики Башкортостан. 2004 г.

References

Abukaeva L. A. *Zaprety v sisteme vozzrenii mari* [Prohibitions in Mari belief system]. Ioshkar-Ola: Mariiskii gosudarstvennyi universitet, 2018, 212 p. (In Russian).

Afanas'eva L. A. *Aktual'nye problemy tiurkskoi i finno-ugorskoi filologii: teoriia i opyt izucheniia. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Actual problems of Turkic and Finno-Ugric philology: theory and experience of study. Proc. of All-Russian Scientific and Practical Conference]. Elabuga: Elabuzhskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institute, 2002, pp. 43–46 (in Russian).

Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo iazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary: Narkompros, 1930, iss. V, 420 p. (in Russian).

Ashmarin N. I. *Slovar' chuvashskogo iazyka* [The Chuvash language dictionary]. Cheboksary: Chuvashgosizdat, 1941, iss. XVI, 376 p. (in Russian).

Egorov D. V. (ed.) *Chuvashskaya mifologiya: etnograficheskii spravochnik* [Chuvash mythology: an ethnographic handbook]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2018, 591 p. (in Russian).

Iagafova E. A., Petrov I. G. *Religioznye praktiki chuvashei: traditsii i ikh transformatsiya* [Chuvash religious practices: traditions and their transformation]. Samara: SGSPU, 2023, 352 p. (in Russian).

Kamenskii N. *Sovremennye ostatki iazycheskikh obryadov i religioznykh verovanii u Chuvash* [Modern remnants of pagan rites and religious beliefs among the Chuvash people]. Kazan: Tipografiia Imperatorskogo un-ta, 1879, 36 p. (In Russian).

Kasimova D. G. *Semeinaya obryadnost' chepetskikh tatar (seredina XIX — XX vv.)* [Family rituals of the Chepetsk Tatars (mid XIX–XX cc.).]. Izhevsk: UIIYaL, 2003, 300 p. (in Russian).

Lavrent'eva S. L. Sol' v obryadakh i verovaniyakh vostochnykh slavyan [Salt in rituals and beliefs of the East Slavs]. *Sbornik Muzeia Antropologii i Etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. St. Petersburg, 1992, vol. 45, pp. 44–55 (in Russian).

Magnitskii V. K. *Materialy k ob'iasneniyu staroi chuvashskoi very. Sobr. v nekotorykh mestnostiakh Kazanskoi gub.* Kazan: Tipografiia Imperatorskogo un-ta, 1881, 266 p. (in Russian).

Mesarosh D. *Pamyatniki staroi chuvashskoi very* [Monuments of the old Chuvash faith]. Cheboksary: ChGIGN, 2000, 360 p. (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 21 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 152 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 176 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 208 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 218 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 231 (in Russian).

Nauchnyi arkhiv Chuvashskogo gosudarstvennogo instituta gumanitarnykh nauk (NA ChGIGN) [Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities]. Otdel I. Edinitsa khraneniya 243 (in Russian).

Petrov I. G. *Odezhda v semeinykh obychayakh i obryadakh chuvashei (XIX — nachalo XX veka)* [Clothing in Chuvash family customs and rituals (XIX — early XX centuries)]. Ufa: Bashk. entsikl., 2018, 296 p. (in Russian).

Petrov I. G. *Povedencheskie zaprety v pokhoronnykh i pominal'nykh obriadakh chuvashei* [Behavioural prohibitions in Chuvash funeral and memorial rites]. *Vestnik Chuvashskogo Universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. 2021, no. 2, pp. 158–170 (in Russian).

Petrov I. G., Iagafova E. A. *Ritual pokhoron i pominok chivashei v kontekste zapretov* [Chuvash funeral and wake ritual in the context of prohibitions]. *Tomskii Zhurnal Antropologicheskikh I Lingvisticheskikh Issledovanii* [Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Research]. 2023, no. 2, pp. 142–150 (in Russian).

Popova E. V. Simvolika soli v verovaniyakh i obryadakh besermyan i udmurtov [Symbolism of salt in the beliefs and rites of Besermians and Udmurts]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii* [Finno-Ugric Studies Yearbook]. 2023, vol. 17, no. 4, pp. 575–586 (in Russian).

Prokop'ev K. P. *Pokhorony i pominki u Chuvash* [Funerals and wakes of Chuvashes]. Kazan: Imperatorskii un-t, 1903, 39 p. (in Russian).

P'yankova K. V., Sedakova I. A. Sol' [Salt]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar' v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnoinguistic dictionary. 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2012, vol. 5, pp. 113–119 (in Russian).

Salmin A. K. Sistema religii chivashei. St. Petersburg: Nauka, 2007, 654 p. (in Russian).

Sergeeva E. V. Ritual'nye blyuda i napitki chivashei v semeinoi obriadnosti chivashei [Chuvash ritual dishes and drinks in Chuvash family rituals]. *Issledovaniya po etnologii chuvashskogo naroda* [Studies on ethnology of the Chuvash people]. Cheboksary: ChGIGN, 2021, iss. 1, pp. 243–261 (in Russian).

Sergeeva E. V. *Traditsionnaya kukhnya i zastol'nyi etiket chivashei (konets XIX — nachalo XXI v.). Istoriko-etnograficheskoe issledovanie po materialam etnograficheskoi gruppy nizovykh chivashei* [Traditional cuisine and table etiquette of the Chuvash people (late XIX — early XXI century). Historical and ethnographic research on the materials of the ethnographic group of the lower Chuvash people] Cheboksary: FIKI, 2015, 172 p. (in Russian).

Tikhomirova M. N. Pravila i zaprety v pishche i trapeze pogrebal'no-pominal'nogo obryada tatar Zapadnoi Sibiri [Rules and prohibitions in food and meals of the funeral and memorial rites of the Tatars of Western Siberia]. *Sibirskii sbornik: Pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Siberian Collection: Burial Rites of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories]. St. Petersburg: MAE RAN, 2009, book 2, pp. 93–100 (in Russian).

Timriasov S. Pokhorony i pominki u chuvash-iazychnikov der. Ishalkinoi Chistopol'skogo uezda Savrushskogo prikhoda [Funerals and commemorations of the Chuvash pagans in Ishalkino of the Chistopol district of the Savrush congregation]. *Izvestiya Kazanskoi Epatkhii* [News of the Kazan diocese]. 1876, no. 9, pp. 269–274 (in Russian).

Vinogradova L. N., Tolstaia S. M. Zaprety [Prohibitions]. *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskii slovar' v 5 t.* [Slavic antiquities: ethnoinguistic dictionary. 5 vols]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999, vol. 2, pp. 269–273 (in Russian).

Chuvashskoe narodnoe tvorchestvo. Primety i pover'ya. Snovideniya [Chuvash folk art. Omen and beliefs. Dreams]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2009, 383 p. (in Chuvash).

Статья поступила в редакцию: 29.10.2024

Принята к публикации: 12.09.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 398. 32

DOI 10.14258/nreur(2025)4–10

Т. М. Садалова*Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова,
Элиста (Россия);**Национальный Комитет по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай,
Горно-Алтайск (Россия)*

О ХАРАКТЕРИСТИКЕ БОГАТЫРСКОГО ЛУКА В АЛТАЙСКИХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЯХ

Эпическое наследие алтайского народа отражает в себе историко-культурные реалии в контексте сказаний тюрко-монгольских народов. В статье проводится анализ алтайских сказаний, в которых представлена роль богатырского лука как наиболее упоминаемого в эпосе вида вооружения дистанционного боя. В архаических культурах проблема эпического отражения исторических реалий интерпретируется через художественное освоение, придавая им масштабность и гиперболизацию. Целью настоящей работы является выяснение описаний внешнего вида богатырского лука со стрелами и наконечниками, его магико-мифологических особенностей в алтайском эпосе. Данная цель требует выявления механизмов, которые обеспечивают жизнедеятельность фольклорной традиции, механизмов отбора, сохранения и расшифровки тех или иных фрагментов из сюжетов сказаний. Для решения поставленных задач значимость приобретает сочетание традиционных методов исследования эпоса с привлечением междисциплинарного подхода. Подход, использованный при разработке данной проблематики, послужил методологической основой работы. Он предполагает проведение исследования во взаимосвязи с историко-археологическими фактами — исследование эволюции элементов, отраженных в эпическом творчестве, с мировоззренческими представлениями о богатырском оружии. При работе над статьей автор опирался на методику сравнительно-сопоставительных и междисциплинарных исследований известных археологов, этнографов и фольклористов — Ю. С. Худякова, В. В. Кубарева, В. И. Соенова, Л. П. Потапова, С. С. Суразакова и др. Актуальность статьи определена тем, что лук в современной национальной культуре играет важную роль как один из почитаемых артефактов, возрождаемых любителями стрельбы из лука во время национальных праздников. В связи с этим необходимо выяснение его архаических характеристик и роли в эпическом репертуаре. Новизна исследования заключена в комплексности подхода к изучаемой теме с учетом не только фольклорных материалов, но и мировоззренческих, археологических и лингвистических данных. Алтайский эпос имеет в своей основе мировоззренческие аспекты с сохранением историко-этнографической фактологии исторического бытия народа на разных этапах. В то же время в систему этноэпического комплекса алтайского народа входит сакрализация богатырского коня, воин-

ской одежды и оружия как божественных даров. Важно то, что почтительное отношение к луку как сакральному артефакту сохраняется по настоящее время.

Ключевые слова: героические сказания, историзм эпоса, инициация, богатырь, дистанционное вооружение, богатырский лук, стрелы, магические заговоры.

Для цитирования:

Садалова Т. М. О характеристике богатырского лука в эпических сказаниях // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 205–219. DOI 10.14258/nreur(2025)4–10.

Садалова Тамара Михайловна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Калмыцкого государственного университета имени Б. Б. Городовикова, Элиста (Россия); ответственный секретарь Национального комитета по делам ЮНЕСКО в Республике Алтай, Горно-Алтайск (Россия). **Адрес для контактов:** sadalova-t@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>.

T. M. Sadalova

*Kalmuk State University named after B. B. Gorodivikov, Elista (Russia);
National Committee for UNESCO in the Altai Republic, Gorno-Altaysk (Russia)*

ABOUT THE CHARACTERISTICS OF THE HEROIC BOW IN THE ALTAI EPIC TALES

The epic heritage of the Altai people reflects the historical and cultural realities in the context of the legends of the Turkic-Mongolian peoples. The article analyzes the Altai legends, which present the role of the heroic bow as the most common type of remote combat weapons. In archaic cultures, the problem of epic reflection of historical realities is interpreted through artistic development, giving them scale and hyperbolization. *The purpose* of this work is to clarify the utilitarian functions and magical and mythological characteristics of the Bogatyr bow in the Altai epic. This goal requires the identification of mechanisms that ensure the vital activity of the folklore tradition, the mechanism of selection, preservation and decoding of certain fragments from the plots of legends. To solve the tasks set, the combination of traditional methods of epic research with the involvement of an interdisciplinary approach becomes important. The systematic approach used in the development of this issue served as the methodological basis of the work. It involves conducting research in several aspects: studying the connections that determined the system — forming foundations of the phenomenon; functional analysis — identifying the mechanisms of vital activity, in particular, in interaction: with historical and archaeological facts — a study of the evolution of the constituent elements of epic creativity ideological ideas about heroic equipment. When working on the article, the author relied on the methodology of comparative and interdisciplinary studies of famous

archaeologists, ethnographers and folklorists — Y.S. Khudyakov, V.V. Kubarev, V.I. Soenov, L.P. Potapov, S.S. Surazakov, etc. *The relevance of the article* is determined by the fact that the onion plays an important role in modern national culture as one of the revered artifacts. In this regard, it is necessary to clarify its characteristics and role in the epic repertoire. The Altai epic is based on ideological aspects with the preservation of the historical and ethnographic factology of the historical existence of the people at different stages. At the same time, the system of the ethno-epic complex of the Altai people includes the concept of sacralization of heroic attributes, including, military equipment, as gifts of the deities. It is important that the respectful attitude towards the bow as a sacred artifact remains to this day.

Keywords: heroic tales, historicism of the epic, initiation, hero, remote armament, heroic bow, arrows, magical spells.

For citation:

Sadalova T.M. On the characteristics of the Heroic Bow in Epic Tales. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30, No. 4. P. 205–219 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–10.

Sadalova Tamara Michaylovna, doctor of Philological Sciences, Professor, leading researcher of the Kalmuk State University named after B.B. Gorodivikov, Elista (Russia); Executive Secretary of the National Committee for UNESCO in the Altai Republic, Gorno-Altaysk (Russia). **Contact address:** sadalova-t@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>.

Введение

О вооружении древних алтайских кочевников достаточно много археологических исследований [Худяков, 2014; Кочеев, 1999; Соенов, 1999; Кубарев, 2003; Константинов, 2008]. О найденных видах вооружения на Алтае, относящихся еще к эпохе верхнего палеолита, например В.И. Соенов, отмечал, что для охотников того времени, добывающих для пропитания мамонтов, были характерны луки и пики [Соенов, 1999: 14]. В эпоху неолита меняется внешний вид стрел, обретая меньшие формы [Соенов, 1999: 19].

Исследователь монгольского вооружения А.Н. Басхаев пишет: «Время появления лука относят к позднему палеолиту или к самому началу мезолита (40–30 тысяч лет тому назад). С выделением скотоводческих племен возросла и роль лука в жизни человека. Связано это в первую очередь с тем, что из охотничьего он становится военным, боевым оружием... В обстановке постоянных конфликтов лук становится одним из главных орудий войн» [Басхаев, 2003: 211]. Именно лук со стрелами у монгольских племен... был основным и самым массовым оружием дистанционного боя [Басхаев, 2003: 212–213].

В эпоху мезолита на Алтае увеличивается количество наконечников стрел, так как основным охотничьим оружием становится лук. Об этом свидетельствуют многочисленные находки наконечников стрел на стоянках [История Республики Алтай, 2002: 84]. Среди находок в эпоху неолита на Алтае «наиболее выразительную часть составля-

ют мелкие и средние ретушированные пластины. Все они, вероятно, являются вкладышами составных орудий. В этих горизонтах встречены обломки наконечников стрел, изготовленных из пластин» [История Республики Алтай, 2002: 90].

В эпоху энеолита — переходного периода между неолитом и ранней бронзой, изготавливать оружие «люди научились из самородной меди», ... основной арсенал орудий был сделан по-прежнему из камней» [История Алтая, 2019: 97].

Сцены ведения боя лучниками изображены на Алтае в петроглифах известного памятника наскальных рисунков местности Калбак-Таш, по которым можно судить о боевой тактике, боевых позах древних воинов, формах луков. Эти рисунки датируются археологом Н.А. Константиновым бронзовым веком [Константинов, 2008: 142].

В пазырыкский период основным материалом для изготовления орудий труда и оружия в металлургии прочно господствует железо. Совершенствуется оружейный комплекс. Алтайские кузнецы выработали формы наконечников стрел, соответствовавших новому типу более сложного и дальнобойного лука. Комплекс вооружения воинов того времени включал средства ведения дистанционного боя и защиты. Дистанционное оружие представлено в основном луками и стрелами. Лук в этот период применялся сложносоставной, когда на его деревянную основу (кибеть) крепились роговые концевые и срединные накладки. Последнее увеличивало мощность этого вида оружия. Такому луку соответствовали стрелы с массивными железными наконечниками [История Республики Алтай, 2002: 182–183].

Характеризуя вооружение позднего пазырыкского периода, археолог В.А. Кочев отмечал, что для комплекса костяных стрел были характерны костяные черешковые трехгранные наконечники с удлинённо-треугольным шипастым пером [Кочев, 1999: 74].

Археолог Ю.С. Худяков о комплексе военного вооружения первой половины первого тыс. н. э., найденном в раскопках в одной из местности Алтая — в долине реки Эдиган, указывал на то, что «ведущее место занимало оружие дистанционного боя, представленное сложносоставными луками и стрелами с железными и костяными наконечниками разных форм» [Худяков, 2014: 142]. Следует сказать, что, по мнению исследователя, в наборе железных наконечников стрел преобладают трехлопастные стрелы удлинённо-треугольной формы с шипами, которые восходят к бронзовым трехлопастным черешковым наконечникам древних кочевников позднего этапа пазырыкской культуры в Горном Алтае [Худяков, 2014: 144].

В древнетюркский период лук со стрелами как вид вооружения продолжает совершенствоваться, как и в предшествующее время, лук использовался сложносоставной, снабженный роговыми накладками, что увеличивало его дальнобойность. В памятниках найдены берестяные колчаны со стрелами, имеющими железные наконечники с костяными свистунками [История Республики Алтай, 2002: 198], так как древнетюркские каганы владели многочисленными войсками: «Из оружия, — гласит древняя летопись, — имеют роговые луки со свистящими стрелами, латы, копыя, сабли и палаши. Искусно стреляют из лука с лошади...» [История Республики Алтай, 2002: 204].

Следовательно, эти примеры описания найденных видов оружия во время археологических раскопок на Алтае доказывают многоэтапность развития комплекса оружия

на Алтае, начиная с древнейших времен. При этом все археологические исследования отмечают постоянное усовершенствование видов вооружений алтайских кочевников.

В этнографической литературе следует выделить статью А. П. Потапова «Лук и стрела в шаманстве у алтайцев», в которой рассматривается роль охотничьего лука в контексте этнографических сопоставлений с шаманским бубном. При этом он утверждает, что до появления бубна первые шаманы пользовались как магическим атрибутом луком со стрелами, по мнению автора, данное явление было характерно в период эпохи матриархата [Потапов 1934: 67–76].

Целью нашей статьи является рассмотрение темы вооружения героев в эпических текстах алтайского народа, в частности, особо обращая внимание на богатырский лук как одно из активно упоминаемого оружия эпических охотников и воинов. В связи с этим нужно сказать, что эпическое наследие алтайского народа имеет глубокие корни, так как исторические и культурные связи алтайцев восходят к родовому строю и отражают древнюю и средневековую истории тюрко-монгольских народов Центральной Азии. Исследователи указывают на этапность исторического развития эпоса, также и постоянную его эволюцию. Для нас же важно появление основного типа героя — богатыря, первоначальный образ которого в алтайском эпосе был выдвинут как богатырь-охотник (мерген).

Алтайский фольклорист С. С. Суразаков считал, что так сложился «охотничий» эпос, главными сюжетами в нем были встречи и борьба героев с «хозяевами» земель и вод, изображаемых в образе животных, постоянные выезды богатырей на охоту, рождение сына во время пребывания отца на охоте, нападение в отсутствие героя чудовища (врага) на стойбище и т.д., при этом богатырь-охотник наделялся чертами мага и оборотня, сверхъестественными признаками или атрибутами [Суразаков, 1985: 25–26].

В дальнейшем развитии эпического творчества черты богатыря-охотника слились с чертами заменившего его богатыря-воина, обязательно всадника на коне. Именно приручение коня у древних тюрков и монголов Центральной Азии явилось поворотным моментом их ратной жизни, а в фольклоре — рождением нового героя — богатыря-воина [Суразаков, 1985: 25–26].

Таким образом, образцы лука, найденные во время археологических раскопок, указывают на достаточно древние этапы его использования, при этом качественные его характеристики усовершенствовались из века в век. Факты присутствия лука в охотничьем арсенале отмечалось вплоть до XIX в., сохранялось и почтительное отношение к нему как магическому атрибуту оберега жизненного пространства людей. Исходя из этого целью настоящего исследования является выявление эпических характеристик богатырского лука с выяснением мировоззренческих представлений в репертуаре алтайских сказаний. Обозначенная цель требует расшифровки тех мифологических пластов, которые вошли в систему традиций эпического мироустройства.

Материалы и методы

Для решения обозначенных задач особую значимость приобретает сочетание традиционных методов исследования эпоса с широким междисциплинарным подходом. Это позволяет рассмотреть мифологическую систему эпических текстов на конкретных примерах богатырского боевого снаряжения. В качестве основного материала данного исследования используются алтайские тексты сказаний [Аноцкий сборник, 1995: 39–67,

172–174; Алтайские героические сказания, 1997: 82–562; Алтай баатырлар, 2008: 2–208; Алтай баатырлар, 2019: 31–75, Алтай баатырлар, 2021а: 246; Алтай баатырлар, 2021б: 526–542]. Исходя из содержания героических сказаний мы представили сюжетные фрагменты, связанные с характеристикой богатырского лука, выделив следующие группы:

- а) богатырский лук — дар божественных покровителей;
- б) магические заговоры при стрельбе из лука;
- в) значение «живой стрелы»;
- г) стрела «кайбыр»;
- д) «священный лук — арагай»;
- ж) кровавый наконечник (стрела);
- з) богатырский лук с насечками.

О богатырском луке эпических героев

Богатырский лук — дар божественных покровителей. В эпических произведениях алтайского народа наиболее часто встречающимся видом оружия является богатырский лук, который имеет много аспектов своей характеристики. Если судить о наиболее древнем виде лука в сказаниях, скорее всего, его описание присутствует в тексте «Маадай-Кара» сказителя А. Г. Калкина. Будущий герой Кёгюдей-Мерген, будучи еще малолеткой, свою спасительницу Хозяйку Алтая — духа земли, просит сделать ему лук, чтобы поохотиться на птиц. Тогда она согнула ребро животного и сделала лук, а стрелы — из островерхого растения со стреловидным концом (сылгайак) [Алтай баатырлар, 2008: 53]. Малолетний герой так совершает свой первый подвиг, убивает наповал семерых волков, камнем расправляется с девятью черными воронами, поэтому Хозяйка Алтая решила, что настала пора посвятить его в богатыря. С. С. Суразаков отмечал, что «в сказаниях о богатырях-воинах обязательно присутствует обряд инициации, герой получает боевого коня, одежду и вооружение. Получение богатырем вооружения следует считать частью его инициации, в связи с этим он указывал на то, что «в эпических произведениях нет мотива выращивания коня, шитья одежды и изготовления оружия для героя. Все это является само собой, неожиданно», иногда богатырь может получить эти дары по наследству или оседланный конь может прийти с навьюченной одеждой и вооружением [Суразаков, 1985: 31]. Исследователь объясняет это тем, что конь дарован духами гор и воды или спущен небесными силами.

В том же эпическом сказании «Маадай-Кара» Хозяйка Алтая сама нарекает героя именем Кёгюдей-Мерген, рассказывает ему историю пленения его родителей, тогда он требует, чтобы ему дали коня для спасения своих родителей. Сцена посвящения героя изображена таким образом: как бы ниоткуда, из-под земли появляется конь с телегой, нагруженной богатырской одеждой, панцирем, оружием. Вручение каждого из видов богатырского оружия Хозяйкой Алтая Кёгюдей-Мергену перечисляется таким образом:

Шестидесятисаженную белую саблю

Подала она теперь.

Он же схватил, тут же нацепил.

Нержавеющую синюю пику

Подала она теперь,

Он же схватил, тут же сзади себя воодрузил.

С шестьюдесятью затворами
Белое ружье она подала,
Он же схватил, тут же сзади себя закинул.
(перевод наш. — Т. С.) [Алтай баатырлар, 2008: 65–66].

В этом тексте герой при своем сакральном посвящении и дарении ему богатырского коня получает и арсенал боевого оружия: саблю, ружье (упоминание ружья, скорее всего, нововведение самого сказителя или отражение вооружения более поздних эпох), пик и лук. Исключая гиперболизацию в характеристике оружия (например, шестьдесят затворов ружья, семьдесят насечек лука), здесь можно судить не только о перечне вооружения богатыря, но и о материале, из которого они сделаны, и внешних их характеристиках: сабля из белого металла, пика из нержавеющей металла, ружье тоже из белого металла, а лук оказывается железным и с большим количеством насечек. При этом описывается достаточно усовершенствованная стрела, для быстроты полета она снабжена крылышками и имеет железный наконечник. Говоря о сакральном дарении Хозяйкой Алтая герою коня, следует подразумевать и сакральность даруемого оружия, необходимого атрибута, присутствующего при посвящении героя в воины.

Кёгюдей-Мерген, кроме подаренного оружия, при первой встрече с врагами справляется с ними плеткой, свитой из шкур 90 бычков, т.е. плетку следует также относить к перечню видов боевого оружия [Алтай баатырлар, 2008: 79]. Следовательно, боевая плетка также была грозным оружием при битве богатырей.

В сказании А. Г. Калкина «Очы-Бала» главным героем является дева-богатырь, в тексте нет сцены ее посвящения, так как она была сама ниспослана духом земли [Алтайские героические сказания, 1997: 95]. В арсенале ее вооружения: колчан со стрелами, опушкой из перьев стрелы с кровавым наконечником, лук со ста зарубками, булатная сабля с тремя гнездами, остроконечный меч с девятью лезвиями, с золотой рукояткой нож-складень [Алтайские героические сказания, 1997: 101–103]. Следует сказать, что нож-складень достаточно часто упоминается не только в героических сказаниях, но и в сказках как неперенный атрибут одежды девушек. При этом среди археологических находок подобный нож-складень не упоминается, возможно, этот вид оружия — позднее явление. Хотя воинские ножи, кинжалы — постоянные образцы находок в раскопках нескольких исторических эпох, а также неперенная деталь каменных изваяний древнетюркского периода. Описание картины вооруженной девы-богатырши представлено таким образом:

[Колчан] со стрелами за спину закинула,
Нетупеющую булатную саблю прицепила,
Железную стрелу (лук. — Т. С.) со ста зарубками
У основания плеча приладила.
С опушкой из перьев [стрелу] с кровавым наконечником
Богатырка моя прицепила...
Острые копы сверкало,
Будто сплошной лес блестит,
Острые сабли сверкало,
Будто островерхая гора блестит...

Черный остроконечный меч
К стройной пояснице прилажен.
[Алтайские героические сказания, 1997: 95].
Сцена героической битвы Очи-Бала с врагами описана устойчивыми формулами:
Очи-Бала [сквозь войско] вниз проскакав,
Сорок тысяч врагов убила,
[Сквозь войско] вверх проскакав, богатырка
Семьдесят тысяч [врагов] изрубила.
Туда проходя, Очи-Бала
Шестьдесят тысяч истребила,
Сюда проходя, Очи-Бала
Пятьдесят тысяч [врагов] уничтожила.
Кровь мужей — широкая река,
Как озеро с чистыми песками, разлилась,
Кости коней. Как высокие горы,
там и тут каменной россыпью остались [лежать] ...
[Алтайские героические сказания, 1997: 161].

Магические заговоры при стрельбе из лука. Во многих текстах алтайских героических сказаний выстрел из лука является неким священнодействием, при этом стрельба из лука является приоритетом мужчины. Поэтому девы-богатырши в тематическом сюжете — брат и сестра, вынужденные стрелять из него, произносят магический заговор. В уже упомянутом эпосе «Маадай-Кара» заговор произносится и богатырем-малолеткой. Следовательно, герой-малолетка стреляет из своего первого примитивного лука, но когда он стреляет в семерых чудовищных волков, то использует также магическую формулу заговора:

Не я же стреляю,
Пусть стреляет железный наконечник стрелы — сказал.
Не я же застрелю,
Пусть достанет моя стрела из сылгай.
(перевод наш. — Т. С.) [Алтай баатырлар, 2008: 58].

В эпосе «Янгар» в исполнении сказителя Н. К. Ялатова сестра Янгарчы в облике брата совершает героическое сватовство, так как Янгар оказался смертельно ранен, его могли спасти только небесные девы, которых нужно было сосватать. Янгарчы по дороге и во время сватовства совершает много подвигов, но для выстрела из лука брата она говорит магическое заклинание таким образом:

«Наперсток надевавшим пальцем
За брата я стреляю.
Благословение-благодарность даруйте», —
Тихо так проговаривая,
Молилась она Алтаю.
[Янгар, 2023: 156].

В сказаниях зачастую описывается сама техника выстрела из лука, определяя и силу ее удара:

Две лопатки соединились,
Когда две насечки сошлись,
Выстрелила она, оказывается.
Из большого пальца дым потянулся.
От наконечника стрелы огонь повалил.
[Янгар, 2023: 156].

О значении «живой стрелы». В эпических текстах достаточно часто упоминают то, что у богатырей есть волшебная стрела, которую называют «живой» (*тиру ок* — живая стрела, *тынду кастак* — живой наконечник стрелы). Что за стрела, не совсем понятно, но она бывает у богатыря в единственном числе, обычно, когда герой убивает напопал этой стрелой врага, то его конь бежит за ней и на лету ловит и возвращает хозяину.

Дева же баатырша
Живую с зазубринами стрелу
На тетиву положив, натягивать стала...
Живая стрела полетела,
У Кара-Кула хана
Середину груди пробила,
Дальше улетела.
[Янгар, 2023: 156].

В сказании «Жимей-Ару и Шимей-Ару» встречается «тынду тебир ок» («живая железная стрела»). Почему эта стрела живая, объясняется тем, что ее заговаривают и ей приказывают. Здесь за ней никто не гонится, она выполняет свою задачу, сразив врага, возвращается обратно к богатырю. В этом сказании «живая» стрела ослушалась хозяина, так как оказалась, что та, кого надо было застрелить, была предназначенной стать невестой богатыря. Поэтому стрела сама доставляет спасенную невесту к ее отцу. Но когда стрела возвращалась обратно к хозяину, ее перехватывает старуха Шимилтей, потому что стрела служит тому, кто ею повелевает. Но ее истинному хозяину — богатырю Жимей-Ару, удается украсть ее и вернуть себе [Алтай баатырлар, 2021 (Т. 4): 246].

В «Мифологическом словаре» Н. Р. Ойноткиновой относительно понятия «живой наконечник стрелы» дается следующее пояснение: «Тынду кастак (живой наконечник) — заговоренные стрелком стрелы, придававшие особую силу стрелку... мотив заговаривания стрелы отражен в эпизоде сказания „Кан-Алтын“ следующим образом: „Железный лук, [упираясь] ногами, натягивает, Железную стрелу на зарубку кладет, Заклинание шепчет: „Сплошным огнем [все] пожирающим Алтай двух Дьеек-Дьыланов (Змей Глотал. — Т. С.) Разгораясь, все сожги!“ — так говоря, железную стрелу На Алтай (земли. — Т. С.) двух Дьеек-Дьыланов Горящую выпускает»» [Мифологический словарь алтайцев, 2021: 481–482].

Н. Р. Ойноткина определение стрелы как «живой» объясняет тем, что она заговаривается магическими формулами. Возможно, в основе этого определения кроется и другое значение, когда эти стрелы строга́ли из части растущего, а не срубленного дерева, поэтому они считались «живыми». Подтверждение мы находим и в шаманском обряде «живого бубна» или «живой рукоятки бубна». А. П. Потапов отмечал: «Рукоятку бубна обязательно делали из куска растущей березы. Сухостойное или срублен-

ное дерево находили для этого неподходящим, объясняя тем, что рукоятка бубна должна была быть „живой”, поэтому ее нужно было делать из живой, т. е. растущей березы. ... Характерно, что у телеутов не оживляли бубен, как это делали шаманы шорцев, кумандинцев, челканцев, тубаларов и алтайцев... объясняли это тем, что рукоятку бубна не оживляли потому, что она делалась из живой березы, следовательно, она была живая» [Потапов, 1949: 198–199].

Но возможен и другой факт, связанный с неким сакральным обрядом «оживления стрелы», подразумевая тесные связи магического лука и бубна. Подобный обряд «оживления бубна» также подробно описан этнографом А. П. Потаповым: «Когда бубен был готов, шаман брал его в руки и начинал камлать. Эта часть обряда называлась „оживлять бубен” (туур тиргизерге)». ... Суть первого камлания с бубном заключалась в его «оживлении» и тем самым превращении его в священный предмет» [Потапов, 1997: 29–30].

Стрела «кайбыр». В сказании «Аин Шаин Шикширге» — младшая дочь престарелого богатыря Олёкшина — стреляет из лука, положив на тетиву стрелу *кайбыр*, два конца железного лука, снабженного заложкой (тепке), сошлись вместе, из груди большого пальца потянулся дым, а в конце стрелы появился огонь [Аносский сборник, 1995: 40]. Эта стрела описывается как о девяти глазках, лук же назван как черный лук «арагай» [Аносский сборник, 1995: 39]. В примечаниях издания «Аносский сборник» Г. Н. Потапин значение слова «кайбыр» объясняет таким образом: «какой-то особый род стрелы». Далее он указывает виды стрел: «*јебе, кастак, кайбыр, согон, томор* (*томор* — стрелы тупые с шариком на конце, они не портят шкурки зверька), *косту ок* (досл. с глазами стрела, стрела с дырочками, свистящие; когда марал уходит, чтобы остановить, пускают эту стрелу, чтобы пролетела мимо его; изумленный свистом, марал останавливается и осматривается)» [Аносский сборник, 1995: 41]. Можно предположить, что знаменитые «свистящие» стрелы хуннского предводителя Модэ были так же устроены.

В примечаниях к тексту сказания «Маадай-Кара» значение словосочетания: *кыйбыр јебе*, поясняется, как: «*кыйгыр, кыйатан — тынын кыйатан ок*» («прерывающая жизнь стрела») [Алтай баатырлар, 2008: 208], т. е. смысловое определение придается действию стрелы. Хотя В. И. Вербицкий отмечал, что стрела *кайбыр* (*кайбыр*) — это боевая стрела с медным наконечником [Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка 2005: 118], как выше уже отмечали, начало литья медных наконечников археологи возводят к эпохе энеолита. В эпических текстах *кыйбыр ок* тоже считается «живой стрелой».

В словаре В. И. Вербицкого также приведен вид стрелы — *коста* (возможно, это вариант произношения на шорском языке *косту ок* — стрелы «с глазами»). Считается, что это вид богатырского лука, «самоходящий, как предмет одушевленный, отыскивающий врагов и их разящий» [Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка 2005: 147], т. е. не только стрелу могут называть «живой стрелой», но и сам лук может быть «живым».

«Священный лук — арагай»

В связи с вышесказанным попытаемся выяснить, что означает определение лука — «черный лук арагай». Следует сказать, что оно встречается не только в «Аносском сборнике», опубликованном в начале XX в., но и в поздних изданиях, например, в сказании

«Кан-Јеерен атту Таныскан-Кургучы» в исполнении сказительницы К. Кокпоевой подобный лук назван *ай-карагай* и в примечаниях трактуется, что это лук, стрелы которого напоминают большое количество сосен в лесу [Алтай баатырлар, 2021: 538]. Правоммерно можно допустить сравнение стрел в боевом колчане с соснами, тем более, подобное сравнение мы встречаем в определении копья в том же «Аносском сборнике»: «в руки взял копье величиною с куулы». Слово «куулы» объясняется так: «посохшее дерево, омытое дождями, получившее пепельный цвет» [Аносский сборник, 1995: 173]. В доступных нам словарях значение этого слова не расшифровано, кроме «Древнетюркского словаря», в котором близкое толкованию слово «арай» не объяснено, а сделана отсылка к слову: арий — лес, арий, священный, святой [Древнетюркский словарь, 1965: 53]. Во-первых, в древнетюркской форме слово «арагай» может встречаться в стяженном виде, когда буква -г- выпадает, во-вторых, исходя, от первоосновы — лес, возможно современная трактовка определения данного вида лука, как *карагай*, лук, смастеренный из дерева — карагай (сосна) или же стрелы были сделаны из сосны, или же допустимо образное сравнение количества стрел с сосновым лесом. Но, на наш взгляд, в контексте магического статуса лука в эпических текстах этимологию лука «арагай» можно расшифровать как «священный» лук.

Кровавый наконечник (стрела). Достаточно часто в сказаниях встречается словосочетание: *канду кастак* (кровавый наконечник), *канду ок* (кровавая стрела). Так, в эпосе «Янгар» враг использует такую стрелу:

Кара-Кула хан
Окровавленную с зазубринами стрелу
На тетиву положив, натягивать стал...
...Дева же баатырша
Живую с зазубринами стрелу
На тетиву положив, натягивать стала.
[Янгар 2023: 130].

Учитывая археологические данные об усовершенствовании оружия на территории Алтая с древнейших эпох, нужно указать, что словом: *кастак* называли железный наконечник стрелы [Ойротско-русский словарь, 1947: 75], а саму стрелу с железным наконечником — *јебе* [Ойротско-русский словарь, 1947: 51]. Железные наконечники были необходимы для пробивания вражеских железных панцирей. То, что богатыри сверху своих одеяний натягивали панцири, сделанные из железа или из грубо обработанной шкуры, упоминается во многих сказаниях. В сказании Н. Кадыева «Каналты-Бий» есть следующее описание: «*ак полот илјирмелу кебис*» — досл. попона из цепей белой стали. В примечании исследователь А.А. Конунов этому атрибуту дает такую характеристику: панцирь, защищающий шею и грудь коня, «пластинчатая кольчуга» [Алтай баатырлар, 2021: 534]. При этом надо отметить, что историки появления пластинчатых металлических панцирей возводят к I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. [История Республики Алтай, 2002: 183].

Богатырский лук с насечками

В алтайском эпосе часто по отношению к луку используется словосочетание *текпелу јаа*, которое переводится как лук с насечками:

С семьюдесятью насечками
Железный лук она подала,
Он же схватил, тут же сзади себя закинул.
(перевод наш. — Т. С.) [Алтай баатырлар, 2008: 67].

Значение определения *тепелу жаа* было объяснено Г. Н. Потаниным таким образом: «чтобы натянуть лук, клали его на землю, на тело лука ставили вертикально *тепке*, то есть деревянную линейку, на конце которой было несколько зарубок, потом тянули тетиву вверх, заставляя ее скользить по линейке сначала до первой зарубки, потом до второй [Аносский сборник, 1995: 41]. При этом в эпических текстах количество подобных зарубок достигало до семидесяти, ста и более, поэтому натягивание тетивы занимало достаточно длительное время, в сказаниях об этом говорилось гиперболизированно:

Вечером натягивала, уже и утро прохладное,
Утром натягивала, уже и вечер прохладный.
[Янгар 2023:156].

Указание большого количества насечек и долгое время натягивания стрелы демонстрировали силу выстрела из богатырского лука.

Заключение

Таким образом, представленная тема по характеристике богатырского лука в эпических текстах является обширной и многоаспектной, требующей не только сравнительного анализа большого количества сказаний, а также выявления историко-археологической, мировоззренческой и этнографической, лингвистико-этимологической фактологии. Археологические данные указывают на постоянные обнаружения наконечников стрел, которые развивались от каменных, медных до железных трехгранных, четырехгранных, а также луков — от простейших до сложносоставных, увеличивавших их упругость и дальноточность.

Обозначенные в статье эпические характеристики лука с указанием наличия его в числе атрибутов оружия в богатырской инициации, во время богатырской битвы с врагами с использованием магических функций, расшифровки определения боевого снаряжения, связанных с луком, имеют научный интерес, заслуживающий продолжения дальнейшего исследования.

Алтайский народ по-прежнему продолжает включать лук со стрелами в число почитаемых священных артефактов, он является также и родовой тамгой нескольких родов. Поэтому образ этого культурного объекта занимает свою постоянную нишу в современных этнокультурных процессах этнической идентификации народа.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–48–03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>

Acknowledgements and funding

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24–48–03026, <https://rscf.ru/project/24-48-03026/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск : Наука, 1997. Т. 15. 663 с. (на алт. и рус. яз.).

Аносский сборник / сост.: Н.Я. Никифоров. Горно-Алтайск, 1995. 264 с.

Басхаев А.Н. О луке и стрелах у монгольских народов (XII–XVIII вв.) // Монголоведение: сборник научных трудов. Элиста, 2003. № 2. С. 211–220.

Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. Л. : Наука, 1969. 676 с.

История Алтая. Т. 1. Древнейшая эпоха. Древность и Средневековье / под общ. ред. А.А. Тишкина. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2019. 319 с.

История Республики Алтай / гл. ред. А.П. Деревянко. Горно-Алтайск : Институт алтаистики им. С.С. Суразакова, 2002. Т. 1. 360 с.

Константинов Н.А. Изображения лучников эпохи бронзы из памятника Калбак-Таш // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири : сборник научных трудов. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2008. С. 142–148.

Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии : Межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. С. 74–82.

Кубарев В.Д. Военные сюжеты и культ оружия в петроглифах Алтая // Древности Алтая : межвузовский сборник научных трудов. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2003. № 11. С. 23–34.

Мифологический словарь алтайцев / сост. Н.Р. Ойроткинова. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2021. 600 с.

Ойротско-русский словарь / сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тощакова. М. : ГИС, 1947. 311 с.

Потапов Л.П. Бубен телеутской шаманки и его рисунки. // Сборник музея антропологии и этнографии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. Т. 10. С. 191–201.

Потапов Л.П. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев // Советская этнография. 1934. № 3. С. 67–76.

Потапов Л.П. Шаманский бубен — уникальный памятник духовной культуры тюркских народов Алтая // Этнографическое обозрение. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. № 4. 25–39.

Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка / сост. В.И. Вербицкий. Горно-Алтайск : Ак Чечек, 2005. 504 с.

Суразаков С.С. Алтайский героический эпос. М. : Наука, 1985. 255 с.

Худяков Ю.С. Сравнительный анализ оружия дистанционного боя древних народов хунно-сяньбийской эпохи в долине р. Эдиган в Горном Алтае // Древности Сибири и Центральной Азии: сборник научных трудов. Горно-Алтайск : ГАГУ, 2014. № 7 (19). С. 141–151.

Янгар. Алтайский героический эпос / сказитель Н.К. Ялатов. Горно-Алтайск : Алтын Туу, 2023. Т. 1. 440 с.

Алтай баатырлар / М.А. Демчинова, З.С. Казагачева. Горно-Алтайск : НИИ алтаистика им. С.С. Суразакова, 2008. Т. 14. 215 с. (на алт. яз.)

Алтай баатырлар. Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2019. Т. 2. 376 с. (на алт. яз.).

Алтай баатырлар. Горно-Алтайск : Алтын-Туу, 2021а. Т. 4. 248 с. (на алт. яз.).

Алтай баатырлар. Горно-Алтайск : НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2021б. Т. 17. 576 с. (на алт. яз.).

Соенов В. В. Алтайдын туукизи (Јебрен ойлордон XII чакка јетире). (История Алтая (От древности до XII в.). Горно-Алтайск : ГАГУ, 1999. 75 с. (на алт. яз.).

REFERENCES

Altaiskie geroicheskie skazaniia: Ochi-Bala. Kan-Altyn [Altai heroic tales: Ochi-Bala. Kan-Altyn]. *Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of folklore of the peoples of Siberia and the Far East] Novosibirsk: Nauka, 1997, vol. 15, 663 p. (in Russian and Altai language).

Baskakov N. A., Toshchakova T. M. (comp.) *Oirotsko-russkii slovar'* [Oirot-Russian dictionary]. Moscow: GIS, 1947, 311 p. (in Russian).

Baskhaev A. N. O luke i strelakh u mongol'skikh narodov (XII–XYIII v. v.) [On the bow and arrows of the Mongolian peoples (XII–XYIII centuries)]. *Mongolovedenie. Sbornik nauchnykh trudov* [Mongolian studies. Collection of scientific papers]. Elista, 2003, no. 2, pp. 211–220 (in Russian).

Istoriia Altaia. T. 1. Drevneishaia epokha. Drevnost' i srednevekov'e. [The history of Altai. Vol. 1. The most ancient era. Antiquity and the Middle Ages.] A. A. Tishkin (ed.). Barnaul: Alt. un-ta, 2019, 319 p. (in Russian).

Khudyakov Y. S. Sravnitel'nyi analiz oruzhiia distantsionnogo boya drevnikh nomadov khunno-sian'biiskoi epokhi v doline r. Edigan v Gornom Altai [Comparative analysis of remote combat weapons of the ancient nomads of the Hunno-Xianbian epoch in the valley of the Edigan River in the Altai Mountains]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii. Sbornik nauchnykh trudov* [Antiquities of Siberia and Central Asia. Collection of scientific papers]. Gorno-Altaysk: GAGU, 2014, no. 7, pp. 141–151 (in Russian).

Kocheev V. A. Boevoe oruzhie pazyryktsev [Pazyryk military weapons]. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkhologii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Antiquities of Altai. Proceedings of the Laboratory of Archaeology. Interuniversity collection of scientific papers]. Gorno-Altaysk: GAGU, 1999, pp. 74–82 (in Russian).

Konstantinov N. A. Izobrazheniya luchnikov epokhi bronzy iz pamiatnika Kalbak-Tash [Images of archers of the Bronze Age from the monument Kalbak-Tash]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri. Sbornik nauchnykh trudov* [Studying the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia. Collection of scientific papers]. Gorno-Altaysk: GAGU, 2008, pp. 142–148 (in Russian).

Kubarev V. D. Voennye siuzhety i kul't oruzhiya v petroglifakh Altaya [Military plots and the cult of weapons in the petroglyphs of Altai]. *Drevnosti Altaya. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov* [Antiquities of Altai. Interuniversity collection of scientific papers] Gorno-Altaysk: GAGU, 2003, no. 11, pp. 23–34 (in Russian).

Nikiforov N. Ya. (comp.) *Anoskii sbornik* [The Anos collection]. Gorno-Altaysk, 1995. 264 p. (in Russian).

Oynotkinova N. R. (comp.) *Mifologicheskii slovar' altaytsev* [Mythological dictionary of the Altaians]. Novosibirsk: CPI NSU, 2021, 600 p. (in Russian).

Potapov L. P. Buben teleutskoi shamanki i ego risunki [Tambourine of the Teleut shaman and his drawings]. *Sbornik muzeia antropologii i etnografii* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography] Moscow — Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1949, vol. 10, pp. 191–201 (in Russian).

Potapov L. P. Luk i strela v shamanstve u altaitsev [The bow and arrow in shamanism among the Altaians]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1934, no. 3, pp. 67–76 (in Russian).

Potapov L. P. Shamanskii buben – unikal'nyi pamiatnik dukhovnoi kul'tury tiurkskikh narodov Altaya [Shaman's tambourine is a unique monument of the spiritual culture of the Turkic peoples of Altai]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. Moscow: Institut etnologii i antropologii RAN, 1997, no. 4, pp. 25–39 (in Russian).

Surazakov S. S. *Altaiskii geroicheskii epos* [Altai heroic epic]. Moscow: Nauka, 1985, 255 p. (in Russian).

Tishkin A. A. (ed.) *Istoriia Respubliki Altai. T. 1* [The history of the Altai Republic. Vol. 1] A. P. Derevyanko (ed.). Gorno-Altaysk: Institut altaistiki im. S. S. Surazakova, 2002, 360 p. (in Russian).

V. M. Nadelyaev et al (eds.) *Drevnetiurkskii slovar'* [Ancient Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka, 1969, 676 p. (in Russian).

Verbitsky V. I. (comp.) *Slovar' altayskogo i aladagskogo narechii tiurkskogo yazyka* [Dictionary of the Altai and Aladag dialects of the Turkic language]. Gorno-Altaysk: “Ak Chechek”, 2005, 504 p. (in Russian).

Yangar. Altaiskii geroicheskii epos. Skazitel' N. K. Ialatov. [Yangar. Altai heroic epic. The storyteller N. K. Yalatov]. Gorno-Altaysk: Literaturno-izdatel'skii Dom “Altyn Tuu”, 2023, vol. 1, 440 p. (in Russian).

M. A. Demchinova, Z. S. Kazagacheva (comp.) *Altai baatryrlar* [Altai baatryrlar]. Gorno-Altaysk: NII altaistika im. S. S. Surazakova, 2008, vol. 14, 215 p. (in Altai language).

Altai baatryrlar [Altai baatryrlar]. Gorno-Altaysk: AU RA Literaturno-izdatel'skii Dom “Altyn-Tuu”, 2019, vol. 2, 376 p. (in Altai language).

Altai baatryrlar [Altai baatryrlar]. — Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk: AU RA Literaturno-izdatel'skii Dom “Altyn-Tuu”, 2021a, vol. 4, 248 p. (in Altai language).

Altai baatryrlar [Altai baatryrlar]. Gorno-Altaysk: NII altaistika im. S. S. Surazakova, 2021b, vol. 17, 576 p. (in Altai language).

Soenov V. B. *Altaidyn tuukizi (Jebren oilordon XII chakka jetire). (Istoriya Altaya (Ot drevnosti do XII v.)* [Altaidyn tuukizi (Gebren oylordon XII chakka jetire). (History of Altai (From antiquity to the XII century)). Gorno-Altaysk: GAGU, 1999, 75 p. (in Altai language).

Статья поступила в редакцию: 21.06.2024

Принята к публикации: 17.08.2025

Дата публикации: 29.12.2025

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 2–21+ 008 + 7.03

DOI 10.14258/nneur(2025)4–11

С. Д. Ворошин

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ФЕНОМЕНА СВЯТОСТИ В ИСКУССТВЕ СТРОГАНОВСКИХ ВОТЧИН В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Работа исследует особенности реализации государственно-конфессиональной политики Позднего Средневековья на примере искусства строгановских вотчин XVI–XVII вв. Род Строгановых был выбран за существенный вклад в развитие урало-сибирского региона и страны, успешное освоение новых территорий и продвижение в них православной культуры. Новизной исследования стала постановка проблемы отражения в строгановском искусстве феномена святости как основного стержневого концепта культуры России исследуемого периода. Для этого определено, какие события в конфессионально-государственной политике России отразились в культуре и искусстве Позднего Средневековья. После чего раскрыто, как образы святых формировали понимание святости на примере «строгановского» искусства. Установлена структура религиозной идентичности Строгановых, нашедшая отражение в поддерживаемом ими искусстве. Источниками выбраны иконы, выполненные по заказу Строгановых. Для их изучения применялся теолого-культурологический подход, а также принцип историзма, позволившие выявить сопричастность Строгановых стержневым концептам религиозной культуры исследуемого периода.

Ключевые слова: государственно-религиозная политика России Позднего Средневековья, феномен святости в «строгановском» искусстве, религиозная идентичность Строгановых

Для цитирования:

Ворошин С.Д. Репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин в контексте государственно-конфессиональной политики // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, №4. С. 220–239. DOI. 10.14258/nreur(2025)4–11.

Ворошин Семен Дмитриевич, кандидат культурологии, научный сотрудник НОЦ «Актуальные проблемы истории и теории культуры», Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия) **Адрес для контактов:** voroshinsd@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1625-8642>

S. D. Voroshin

South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

THE PHENOMENON OF HOLINESS AND ITS REPRESENTATIONS IN THE ART OF STROGANOV ESTATES IN THE CONTEXT OF STATE-CONFESSIONAL POLICY

The article examines the specifics of the state-confessional policy implementation in the Russian Late Middle Ages on the example the art of the Stroganov estates in 16th-17th centuries. The Stroganov family was chosen for its significant contribution to the development of the Ural-Siberian region and the country, the successful development of new territories and the promotion of Orthodox culture there. The novelty of the study includes the phenomenon of holiness formulation and its reflection in the Stroganov art as the main core concept of Russian culture in the studied period. For this purpose, it was determined which events in the confessional-state policy of Russia were reflected in the culture and art of the Late Middle Ages. The author revealed how the images of saints shaped the understanding of holiness using the example of Stroganov art. The article demonstrates the structure of the Stroganovs religious identity, reflected in the art they supported. The icons commissioned by the Stroganovs were chosen as sources. The author used a theological-cultural approach, as well as the principle of historicism, which made it possible to identify the Stroganovs' involvement in the core concepts of the religious culture of the period under study.

Keywords: state-religious policy of Russia in the Late Middle Ages, the phenomenon of holiness in Stroganov art, the religious identity of the Stroganovs

For citation:

Voroshin S. D. The phenomenon of holiness and its representations in the art of Stroganov estates in the context of state-confessional policy. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. Т. 30, № 4. P. 220–239 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–11.

Voroshin Semyon Dmitrievich, PhD in Cultural Studies, research fellow at the Scientific and Educational Center «Actual Problems of History and Theory of Culture», South Ural State University, Chelyabinsk (Russia) **Contact address:** voroshinsd@susu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1625-8642>

Введение

Как известно, Россия восприняла христианство из Византии, а основателем ее государственно-конфессиональной политики стал равноапостольный святой Владимир Святославич (ок. 956–1015), великий князь киевский. Вместе с православием на Русь пришли новые созидательные идеи, которые консолидировались в формирующемся феномене святости.

Христианское понимание святости во многом базируется на ветхозаветном иудаизме, объясняющем феномен как непосредственный и необъяснимый опыт силы, превосходящий человека. Древний Израиль воспринимал святость всего народа как выражение благосклонного отношения Господа. Ветхозаветное понимание святости человека носит коллективный характер, относящийся ко всему народу. Новозаветное значение напрямую связано с Иисусом Христом как личностью. Он обладал изначальной святостью как Сын Бога. Следуя заповедям Христа и его примеру, обычный человек мог в какой-то степени приблизиться к святости. Таким образом, феномен перестает принадлежать определенному народу и преобразуется в универсальный дар, к которому каждый человек в христианском мире может приобщиться через единение с Богом [Ворохобов, 2020].

Основу святости составляет понимание христианства как религии спасения. Иисус, сын Божий, принес себя в жертву ради спасения человечества. В христианстве каждый человек любит Бога, молит Его о помощи и защите как Отца Небесного. Каждый смиренно исполняет Его волю, следуя заповедям.

Эта идея спасения души через обретение вечной жизни стала центральной. Иисус — спаситель, принесший свою телесную природу в жертву на кресте ради человечества. Из этой концепции вырастает другая идея — греховности человека, которая также доминирует в христианстве. Борьба с греховностью, преодоление грубых аффектов человеческой природы, в том числе через поиски сакрального человека в себе, составляет основу спасения души.

Итак, представление человека о греховности своей природы и вера в спасение составляют вместе основу святости. В работе предлагается следующее определение феномена, выстроенное как обобщение автором дефиниций предшествующих исследователей с внесением собственного видения в контексте культуры России Позднего

Средневековая. Святость — это связь земного и человеческого с Божественным и Вечным, преобразование человека через сокровенное единение с Творцом и принадлежность иному, запредельному миру. Святость можно обрести через любовь, служение людям и стране, возведение и поддержку храмов, милосердие в сочетании с молитвами, духовным самоуглублением. Наиболее близким народу примером святости становились свои, отечественные святые, служившие Родине, обладавшие личной добродетелью, индивидуальной биографией, но при этом они возвышались над конкретным временем. От Византии в Россию перешло такое понимание святости, что в ее обречении важна не только духовность, но и красота, связывающая человека с Вечностью, что в дальнейшем нашло воплощение в искусстве.

Для лучшего понимания феномена святости и его репрезентации в государственно-конфессиональной политике следует тщательнее изучить примеры из прошлого. Существенный вклад в развитие урало-сибирского региона и страны, освоение новых территорий и продвижение православной культуры внесла династия Строгановых. Вместе с успешной торговой деятельностью, организацией промышленных центров ими формировалась религиозная идентичность как репрезентант святости.

Разносторонняя деятельность промышленников и покровителей искусств Строгановых активно изучалась начиная с XVIII в. и по настоящее время [Икосов, 1881; Савваитов, 1886; Дмитриев, 1889; Введенский, 1962; Попов, 1994]. Ряд работ посвящен искусству, созданному под их покровительством [Георгиевская-Дружинина, 1929; Дмитриев, 1955; Такташова, 1981; Силкин, 1984; Парфентьев, Парфентьева, 1993; Парфентьев, 2008; Преображенский, 2016; Parfentieva, Parfentiev, 2020]. Однако проблема отражения феномена святости в искусстве Позднего Средневековья не раскрывалась. Таким образом, автор впервые ставит цель изучить реализацию государственно-конфессиональной политики путем репрезентации феномена святости в искусстве строгановских вотчин. Для этого нужно проследить, какие события в конфессионально-государственной политике России отразились в культуре и искусстве Позднего Средневековья. Также необходимо раскрыть, как образы небесных покровителей формировали понимание святости на примере «строгановского» искусства конца XVI — первой четверти XVII в. Это поможет выявить структуру религиозной идентичности Строгановых (мировой, национальной, региональный уровни), отразившейся в поддерживаемом ими искусстве. Мы исходим из посыла, что доминантой мировоззрения исследуемого периода была святость, в ней сконцентрированы все стержневые концепты эпохи.

Итак, феномен святости — ключевой концепт культуры эпохи русского Позднего Средневековья, сердцевина православия. Он наполнен созидательными идеями, определяющими особенности идентичности общества и человека исследуемого периода. Втягивая в сферу своего притяжения такие стержневые концепты, как книжность, идея сакральности власти царя, восприятие православного государства как осажденной крепости, идеологемы «Москва — Третий Рим», «Москва — новый Иерусалим» и другие, феномен святости помогал элите своего времени, в том числе Строгановым, обеспечить развитие в экономических, социальных, духовных сферах, а главное — сформировать уникальную культуру. Отметим, что все стержневые концепты религиозной культуры непосредственно связаны друг с другом, образуя определенную

иерархию. Но особое научно-теоретическое значение для предпринимаемого анализа имеет утверждение, что в культуре исследуемого периода ключевую роль играл феномен святости, пронизывающий всю идеологическую сферу и раскрывающий самую суть ее религиозного осмысления.

Самым доступным для понимания средневекового человека проявлением святости можно считать образы небесных покровителей, в основном запечатленных в житийной литературе и иконах. Временные рамки нашего исследования охватывают конец XVI — первую четверть XVII в. и обоснованы тем, что исследуемые репрезентативные произведения датируются этим периодом подъема искусств строгановских вотчин. Анализ выполняется на следующих источниках: иконы Литургия «Иже Херувимы», «Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах», «Богоматерь Владимирская, с господскими и богородичными праздниками в 18-ти клеймах», «Никита-воин, предстоящий Богоматери с Младенцем, с житием в 20-ти клеймах», «Святой Царевич Дмитрий в молении», «Богоматерь Владимирская» (табл. 1). Заказчиками этих произведений иконописи для своего домового Благовещенского собора в Сольвычегодске были Строгановы [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 27, 32–33, 40, 49, 53].

Таблица 1

Типология строгановских икон

Tabl. 1

Typology of Stroganov icons

Икона	Тип идентичности
Литургия «Иже Херувимы»	Мировая, национальная, региональная и семейная
«Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах»	Национальная
«Богоматерь Владимирская, с господскими и богородичными праздниками в 18-ти клеймах»	Мировая, национальная
«Никита-воин, предстоящий Богоматери с Младенцем, с житием в 20-ти клеймах»	Мировая, национальная, семейная
«Святой Царевич Дмитрий в молении»	Национальная
«Богоматерь Владимирская»	Мировая, национальная

Поставленная проблема находится на стыке гуманитарного знания, поэтому нами выбран теолого-культурологический подход, а также принцип историзма, что позволяет выявить сопричастность промышленников стержневым концептам православной культуры. Так как в их основе лежат религиозные представления, мы сосредоточимся на отражении православных идей в произведениях искусства, созданных под покровительством Строгановых. Именно православие сыграло фундаментальную роль в историческом процессе формирования религиозной идентичности русского народа.

В сложные исторические периоды сформированная идентичность, выстраиваемая на основе единства языка и веры, позволяла народу сохранить себя, обеспечить развитие в экономических, социальных, духовных сферах, создать богатую культуру. Иден-

тичность¹, базирующаяся на православии, обладает иерархичностью, в которую включены причастности разным уровням культуры: региональной, общерусской и наднациональной, мировой. Особую роль в ее формировании играет пантеон святых. Небесные западноевропейские и византийские святые, почитаемые всеми христианами, соответствуют мировому уровню идентичности; общецтимые русские святые олицетворяют ее национальный уровень; местно-почитаемые — региональный.

Особое внимание укреплению общерусской православной идентичности как реализации государственно-конфессиональной политики было уделено во времена правления Ивана Грозного. Так называемые Макарьевские соборы 1547–1549 гг. ставили цель усилить общерусскую религиозную идентичность путем создания пантеона русских святых, защитников Московского царства на небесах. Итогом соборов стала канонизация около 40 святых. Это привело к потребности создания их житий, иконописного образа, гимнографии, став крупным культуротворческим процессом [Парфентьев, Парфентьева, 2023: 161].

Антропологические подходы в осмыслении образов святых как соотечественников, способствовавших духовному возвышению Родины и ставших образцом элите и народу

Благодаря формированию на канонизационных соборах пантеона русских святых в культуре России второй половины XVI в. с особой силой проявилась связь земного и человеческого с Божественным. Ярким примером этому стали святые. Они были не просто добрыми, праведными или благочестивыми людьми — этими качествами стремился обладать каждый христианин. Отличительной чертой святости была принадлежность иному, запредельному миру. Святой был представителем своей эпохи, обладал личными чертами, но при этом он возвышался над конкретным временем, уходя в Вечность. Основу канонизации заложил огромный труд митрополита всея Руси Макария (1481/82–1563 г.) — Великие Четьи-Минеи, по замыслу вбравшие в себя все жития почитаемых на Руси святых. Житийная литература представляла следующие траектории достижения царствия небесного: святые мученики-страстотерпцы, отдавшие жизнь за веру, смиренно подчинившиеся воли Господа (святые Борис и Глеб, умершие в 1015); святые князья, совершившие воинский подвиг (великий святой благоверный князь киевский и владимирский Александр Невский (1221–1263); преподобные, монахи, ушедшие от мира и живущие в посте и молитве (игумен Сергей Радонежский (1314/1322–1392); святители, иерархи церкви, угодившие Богу праведной жизнью (московские митрополиты Петр (ок. 1260–1326), Алексей (1292/1305–1378), Иона (1390-е –1461) и др.

¹ Идентичность — это способности индивида воспринимать себя и других через принадлежность к определенным социально-культурным группам, разделяя, а впоследствии и транслируя их ценности, традиции, нормы поведения, мировоззренческие ориентиры. Феномен обладает динамической многоуровневостью и иерархичностью, но все аспекты принадлежности человека связаны, одни могут включать другие и главенствовать над ними. Сопричастность средневекового русского человека напрямую связана с созидательными идеями (осажденная крепость, божественность власти государя, «Москва — третий Рим» и др.).

Религиозный мыслитель XIX–XX вв. Г. П. Федотов увидел в русской святости путь формирования особого русского религиозного типа, развивавшегося на протяжении ряда исторических периодов [Федотов, 1990]. Восходя корнями к Византии, православие приобрело свои особенности². Современные исследователи сходятся во мнении, что святость отражает нравственный идеал народа [Кудина, 2008; Юрьева, 2015].

Основа православных традиций — культура Византии. В ней феномен святости и связанные с ним обряды воспринимали через торжественность, красоту, отображавшую Вечность [Османкина, 2000; Беликов, 2014]. Присутствовала этическая и эстетическая составляющая. Религиозная духовность первых десятилетий после крещения Руси и позже, во времена жизни одного из основателей и игуменов Киево-Печерского монастыря, святого Феодосия Печерского (ок. 1008/1036–1074), не только способствовала сохранению традиции Византии, но и усилила евангельскую часть веры, направленную на любовь, служение людям и милосердие. Русскими святыми домонгольского времени стали князья Борис и Глеб, преп. Феодосий, великий князь Киевский Владимир Святославич и др.

Затем эволюция древнерусской святости выпадает на время монгольского ига. Первым московским, а затем и общерусским небесным покровителем этого периода стал святой Петр, митрополит Московский и всея Руси, аскет, иконописец, в тяжелейший период ига сохранивший православие и утвердивший в качестве духовного центра Руси Москву времени правления Ивана Даниловича Калиты (1284/1288–1340), князя Московского и Новгородского, великого князя Владимирского. Существует иконописная традиция, когда на русских иконах присутствуют три московских митрополита: святые Петр, Алексий и Иона. Подлинным олицетворением духовности русского народа стал святой Сергий Радонежский. Во времена монгольского завоевания актуализируются практики духовного самоуглубления, молитвы, преображение человека через сокровенное единение с Богом. Все перечисленные святые этого времени запечатлены на иконах строгановского иконописного круга [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 33, 70].

На всех этапах понимание святости основывалось на общехристианском и византийском наследии, однако перешло на русскую культурную почву с ее особенностями, трансформируясь со времен Крещения Руси в соответствии с тенденциями каждого исторического периода. Святость интересовала исследователей, раскрывающих ее в описании русской души, национального характера, исторических событиях и бытовой стороне жизни [Мосина, 2012]. Во всех этих аспектах отмечались особенности православного менталитета. В специфике русской святости ученые видели ключ к пониманию национальной культуры. Проявлялся феномен в служении Родине, святой русской земле, церкви, в молитвах, помощи людям. И образцом для поведения православного человека в этом становились святые. Русская святость в целом не отклонялась от общехристианского идеала. Но православный человек Руси

² Изучение святых Древней Руси продолжил Г. В. Маркелов, сфокусировавшись на иконографии [Маркелов, 1998]. Ему удалось выявить, что многие сюжеты представлены в различных, порой существенно отличающихся друг от друга иконографических вариантах, воплощающих разные периоды формирования иконописного образа или иконографической традиции.

в силу испытания суровым климатом, тяжелым порабощением, потерей суверенитета при монгольском правлении, жестокими междоусобицами князей испытал до дна горькую чашу страданий. Многие народы, испытав такие страшные вызовы, сошли с исторической сцены, не смогли сохранить свою государственность. Россия же не только выжила, но благодаря сохранению православия, книжности, централизации власти и идеалам святости, другим созидательным идеям, которые в период Средневековья имеют религиозную основу, создала уникальную, мощную державу с одухотворенной культурой. Такой основательный подход во многом стал образцом для осмысления стратегии поведения сольвычегодских промышленников Строгановых, действовавших в условиях ведения промышленных проектов по освоению северных территорий и впоследствии Сибири.

Воплощение святости в образах небесных покровителей в художественной культуре строгановских вотчин

Строгановы как представители своего поколения прекрасно понимали, что человеку святость не дается сама по себе, к ней нужно стремиться, и самым ярким, доступным и понятным примером в России исследуемого периода были жития и иконы святых. В них они представлялись как русские герои и образцы для подражания. Жития становились одним из главных источников просвещения людей и частью феномена святости [Ключевский, 1871]. Небесные покровители не только защищали Святую Русь, но и становились примером каждому человеку в его духовном пути. Их глобальная роль в русской культуре заключалась в наглядной демонстрации места России в общехристианской истории через конкретные примеры соотечественников, прославленных в лике святых, занявших свое положение в небесной иерархии.

Жития святых и книги в целом были основным каналом передачи созидательных идей, демонстрации святых как образцов поведения. Книжность определяется как мощный фактор формирования средневековой культуры и мировоззрения человека [Лихачев, 1997]. Строгановы как передовые промышленники и предприниматели своего времени, покровители храмов и церковного искусства обладали обширной библиотекой, по своему объему и наполнению не уступавшей многим монастырям и накоплениям знатных людей [Мудрова, 2001; 2015] (Так, основатель династии Аника владел библиотекой в 215 экземпляров). По заказам Строгановых создавались произведения книжно-рукописного искусства [Парфентьев, 2008]. Ко второй половине XVI в. библиотека Строгановых по составу собраний больше всего соответствовала крупным монастырям Русского Севера [Мудрова, 2015: 64–65]. Около половины книг были богослужебного характера, в том числе дублирующих друг друга, для последующего вклада в поддерживаемые церкви [Савваитов, 1886; Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края, 2017; Богданов, 2023]. Такая библиотека обеспечивала доступ к обширным знаниям, связь с мировой культурой на протяжении многих ее этапов (события Ветхого Завета, Античности, раннехристианского периода, Византии, эпохи становления Древней Руси и дальнейших периодов русской истории). Знакомство с рукописями и печатными книгами не только связывало читателя с культурой древних государств, России, родного края, но и раскрывало феномен святости.

В формировании религиозной идентичности Строгановых значимую роль сыграли местные святые: Прокопий Устюжский, Трифон Вятский, Лонгин Коряжемский, а самую главную — Стефан Пермский. Его житие во многом сформировало у промышленников сопричастность религиозной культуре региона [Мудрова, 2015: 54]. Уникальный подвиг Стефана Пермского — создание алфавита для народа коми и перевод на их язык основных церковных сочинений можно сравнить с созданием русского алфавита святыми Кириллом и Мефодием. Освоение земель, продвижение на них православной культуры, письменности и грамотности стало частью святости Стефана, эти же ценности переняли миряне Строгановы. Святой Стефан и другие, сначала местночтимые, а затем и общенациональные святые, стали для основателя рода Аники Федоровича и его наследников примером деятелей, распространивших православную культуру на осваиваемых землях, тем самым демонстрируя промышленникам бесконфликтный путь взаимодействия с местным населением.

Образы святых в произведениях «строгановского» искусства конца XVI — первой четверти XVII в. как отражение религиозной идентичности заказчиков

Строгановы реализовывали государственно-конфессиональную политику на своих землях путем поддержки церковного искусства. Основатель рода Аника Федорович (1497–1569) возвел Благовещенский собор Сольвычегодска — об этом сохранилась надпись на куполе [Попов, 1994: 72]. Храм стал домовым для многих поколений династии. Помимо церковного искусства, в соборе хранились особые предметы святости — мощи небесных покровителей [Попов, 1994: 80–81; Пивоварова, 2015]. Аника Строганов сформировал фундамент принципов ведения торгово-промышленных дел, определил подходы в вопросах ктиторской деятельности, поддержке искусства [Ворошин, 2020]. Продолжателями его дела стали внуки, двоюродные братья Никита Григорьевич (1560–1616) и Максим Яковлевич Строгановы (1557–1624), яркие личности, оставившие свой вклад в развитие художественной культуры своего региона. Ими организовывались иконные и книжные мастерские, нанимались столичные мастера, в том числе работавшие в центре передового искусства страны своего времени — Оружейной палате Московского Кремля.

Выбор сюжетов для росписей храмов и иконописи во многом был связан с книгами, бывшими в распоряжении Строгановых. Через рукописи и печатные издания транслировались ключевые созидательные идеи (в том числе святость), нашедшие свое воплощение в искусстве. Основными методами выражения святости в искусстве были: иерархичность, каноничность, символизм. В иконах «строгановских» вотчин можно проследить четкую религиозную структуру. В иконе Литургия «Иже Херувимы» уровни иерархии выстраиваются сверху от Отечества в круге, символизирующего Святую Троицу, к местнопочитаемым святым. В нижнем ярусе иконы изображены представители рода Строгановых [Ворошин, 2023]. Для икон Благовещенского собора Сольвычегодска часто выбирались соименные святые. Например, «Никита-воин, предстоящий Богоматери с Младенцем, с житием в 20-ти клеймах» вполне мог обладать внешними чертами Никиты Григорьевича [Ворошин, 2022]. В тезоименной иконе, помимо характерной для заказчика манеры исполнения, утонченной и изысканной, можно увидеть воплощение воинской святости как ее понимал Никита Григорьевич.

Рис. 1. Владимирская икона Богоматери,
Елизаров Истома, первая четверть XVII в.
Fig. 1. Our Lady of Vladimir, Elizarov Istoma,
first quarter of the 17th century

Рис. 2. Богоматерь Владимирская,
Первая треть XII в.
Fig. 2. Our Lady of Vladimir, first third
of the 12th century

Несмотря на проявление индивидуального вкуса, «строгановское» искусство создавалось в русле общероссийских тенденций своего времени. Например, Владимирская икона Строгановых — это отзвук Богоматери Владимирской из Успенского собора Московского Кремля, следование устоявшемуся византийскому канону (рис. 1–3). Первый список этой иконы из строгановского храма датируется XVI в. и отличается от подлинника тем, что там есть клейма, раскрывающие Господские и Богородичные праздники. Оригинальную Константинопольскую икону сын великого князя Юрия Долгорукого, князь Андрей Боголюбский привозит в Суздаль.

После постройки Владимирского Успенского Собора (1160) икона становится главным чудотворным образом Владимиро-Суздальских земель. С приобретением Москвой статуса политического и духовного центра России икона постепенно перемещается туда. Окончательно ее установили в Успенском соборе Московского Кремля в 1479 г. Московские князья обращались к ее помощи накануне совершения важных государственных и военных дел. Икона спасала Москву от Темира Аксака, Ахмата и других завоевателей [Парфентьев, Парфентьева, 2023: 291–292]. Владимирская икона Пресвятой Богородицы стала общегосударственной святыней, патрональной чудотворной иконой царства Московского. Строгановы знали это и заказали прекрасную копию иконописного произведения, провозглашая связь со столичной культурой. Чуть позднее в нача-

ле XVII в. по заказу Строгановых создан еще один список, выполненный знаменитым мастером Истомой Елизаровым. Особое почитание образа Владимирской иконы Божией матери Строгановыми подтверждается еще и обилием произведений лицевого шитья по иконографическому образцу древнего образа [Силкин, 1984]. Сам царь Иван Грозный почитал этот образ как главную святыню государства, создав целый цикл стихир — музыкально-гимнографических произведений, в честь этой чудотворной иконы [Парфентьев, Парфентьева, 2023: 291–321]. (Следует отметить, что царь возвышал образ Руси в своем музыкально-гимнографическом творчестве [Парфентьев, Парфентьева, 2020; 2022; 2023]). Прекрасный список иконы московского мастера олицетворял приверженность Строгановых конфессионально-государственной политике московских царей в период сложных исторических перипетий второй половины XVI — первой четверти XVII в. [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 33, 53].

Рис. 3. Богоматерь Владимирская, с господскими и богородичными праздниками в 18-ти клеймах. Конец XVI в.
Fig. 3. Our Lady of Vladimir, with Lord's and Mother of God's feasts in 18 scenes. Late 16th century

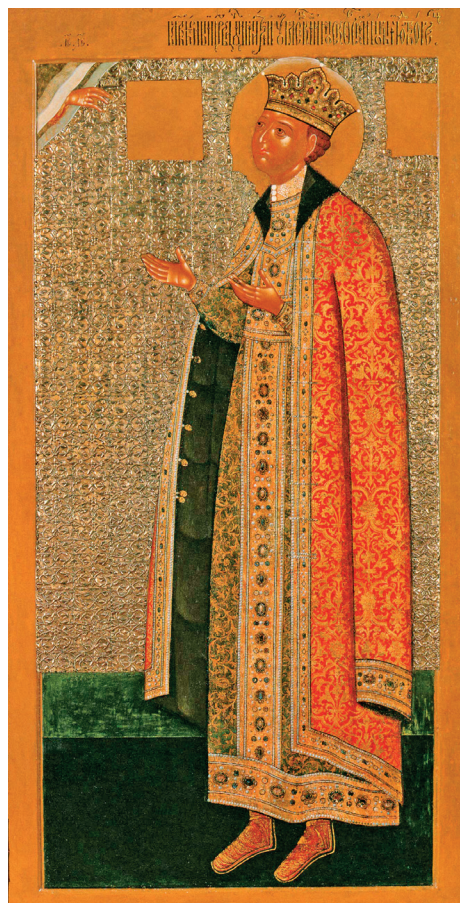

Рис. 4. Святой Царевич Дмитрий в молении. Савин Назарий Истомин, 1621–1622
Fig. 4. Saint Tsarevich Dmitry in prayer. Savin Nazariy Istomin, 1621–1622

Другой пример связи с правящей властью — создание иконы «Святой Царевич Дмитрий в молении» (Назарий Истомина Савин, 1621–1622) [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 49] (рис. 4). Этим Строгановы показывают, что верят в смерть Дмитрия Углицкого и не признают самозванцев, откликаясь на вызов Смутного времени и выступая за законную государственную власть.

Книжные собрания Строгановых также стали основой для выбора святых и написания икон с ними, вошедших в домовый Благовещенский собор Сольвычегодска (Николай Чудотворец, Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Богослов и др.) и другие церкви (Стефан Пермский, Иоанн Златоуст и др.) [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 46, 48, 51–52, 67, 78–79, 82].

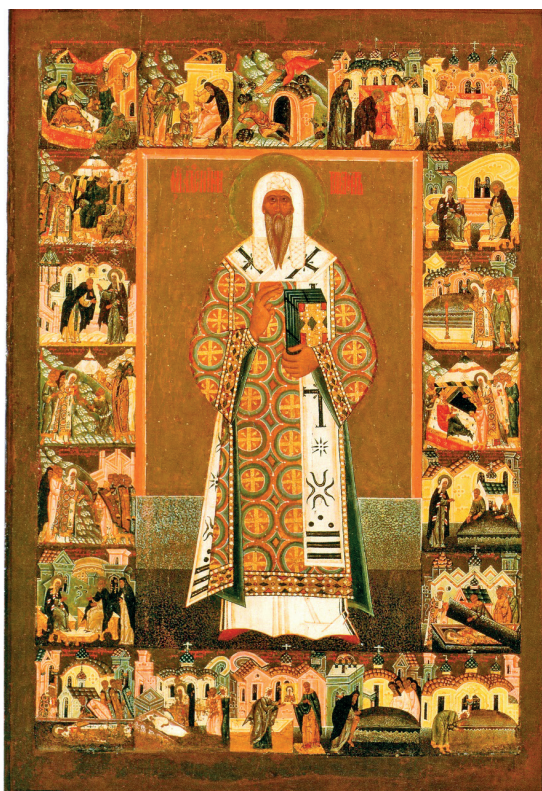

Рис. 5. Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах. Конец XVI в.

Fig. 5. Metropolitan Alexy, with scenes from his life in 20 scenes. Late 16th century

Среди вкладов в Благовещенский собор Сольвычегодска, сделанных Максимом Яковлевичем и его дядей Семеном Аникиевичем (1540–1586), особое значение имеет икона «Алексий Митрополит, с житием в 20-ти клеймах» [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 32–33]. В митрополиты Алексия поставил патриарх Константинопольский, что напрямую связывает его не только с русской, но и общехристианской культурой. В клеймах Алексий взаимодействует с выдающимися русскими свя-

тыми: молится у гроба митрополита Петра; беседует с Сергием Радонежским. Сцены жизни иллюстрируют проявления его святости: исцеление от слепоты царицы Ордынской Тайдулы при жизни, а после смерти — жены Матроны иконой; избавление женщины от недуга у гроба Алексия Митрополита и т.д. Жизненный путь святителя пришелся на тяжелое время монгольского ига, одной из его ключевых задач было объединение русских земель под началом церкви, защита интересов страны перед захватчиками. Клейма строгановской иконы демонстрируют поездки в Орду, где он пользовался почитанием, в том числе благодаря исцелению ханши Тайдулы (рис. 5). Алексий Митрополит был примером Строгановым не только как дипломат, но и ктитор, основавший храмы и монастыри, в том числе Чудов — часть Московского кремля. Таким образом, образ Алексия Митрополита олицетворяет святость, доступную как духовным лицам (чудеса исцеления), так и мирянам: защита страны и ее интересов, успешное ведение дипломатии, ктиторская деятельность.

Рис. 6. Стефан Пермский, с житием в 16-ти клеймах. Первая половина XVII в.

Fig. 6. Stefan of Perm, with his life in 16 scenes. First half of the 17th century

Другим примером для поклонения Строгановых стали образы святых Прокопия и Иоанна Устюжских, почитавшихся на Севере, и особенно их деяния, ставшие образцом для всех русских людей. Несмотря на расположение строгановских земель вдали от политического центра, эти образы имели государственное значение. Город Устюг

был форпостом столицы. Промышленники находились между двух культур: Новгорода и Москвы. Они почитали новгородских святых (например, у них были служба и житие Антонию Сийскому [Мудрова, 2015: 292]), но были преданы Москве и царскому правительству.

Почитание Строгановыми местных святых во многом отразилось в иконе Стефана Пермского [Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков, 2003: 67]. Среди эпизодов жизни, представленных в ней, присутствовали близкие промышленникам мотивы. Отплытие Стефана в Пермские земли перекликалось с торгово-промышленной деятельностью рода Строгановых, их упорностью и непоколебимостью в преодолении трудности, в том числе по водному пути. В одной из сцен святой ведет богослужение в построенном им храме. Храмостроительство роднило Стефана и Строгановых. Фрагменты, посвященные победе святого в споре с языческим жрецом о правой вере, подкрепленной доказательством, понятным местному племени (святой Стефан проходит через огонь, а языческий кудесник отказывается), воплощают не только силу духа, но и мирный подход в процессе христианизации населения (рис. 6).

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Конфессионально-государственная политика России во времена Ивана Грозного получила обоснование в решениях двух канонизационных соборов 1547–1549 гг., а именно: подготовлены материалы и на их основе написаны жития русских святых, гимнография служб, песнопения, создана иконография новых святых, написаны их иконы. Целью канонизации было укрепление религиозной идентичности всех жителей Московского царства. Необходимо было консолидировать народ, для этой задачи выбраны небесные покровители как примеры каждому православному человеку.

Итак, Строгановы жили и действовали в русле московской культуры и политики. Они возвели Благовещенский собор в Сольвычегодске как домовый, подчеркивая связь с Благовещенским собором Московского Кремля, фамильного для московских великих князей и царей. В сольвычегодском храме был устроен придел московскому митрополиту Алексию (в том числе хранились его мощи), для росписи были выбраны столичные мастера Федор Савин и Стефан Арефьев. Главные иконы заказывались лучшим мастерам царской Оружейной палаты — Прокопию Чирину, Истоме Савину, Назарию Истомину. Как уже отмечалось, важным в утверждении религиозной и национальной идентичности Строгановых становится заказ списка Владимирской иконы Пресвятой Богородицы, патрональной иконы из главного собора царства — Успенского собора Московского Кремля. Монументальный каменный храм Сольвычегодска был символом величия и значимости семейства Строгановых, став усыпальницей для многих представителей династии.

Несмотря на четко выраженную национальную составляющую, религиозная идентичность Строгановых была иерархически выстроена, вмещала мировой, наднациональный, общерусский и региональный аспекты, что нашло отражение в иконостасе Благовещенского собора Сольвычегодска. Сопричастность мировой христианской культуре отражалась в верхних рядах иконостаса, посвященных событиям и святым Ветхого Завета. Далее шли общерусские небесные покровители — репрезентант на-

циональной идентичности. Нижний ряд изображал местно-почитаемых, формируя причастность региональной культуре. По аналогии, у Строгановых сформировалась духовная связь с местнотимыми святыми — жития хранились в библиотеке и храмах промышленников, были заказаны иконы и лицевое шитье.

Таким образом, через строительство храмов, сбор церковных книг и поддерживаемое церковное искусство Строгановы заявляли о том, что разделяют конфессионально-культурную политику московских царей в контексте репрезентации феномена святости.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24–78–00058, тема «Отражение стержневых концептов Позднего Средневековья в культуре и искусстве XVI–XVII вв. (на примере меценатской деятельности рода Строгановых)», <https://rscf.ru/project/24-78-00058/>

Acknowledgement and funding

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No. 24–78–00058, project title «Reflection of the core concepts of the Late Middle Ages in the culture and art of the 16th–17th centuries. (using the example of the philanthropic activities of the Stroganov family)», <https://rscf.ru/en/project/24-78-00058/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беликов А. В. Эстетический смысл канона в византийском искусстве : дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 233 с.

Богданов В. П. Записи на книгах как источник по истории книжной культуры (на материале старопечатных кириллических изданий конца XV–XVIII веков) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2023. 1041 с.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М. : Изд-во социально-экономической литературы, 1962. 307 с.

Вклад. Художественное наследие Строгановых XVI–XVII веков в музеях Сольвычегодска и Пермского края. Пермь : Пермская государственная художественная галерея, 2017. 727 с.

Ворохобов А. В. Основы библейского понимания святости // Труды Нижегородской духовной семинарии. 2020. №. 18. С. 349–359.

Ворошин С. Д. Аника Строганов и русское региональное искусство XVI в. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 4. С. 66–71.

Ворошин С. Д. Икона Литургия: «Иже херувимы» как репрезентант идентичности Никиты Григорьевича Строганова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 7. С. 1127–1143.

Ворошин С. Д. Отражение духовного мира Никиты Григорьевича Строганова в церковном искусстве // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 141–152.

Георгиевская-Дружинина Е. В. Строгановское шитье в XVII в. // Русское искусство XVII в. Л., 1929. С. 188.

Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. 127 с.

Дмитриев Ю.Н. «Строгановская школа» живописи // История русского искусства. М., 1955. Т. 3. 649 с.

Иконы строгановских вотчин XVI–XVII веков: По материалам реставрационных работ ВХНРЦ имени академика И.Э. Грабаря : каталог-альбом. М. : Сканрус, 2003. 348 с.

Иконов П.С. История о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых, сочинена в 1761 г. Пермь, 1881. 189 с.

Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М. : изд. К. Солдатенкова, 1871. 465 с.

Кудина О.М. Феномен святости как процесс легитимации власти в Древней Руси // Аналитика культурологии. 2008. №. 11. С. 71–80.

Лихачев Д.С. Великое наследие. Классические произведения литературы Древней Руси. Заметки о русском: избранное. СПб. : Logos, 1997. 560 с.

Маркелов Г.В. Святые Древней Руси: материалы по иконографии (прориси, переводы, иконописные подлинники). СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. Т. 1. 636 с.

Мосина Н.А. Феномен русской святости как духовный фундамент русской культуры : дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 165 с.

Мудрова Н.А. Библиотека Строгановых (вторая половина XVI — начало XVIII в.). Екатеринбург : УрО РАН, 2015. 540 с.

Мудрова Н.А. Описание библиотеки Строгановых 1627 г. // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 329–340.

Османкина Г.Ю. Мировоззренческие основы формирования раннехристианской культуры в Византии IV–VI вв. : дис. ... канд. культурологии. 2000. 150 с.

Парфентьев Н.П. О строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106). С. 43–62.

Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Московская школа в древнерусском церковно-певческом искусстве. XVI–XVII вв. : монография: в 3 т. Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2023. Т. 1. 322 с.

Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Усольская (Строгановская) школа в русской музыке XVI–XVII веков. Челябинск, 1993. 346 с.

Парфентьев Н.П., Парфентьева Н.В. Формирование монастырского хора в России XVI–XVII вв. (на примере Иосифо-Волоколамского монастыря) // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 17, № 7. С. 1286–1295.

Парфентьева Н.В. Возвышение образа Руси в музыкально-гимнографическом творчестве митрополита Киприана и царя Ивана Грозного // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2020. Т. 20, № 2. С. 103–107.

Парфентьева Н.В., Парфентьев Н.П. К проблеме атрибуции цикла стихир «Отче преблаженне» в честь митрополита всея Руси Петра музыкально-гимнографическому творчеству царя Ивана Грозного // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 1. С. 85–94.

Парфентьева Н. В., Парфентьев Н. П. Образно-смысловые связи поэтического и музыкального содержания стихир «Отче преблаженне» царя Ивана Грозного из певческого цикла в честь святителя Петра // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2023. № 41. С. 68–92.

Пивоварова Н. В. Иконы Благовещенского собора Сольвычегодска по архивным документам и соборным описям конца XVI–XIX веков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. №. 3. С. 20–43.

Попов В. Сольвычегодская старина: Материалы и исследования к 500-летию г. Сольвычегодска. Сыктывкар : СГУ, 1994. 202 с.

Преображенский А. С. Росписи Благовещенского собора в Сольвычегодске // Проблемы изучения древнерусского и византийского искусства : материалы конференции. М., 2016. 96 с.

Савваитов П. И. Строгановские вклады в Сольвычегодский Благовещенский собор // Памятники древней письменности и искусства. СПб., 1886. 119 с.

Силкин А. В. Строгановское двустороннее лицевое шитье // Вопросы исследования, консервации и реставрации произведений искусства. М., 1984. С. 42–50.

Такташова А. Е. Мастера «строгановской школы» иконописи : дис. ... канд. искусствоведения. Л., 1981. 317 с.

Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М. : Моск. рабочий, 1990. 269 с.

Юрьева Т. В. Канонизация святых русской церкви как культурологическая проблема // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2015. №. 2 (42). С. 140–148.

Parfentjeva N. V., Parfentiev N. P. The development of arts in the context of the Stroganovs' activity as ktitors and art patrons in the 16–17 centuries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2020. № 13. P. 924–944.

References

Belikov A. V. *Esteticheskii smysl kanona v vizantiiskom iskusstve: dis. kand. filos. nauk* [Aesthetic meaning of the canon in Byzantine art. Ph. D. thesis on philosophical sciences]. Moscow, 2014, 233 p. (in Russian).

Bogdanov V. P. *Zapisi na knigakh kak istochnik po istorii knizhnoi kul'tury (na materiale staropechatnykh kirillicheskich izdaniy kontsa XV–XVIII vekov): dis. d-ra ist. nauk* [Book entries as a source for the history of book culture (based on early printed Cyrillic editions of the late 15th–18th centuries). Ph. D. thesis on historical sciences]. Moscow, 2023, 1041 p. (in Russian).

Dmitriyev A. A. *Permskaya starina* [Perm antiquity]. Perm', 1889, iss. 1, 127 p. (in Russian).

Dmitriyev Yu. N. "Stroganovskaya shkola" zhivopisi ["Stroganov school" of painting]. *Istoriya russkogo iskusstva* [History of Russian art]. Moscow, 1955, vol. 3, 649 p. (in Russian).

Fedotov G. P. *Svyatyye Drevnei Rusi* [Saints of Ancient Rus']. Moscow: Mosk. Rabochy, 1990, 269 p. (in Russian).

Georgiyevskaya-Druzhinina E. V. *Stroganovskoe shit'yo v XVII v* [Stroganov embroidery in the 17th century]. *Russkoe iskusstvo XVII v.* [Russian art of the 17th century]. Leningrad., 1929, 188 p. (in Russian).

Ikony stroganovskikh votchin XVI–XVII vekov: Po materialam restavratsionnykh rabot VKHNRTS imeni akademika I.E. Grabarya: Katalog-al'bom [Icons of the Stroganov estates of the 16th–17th centuries: Based on the materials of restoration work of the All-Russian Art Scientific Restoration Center named after Academician I. E. Grabar: Catalogue-album]. Moscow: Skanrus, 2003, 348 p. (in Russian).

Ikosov P. S. *Istoriya o rodoslovii, bogatstve i otechestvennykh zaslugakh znamenitoy familii gg. Stroganovykh, sochinena v 1761 g.* [History of the genealogy, wealth and domestic merits of the famous family of the Stroganovs, composed in 1761]. Perm', 1881, 189 p. (in Russian).

Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskii istochnik* [Old Russian lives of saints as a historical source]. Moscow: K. Soldatenkov's edition, 1871, 465 p. (in Russian).

Kudina O. M. Fenomen svyatosti kak protsess legitimatsii vlasti v Drevnei Rusi [The Phenomenon of Holiness as a Process of Legitimization of Power in Ancient Rus]. *Analitika kul'turologii* [Analytics of Cultural Studies]. 2008, no. 11, pp. 71–80. (in Russian).

Likhachev D. S. *Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury Drevnei Rusi. Zametki o russkom: izbrannoe* [The Great Heritage. Classic Works of Literature of Ancient Rus. Notes on Russian: Selected.]. St. Petersburg: Logos, 1997, 560 p. (in Russian).

Markelov G. V. *Svyatye Drevnei Rusi: Materialy po ikonografii (prorisi, perevody, ikonopisnye podlinniki)* [Saints of Ancient Rus: Materials on Iconography (Traces, Translations, Iconographic Originals)]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin, 1998, vol. 1, 636 p. (in Russian).

Mosina N. A. *Fenomen russkoi svyatosti kak dukhovnyi fundament russkoi kul'tury: dis. ... kand. kul'turologii* [The Phenomenon of Russian Holiness as a Spiritual Foundation of Russian Culture. Ph. D. thesis on cultural studies]. Moscow, 2012, 165 p. (in Russian).

Mudrova N. A. *Biblioteka Stroganovykh (vtoraya polovina XVI — nachalo XVIII v.)* [The Stroganov Library (second half of the 16th — early 18th centuries)]. Ekaterinburg: UrO RAS, 2015, 540 p. (in Russian).

Mudrova N. A. Opis' biblioteki Stroganovykh 1627 g. [Inventory of the Stroganov Library of 1627]. *Problemy istorii Rossii. Vyp. 4: Yevraziyskoye pograniich'ye* [Problems of Russian History. Issue 4: Eurasian Borderland]. Yekaterinburg, 2001, pp. 329–340 (in Russian).

Osmankina G. Yu. *Mirovozzrencheskie osnovy formirovaniya rannekhristsianskoi kul'tury v Vizantii IV–VI vv.: dis. ... kand. kul't* [Ideological foundations of the formation of early Christian culture in Byzantium in the 4th–6th centuries. Ph. D. thesis on cultural studies]. 2000, 150 p. (in Russian).

Parfent'yev N. P. O stroganovskoi masterskoi knizhno-rukopisnogo iskusstva XVI–XVII vv [About the Stroganov workshop of book and manuscript art of the 16th–17th centuries]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and humanitarian sciences]. 2008, no. 6 (106), pp. 43–62 (in Russian).

Parfent'yev N. P., Parfent'yeva N. V. Formirovanie monastyr'skogo khora v Rossii XVI–XVII vv. (na primere Iosifo-Volokolamskogo monastyrya) [Formation of the monastery choir in Russia in the 16th–17th centuries (on the example of the Joseph-Volokolamsk Monastery)]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2024, vol. 17, no 7, pp. 1286–1295 (in Russian).

Parfent'yev N. P., Parfent'yeva N. V. *Moskovskaya shkola v drevnerusskom tserkovno-pevcheskom iskusstve. XVI–XVII vv.: monografiya v 3 t.* [Moscow school in ancient Russian church singing art. XVI–XVII centuries: monograph in 3 volumes]. Chelyabinsk: Publishing center of SUSU, 2023, vol. 1, 322 p. (in Russian).

Parfent'yev N. P., Parfent'yeva N. V. *Usol'skaya (Stroganovskaya) shkola v russkoi muzyke XVI–XVII vekov* [Usolsk (Stroganov) school in Russian music of the 16th–17th centuries]. Chelyabinsk, 1993, 346 p. (in Russian).

Parfent'yeva N. V. Vozvyshenie obraza Rusi v muzykal'no-gimnograficheskom tvorchestve mitropolita Kipriana i tsarya Ivana Groznogo [The exaltation of the image of Rus' in the musical and hymnographic works of Metropolitan Cyprian and Tsar Ivan the Terrible]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnyye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social Sciences and Humanities]. 2020, vol. 20, no. 2, pp. 103–107 (in Russian).

Parfent'yeva N. V., Parfent'yev N. P. K probleme atributsii tsikla stikhir “Otche preblazhenne” v chest' mitropolita vseya Rusi Petra muzykal'no-gimnograficheskomu tvorchestvu tsarya Ivana Groznogo [On the Problem of Attribution of the Stichera Cycle “Blessed Father” in Honor of Metropolitan Peter of All Rus' to the Musical and Hymnographic Works of Tsar Ivan the Terrible]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2022, vol. 15, no. 1, pp. 85–94 (in Russian).

Parfent'yeva N. V., Parfent'yev N. P. Obrazno-smyslovye svyazi poeticheskogo i muzykal'nogo soderzhaniya stikhiry “Otche preblazhenne” tsarya Ivana Groznogo iz pevcheskogo tsikla v chest' svyatitelya Petra [Figurative and Semantic Connections of the Poetic and Musical Content of the Stichera “Blessed Father” of Tsar Ivan the Terrible from the Singing Cycle in Honor of St. Peter]. *Vestnik Yekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii* [Bulletin of the Yekaterinburg Theological Seminary]. 2023, no. 41, pp. 68–92 (in Russian).

Pivovarova N. V. Ikony Blagoveshchenskogo sobora Sol'vychegodsk po arkhivnym dokumentam i sobornym opisyam kontsa XVI–XIX vekov [Icons of the Annunciation Cathedral of Solvychevodsk based on archival documents and cathedral inventories of the late 16th–19th centuries]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Art Criticism]. 2015, no. 3, pp. 20–43 (in Russian).

Popov V. Sol'vychegodskaya starina [Solvychevodsk antiquity]. *Materialy i issledovaniya k 500-letiyu g. Sol'vychegodsk* [Materials and research for the 500th anniversary of the city of Solvychevodsk]. Syktyvkar: SGU, 1994, 202 p. (in Russian).

Preobrazhenskiy A. S. Rospisi Blagoveshchenskogo sobora v Sol'vychegodsk [Paintings of the Annunciation Cathedral in Solvychevodsk]. *Materialy konferentsii “Problemy izucheniya drevnerusskogo i vizantiyskogo iskusstva”* [Proceedings of the conference “Problems of studying ancient Russian and Byzantine art”]. Moscow, 2016. 96 p. (in Russian).

Savvaitov P. I. Stroganovskiye vklady v Sol'vychegodskiy Blagoveshchenskiy sobor [Stroganov contributions to the Solvychevodsk Annunciation Cathedral]. *Pamyatniki drevnei pis'mennosti i iskusstva* [Monuments of ancient writing and art]. St. Petersburg, 1886, 119 p. (in Russian).

Silkin A. V. Stroganovskoe dvustoronnee litsevoe shit'yo [Stroganov double-sided pictorial embroidery]. *Voprosy issledovaniya, konservatsii i restavratsii proizvedenii iskusstva* [Issues of research, conservation and restoration of works of art.]. Moscow, 1984, pp. 42–50 (in Russian).

Taktashova L. Ye. *Mastera “stroganovskoi shkoly” ikonopisi: dis. ... kand. Iskusstvovedeniya* [Masters of the “Stroganov school” of icon painting: diss. ... candidate of art history. Ph. D. thesis on Art history]. Leningrad, 1981, 317 p. (in Russian).

Vklad. Khudozhestvennoe nasledie Stroganovykh XVI–XVII vekov v muzeyakh Sol'vychegodsk i Permskogo kraya. [Contribution. Artistic heritage of the Stroganovs of the 16th–17th centuries in the museums of Solvychegodsk and the Perm region]. Perm': Permskaya gosudarstvennaya khudozhestvennaya galereya, 2017, 727 p. (in Russian).

Vorokhobov A. V. *Osnovy bibleiskogo ponimaniya svyatosti* [Fundamentals of the Biblical Understanding of Holiness]. *Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii* [Works of the Nizhny Novgorod Theological Seminary]. 2020, no. 18, pp. 349–359 (in Russian).

Voroshin S. D. Anika Stroganov i russkoe regional'noe iskusstvo XVI v [Anika Stroganov and Russian regional art of the 16th century]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences]. 2020, vol. 20, no. 4, pp. 66–71 (in Russian).

Voroshin S. D. Ikona Liturgiya: “Izhe kheruvimy” kak reprezentant identichnosti Nikity Grigor'yevicha [the icon Liturgy: “Izhe Kheruvimy” as a representative of the identity of Nikita Grigorievich Stroganov]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2023, vol. 16, no. 7, pp. 1127–1143 (in Russian).

Voroshin S. D. Otrazhenie dukhovnogo mira Nikity Grigor'yevicha Stroganova v tserkovnom iskusstve Stroganova [Reflection of the spiritual world of Nikita Grigorievich Stroganov in church art]. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities]. 2022, vol. 15, no. 1, pp. 141–152 (in Russian).

Vvedenskiy A. A. *Dom Stroganovykh v XVI–XVII vv.* [The Stroganov House in the 16th–17th centuries]. Moscow: Publishing House of socio-economic literature, 1962, 307 p. (in Russian).

Yur'yeva T. V. Kanonizatsiya svyatykh russkoi tserkvi kak kul'turologicheskaya problema [Canonization of saints of the Russian church as a cultural problem]. *Gumanitarnyi vektor. Seriya: Filosofiya, kul'turologiya* [Humanitarian vector. Series: Philosophy, cultural studies]. 2015, no. 2 (42), pp. 140–148 (in Russian).

Parfentieva N. V., Parfentiev N. P. The development of arts in the context of the Stroganovs' activity as ktitors and art patrons in the 16–17 centuries. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.* 2020, no. 13, pp. 924–944.

Статья поступила в редакцию: 13.02.2025

Принята к публикации: 02.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 322

DOI 10.14258/nreur(2025)4–12

*П. К. Дашковский**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан)**В. Н. Ильин**Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия); Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Барнаул (Россия)*

ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ И КЛАССИФИКАЦИЯ СТАРООБРЯДЦЕВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX В. В КОНТЕКСТЕ ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Статья посвящена изучению двух основных вопросов истории старообрядчества на территории Томской губернии — его численного состава и классификации по соглашениям и толкам в последней четверти XIX — начале XX в. Источниковой базой работы послужили материалы Государственного архива Алтайского края (Барнаул) и Государственного архива Томской области (Томск), а также некоторые опубликованные источники. В ходе исследования были проанализированы различные статистические данные и выявлены причины их расхождения. Кроме того, изучена география расселения староверов в пределах Томской губернии. Процесс расселения староверов являлся следствием государственно-конфессиональной политики, проводившейся на территории Томской губернии и Российской империи в целом. Установлены причины несоответствия реального числа староверов и данных официальной статистики. Авторами дана характеристика основных согласий и толков староверов. Сделан важный вывод, что в своем содержании старообрядчество Томской губернии принципиально не отличалось от старообрядчества Центральной России, согласия и толки здесь были те же самые. Это явилось следствием активного принудительного и добровольного переселенческого процесса староверов на территорию Западной Сибири, в том числе и Томской губернии. В количественном смысле в данной губернии в последней четверти XIX — начале XX в. преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Ключевые слова: старообрядчество, староверы, Томская губерния, государственно-конфессиональная политика, стариковщина, безпоповцы, поповцы, согласия.

Для цитирования

Дашковский П. К., Ильин В. Н. Численный состав и классификация старообрядцев Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. в контексте государственно-конфессиональной политики Российской империи // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 4. С. 240–258 DOI 10.14258/nreur(2025)4–12.

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры всемирной истории, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, Самарканд (Узбекистан). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Ильин Всеволод Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Барнаул (Россия); доцент кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** vse-ilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0685-5745>

P. K. Dashkovskiy

Altay state university, Barnaul (Russia); Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan)

V. N. Ilyin

Altay state university, Barnaul (Russia); Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Barnaul (Russia)

NUMERICAL STRUCTURE AND CLASSIFICATION OF THE OLD BELIEVERS OF THE TOMSK PROVINCE IN THE LAST QUARTER OF THE 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURIES IN THE CONTEXT OF THE STATE-CONFESSIONAL POLICY OF THE RUSSIAN EMPIRE

The article is devoted to the study of two main issues in the history of the Old Believers in the Tomsk province — its numerical composition and classification by agreements and sects in the last quarter of the 19th — early 20th centuries. The source base of the work is the materials of the State Archives of the Altai Territory (Barnaul) and the State Archives of the Tomsk Region (Tomsk), as well as some published sources. In the course of the study, various statistical data were analyzed and the reasons for their discrepancies were identified. In addition, the geography of the settlement of Old Believers within the Tomsk province was studied. The process of resettlement of the Old Believers was a consequence of the state-confessional policy pursued in the Tomsk province and the Russian Empire as a whole. The reasons for the discrepancy between the actual number of Old Believers and the official statistics are established. The author provides a description of the main agreements and sects of the Old Believers. An important conclusion is made that in its content, the Old Believers of the Tomsk province did not differ fundamentally; the agreements and sects here were the same as in Central Russia. This was a consequence of the active forced and voluntary migration process of Old Believers to the territory of Western Siberia, including Tomsk province. In quantitative terms, in the Tomsk province in the last quarter of the 19th — early 20th centuries, representatives of the Starikovshchina, Pomorskoye consent and Popovshchina predominated.

Keywords: Old Belief, Old Believers, Tomsk province, state-confessional policy, elders, bezpopovtsy, popovtsy, consent

For citation:

Dashkovskiy P.K., Ilyin V.N. Numerical structure and classification of the old believers of the Tomsk province in the last quarter of the 19th — beginning of the 20th centuries in the context of the state-confessional policy of the Russian empire. *Nations and religion of Eurasia*. 2025. T. 30, № 4. P. 240–258 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)4–12.

Dashkovskiy Peter Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies at Altai State University, Barnaul (Russia), Professor of the Department of World History, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand (Uzbekistan). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Ilyin Vsevolod Nikolaevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the Altai Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Barnaul (Russia), Associate Professor of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations of Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** vse-ilin@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0685-574>

Введение

Церковный раскол, произошедший в середине XVII в., имел гораздо более глубокие и серьезные последствия, чем могли себе представить современники той эпохи. Он разделил не только русскую церковь, но и общество, государство, культуру и саму историю. Административно-силовые методы решения «старообрядческого вопроса» в первые два столетия не дали для имперской власти положительного результата. Стало очевидным, что для «борьбы с расколом» необходимы иные методы и подходы. Возникла острая потребность в знаниях «о сути самого раскола и его численности». Петр Семенович Смирнов, известный российский историк и богослов XIX в., в своей речи на магистерском коллоквиуме 20 декабря 1898 г. перед защитой диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке» отметил, что «научной разработкой истории раскола стали заниматься сравнительно недавно... Причиной, все более и более возрастающего интереса к приобретению сведений о расколе, добытых наукой, следует видеть, бесспорно, в том, что раскол и доселе не отжил своего века, что он представляет собой явление живое, имеющее современное значение» [Смирнов, 1899: 155].

Уже к началу XIX в., когда история старообрядчества насчитывала полтора столетия, множественность и многообразие возникших к этому времени старообрядческих направлений вызвали острую необходимость их систематизации. Первая классификация всего «раскола» была осуществлена Министерством внутренних дел во второй половине царствования Николая I. Основана она была на донесениях чиновников особых поручений, направленных в губернии для изучения «раскола» на местах. Важно отметить, что само многообразие старообрядческих толков и согласий явилось следствием в первую очередь мер ограничения и преследования со стороны официальных светских и церковных властей. Сама же первая классификация «раскольников» также необходима была для разработки более эффективной концепции борьбы с «расколом» [Бежан, 2007: 87]. Практически до конца XIX в. отсутствовала стройная и объективная классификация томского старообрядчества — и губернские чиновники, и епархиальное духовенство при перечислении толков перечисляли в одном ряду молокан, поморцев, беспоповцев и др. При проведении переписи населения 1897 г. принадлежность к конкретному толку записывалась со слов самих старообрядцев [Иванов, 1997: 91].

Еще более сложным являлся вопрос о численности последователей «раскола». Официальные светские и церковные власти признавали, что имеющиеся данные далеки от действительных, как в целом по всей империи, так и по каждой отдельной губернии. По их мнению, статистика «раскола» всегда составляла самую слабую сторону в деле его изучения. Причина, по их мнению, состояла во многом в «скрытности самих последователей раскола, которые до самой смерти иногда не обнаруживали своей принадлежности к расколу» [Обзор деятельности ведомства православного исповедания, 1901: 238–239].

Важно отметить, что и сегодня проблемы численного состава и классификации староверов по согласиям и толкам, как в рамках всей империи, так и по отдельным губерниям с научной позиции не раскрыты до конца.

Вопрос о численном составе и классификации старообрядцев Томской губернии и Западной Сибири в целом стал активно изучаться в 80-е гг. XIX в. с введением в То-

больской и Томской духовных семинариях кафедр по истории и обличению русского раскола и местных сект. В данном случае стоит отметить труды Д. Н. Беликова и И. Новикова [Первый Епархиальный Миссионерский съезд в г. Томске, 1900; Беликов, 1901]. Несмотря на конфессиональную тенденциозность, их труды содержат важный и богатый исследовательский материал.

Среди современных исследователей численного состава старообрядчества, а также характеристики его толков и согласий обозначенного периода, стоит выделить таких исследователей, как Е. М. Бежан, К. Ю. Иванов, В. А. Должиков, Г. Н. Храпков, Н. А. Старухин [Бежан, 2007: 87–95; Иванов, 1997: 91–94; Иванов, 2001; Гостюшева, Должиков, 2019: 12–19; Храпков, 2017: 146–151; Старухин, 2006: 113–118; 1999: 93–103; 2012].

Как дореволюционные, так и современные исследователи старообрядчества Томской губернии при изучении его численности сталкиваются с двумя основными проблемами — несовершенством системы учета и отсутствия надежных критериев для определения принадлежности к религиозным толкам и согласиям. Важно также отметить, что существовало большое количество так называемых тайных староверов среди как единоверцев, так и числившихся представителями официального православия. Поэтому дореволюционные исследователи, как правило, опираются на официальную статистику. Современный исследователь старообрядчества Западной Сибири К. Ю. Иванов отмечает, что на данный момент в истории старообрядчества до сих пор остаются неизученными определённые аспекты, один из которых — это демографические процессы старообрядчества, в том числе и его численный состав [Иванов, 2009: 74]. Кроме того, исследователь вынужден констатировать, что при выяснении вопроса о классификации старообрядчества ему пришлось столкнуться с проблемой как общероссийского, так и местного характера — отсутствие единого устойчивого понятийного аппарата не только среди дореволюционных, но и современных исследователей [Иванов, 2001: 20]. Другой исследователь, О. П. Ершова, отмечала, что статистический вопрос является одним из самых сложных вопросов в истории старообрядчества. Это чрезвычайно важно при оценке характера и направленности вероисповедной политики. Вместе с тем она подчеркнула, что «при том состоянии статистики, которое существовало в России, она должна быть предметом для специального исследования» [Ершова, 1999: 72].

Таким образом вопрос о численном составе и классификации старообрядцев дореволюционного периода, как в целом в пределах Российской империи, так и его отдельных губерний, в том числе в Томской губернии, до настоящего времени является мало изученным, соответственно, важным, чем и обусловлена актуальность данной статьи. Цель данной статьи — провести анализ численного состава и географии расселения старообрядчества Западной Сибири, дать характеристику его основных толков и согласий в последней четверти XIX — начале XX в. Достижение поставленной цели важно для дальнейшего изучения старообрядчества в контексте государственно-конфессиональной политики имперской власти, так как политика государственных властей и Русской православной церкви была дифференцирована по отношению к согласиям и отдельным толкам. К примеру, одним из радикальных толков старообрядчества считалось бегунство. Кроме того, нужно отметить, что многие старообрядческие центры

и населенные пункты возникли в результате добровольной и принудительной миграции, как следствие «противораскольнической» политики имперских властей (к примеру, «поляки», «кержаки», «каменщики»).

Основными источниками данного исследования послужили отчеты Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского, представленные в Томских Епархиальных Ведомостях, приложения ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора, представленные в Обзорах Томской губернии, а также архивные документы Государственного архива Алтайского края и Государственного архива Томской области.

Численный состав старообрядцев Томской губернии

По официальным данным томских губернских властей, «раскол» в Томской епархии появился здесь почти одновременно с образованием селений и городов. Старообрядцы самовольно бежали сюда из Европейской России, также в период правления Екатерины II на территории Бийского и Барнаульского округов были переселены так называемые *ветковцы*. По данным Томских епархиальных властей, «нет ни одной деревни, населенной исключительно природными сибиряками, в которой не нашлось бы приверженцев мнимой старины; даже не редкость встретить в одном доме несколько различных вер, например, муж беспоповец, жена единоверка, брат мужа беглопоповской секты, другой спасова согласия или австрийской лжеерархии» [Обзор Томской губернии за 1892 г., 1893: 36].

По официальным данным, в 1885 г. «раскольников» в пределах Томской епархии числилось 27673 чел. [Обзор Томской губернии за 1885 г., 1886: 9]. В 1892 году в числится уже 58995 чел. [Обзор Томской губернии за 1892 г., 1893: 37]. Однако сами светские и церковные власти были вынуждены признать, что данные цифры далеки от реальных. Одной из причин сложности установления более точной численности староверов состояла в том, что «последователи раскола живут скрытно». Об этом писало и официальное губернское издание: «Общее число раскольников, расселенных по всем округам с точностью определить нельзя, т. к. многие из них живут в лесах, ущельях гор, и вообще малодоступных местах» [Обзор Томской губернии за 1891 г., 1892: 39].

Важно отметить, что сведения Томского Епархиального противораскольнического Братства Св. Димитрия Митрополита Ростовского существенно отличались от официальных: в 1888 г. «раскольников» Совет братства насчитывает более 80.000. Данные по округам представлены следующим образом: по Барнаульскому — 40000, Бийскому — 35000, Каинскому — 2775, Томскому — 1415, Мариинскому — 1227, Кузнецкому — 652 [Беликов, 1901: 6]. Исследователь томского старообрядчества XIX в. Д. Н. Беликов выделяет основные «центры раскола»:

- по Барнаульскому округу: на левой стороне Оби вся Кулундинская степь, в правой стороне от Оби волости Косихинская, Белоярская, Тальменская, Боровлянская, Чумышская и Верх-Чумышская, «с главными гнездами раскола по Кулунде в с. Тюменцевском, дер. Ключах. Ермачихе и Жарковой, Шипициной, Безпаловой»;
- по Бийскому округу такие поселения, как Выдриха, Секисовка, Быструха, Мало-Убинская, Сибирячиха, Топольная, Солоновка на р. Пещаной, Айское, Тавда, Платова и др., а также Бухтарминский край, основанный «каменщиками»;

— Тарминская и Косминская волости Кузнецкого округа.

«Среди многих Кузнецких раскольнических селений и деревень по степени самой лютой раскольнической настроенности дер. Желтоногина занимает особое выдающееся место» — отмечает исследователь. Что касается Томского округа, то по его данным, «раскольники приютились здесь на отдельных заимках, обильно раскинувшихся к северо-востоку от г. Томска в так называемой Томско-Чулымской тайге» [Беликов, 1901: 15–16].

В 1898 г. братством было отмечено, что общее количество «раскольников» в епархии насчитывается уже до 93698 чел. Из округов по численности «раскольников» лидирует Барнаульский, за ним следуют Бийский и Змеиногорский. Советом братства были также выделены и приходы «особенно обильные раскольниками»:

- 1) в округе Барнаульском: Ребрихинский с 3060 раскольниками; Старобутырский — 2055, Тюменцевский — 1733, Сорокинский — 1672, и Боровский — 1171;
- 2) в Бийком: Айский — 2462, Катандинский — 2311, Куюганский — 1274, Сычевский — 1380;
- 3) в Змеиногорском: Секисовский единоверческий — 7301, Верх-Убинский — 2588, Кабановский — 1960 [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 19–20].

Основная причина разницы между данными официальной статистики и братства состояла в том, что официальная статистика учитывала только так называемых раскольников от рождения, т. е. официальных, и не учитывала так называемых тайных или уклонившихся из православия в раскол. Поэтому члены Братства непосредственно входили в сношения с приходами через благочинных, прося их предоставить более точные сведения о числе «раскольников», учитывая не только «явных», но и тех, кто числится официально православным, но на деле таковым не являлся, а в официальном православии числились лишь формально [Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 г., 1887: 3–7].

О. благочинный № 31 в своем отношении от 10 января 1889 г. пишет: «...с точностью определить число уклонившихся в раскол — невозможно. В приходе, где уклонившихся в раскол значительная часть, — истинно-православных нет, так как духом раскола проникнуты и те, которые принимают таинства св. церкви, а потому считаются и пишутся православными. Разность между православными и раскольниками в раскольнических приходах состоит только в степени приверженности к расколу и в степени обнаружения раскола; заблуждения же раскольнические, их взгляды, их обряды разделяются и православными; все они молятся двуперстием, уважают только медные иконы, любят ходить по Озолонь, двоить аллилуйя» [Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887–8 четвертый отчетный год, 1889: 21].

Довольно много «тайных» старообрядцев было выявлено светскими и церковными властями (многие старообрядцы, официально числившиеся представителями официальной Церкви, сами открыто заявили о себе) после издания законов о метрической записи старообрядческих браков от 19 апреля 1874 г. и «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 г. [Ильин, 2018: 117]. Фонды Государственного архива Томской области (ГАТО) содержат множе-

ство документов по данному поводу (в том числе прошений от старообрядцев о внесении их и своих детей в особые метрические книги) [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2517; 2550; 2568; 2643; 2652; 2655; 2700; 2702; 2722; 2757; 2758; 2759; 2785; 2825; 2826; 2832; 2833; 2854; 2892; 2900; 2915; 2936; 2940; 2955; 2956; 2972; 2975; 2976; 2980; 2981; 2990; 2994; 3005; 3006; 3008; 3019; 3025; 3028; 3046; 3059; 3107; 3118; 3257]. Примером служат сведения о состоянии прихода Меретской Свято-Троицкой церкви благочиния № 19 за 1885 г.: «По церковным документам в приходе сей церкви раскольников не считается, кроме ниже поименных прихожан из д. Старо-Обинцевой, Инской и Верхне-Сунзунской, прежде состояли в православии и принимали от православной Церкви таинства: крещение, бракосочетание, а с некоторого времени стали себя считать раскольниками, в церкви не ходят, детей не крестят, умерших хоронят сами без напутствования и отпятия священника, и считают себя сектантами поморской секты, свечами и иконами церковными пренебрегают и в общей молитве с православными не участвуют, молебнов не служат, усопших в церкви не поминают... На обличие священника отвечают дерзко и с насмешкой, говоря, мы веруем так, как веровали до Никона, и более ничего знать не хотим и никаких Ваших увещаний слушать не хотим» [ГААК. Ф. 166 Оп. 1 Д. 1 Л. 308]. О данном явлении, имевшем массовый характер в пределах Томской губернии, писали Томские Епархивальные ведомости: «Издавна находилось немало лиц, сочувствующих Расколу, но до 1883 года они мало заявляли о себе, большей частью входили в состав православных приходов, принимали некоторые церковные таинства и не позволяли себе открыто пропагандировать свои лжеучение. Но с 1883 года, когда раскольников дарованы некоторые права, в среде их началось весьма заметное движение, обнаружилось стремление выделиться из православных приходов [,] чтобы жить самостоятельной жизнью [,] как [,] например [,] жители деревни Петропавловской, которые обратился к местной власти с просьбой об отделении их от православной церкви, с такой же просьбой обратились и крестьяне деревни Малая Бацалака на имя обер-прокурора святейшего Синода по дозволения им состоять в расколе. Хотя большая часть просителей принимали таинства, а некоторые даже в 1886 году вступили в брак с благословения Святой церкви» [Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год, 1887: 3–7]. Наглядным документом по данному аспекту является «Ведомость о числе раскольников и уклонившихся в раскол из Православия и Единоверия, проживающих в приходах 15 церквей благочиния № 18 от 1887 г.», в которой указано 9434 «раскольников, кои считаются Православными, но на самом деле истинные раскольники» [ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2892. Л. 104–105].

В своем вступительном слове перед открытием в Томске миссионерского епархиального съезда 9 августа 1898 г. преосвященный Макарий, епископ Томский и Барнаульский заявил: «Когда пришло время выделить православную паству и подвести счет раскольников, то число сих последних оказалось чрезмерно великим. Те, которые прежде считались православными, оказались издавна тайно принадлежащими к расколу, или уклоняющимися в раскол. В некоторых местах почти все православные сибиряки и донныне более или менее заражены духом раскола» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 7].

Таким образом, многие староверы проживали тайно в малодоступных для представителей официальной церкви губернских властей местах, кроме того, многие из староверов официально числились прихожанами православной (никонианской) церкви, из-за чего учет численности старообрядцев был затруднен. Томские Епархиальные Ведомости пишут по этому поводу: «При всём старании сотрудников Братства некоторые укромные и потаенные уголки раскольнического мира ускользнули от их наблюдения, а таковыми углами Томская епархия не бедна. Тайные поселения раскольников нередки и сегодня в Томской епархии, которые нигде в книгах не записаны. Не проходит и года [,] чтобы сколько-нибудь таких поселений не было открыто в Томской епархии и теперь в Томской, Мариинской, Колыванской или Кузнецкой тайге или где-нибудь в ущельях Алтайских гор» [Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нем событий в 1894–95 году, 1896: 5].

Важно отметить, что количество староверов в пределах Томской губернии существенно увеличивалось за счет переселенческого процесса. Исследователь томского старообрядчества Д. Н. Беликов пишет: «Усиленное переселенческое движение в Сибирь началось с конца 1880-х годов. Но почти ежегодно тысячами переселенцы оседали в Томской губернии и ранее, и в этих тысячах всегда можно было насчитать если не сотни, то многие десятки семей, принадлежавших расколу... Покинувшие родину вследствие экономических затруднений, раскольники-переселенцы селились и не перестают селиться по всем округам губернии» [Беликов, 1901: 10].

Основной поток переселенцев шел из Рязанской, Тамбовской, Тобольской, Пермской, Воронежской, Вятской и других губерний. Переселенцы-староверы старались селиться в малодоступных отдаленных местах. Их манила плодородная земля и в определенной степени удаленность от властей. Еще с 40-х гг. XIX в. в Уймонский край активно стали прибывать переселенцы из европейской части России, преимущественно из Вятской губернии, среди которых было много староверов. Активно переселялись староверы в Змеиногорский округ. Избегая соседства с православными-никонианами, они селились рядом со своими единоверцами-староверами, а также осваивали новые земли и основывали новые поселки. Также активно заселялась и Кулундинская степь. В отчете Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 г. указано: «Ряды старообрядцев особенно пополняются вновь приехавшими из России новоселами. Кулунда сплошь населена раскольниками, — а новоселы приезжают туда ежегодно целыми тысячами и все народ бедный. Нужда заставляет их жить, или поденщиной, или в работниках у старожилов-раскольников. Доколе вновь прибывший не изменит православию, не станет крепиться двуперстно, — до тех пор хозяин не посадит его с собой за стол» [Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 год, 1892: 20]. Томские Епархиальные Ведомости писали по этому поводу: «С каждым годом с переселенцами к нам едут целые сотни, даже тысячи раскольников, селятся в удобных для них захолустьях, вдали от духовной и гражданской власти. Раскол растет, крепнет, грозит превращением сотням невежественной массы» [К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества, 1896: 28].

Основные согласия и толки старообрядцев Томской губернии

В своем содержании представители старообрядчества Томской губернии принципиально не различались, согласия и толки здесь были те же, что и в Центральной России.

Поповцы. Распределились по всей губернии, с особою плотностью были представлены в селениях польских выходцев («поляки»). Среди поповцев преобладали старообрядцы, приемлющие священство белокриницкой иерархии (австрийцы). Д. Н. Беликов отмечает: «В прежнее время поповщина существовала только в виде беглопоповщины, но с конца 1850-х годов в Томской губернии появляется согласие австрийского священства, которое развиваясь постепенно, захватывает в себе беглопоповщину все более и более» [Беликов, 1901: 17]. Австрийская иерархия возникла в 1846 г., когда основная часть беглопоповцев признала законность перехода в старообрядчество митрополита Босно-Сараевского Амвросия и поставленных им преемников. Местом его жительства было селение Белая Криница, находившееся тогда на территории Австрийской империи. Соответственно, данную иерархию стали называть Австрийская или Белокриницкая. В 1862 г. согласие раскололось на две неравные части по отношению к «Окружному посланию» — «окружников» и «противоокружников». Принципиальным являлось то, что «окружники» признавали некоторые нововведения Никона и осуждали только преследования старообрядцев. «Окружников» на территории Томской губернии было большинство, противоокружники делились на «иовцев» и «раздорствующих».

Безпоповство. На территории Томской губернии численно лидировали безпоповцы. Среди безпоповцев выделялись:

- 1) поморцы (с внутренним делением на законобратных поморцев, полубратных даниловцев, небратных федосеевцев и филиповцев);
- 2) истинно православные христиане странствующие;
- 3) спасовцы (нетовщина глухая и нетовщина поющая). Близкими к Спасову согласию являлись самокрещенцы и «рябиновцы».

Характеризуя поморцев, миссионеры отмечали их крайне «враждебное» отношение к Русской православной церкви. «Федосеевцы и филиповцы при том наиболее фанатичны и враждебны по отношению к Русской православной церкви, даниловцы же значительно мягче» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 25, 28].

Большая часть поморцев на территории Томской губернии принадлежали именно к законобратному согласию. Его основными центрами были д. Гилева и с. Верх-Убинское Змеиногорского округа, Солоновка Бийского округа и Ворониха Барнаульского округа. Как отмечали миссионеры, последователи Поморского законобратного согласия, по сравнению с другими безпоповцами, были как бы «передовыми». В них более всего отмечалось стремление к грамотности и просвещению, у них было немало своих школ, богатых библиотек, их наставники заметно выделялись по своему развитию и начитанности [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 27]. Приходящих из Русской православной церкви и других христианских толков поморцы обязательно перекрещивали.

От законобратного поморского согласия Томское епархиальное Братство отличало так называемое старопоморство в виде федосеевщины, филиповщины и даниловщины [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 28].

Федосеевцы и филиповцы отличались от законобратного поморства по вопросам о браке и молении за царя, даниловцы — только по вопросам о браке. Федосеев-

цы решительно отвергали брак, который, по их мнению, может быть заключен только священником, а так как истинного священства в «настоящее антихристовое время» нет, то не может быть и брака. За царя федосеевцы не молились. Как отмечали миссионеры, «филиповцы живут в высшей степени замкнуто, строго блюдут свой старинный уклад жизни, и с такой же строгостью относятся к внешним, за что и получили прозвище «крепких Христиан». Их отличительной чертой было то, что они ни в каком случае не позволяют себе молиться иконам, изготовленным не их согласниками. Филипповцы существовали в Каинском округе и в Чумышской волости Барнаульского округа [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 31]. Даниловцев, по мнению миссионеров, в последнее время «начинает тянуть к законобратному Поморскому согласию».

По убеждению томских епархиальных властей, истинно православные христиане странствующие (странничество или бегунство) есть «секта вообще малораспространенная, но по своим воззрениям крайне вредная, обосновалась в Томской епархии прочно. Странники живут отдельными скитами в малодоступных горах, в болотистой или лесистой тайге — вдалеке от православных поселений. Центром странничества является Чулымская тайга (Томский и Мариинский округа). Существуют скиты и в Алтайских горах» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 32]. Как отмечают исследователи XIX в., «Бегунство по его принципу — самый строгий аскетизм. Все странники по идее — иноки. Уставы их необыкновенно строги» [Смирнов, 1895: 118].

Основная часть спасовцев в Томской губернии принадлежала к нетовщине глухой, меньшая часть — к нетовщине поющей. В 1860-е гг. появились самокресты (самокрещенцы), выделившиеся из Спасова согласия. По данным Томского противораскольнического Братства «Нетовщина в Томской епархии насчитывает не одну тысячу своих последователей. Нетовцы проживают в Барнаульском, Кузнецком и Бийском округах» [Первый Епархиальный миссионерский съезд, 1900: 44]. Другим ответвлением нетовцев — самокрещенцев были восточники и рябиновцы. Соседи называли их дырниками, окопоклонниками или небесниками. По мнению восточников, неиспорченных икон не осталось, а новые писать и освятить некому, поэтому они молились на восток (на солнце), в хорошую погоду — на открытом воздухе, а в ненастье — через отверстие, прорубленное в восточной стене дома.

Стариковщина. По утверждению Д. Н. Беликова, стариковщина представляет собой нечто среднее между поповщиной и безпоповщиной. Так как представители стариковщины обходились без священства, довольствуясь требоисправителями из стариков и старух, то они подходят к безпоповству. Однако Д. Н. Беликов отмечает, что «последователи ее не восстают против священства или, по крайней мере, в принципе ничего не имеют против него, привыкли обращаться к старикам только нужды ради, мы должны отнести этот вид старообрядчества к толкам поповщинского характера. Можно с положительностью утверждать, что стариковщина возникла и развилась из беглопоповщины вследствие затруднительного положения при относительной редкости беглых попов, а в Сибири иной раз и полного их отсутствия» [Беликов, 1901: 17].

Весьма близко к стариковщине подходит согласие часовенных. Стариковцы не считали для себя особенно тяжким грехом в необходимых случаях обращаться за таинствами и погребением к официальной православной церкви, — часовенные относились к этому делу гораздо строже и потому прибегали к священникам РПЦ очень редко. Стариковцы, избирая из своей среды наставников, вводили их в круг обязанностей безо всякого поставления, часовенные требовали, чтобы избранный в наставники был поставлен на его настоятельское дело через благословение от других наставников, в свою очередь преемственно получивших благословение от Иргиза, Рогожского кладбища или от екатеринбургских иноков. Местом наибольшей сплоченности стариковщины в пределах Томской губернии была Кулундинская степь.

Если судить о количестве староверов в Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в., то здесь преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Заключение

Томская губерния являлась одной из старообрядческих территориальных центров в количественном и качественном смысле. Епархиальному противораскольническому Братству Св. Димитрия Митрополита Ростовского удалось установить примерное число староверов, равное более 90 тысяч человек, что существенно превышало число староверов по официальным данным. Основная причина разницы между данными официальной статистики и Братства состояла в том, что официальная статистика учитывала только так называемых «раскольников от рождения», т.е. официальных и не учитывала так называемых тайных или «уклонившихся из православия в раскол». Важно также учитывать, что многие староверы проживали тайно в малодоступных для представителей официальной церкви и губернских властей на местах.

По численности «раскольников» лидирует Барнаульский округ, за ним следуют Бийский и Змеиногорский. Вместе с тем количество староверов в пределах Томской губернии существенно увеличивалось в результате переселенческого процесса. Переселенцев манила плодородная земля и в определенной степени удаленность от властей.

Старообрядчество Томской губернии принципиально не отличалось согласиями староверов Центральной России, согласия и толки здесь были те же самые. С точки зрения численности, в Томской губернии в последней четверти XIX — начале XX в. преобладали представители стариковщины, поморского согласия и поповщины.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (проект № 23–18–00117).

Acknowledgements and funding

The article was prepared within the framework of the Russian Science Foundation grant «The Influence of the Imperial Acculturation Policy and the Soviet Model of State-Confessional Relations on the Situation of Religious Communities in Border Regions and National Autonomies of the Asian Part of Russia» (project No. 23–18–00117).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бежан Е. М. Классификация старообрядческих согласий и сектантских общин, их развитие и распространение на территории Западной Сибири в первой половине XIX в. // Вестник Омского университета. 2007. № 3. С. 87–95.

Беликов Д. Н. Томский раскол: (исторический очерк с 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. 246 с.

Гостюшева Е. М., Должиков В. А. Конфессиональный состав населения Томской губернии по данным Первой всероссийской переписи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 12–19.

Государственный архив Алтайского края. Ф. 166. Оп. 1. Д. 1.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2517.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2550.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2568.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2643.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2652.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2655.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2700.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2702.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2722.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2757.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2758.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2759.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2785.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2825.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2826.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2832.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2833.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2854.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2892.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2900.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2915.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2936.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2940.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2955.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2956.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2972.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2975.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2976.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2980.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2981.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2990.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 2994.

Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3005.

- Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3006.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3008.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3019.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3025.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3028.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3046.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3059.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3107.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3118.
Государственный архив Томской области. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3257.
Ершова О. П. Старообрядчество и власть. М. : Уникум-Центр, 1999. 202 с.
Иванов К. Ю. Соглашения и толки томского старообрядчества (вторая половина XIX — начало XX в.) // Исторические судьбы православия в Сибири: тезисы докладов и научных сообщений конференции. Иркутск, 1997. С. 91–94.
Иванов К. Ю. Старообрядчество юга Западной Сибири второй половины XIX — начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2001. 30 с.
Иванов К. Ю. Старообрядчество Змеиногорского уезда Томской губернии (XVIII — начало XX в.) // Наука и образование. Белово : Беловский полиграфист, 2009. Ч. 1. С. 75–76.
Извлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противораскольнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год // Томские Епархиальные Ведомости. 1887. № 6. Отдел неофициальный. С. 1–23.
Ильин В. Н. Старообрядческие браки в контексте государственно- конфессиональной политики Российской империи на территории Томской губернии в XIX в. // Народы и религии Евразии. 2018. № 2. С. 112–118.
К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества // Томские Епархиальные Ведомости. 1896. № 5. Отдел неофициальный. С. 23–31.
Обзор деятельности ведомства православного исповедания за время царствования Императора Александра III. СПб., 1901. 727 с.
Обзор Томской губернии за 1885 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1886. 48 с.
Обзор Томской губернии за 1891 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1892. 69 с.
Обзор Томской губернии за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Томского губернатора. Томск, 1893. 66 с.
Отчет братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского в г. Бийске за 1887–8 четвертый отчетный год // Томские Епархиальные Ведомости. 1889. № 3. Отдел неофициальный. С. 1–25.
Отчет Братства Святителя Димитрия, Митрополита Ростовского за 1890–91 год. // Томские Епархиальные Ведомости. 1892. № 3. Отдел неофициальный. С. 14–25.
Первый Епархиальный миссионерский съезд в г. Томске 10–27 августа 1898 года. Томск, 1900. 332 с.

Смирнов П. С. Важность изучения внутренней жизни раскола: речь на магистерском коллоквиуме 20-го декабря перед защитой диссертации «Внутренние вопросы в расколе в XVII веке». СПб., 1898 // Христианское чтение. 1899. № 1. С. 155–165.

Смирнов П. С. История русского раскола старообрядчества. СПб., 1895. 276 с.

Состояние раскола в Томской епархии и летопись происшедших в нем событий в 1894–95 году // Томские Епархиальные Ведомости. 1896. № 1. Отдел неофициальный. С. 5–13.

Старухин Н. А. Белокрыницкие общины Томской губернии: проблемы церковной организации и управления (вторая половина XIX века) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2006. Т. 5. Вып. 1. С. 113–118.

Старухин Н. А. Белокрыницкое согласие на Алтае: Барнаульская Крестовоздвиженская церковь // Старообрядчество: история и культура. Барнаул, 1999. С. 93–103.

Старухин Н. А. Белокрыницкое согласие Томской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (этапы формирования и принципы организации) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2012. 24 с.

Храпков Г. Н. Сущность раскола (старообрядчества) в трудах и очерках священнослужителей и светских деятелей второй половины XIX–XX веков // Управленческое консультирование. 2017. № 3. С. 146–151.

REFERENCES

Belikov D. N. *Tomskii raskol: (istoricheskii ocherk s 1834 po 1880-ye gody)* [Tomsk split: (historical essay from 1834 to 1880s)]. Tomsk, 1901, 246 p. (in Russian).

Bezhan E. M. Klassifikatsiya staroobryadcheskikh soglasii i sektantskikh obshchin, ikh razvitie i rasprostranenie na territorii Zapadnoi sibirii v pervoi polovine XIX v. [Classification of Old Believer agreements and sectarian communities, their development and distribution on the territory of Western Siberia in the first half of the 19th century]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University]. 2007, no. 3, pp. 87–95 (in Russian).

Gostyusheva E. M., Dolzhikov V. A. Konfessionalnii sostav naseleniya Tomskoi gubernii po dannym pervoi vs Rossiiskoi perepisi 1897g. [Confessional composition of the population of Tomsk province according to the first all-Russian census of 1897]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2019, no. 59, pp. 12–19 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Altaiskogo kraia (GAAK) [State archive of the Altai territory]. Fund 166. Inventory 1. File 1 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2517 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2550 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2568 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2643 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2652 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2655 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2700 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2702 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2722 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2757 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2758 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2785 (in Russian).

v Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2825 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2826 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2832 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2833 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2854 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2892 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2900 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2915 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2936 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2940 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2955 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2956 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2972 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2975 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2976 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2980 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2981 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2990 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 2994 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3005 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3006 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3008 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3019 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3025 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3028 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3046 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3059 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3107 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3118 (in Russian).

Gosudarstvennii arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [State archive of Tomsk region]. Fund 170. Inventory 2. File 3257 (in Russian).

Ershova O.P. *Staroobryadchestvo i vlast'* [Old Believers and Power]. Moscow: Unikum-Tsentr, 1999, 202 p. (in Russian).

Il'in V.N. *Staroobryadcheskie braki v kontekste gosudarstvenno-konfessional'noi politiki Rossijskoi imperii na territorii Tomskoi gubernii v XIX v.* [Old Believer marriages in the context of the state-confessional policy of the Russian Empire on the territory of the Tomsk province in the 19th century]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and religions of Eurasia]. 2018, no. 2, pp. 112–118 (in Russian).

Ivanov K.Yu. *Soglasiya i tolki tomского старообрядчества (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Consent and talk of the Tomsk Old Believers (the second half of the 19th —

early 20th centuries)]. *Istoricheskie sud'by pravoslaviya v Sibiri: Tezisy dokladov i nauchnykh soobshchenii konferentsii* [Historical fate of Orthodoxy in Siberia: Abstracts of reports and scientific reports of the conference]. Irkutsk, 1997, pp. 91–94 (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Staroobryadchestvo yuga Zapadnoi Sibiri vtoroi polovini XIX — nachala XX v. Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk.* [Old Believers in the South of Western Siberia in the Second Half of the 19th — Early 20th Century. PhD Thesis in History]. Kemerovo, 2001, 30 p. (in Russian).

Ivanov K. Yu. *Staroobryadchestvo Zmeinogorskogo uezda Tomskoi gubernii (XVIII — nachalo KhKh v)* [Old Believers in the Zmeinogorsk District of Tomsk Province (18th — Early 20th Century)]. *Nauka i obrazovanie* [Science and Education]. Belovo: OOO “Belovskii poligrafist”, 2009, vol. 1, pp. 75–76 (in Russian).

Izвлечение из отчета о состоянии и деятельности Томского противорасколнического Братства во имя Святителя Димитрия Митрополита Ростовского за 1885–6 год. [Extract from the report on the status and activities of the Tomsk anti-schismatic Brotherhood in the name of St. Demetrius Metropolitan of Rostov for 1885–6.] *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. Otdel neofitsial'nyy [The department is informal]. 1887, no. 6, pp. 1–23 (in Russian).

К вопросу о борьбе с расколом старообрядчества [To the question of the fight against the split of the Old Believers]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1896, no. 5, otdel neofitsial'nyi, pp. 23–31 (in Russian).

Khrapkov G. N. *Sushchnost' raskola (staroobryadchestva) v trudakh i ocherkakh svyashchennosluzhitelei i svetskikh deyatelei vtoroi polovini XIX – XX vekov* [The essence of the schism (Old Believers) in the works and essays of clergy and secular figures of the second half of the 19th – 20th centuries]. *Upravlencheskoe konsultirovanie* [Management consulting]. 2017, no. 3, pp. 146–151 (in Russian).

Obzor deyatel'nosti vedomstva pravoslavnogo ispovedaniya za vremya tsarstvovaniya Imperatora Aleksandra III [Overview of the activities of the department of the Orthodox confession during the reign of Emperor Alexander III]. St. Peterburg, 1901, 727 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1885 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1885. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1886, 48 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1891 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1891. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1892, 69 p. (in Russian).

Obzor Tomskoi gubernii za 1892 god. Prilozhenie ko vsepoddanneishemu otchetu Tomskogo gubernatora [Overview of the Tomsk province for 1892. Supplement to the Most Submissive Report of the Tomsk Governor]. Tomsk, 1893, 66 p. (in Russian).

Otchet bratstva Svyatitelya Dimitriya, Mitropolita Rostovskogo v g. Biiske za 1887–8 chetvertiy otchetnyy god [Report of the brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov in the city of Biysk for 1887–8, the fourth reporting year]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1889, no. 3, otdel neofitsial'nyi, pp. 1–25 (in Russian).

Otchet Bratstva Svyatitelya Dimitriya, Mitropolita Rostovskogo za 1890–91 god. [Report of the Brotherhood of St. Demetrius, Metropolitan of Rostov for 1890–91]. *Tomskie*

Eparkhial'nye Vedomosti [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1892, no. 3, otdel neofitsial'nyi, pp. 14–25 (in Russian).

Pervyi Eparhial'nyi missionerskii s'ezd v g. Tomske [The First Diocesan Missionary Congress in Tomsk]. Tomsk, 1900, 332 p. (in Russian).

Smirnov P. S. *Istoriya russkogo raskola staroobryadchestva* [The history of the Russian split of the Old Believers]. St. Petersburg, 1895, 276 p. (in Russian).

Smirnov P. S. Vazhnost' izucheniya vnutrennei zhizni raskola: rech' na magisterskom kollokviume 20-go dekabrya pered zashchitoy dissertatsii “Vnutrennie voprosy v raskole v XVII veke”. SPb., 1898 [The importance of studying the inner life of the schism: speech at the master's colloquium on December 20th before the defense of the dissertation “Internal questions in the schism in the 17th century”]. *Hristianskoe chtenie* [Christian reading]. 1899, no. 1, pp. 155–165 (in Russian).

Sostoyanie raskola v Tomskoi eparkhii i letopis' proisshedsikh v nem sobytii v 1894–95godu [The state of the split in the Tomsk diocese and the chronicle of the events that took place in it in 1894–95.]. *Tomskie Eparkhial'nye Vedomosti* [Tomsk Diocesan Vedomosti]. 1896, no. 1, otdel neofitsial'nyi, pp. 5–13 (in Russian).

Starukhin N. A. Belokrinit'skie obshchiny Tomskoi gubernii: problemi tserkovnoi organizatsii i upravleniya (vtoraya polovina XIX veka) [Belokrinit'sky Communities of Tomsk Province: Problems of Church Organization and Management (Second Half of the 19th Century)]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History, Philology]. 2006, vol. 5, iss. 1, pp. 113–118 (in Russian).

Starukhin N. A. Belokrinit'skoe soglasie na Altae: Barnaulskaya Krestovozdvizhenskaya tserkov [Belokrinit'skoye consent in Altai: Barnaul Holy Cross Church]. *Staroobryadchestvo: istoriya i kultura* [Old Believers: history and culture]. Barnaul, 1999, pp. 93–103 (in Russian).

Starukhin N. A. *Belokrinit'skoe soglasie Tomskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. (etapi formirovaniya i printsipi organizatsii)*. Avtoref. Diss. Kand. Ist. nauk [Belokrinit'skoye consent of Tomsk province in the second half of the 19th — early 20th centuries (stages of formation and principles of organization). PhD Thesis in History]. Novosibirsk, 2012, 24 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 16.03.2025

Принята к публикации: 02.11.2025

Дата публикации: 29.12.2025

УДК 94 (470)

DOI 10.14258/nreur(2025)4–13

М. К. Чуркин

*Омский государственный педагогический университет, Омск (Россия);
Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения РАН, Тобольск
(Россия)*

С. М. Маткаримова, Н. Б. Абдуллаева

Университет Мамуна, Хива (Республика Узбекистан)

ДИСКУРС И ПРАКТИКИ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОГО ДЕЛА В ТУРКЕСТАНСКОМ КРАЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.: ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Цель настоящей статьи заключается в раскрытии содержания дискурса переселенческого дела как системы властных представлений об этноконфессиональном аспекте колонизации Туркестанского края, обусловивших решения, связанные с водворением и обустройством в регионе мигрантов из европейских губерний России во второй половине XIX — начале XX в. Основные задачи исследования предполагают выявление круга акторов властного дискурса, а также соотнесения этнического и религиозного фонов колонизации с практиками, адресованными непосредственно субъектам переселенческого дела — крестьянам, вышедшим на переселение из Европейской России. С опорой на опубликованные и неопубликованные источники было определено, что процесс становления и последующей эволюции переселенческого дела в регионе, субъекты которого — крестьяне европейской части России — объявлялись трансляторами русской цивилизаторской миссии, находился в тесной зависимости от широкого спектра обстоятельств, испытывая воздействие внешней этнокультурной и конфессиональной среды. В ходе исследования установлено, что «пластичность» имперской политики в этнокультурной сфере часто оборачивалась конфронтацией переселенцев с коренными группами населения Туркестана, а политика власти в отношении ислама активизировала деятельность мусульманских пропагандистов, значительно снижая продуктивность поддержки русских переселенцев в регионе.

Ключевые слова: Российская империя, Туркестанский край, переселенческое дело, переселенцы, коренное население

Для цитирования:

Чуркин М. К., Маткаримова С. М., Абдуллаева Н. Б. Дискурс и практики переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в.: этноконфессиональный аспект // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 4. С. 259–279. DOI 10.14258/nreur(2025)4–13

Чуркин Михаил Константинович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, Омск (Россия); главный научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции Уральского отделения РАН (ТКНС УрО РАН), Тобольск (Россия). **Адрес для контактов:** proffchurkin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Маткаримова Садокат Максудовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории университета Мамуна, Хива (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** sadokatmatkarimova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4641-8686>

Абдуллаева Назокат Бахтияровна, доцент кафедры истории университета Мамуна, Хива (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** nazokata465@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0003-4087-3025>

M. K. Churkin

*Omsk State Pedagogical University, Omsk (Russia);
Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy
of Sciences, Tobolsk (Russia)*

S. M. Matkarimova, N. B. Abdullaeva

Mamun University, Khiva (Republic of Uzbekistan)

DISCOURSE AND PRACTICES OF MIGRATION IN TURKESTAN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES: ETHNO-CONFESSIONAL ASPECT

The purpose of this article is to reveal the content of the discourse of the resettlement case as a system of power ideas about the ethno-confessional aspect of the colonization of the Turkestan region, which determined the decisions related to the settlement and settlement in the region of migrants from the European provinces of Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. The main objectives of the study involve identifying the circle

of actors of the power discourse, as well as correlating the ethnic and religious backgrounds of colonization with the practices addressed directly to the subjects of the resettlement case — the peasants who migrated from European Russia. Based on published and unpublished sources, it was determined that the process of formation and subsequent evolution of the resettlement case in the region, the subjects of which — the peasants of the European part of Russia were declared translators of the Russian civilizing mission, was closely dependent on a wide range of circumstances, experiencing the influence of the external ethnocultural and confessional environment. The study established that the “plasticity” of imperial policy in the ethnocultural sphere often resulted in confrontation between settlers and the indigenous population groups of Turkestan, and the government's policy towards Islam intensified the activities of Muslim propagandists, significantly reducing the productivity of support for Russian settlers in the region.

Keywords: Russian Empire, Turkestan region, resettlement, settlers, indigenous population

For citation:

Churkin M. K., Matkarimova S. M., Abdullaeva N. B. Discourse and practices of migration in Turkestan region in the second half of the 19th — early 20th centuries: ethno-confessional aspect. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30 № 4. P. 259–279 (in Russian).

DOI 10.14258/nreur(2025)4–13

Churkin Mikhail Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University, Omsk (Russia); chief researcher of the Tobolsk Integrated Scientific Station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (TKNS Ural Branch of the Russian Academy of Sciences), Tobolsk (Russia).

Contact address: proffchurkin@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1122-0928>

Matkarimova Sadokat Maksudovna, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of History, Mamun University, Khiva (Republic of Uzbekistan). **Contact address:**

sadokatmatkarimova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4641-8686>

Abdullaeva Nazokat Bakhtiyarovna, Associate Professor, Department of History, Mamun University, Khiva (Republic of Uzbekistan). **Contact address:** nazokata465@gmail.com;

<https://orcid.org/0009-0003-4087-3025>

Введение

Тема переселенческого движения на восточные окраины Российской империи относится к категории достаточно полно освоенных историографических сюжетов [Абашин, 2008; Брежнева, 2018; Цыряпкина, 2022], а утверждение русской оседлости в Центральной Азии, в частности в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в., рефлексировалось современными исследователями в ракурсе имперской парадигмы [Кирильчик, 2021; Абашин, 2016; Ремнёв, Суворова, 2008; Дашковский, Шершнёва, 2015], частью которой является осмысление иноэтничного и иноконфессионального компонентов переселенческого дела [Иноятова, 2023; Ерохина, Шайдулов, 2023]. В те-

кущей историографической ситуации становится очевидным и оправданным интерес научного сообщества к имперскому измерению истории, в системе координат которого оказываются не столько формы политической организации пространства, сколько сложные блоки коммуникации между центром и окраинами, локальными сообществами и уровнями власти, акторами имперской политики, а также способы трансляции представлений власти и общества о моделях освоения территорий и населения в дискурсивных практиках. В данном отношении переселенческое дело в Туркестанском крае как инструмент имперского утверждения в регионе может рассматриваться в двух аспектах. Во-первых, как маркировка империей колонизируемых пространств Центральной Азии в качестве «своих», в отношении которых российское государство реализует практики доминирования и принуждения [Тольц, 2013; Чуркин, 2024]. Во-вторых, включённость Туркестанского края в исследуемый период в геополитический формат «большой игры» в Центральноазиатском регионе, преобладание коренного населения, придерживавшегося мусульманства, и слабость русского влияния так или иначе способствовали пластичности и вариативности стратегий империи в реализации политики населения, что конструировалось в дискурсе власти и наглядно отражалось в практиках организации переселений в Туркестан, водворения и обустройства там миграционного элемента.

Целью статьи является раскрытие содержания дискурса переселенческого дела как системы властных представлений об этноконфессиональном аспекте колонизации Туркестанского края, обусловивших решения, связанные с водворением и обустройством в регионе мигрантов из европейских губерний России во второй половине XIX — начале XX в. Решение задач исследования предполагает выявление круга акторов властного дискурса, а также соотнесения этнического и религиозного фонов колонизации с практиками, адресованными непосредственно субъектам переселенческого дела — крестьянам, вышедшим на переселение из Европейской России.

В качестве методологической рамки предлагается обращение к подходам новой имперской истории как исследовательского направления, сторонники которого предпочитают оценивать колонизационную деятельность Российской империи в отношении азиатской периферии вне контекста и содержания модернизации и вестернизации, поскольку Россия в означенный период сама являлась объектом западной культурной экспансии. При этом, как утверждал С. Беккер, по отношению к своим «колонизируемым» соседям Россия позиционировала себя «...так же, как Запад — по отношению к своим заморским соседям, т. е. как государство, чье технологическое и организационное превосходство не оставляло этим соседям шанса перед лицом его экспансионистского драйва» [Беккер, 2004: 69]. В параметрах современной империологии появляется возможность, опираясь на дискурс власти и общества, проследить, каким образом в проектах и практиках переселенческого дела в отдалённом географически и сложно устроенном в этноконфессиональном плане регионе происходил процесс преодоления культурных различий, а также насколько продуктивными были эти попытки.

Достижение цели и решение поставленных задач может быть реализовано с опорой на широкий, насколько это возможно в рамках статьи, круг источников делопроизводственного характера. К их числу относятся разновременные отчёты и доклад-

ные записки имперских экспертов — чиновников, побывавших в Туркестане на рубеже XIX — XX вв. в служебных командировках с целью ознакомления с постановкой переселенческого дела; отчёты и доклады военных губернаторов, адресованные высшему краевому начальству, извлечённые из архивных фондов; свидетельства непосредственных участников колонизации региона, облечённые в форму научно-публицистических текстов и воспоминаний о своей службе в Туркестане и контактах с представителями генерал-губернаторского корпуса (К. П. фон Кауфман, М. Г. Черняев и др.).

Переселенческое дело в Туркестанском крае в дискурсе территориальной экспансии и «морального превосходства» российских колонизаторов

Российская колонизация Туркестанского края, прологом к которой в историографии принято считать взятие Ташкента русской армией под начальством генерал-майора М. Г. Черняева в 1865 г. и образование в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, стала органичным воплощением долгосрочного имперского дискурса, в границах которого вопросы обоснования территориальной экспансии и оправдания практик «освоения» культурного пространства с опорой на тезис о моральном превосходстве колонизаторов, являлись приоритетными.

Основной интенцией этого дискурса выступила, с одной стороны, эволюционистская традиция XIX в., отлившаяся в обсуждение прошлого, настоящего и будущего исторических и неисторических народов, с другой стороны, формировавшееся в российском обществе XIX столетия мышление «в национальных категориях» [Тольц, 2013: 58–59].

Польский сепаратизм 1830–1860-х гг., дипломатические и военные неудачи России (Крымская война), противоречивое восприятие стартовавших в 1860-х гг. либеральных реформ приводили не только к конструированию травмирующей ситуации, но и стимулировали рост национального чувства и национальной идентичности в российском обществе. В некоторой степени своеобразным интеллектуальным итогом внешнеполитических и внутривнутриполитических процессов второй четверти XIX в. стало утверждение тезиса о новых геополитических интересах России и переориентация общественных сил и власти к обсуждению восточного вопроса и сценариев распространения империи в границах «собственного Востока» — Западной и Восточной Сибири, Степного края, Туркестана.

Почва, подготовившая российское общество к оправданию экспансии и признанию морального превосходства колонизаторов над колонизируемыми, начала «взрываться» ещё в 1840-х гг. в университетских практиках, публицистике и научных трудах российских востоковедов. Профессор Санкт-Петербургского университета, тайный советник, чиновник особых поручений Министерства внутренних дел В. В. Григорьев, формулируя в 1840 г. отношение России к Востоку, предрекал великое будущее стране, призвание которой заключается в том, чтобы «сохранить, устроить и просветить племена Азии» [Григорьев, 1840: 7]. Мотив культуртрегерства в представлениях В. В. Григорьева, выражавшийся в праве «устроить эти народы, научив грубых детей лесов и степей признавать благотворную власть закона» [Григорьев, 1840: 7], неизменно соседствовал с осознанием морального превосходства над «детьми природы», что объяснялось исключительными качествами русского народа. В. В. Григорьев резюмировал: «...Ос-

новые черты русской национальности: любовь к родине, единовластию, православной вере врезались глубже в нашу природу и могли уравнивать блистательную способность славянского племени принимать в себя человеческое..., способность, дающую русскому народу первое место между племенами земли...» [Григорьев, 1840: 6].

Риторика оправдания экспансии и морального превосходства колонизаторов «собственного Востока России» в 1860–1870-х гг. приобрела монолитные формы усилиями российских национал-консерваторов, выведших на первый план лозунг безопасности империи. В российских периодических изданиях, редактируемых М. Н. Катковым («Русский вестник», «Московские ведомости»), активно педалировалась мысль о необходимости установления власти над народами, принадлежащими к неевропейскому культурному типу. При этом как достоинство Российской империи подчёркивалась способность к органическому (мирному) росту посредством смешения русских с покорёнными народами [Катков, 2009: 96]. М. И. Венюков в 1877 г. уверенно утверждал: «Невозможно оспаривать, что три народа, русский, китайский и английский, своим господством над множеством самых разнообразных племён, принесли им и вообще человечеству самую большую пользу, вызвав к мирной жизни такие племена, которые в независимом состоянии были свирепыми варварами» [Венюков, 1877: 2].

Логика «цивилизаторской миссии» в контексте колонизации территорий и населения восточной периферии трансформировалась в формулу: «...прогрессивная европейская цивилизация даёт европейцам право не применять в своих отношениях с неевропейскими обществами те моральные и политические нормы, которые считались обязательными внутри Европы» [Тольц, 2013: 126].

В этой связи организация переселенческого дела в Туркестанском крае как важной составной части имперского проекта вписывалась в единую стратегическую модель «русского дела» в Центральной Азии, что обнаруживает подтверждение в дискурсе имперских экспертов — российских чиновников центрального и регионального уровней, включённых в работу, связанную с переселенческим движением в Туркестан во второй половине XIX — начале XX в. Предваряя обращение к дискурсу переселенческого дела в Туркестанский край, следует отметить несколько обстоятельств, характеризующих атмосферный фон данного процесса в стартовый период имперской инкорпорации региона в состав России.

Во-первых, переселенческое движение на восточные окраины империи в пореформенный период (1860–1870-е гг.) носило фрагментарный, стихийный и во многом самовольный характер, что определялось отсутствием тщательно разработанного переселенческого законодательства и внутрироссийскими ограничениями (выкупные платежи и затруднённый выход из общины).

Во-вторых, легитимные переселенческие партии направлялись в азиатскую часть страны — в районы Западной Сибири и Степного края, которые были подготовлены для принятия мигрантов, путём приписки к старожильческим селениям или образования отдельных переселенческих посёлков. Самовольное переселенческое движение, представители которого ориентировались на сведения уже мигрировавших родственников и односельчан, шло в том же направлении.

В-третьих, губернии Западной Сибири находились в поле российской юрисдикции с конца XVI — начала XVII в. К середине XIX в. в районах традиционного аграрного производства (Тобольская, Томская губернии), географически и административно приближённых к Европейской России, сложился консолидированный слой русского населения, численно преобладавшего над инородческим, что освобождало имперские власти от острой необходимости селекции этнического и конфессионального состава переселенческого движения.

В-четвёртых, участники аграрных переселений в губернии и области Западной Сибири и Степного края изначально были ориентированы на организацию в регионе водворения зернового хозяйства, вступившего в европейской части страны в состояние затяжного кризиса.

В означенном контексте географически отдалённый не только от метрополии, но и районов аграрной колонизации Туркестанский край, присоединённый к России военными средствами, в 1860–1870-х гг. не рассматривался общественными силами и имперской властью как регион активного земледельческого освоения, но соответствовал уже оформившимся представлениям об империостроительстве в формате теории «большой русской нации». Артикулируемые российскими «охранителями» идеи дистиллировано выразились в формуле М. Н. Каткова: «политические и вообще национальные интересы русского народа требуют, чтобы все люди империи равно чувствовали себя русскими, а для этого нужно не переселение крестьян из одних губерний в другие, а общая неуклонно-национальная политика русского правительства» [Собрание передовых статей, 1897: 470].

В отношении к численно доминировавшему автохтонному населению Туркестана политика русификации рельефно отразилась в высказывании востоковеда В. В. Бартольда, писавшего, что «...восточные народы вернее всего поверят в превосходство русской культуры, когда убедятся в том, что мы знаем их лучше, чем они сами себя знают...» [Бартольд, 1964: 610]. Ещё более категорично о цивилизующей миссии русских в Азии высказывался В. В. Григорьев, говоривший о необходимости «...воспитать или перевоспитать, возродить или переродить большую часть народов этой стороны света..., возвысить их до себя, уподобить себе и слить в одно великое, святое семейство» [Григорьев, 1840: 7–8].

Политика населения Российской империи в Туркестане в контексте проектов организации переселенческого дела: дискурс и практики

Идея о неограниченном праве империи и её агентов осуществлять цивилизаторскую миссию на окраинах на долгие годы стала базисом российской политики населения в Туркестанском крае, определив идеологические контуры и практики переселенческого дела. Как утверждает М. Ходорковский, важной составляющей российского цивилизаторства являлась сельскохозяйственная обработка земли как необходимое условие перевода кочевников-номадов в оседлое состояние [Ходорковский, 2019: 10]. В данном плане принимающая этническая среда организации переселений крестьянства Европейской России в Туркестан оценивалась имперской властью в контексте политики населения и учитывалась уже в 1860–1870-х гг., когда понятие «переселенче-

ская политика» отсутствовало даже в отношении регионов активного распространения аграрных мигрантов (Тобольская, Томская губернии).

Показательными в данном аспекте являются оценки исторического опыта русской колонизации Туркестана, встречающиеся в материалах официального делопроизводства начала XX в. Так, например, военный губернатор Ферганской области Г.А. Покотило в докладе по переселенческому вопросу Туркестанскому генерал-губернатору Н.И. Гродекову отмечал, что в стартовый период завоевания Туркестана, когда край был не устроен по многим отношениям, вся политика правительства сводилась к тому, чтобы связь окраины с империей строить на чувстве довольства туземцев русской властью: «...в этом духе в дальнейшем велись и все поземельно-податные работы» (цит. по: [Абашин, 2016: 337]).

Симптоматично, что стремление к «умиротворению» коренного населения в системе координат переселенческого дела соотносилось с отсутствием чёткой организационной модели в водворении и обустройстве переселенцев. Чиновник особых поручений при Переселенческом управлении МВД Н. Гаврилов, предваряя отчёт по поездке в Туркестан осенью 1910 г. историческим очерком колонизации края и отметив факт организации там первого русского посёлка Карабалты в 1874 г., констатировал, что для водворения первых русских переселенцев не было выработано единообразного порядка, не существовало никаких законодательных определений и правил заселения, которое производилось всецело по усмотрению областной и уездной администрации [Гаврилов, 1910: 1–2]. По заключению Н. Гаврилова, подобный подход являлся основанием переселенческого дела при первых Туркестанских генерал-губернаторах — К.П. фон Кауфмане (1867–1882 гг.) и М.Г. Черняеве (1882–1884 гг.) [Гаврилов, 1910: 2].

Широкие административные полномочия и глубоко личностный характер власти в отдалённом Туркестанском крае, при отсутствии внятной государственной программы заселения региона, способствовал саморепрезентации высшей региональной бюрократии в качестве главных устроителей административного порядка на местах и культуртрегеров коренного населения. Первый Туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, чья военная и административная биография была тесно связана с выполнением служебных обязанностей на западных окраинах империи, являлся убеждённым сторонником политики «русского дела», и своё место в ней представлял достаточно чётко: «Если я буду умирать здесь, то буду просить чтобы меня похоронили на Константиновской площади в церковной ограде, чтобы каждый знал, что здесь настоящая русская земля, в которой не грешно лежать русскому человеку» (цит. по: [Остроумов, 1899: 2]).

По свидетельству Н. Гаврилова, «к устройству переселенцев приступали без особого плана, под влиянием случайных обстоятельств...Если при первом генерал-губернаторе К.П. фон Кауфмане администрация преследовала самостоятельно поставленную цель — усиление русского элемента в крае, то остальное время туркестанские власти и центральное правительство ограничивались принятием мер к обеспечению земель переселенцев» [Переселенческое дело в Туркестанском крае, 1911: 157–158]. Позднее стремление к русскому преобладанию было озвучено генерал-губернатором Н.И. Гро-

дековым, убеждённым в том, что русский посёлок в Туркестане может быть приравнен к батальону солдат [НА РУз. Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020. Л. 41 об.].

Личная позиция первого Туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана в отношении колонизации региона, знаковым сегментом которой являлись крестьянские переселения, основывалась на неудачном опыте активной русификации и христианизации иноэтничного населения Северо-Западного края Российской империи. В условиях Туркестана, в границах которого проживало преимущественно нерусское население, исповедовавшее ислам, Кауфман взял на вооружение модель, озвученную им в одном из первых своих всеподданнейших отчётах: «Независимо от успехов русской колонизации, которая при лучшем устройстве казачьих и крестьянских отношений к кочевникам окажет со временем прямое воспитательное влияние на массу туземного населения, уже возникает в крае и русская народная школа, откуда могут выйти наиболее положительные орудия в борьбе с невежеством туземного населения, и для укрепления нравственных связей туземного общества с новым порядком и новым отечеством» (цит. по: [Иванов, 1890: 229]).

В целом, администрации Туркестанского края в лице генерал-губернаторской власти в период с 1867 по 1884 г. придерживалась тактики «мягкой» русификации, при этом основными инструментами политики социокультурной инкорпорации коренного населения признавались образовательные практики (организация русских школ) и распространение российского аграрного опыта путём создания в регионе русских крестьянских посёлков. Примечательно, что деятельность в сфере народного образования осуществлялась довольно интенсивными темпами, что выразилось в активном обсуждении задач и перспектив образовательного дела совместными усилиями власти и общества, тогда как вопросы крестьянских переселений в Туркестан не были предметом последовательного обсуждения и нормативно-правовой кодификации.

Исследователь и современник русской колонизации Туркестанского края А. Иванов усматривал явный диссонанс между представлениями первых администраторов региона (К. П. фон Кауфмана и М. Г. Черняева) о распространении российского земледельческого опыта и правовой регламентацией переселенческого дела. По мнению автора, стремление туркестанских администраторов учитывать экономические и культурные интересы местного кочевого (киргизы) и оседлого (сарты) населения фактически сводилось к минимуму в ситуации отсутствия переселенческого законодательства и ставки на исключительно русский элемент при организации переселенческих посёлков [Иванов, 1890: 231–232]. Очевидно, что негласная установка, сообразно с которой земледельческие поселения в пригодных для аграрного хозяйства районах Сыр-Дарьинской и Ферганской областей должны быть составлены из этнически русского населения, привела к негативным результатам. Согласно статистическим данным, к концу 1870-х гг. в переселенческих посёлках Сыр-Дарьинской области числилось лишь около двух тысяч душ крестьян-переселенцев, из которых собственно крестьян насчитывалось не более 200 душ, а остальные жители были представлены нижними чинами, отставными и уволенными в запас, казачеством, крестьянами, приписанными в городах в мещанское сословие [Иванов, 1890: 233].

Красноречивым свидетельством в пользу неэффективности переселенческой деятельности в формате идеологии «русского дела» являются выводы самого К.П. фон Кауфмана, пришедшего к заключению, что так называемые колонизаторы (казаки, отставные нижние чины, мещане) в лучшем случае превращались в кулаков-арендаторов, а в худшем — «в жалких лентяев и пропойц» [Иванов, 1890: 233]. По замечанию генерал-губернатора, даже казаки, поселённые в Семиреченской области и наделённые всеми благами земными, сами землёй не занимались, а отдавали её в аренду киргизам или пришедшим крестьянам из внутренних губерний России [Иванов, 1890: 233]. Очевидцы и участники переселенческого дела в Туркестане с горечью констатировали и факт преобладания в неорганизованном переселенческом потоке лиц, мало пригодных для реализации в регионе принципов политики формирования «большой русской нации»: «Состав самовольных переселенцев в Кугарт — всевозможный сброд из разных областей и губерний: из Семиреченской области, из Войска Донского, Акмолинской, Томской, из Киевской губерний. Вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, как то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики, запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» (цит. по: [Абашин, 2016: 344]).

Перемены в организации переселенческого дела, повлекшие за собой некоторые сдвиги в решении этнических вопросов колонизации Туркестанского края, наметились только во второй половине 1880-х гг. В 1886 г. были изданы первые законодательные акты, установившие правила водворения переселенцев в Туркестане — «Положение об управлении Туркестанского края 12 июля 1886 г.», не получившие широкой огласки [Переселенческое дело в Туркестане, 1910: 2]. Квинтэссенцией положения стала легитимация негласного тезиса высшей губернской администрации Туркестана о продолжении политики «русского дела», включенного в первый параграф документа, в котором говорилось о том, что к переселению в Туркестанский край разрешено допускать исключительно русских подданных христианских вероисповеданий, принадлежащих к состоянию сельских обывателей [Переселенческое дело в Туркестане, 1910: 3; НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 17 об.].

Важно учитывать, что принятие правил 1886 г. во многом было обусловлено не намерениями власти поставить дело крестьянских переселений в Туркестанский край на широкую государственную платформу, поскольку во властных кругах отношение к переселениям крестьян Европейской России в регионы азиатской периферии было сдержанно-отрицательным, а необходимостью урегулирования текущих поземельных отношений кочевого, оседлого (инородческого) и русского крестьянского элемента, мигрировавшего в Туркестан самовольно. Отсутствие специальных учреждений для контроля за водворением переселенцев, хаотичность ссудной практики крестьянских хозяйств регулярно стимулировали конфликты между самовольными переселенцами и коренными обитателями края. Старший чиновник по особым поручениям Пашкевич в докладной записке, посвящённой массовому притоку переселенцев в Кугарт и близлежащие местности, с тревогой писал: «Явившиеся в Кугартскую волость переселенцы, с семьями и имуществом, очутились в крайне тяжёлом положении... Вынужденные так или иначе устраиваться, крестьяне производят самовольный захват зем-

ли, принадлежащей киргизам, причем заметно развиваются бродяжнические наклонности... Нельзя поручиться, что по возвращении киргиз с летовок на зимние стойбища между ними и русскими переселенцами не возникнут недоразумения, которые могут иметь самые серьезные последствия» (цит. по: [Абашин, 2016: 347–348]).

Кроме того, в 1880-х гг. в российском общественно-политическом дискурсе одним из ключевых являлся вопрос о культуртрегерском и колонизационном потенциале русского крестьянства, миграционную активность которого в пореформенный период многие эксперты определяли как «бегство от культуры» [Кауфман, 1905: 132] и способ сохранения крестьянами-переселенцами своей сословной принадлежности, что выражалось в простом переносе моделей экономической деятельности в новые жизненные обстоятельства и консервации традиционного хозяйственного уклада [Исаев, 1891: 3; Кауфман, 1915: 30].

Риторика недееспособности российского крестьянства как субъекта колонизации и культурного влияния была буквально разлита в текстах участников переселенческого дела в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. А. Иванов, характеризуя переселенческое дело в регионе в 1880–1890-х гг., подчёркивал, что в Туркестан «идут большей частью бродяги, отыскивающие молочные реки с кисельными берегами... Идут не для того, чтобы селиться, а чтобы сесть кому-нибудь на шею и жить под опекой...» [Иванов, 1890: 242]. А.А. Кауфман в своём отчёте по командировке в Туркестанский край в 1903 г. с досадой писал, что за вычетом посёлков, образованных на землях Великого князя Николая Константиновича, а также раскольничьих и сектантских участков, большая часть русских деревень, особенно в районе Голодной степи, пребывает в неудовлетворительном состоянии [К вопросу о русской колонизации, 1903: 6]. По мнению чиновника, причины низкой продуктивности русского крестьянского элемента в колонизации края следует искать не в неблагоприятных условиях местной природы, а «исключительно в своеобразном подборе самих переселенцев» [К вопросу о русской колонизации, 1903: 7], что было созвучно и с мнением краевой администрации [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858. Л. 18–18 об.].

А.А. Кауфман подчёркивал, что основным типом переселенцев, на которых возлагались надежды как на носителей русской культуры — либо бывшие приисковые рабочие, не знакомые с нюансами земледельческого труда, либо «кустанайцы», совершавшие регулярные ремиграции в поисках лучших мест. Между тем, эскалация в переселенческом движении группы профессиональных землепашцев из Европейской России на рубеже XIX–XX вв. не даёт значимого эффекта, поскольку среди переселенческой массы абсолютно преобладают крестьяне, идущие в Туркестан безо всяких средств [К вопросу о русской колонизации, 1903: 10–11].

Скепсис организаторов переселенческого дела в Туркестанском крае по отношению к русскому крестьянству сохранялся и в последующие годы, причём как в плоскости хозяйственной деятельности, так и коммуникаций крестьянства с автохтонным населением. Военный губернатор Ферганской области В. Сусанин в записке о состоянии переселенческого дела от 1908 г. фиксировал, что русские переселенцы, владеющие большими наделами, не желают собственноручно обрабатывать всю землю, а поручают эту работу сартам из части урожая. Алармизм чиновника был связан с тем, что в Туркестане

не формировался слой землевладельцев-рантье со всеми невыгодными последствиями, как нравственного, так и экономического характера. По заключению губернатора, наиболее ценные земли, годные под интенсивную культуру, вредно отдавать русским переселенцам, так как они, когда занимаются трудом лично, «придерживаются неизменно привычной им системы трехпольного хозяйства, засевая из году в год одну пшеницу» [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305. Л. 94].

А. И. Гиппиус, приемник В. Сусанина, в 1909 г. докладывал Туркестанскому генерал-губернатору А. В. Самсонову о грустном впечатлении, сложившемся в ходе осмотра переселенческих посёлков Наманганского уезда, констатируя, что «за силой и блеском русского оружия, обеспечившим спокойствие среди местного населения, должна была последовать демонстрация нравственной силы: здоровья, трезвости, настойчивого труда..., либо ограничиться одной только отборной администрацией и русским судом...» [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748. Л. 96]. По заключению А. И. Гиппиуса, земледельческая колонизация Туркестана лишена какого-либо ясного плана, а переселенцы представляют собой «сброд случайных людей, без всякой внутренней связи, безо всякого нравственного устоя» [НА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748. Л. 161].

Несмотря на количественный прирост переселенческого движения и числа образованных русских посёлков, отмечаемые в отчётах правительственных чиновников, к началу XX в. корневая политическая задача русификации, предполагавшая культурное выравнивание населения средствами образования усилить постоянным притоком аграрных мигрантов из европейской части страны, оказалась нерешённой. По данным материалов ревизии Туркестанского края, проведённой под начальством К. К. Палена к 1905 г. в Сыр-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областях, входивших в ареал российской земледельческой колонизации, собственно русского населения насчитывалось 3,5; 0,4; 1,5% от общего числа жителей соответственно [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К. К. Палена: 1910: 96]. Но основная проблема, породившая впоследствии рост межэтнической конфронтации как реакции на ход и результаты переселенческого движения, сводилась к отсутствию координации в деятельности центральной и региональной властей. Организация русских посёлков в Туркестанском крае являлась производным инициативы и личных решений местных администраций (генерал-губернаторов и их подчинённых), с одной стороны сознававших необходимость заселения территорий региона русским элементом, с другой — стремившихся поддержать преобладавшие численно и перешедшие к оседлости группы коренного населения (сарты и др.), предоставляя им земельные наделы, что приводило к резкому сокращению колонизационного фонда.

Как преломлялась имперская политика веротерпимости в системе координат переселенческого процесса в Туркестанском крае

Одним из важных факторов, оказавших действенное влияние на обсуждение, ход и результаты переселенческого дела в Туркестане, выступила конфессиональная политика Российской империи, основанная на принципе веротерпимости. Принимая во внимание сложившееся в историографии коммуникативное согласие, в рамках которого российские интересы в регионе не ограничивались спектром решения экономических (эксплуатация ресурсов) и внешнеполитических (защита торговых путей

и соперничество с Англией) задач, являясь частью политики инкорпорации территорий и коренного населения, практические мероприятия, осуществляемые в религиозном пространстве Туркестана, всецело определялись представлениями местной российской бюрократии. К этому следует добавить, что представления об устройстве вверенного генерал-губернаторам региона становились руководством к действию для чиновничества и не требовали обязательного согласования с центральной властью. Так, назначение А. П. фон Кауфмана на должность Туркестанского генерал-губернатора сопровождалось указанием о праве высшего губернского чиновника не только решать самостоятельно организационные вопросы, но и вести войны, а также заключать мирные договоры [Кауфманский сборник, 1910: IX].

Как утверждает Р. Круз со ссылкой на долгосрочный исследовательский опыт отечественных и зарубежных специалистов, ислам являлся главным препятствием для имперской интеграции Центральной Азии [Круз, 2020: 260]. По мнению историка, с момента включения Туркестана в состав Российской империи генерал-губернатор края А. П. фон Кауфман декларировал политику игнорирования ислама, запретив православной церкви заниматься миссионерством [Круз, 2020: 260–261]. Демонстрация индифферентного отношения к исламу, по мнению педагога и общественного деятеля Н. И. Остроумова, была достаточно типична для российских политических элит. Так, А. П. фон Кауфман был искренне убеждён в том, что мусульманская культура отжила свой век и неспособна к дальнейшему государственному прогрессу [Кауфманский сборник, 1910: 140], что легитимировало право администраций «проводить русско-государственный взгляд в среду туземцев» [Кауфманский сборник, 1910: 140].

Переселения крестьян из европейских губерний России, с точки зрения высшей администрации Туркестанского края в 1870–1880-х гг., позиционировалось как один из инструментов трансляции русско-государственного подхода в колонизации, призванного распространить влияние российского аграрного опыта в среде автохтонокочевников и посредством создания плотной массы земледельческого населения православного вероисповедания ограничить влияние на киргизов и оседлых сартов-мусульман и казанских татар. Н. Остроумов в воспоминаниях о своей службе в Туркестане писал, что А. П. фон Кауфман в частных беседах неоднократно сетовал на фанатизм казанских татар и «их вредное влияние на туземцев Туркестанского края» [Остроумов, 1899: 11]. Примечательно, что частные рассуждения генерал-губернатора оформились впоследствии в официальном документе — Всеподданнейшем отчёте, в котором сообщалось, что утверждение татарских мусульманских центров на окраинах империи было результатом коммерческих отношений поволжских татар с кочевниками, а результат татарской иммиграции выразился в торговой эксплуатации кочевого населения, к которой присоединилась религиозно-мусульманская пропаганда [Остроумов, 1899: 11–12].

Основным контраргументом против татарской религиозной экспансии, к которому прибегла высшая краевая администрация, стало стремление направлять переселенческие потоки в те местности Туркестана, которые не только отвечали потребностям земледельческого хозяйства, но и являлись центром сосредоточения кочевых сообществ, а именно уезды Сыр-Дарьинской области (Чимкентский, Аулиеатинский). В стремлении максимально расположить кочевников к России и её представителям в регионе —

переселенцам, местные власти при формировании фонда водворения земледельцев из европейских губерний страны в конце XIX — начале XX в. использовали средства весьма далёкие от законных, действуя по прецеденту: при устройстве каждого русского посёлка в Туркестане администрация заключала соглашение с кочевниками об уступке земли за денежное вознаграждение или взаимобразные услуги [Гаврилов, 1910: 6].

Введённые в 1903 г. правила о добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казённые земли Туркестанского края не привели к полному урегулированию поземельных отношений кочевых и переселенческих хозяйств, а рост земледельческих миграций в Туркестан, наметившийся в 1906 г., стимулировал конфликтность и открывал дополнительные возможности для исламской пропаганды среди коренного кочевого населения [Гаврилов, 1910: 7]. А.А. Половцов в отчёте о поездке в районы русских посёлков в Туркестане сообщал следующее: «В наделы крестьян пришлось включить земли, обрабатываемые киргизами. Такое отношение администрации к праву пользования киргиз землёю не могло не развить среди крестьян довольно пренебрежительного отношения к кочевникам и подстрекало их к самовольным поступкам» [Половцов, 1898: 72–74].

Наряду с факторами нормативно-правового и экономического характера, в организации переселенческого дела важное значение приобретал культурно-религиозный потенциал российского крестьянства: так называемое нравственное чувство основного субъекта русской колонизации, серьёзно преувеличенное в отечественном охранительном дискурсе пореформенного времени. О несоответствии ожиданий и результатов влияния русского православного населения на представителей кочевых и оседлых сообществ коренного населения Туркестанского края озабоченно свидетельствовали непосредственные участники переселенческого дела — имперские чиновники, в своих отчётах и докладных записках о ходе водворения и обустройства крестьян Европейской России в Туркестане. Будучи хорошо знакомыми с опытом аграрно-колонизационных мероприятий в сибирских губерниях, исследователи неоднократно отмечали, что русские поселенцы, живя в Сибири не компактными поселениями, а дисперсно расселяясь среди коренных народов, быстро ассимилируются ими, что подтверждают и результаты совместного проживания русских и инородцев в Туркестанском крае [Иванов, 1890: 234]. А. Иванов резюмировал: «...если горожанин, имеющий оседлость и семью в городе, может окиргизиться, то что же говорить о колонистах-крестьянах, заброшенных в глуши среди массы инородцев?» [Иванов, 1890: 234]. А.А. Кауфман, выделяя среди русских переселенцев группы пришедших самовольно, либо на законных основаниях из европейской части России как успешно устроенных в экономическом отношении, тем не менее отмечал готовность данной категории крестьянства двинуться незамедлительно на новые места, констатируя, что хозяйственные успехи российских переселенцев часто завышаются за счёт иноконфессиональных сообществ, устроившихся в Туркестане усилиями своих однообщинников [К вопросу о русской колонизации, 1903: 13].

Не менее существенным фактором, амортизировавшим достижения России в религиозной компоненте переселенческого процесса, являлась слабая воцерковлённость российского крестьянства, что на фоне активной деятельности мусульманских пропо-

ведников в среде кочевого населения значительно снижало эффект пропаганды и продвижения «русского дела» в регионе. А. Иванов в своём описании одной из лучших русских крестьянских колоний Туркестанского края с удивлением писал, что за 14 лет своего существования крестьяне посёлка в 100 дворов «...не смогли стовориться и устроить в своём селении хоть маленькую церковь, хоть не каменную, а деревянную или даже в виде войлочной палатки» [Иванов, 1890: 240]. По свидетельству самих крестьян, они приписаны к причту, расположенному за 90 вёрст, поэтому живут как нехристи, тогда как у мусульман молитвенные дома или мечети в каждом селении [Иванов, 1890: 240].

В материалах отчётного характера по результатам деловых поездок, связанных с ознакомлением с постановкой переселенческого дела в Туркестанском крае начала XX в., одним из центральных становится сюжет о качестве колонизационного материала, при этом религиозной составляющей придавалось особое самостоятельное значение. Имперские чиновники, размышляя о перспективах освоения отдалённых окраин, в качестве идеала колонизатора видели преимущественно иноэтничных и иноконфессиональных переселенцев — «предприимчивых, зажиточных, знающих страну», «одушевлённых религией, развитых, трудолюбивых, трезвых», «которые куда ни придут, везде найдут себе Америку» [Иванов, 1890: 239]. По мнению А. Иванова, к группам, наиболее успешно реализовавшими свой колонизационный потенциал, относились раскольники, сумевшие создать образцовые поселения не только в пределах России, но и в мусульманских странах [Иванов, 1890: 239].

Подводя итоги российскому опыту организации переселенческого дела в Туркестане к началу XX в., имперские эксперты согласованно писали о необходимости сохранять русское доминирование в аграрной сфере экономики, отмечая при этом и рельефно наметившиеся угрозы, усиленные переселенческим процессом: изъятие земель у кочевников и пренебрежение к исконным правам местного населения и к их привычному хозяйственному укладу [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К. К. Палена: 1910: 418]. По убеждению К. К. Палена, «переселенцы не снискали себе уважения среди туземцев, и беспорядочным укладом жизни нередко отвращают коренное население от принятия русских обычаев и русской культуры, чем раздражают туземцев и закладывают семена национальной розни и религиозной вражды» [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К. К. Палена: 1910: 418].

Следует отметить, что рекомендации чиновников — участников переселенческого дела, к началу XX в. изменились от сугубо русификационных проектов к более сложным конструкциям постановки дел в сфере колонизации и переселений. В дискурсе чиновников теперь отчётливо прослеживались не только призывы к необходимости планирования переселений в регион и обустройства русского крестьянства, но и соображения относительно улучшения человеческого материала в среде основных субъектов переселенческого процесса. Показательно, что имперские эксперты в качестве рекомендаций непосредственным организаторам переселенческого дела в Туркестане настоятельно советовали усилить работу по строительству православных церквей и созданию плотной системы причтов, обеспечив при этом максимально компактное расселение русских переселенцев. Важным пунктом в резюмирующих разделах отчётов и публикаций в начале XX в. становилось пожелание активного включения в переселенческие

партии, направлявшиеся в Туркестан, раскольников и сектантов. Колонизационные возможности религиозных диссидентов эксперты связывали с зажиточностью, предприимчивостью, трезвостью и особенно — религиозностью, что могло иметь не только культурное, но и политическое значение в колонизируемом регионе [Иванов, 1890: 243].

Новое направление в этнокультурной части колонизационной и переселенческой политики в Туркестане наиболее лаконично озвучил К.К. Пален, заявив, что привлечение в край наиболее сильных представителей русской народности позволит одержать в крае победу гением народа, а не захватом обработанных земель через посредство правительственных органов [Переселенческое дело в Туркестане, ревизия К.К. Палена: 1910: 418–419].

Заключение

Таким образом, во второй половине XIX — начале XX в. в сообществе имперских экспертов — учёных, публицистов, общественных деятелей, чиновников, конструируется дискурс переселенческого дела в Туркестанском крае, являвшийся продуктом представлений российской власти и общества о колонизации восточных окраин империи. В центре риторики акторов дискурса располагался тезис о том, что организация переселенческого дела в Туркестанском крае во второй половине XIX — начале XX в. является одним из инструментов имперской политики России на её восточных окраинах, определяемых как продолжение территориального пространства Российской империи, что сопровождалось комплексом идентичных колониальных ситуаций: отдалённость от центра, сложные природно-климатические условия, преобладание автохтонного населения над пришлым и, как следствие, особенности его культурной интеграции. Вместе с тем колонизация Туркестана, вошедшего в состав России в 1860–1870-х гг., характеризовалась рядом специфических моментов, определивших содержание дискурса и практики политики населения в регионе, располагавшемся в «оптике» геополитических интересов как европейских, так и азиатских государств, что значительно актуализировало сферы этнокультурной и конфессиональной идентичности различных групп автохтонного и пришлого населения региона. В данном отношении процесс становления и последующей эволюции переселенческого дела в регионе, субъекты которого — крестьяне европейской части России, объявлялись трансляторами русской цивилизаторской миссии, находился в тесной зависимости от широкого спектра обстоятельств политического характера. Стремление имперской власти расположить кочевое население (киргизы) к русскому присутствию и тем самым амортизировать поземельные конфликты исключало придание переселенческому движению легитимных форм. Желание свести к минимуму вероятность конфронтации с оседлыми группами, исповедующими ислам (сарты), породило политику игнорирования, а впоследствии прямой поддержки мусульманства и его адептов, что в условиях отсутствия российских миссионерских практик открывало благоприятные перспективы для деятельности в Туркестанском крае мусульманских пропагандистов. «Самостоятельность» переселенческой политики, реализуемой в сложных этнических и конфессиональных обстоятельствах колонизации региона, выражалась в признании самовольного переселения аграрных мигрантов из Европейской России пост-фактум, что лишало российскую власть и переселенческие учреждения возможности выбора контингента, адекватного местам все-

ления. Ставка на русского крестьянина-переселенца по критерию этничности в непротых для земледельца условиях хозяйственной деятельности оказалась ошибочной, поскольку основная масса мигрантов, уходившая от российского малоземелья, в новых обстоятельствах продолжала транслировать сложившийся экстенсивный опыт землепользования, не являясь культурным ориентиром для коренного населения в материальном и духовном отношениях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абашин С. Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.

Абашин С. Н. Туркестан в имперской политике России : монография в документах. М. : Кучково поле, 2016. 880 с.

Бартольд В. В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии // *Сочинения*. Т. 2. М. : Наука, 1964. Ч. 2. 657 с.

Беккер С. Россия и концепт империи // *Новая имперская история постсоветского пространства* : сб. статей. Казань : Центр Исследования национализма и империи, 2004. С. 67–81.

Брежнева С. Н. Отражение идеи аккультурации в переселенческой политике Российской империи в Туркестане на рубеже XI–XX вв. // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2018. Т. 17, № 3. С. 608–638.

Венюков М. И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индией. СПб. : тип. В. Безобразова и К°, 1878. 22 с.

Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнес. исправляющим должность проф. В. Григорьевым. Одесса, 1840. 18 с.

Дашковский П. К., Шершнева Е. А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. // *Мировоззрение населения южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе*. Вып. 8. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 242–264.

Ерохина О. В., Шайдунов В. Н. Российские немцы в Туркестанском генерал-губернаторстве: переселение и хозяйственная деятельность (последняя треть XIX — начало XX в.) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. 2023. № 3 (62). С. 160–169.

Иванов А. И. Русская колонизация в Туркестанском крае. СПб. : Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. С. 226–244.

Иноятова Д. М. Опыт толерантного взаимоотношения народов Узбекистана (на примере акмечетских меннонитов Хорезма) // *Журнал фронтирных исследований*. 2023. Т. 8, № 3 (31). С. 157–170.

Исаев А. А. Переселения в русском народном хозяйстве. СПб. : А. Ф. Цинзерлинг, 1891. 192 с.

К вопросу о русской колонизации Туркестанского края : Отчёт члена учёного комитета Министерства земледелия и государственных имуществ А. А. Кауфмана по командировке летом 1903 г. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. 205 с.

Катков М. Н. Идеология охранительства. М. : Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.

Катков М. Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». М., 1897. 671 с.
Кауфман А. А. Агрономическая помощь в России. Историко-статистический очерк. Самара : Тип. губ. земства, 1915. 32 с.

Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб. : Тип. т-ва «Общественная польза», 1905. 349 с.

Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К. П. фон-Кауфмана. М. : Типо-литография И. Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.

Кирильчик Д. В. Цивилизаторская политика России в Туркестане и место в ней русских крестьян-переселенцев (вторая половина XIX — начало XX в.) // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 84–95.

Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.

Национальный архив Республики Узбекистан (НА РУз.). Ф. 7. Оп. 1. Д. 5020.

Национальный архив Республики Узбекистан Ф. И-1. Оп. 17. Д. 748.

Национальный архив Республики Узбекистан Ф. И-1. Оп. 17. Д. 858.

Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305.

Национальный архив Республики Узбекистан. Ф. И-1. Оп. 12. Д. 1305.

Остроумов Н. П. Константин Петрович фон-Кауфман, устроитель Туркестанского края. Ташкент : Типо-литография Бр. Каминских, 1899. 286 с.

Переселенческое дело в Туркестане: Отчёт по ревизии Туркестанского края, произведённой графом К. К. Паленом. СПб. : Сенатская тип., 1910. 429 с.

Переселенческое дело в Туркестанском крае (области Сыр-Дарьинская, Самаркандская, Ферганская): Отчёт по служебной поездке в Туркестан осенью 1910 г. чиновника особых поручений при Переселенческом управлении Н. Гаврилова. СПб. : Тип. Ф. Вайсберга и П. Гершуни, 1911. 336 с.

Половцов А. А. Отчет о положении переселенческого дела в Туркестанском крае в 1896–1897 гг. СПб. : Тип. МВД, 1898. 231 с.

Ремнёв А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск : Наука, 2013. 248 с.

Собрание передовых статей «Московских ведомостей» / М. Н. Катков. М. : Издание С. П. Катковой, 1897–1898. 785 с.

Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 336 с.

Ходарковский М. Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 352 с.

Цыряпкина Ю. Н. «Борьба за русское дело»: имперская колонизация Туркестана // Quaestio Rossica. 2022. Т. 10. № 5. С. 1625–1641.

Чуркин М. К. Азиатская периферия как «собственный восток России» в дискурсе епархиальной периодической печати Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15, № 2. С. 36–53.

References

Abashin S. N. *Razmyshleniya o "Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii"* [Reflections on "Central Asia within the Russian Empire"]. *Ab Imperio* [Ab Imperio]. 2008, no. 4, pp. 456–471 (in Russian).

Abashin S. N. *Turkestan v imperskoi politike Rossii: monografiya v dokumentah* [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. Moscow: Kuchkovo pole, 2016, 880 p. (in Russian).

Bartol'd V. V. *Raboty po otdel'nym problemam istorii Srednei Azii* [Works on selected problems of the history of Central Asia]. Sochineniya [Essays]. Moscow: "Nauka", 1964, vol. 2, 657 p. (in Russian).

Bekker S. *Rossiya i koncept imperii* [Russia and the Concept of Empire]. *Novaya imperskaya istoriya postsovetского prostranstva: sb. statei* [New Imperial History of the Post-Soviet Space: Collection of Articles]. Kazan': "Centr Issledovaniya Nacionalizma i Imperii", 2004, pp. 67–81 (in Russian).

Brezhneva S. N. *Otazhenie idei akkul'turatsii v pereselencheskoi politike Rossiiskoi imperii v Turkestane na rubezhe XI–XX vv.* [Reflection of the idea of acculturation in the resettlement policy of the Russian Empire in Turkestan at the turn of the XI–XX centuries]. *Vestnik RUDN. Ser.: Istoriya Rossii*. [Vestnik RUDN. Ser.: History of Russia] 2018, vol. 17, no. 3, pp. 608–638 (in Russian).

Churkin M. K. *Aziatskaya periferiya kak "sobstvennyi vostok Rossii" v diskurse eparkhial'noi periodicheskoi pechati Zapadnoi Sibiri i Stepnogo kraya (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.)* [Asian periphery as "Russia's own East" in the discourse of diocesan periodicals of Western Siberia and the Steppe region (second half of the XIX — early XX centuries.)]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings]. 2024, vol. 15, no. 2, pp. 36–53 (in Russian).

Cyryapkina Yu. N. *"Bor'ba za russkoe delo": imperskaya kolonizatsiya Turkestana* ["Struggle for the Russian cause": imperial colonization of Turkestan]. *Quaestio Rossica* [Quaestio Rossica]. 2022, vol. 10, no. 5, pp. 1625–1641 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A. *Religioznaya politika Rossiiskoi imperii v otnoshenii musulmanskikh obshchin Zapadnoi Sibiri vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Religious policy of the Russian Empire in relation to the muslim communities of Western Siberia in the second half of the 19th — early 20th century]. *Mirovozzrenie naseleniya yuzhnoi Sibiri i tsentralnoj Azii v istoricheskoi retrospektive* [Worldview of the population of southern Siberia and Central Asia in historical retrospect]. Barnaul: Alt. Univ. Publ., 2015, vol. 8, pp. 242–264. (in Russian).

Erohina O. V., Shajdurov V. N. *Rossiiskie nemtsy v Turkestanskom general-gubernatorstve: pereselenie i khozyaistvennaya deyatel'nost' (poslednyaya tret' XIX — nachalo XIX v.)* [Russian Germans in the Turkestan Governorate-General: resettlement and economic activity (last third of the 19th — early 20th centuries)] // *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archaeology, Anthropology and Ethnography]. 2023, no. 3 (62), pp. 160–169 (in Russian).

Grigor'ev V. V. *Ob otnoshenii Rossii k Vostoku: Rech', proiznes. ispravlyayushchim dolzhnost' prof. V. Grigor'evym* [On the attitude of Russia to the East: Speech, delivered by Prof. V. Grigoriev.]. Odessa, 1840. 18 p. (in Russian).

Hodarkovskiy M. *Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800* [Steppe frontiers of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019, 352 p. (in Russian).

Inoyatova D. M. Opyt tolerantnogo vzaimootnosheniya narodov Uzbekistana (na primere akmechetskikh mennonitov Khorezma) [The experience of tolerant relations between the peoples of Uzbekistan (on the example of the Akmecheti Mennonites of Khorezm)] *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Frontier Research Journal]. 2023, vol. 8, no. 3 (31), pp. 157–170 (in Russian).

Isaev A. A. *Pereseleniya v russkom narodnom khozyajstve* [Resettlement in the Russian national economy]. St. Petersburg: A. F. Cinzerling, 1891, 192 p. (in Russian).

Ivanov A. I. *Russkaya kolonizatsiya v Turkestanskom krae* [Russian colonization in the Turkestan region]. St. Petersburg: Tip. T-va “Obshchestvennaya pol'za”, 1890, pp. 226–244 (in Russian).

K voprosu o russkoi kolonizatsii Turkestanskogo kraya: Otchyot chlena uchyonogo komiteta Ministerstva zemledeliya i gosudarstvennykh imushchestv A. A. Kaufmana po komandirovke letom 1903 g. [To the Question of Russian Colonization of the Turkestan Territory: Report of A. A. Kaufman, a member of the Scientific Committee of the Ministry of Agriculture and State Property, on a business trip in the summer of 1903]. St. Petersburg: Tip. V. Kirshbauma, 1903, 205 p. (in Russian).

Katkov M. N. *Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei* [Collection of advanced articles of the Moscow Vedomosti]. Moscow, 1897, 671 p. (in Russian).

Katkov M. N. *Ideologiya okhranitel'stva* [The ideology of protection]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii Publ., 2009, 800 p. (in Russian).

Kaufman A. A. *Agronomicheskaya pomoshch' v Rossii. Istoriko-statisticheskii ocherk* [Agronomic assistance in Russia. Historical and Statistical Sketch]. Samara: Tip. gub. zemstva, 1915, 32 p. (in Russian).

Kaufman A. A. *Pereselenie i kolonizatsiya* [Resettlement and colonization]. St. Petersburg: Tip. t-va “Obshchestvennaya pol'za”, 1905, 349 p. (in Russian).

Kaufmanskii sbornik, izdannyy v pamyat' 25 let, istekshikh so dnya smerti pokoritelya i ustroitel'ya Turkestanskogo kraya general-ad'yutanta K. P. fon-Kaufmana [Kaufman's collection, published in memory of 25 years since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K. P. von Kaufman]. Moscow: Tipo-litografiya I. N. Kushneryova, 1910, 247 p. (in Russian).

Kiril'chik D. V. *Tsivilizatorskaya politika Rossii v Turkestane i mesto v nei russkikh krest'yan-pereselencev (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Civilization policy of Russia in Turkestan and the place in it of Russian peasant settlers (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)]. *Novoe proshloe* [New Past]. 2021, no. 2, pp. 84–95 (in Russian).

Kruz R. *Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii* [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020, 408 p. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 1–1. Inventory 12. File 1305. (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 7. Inventory 1. File 5020 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 1–1. Inventory 17. File 748 (in Russian).

Natsional'nyi arkhiv Respubliki Uzbekistan (NA RU) [National Archive of the Republic of Uzbekistan]. Fund 1–1. Inventory 17. File 858 (in Russian).

Ostroumov N. P. *Konstantin Petrovich fon-Kaufman, ustroitel' Turkestanskogo kraja* [Konstantin Petrovich von Kaufman, the organizer of the Turkestan region]. Tashkent: Tipolitografiya Br. Kaminskih, 1899, 286 p. (in Russian).

Pereselencheskoe delo v Turkestane: Otchyot po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedyonnoi grafom K. K. Palenom [Resettlement business in Turkestan: Report on the revision of the Turkestan region made by Count K. K. Palen]. St. Petersburg: Senatskaya tip., 1910, 429 p. (in Russian).

Pereselencheskoe delo v Turkestanskom krae (oblasti Syr-Dar'inskaya, Samarkandskaya, Ferganskaya): Otchyot po sluzhebnoi poezdke v Turkestan osen'yu 1910 g. chinovnika osobykh poruchenii pri Pereselencheskom upravlenii N. Gavrilova [Resettlement in the Turkestan region (Syr-Darya, Samarkand, Fergana regions): Report on the official trip to Turkestan in the fall of 1910 by N. Gavrilov, an official of special assignments at the Resettlement Administration]. St. Petersburg: Tip. F. Vajsberga i P. Gershuni, 1911, 336 p. (in Russian).

Polovcov A. A. *Otchet o polozenii pereselencheskogo dela v Turkestanskom krae v 1896–1897 gg.* [Report on the situation of the resettlement business in the Turkestan region in 1896–1897] St. Petersburg: Tip. MVD, 1898, 231 p. (in Russian).

Remnyov A. V., Suvorova N. G. *Kolonizatsiya Aziatskoi Rossii: imperskie i natsional'nye stsennarii vtoroi poloviny XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: Imperial and National Scenarios of the Second Half of the XIX — the Beginning of the XX Century]. Omsk: Nauka, 2013, 248 p. (in Russian).

Sobranie peredovykh statei Moskovskikh vedomostei [Collection of advanced articles of the Moscow Vedomosti]. Moscow: Izdanie S. P. Katkovo, 1897–1898, 785 p. (in Russian).

Tol'c V. *“Sobstvennyi vostok Rossii”: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii period* [“Russia's Own East”: Identity Politics and Orientalism in the Late Imperial Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 336 p. (in Russian).

Venyukov M. I. *Ocherk politicheskoi etnografii stran, lezhashchikh mezhdru Rossieyu i Indiiyu* [Ocherk politicheskiiye ethnografii straniya, lying between Russia and India.]. St. Petersburg: tip. V. Bezobrazova i K°, 1878, 22 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 13.10.2024

Принята к публикации: 21.06.0000

Дата публикации: 29.12.2025

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ. С 2025 г. журнал входит в Белый список. Журнал входит в т. н. «Белый список»

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-78911 от 07.08.2020 г.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательное рецензирование и проверку на плагиат.

Примерные сроки:

Рецензирование статьи: от 3 месяцев

Публикация статьи: от 8 месяцев

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

• SCOPUS	• Socionet
• ERIN PLUS	• Scholarsteer
• EBSCO	• World Catalogue of Scientific Journals
• E-Library.ru	• Scilit
• CyberLeninka	• Journals for Free
• OAIsters	• Journal TOC
• ROAR	• OAIster
• ROARMAP	• OCLC-WorldCat
• OpenAIRE	• Socolar
• BASE	• JURN
• ResearchBIB	• JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора(ов) на русском и английском языках

Аффилиация автора(ов) на русском и английском языках

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском и английском языках. Объем не менее 1000 знаков **без пробелов**)

Ключевые слова (на русском и английском языках. Не более 15 слов).

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Если авторов два и/или несколько, то обязательно указывается автор-корреспондент (тот, кто выполняет технический процесс подачи статьи, доступен для запросов о процессах рецензирования и публикации)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов*, П. П. Петров

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа основывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в ми-

фологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

*И.И. Иванов (автор-корреспондент)

Для цитирования

Иванов И.И., Петров П.П. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 00–00. DOI *****

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Петр Петрович Петров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov*, P. P. Petrov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References формируется по английскому алфавиту.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. No. 2. P. 429–439.

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке: Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

9. Иностраннный источник (не на английском языке):

Монография

李澎田 [Ли Пэнтянь]. 朝鲜文献中的中国东北史料 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах]. 北京 [Пекин]. 吉林文史出版社 [Издательство Линь Вэньши]. 1991. 526 с. (на кит. яз.).

Где:

李澎田 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;

[Ли Пэнтянь] — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;

朝鲜文献中的中国东北史料 — название работы на языке оригинала;

[Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах] — перевод названия работы на русский язык;

北京 — город издания языке оригинала;

[Пекин] — перевод города, где издана работа на русский язык;

吉林文史出版社 — издательство на языке оригинала;

[Издательство Линь Вэньши] — перевод издательства на русский язык;

1991. 526 с. — год, количество страниц на русском языке;
(на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Статья в периодическом издании:

王德朋 [Ван Д.]. 论金与周边政权的商业贸易 [О торговле Цзин с соседними государствами] // 中口社会科学院研究 也院攀报 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук]. 2009. № 1. С. 101–106 (на кит. яз.).

Где:

王德朋 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;

[Ван Д.]. — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;

论金与周边政权的商业贸易 — название работы на языке оригинала;

[О торговле Цзин с соседними государствами] — перевод названия работы на русский язык;

中口社会科学院研究 也院攀报 — название периодического издания на языке оригинала;

[Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук] — перевод названия периодического издания на русский язык;

2009. № 1. С. 101–106 — год, том, номер / выпуск на русском языке.

(на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Электронный источник

建炎以来系年要录 [Основные записи периода правления императора Гаоцзуна].

URL: <https://ctext.org/wiki.pl?> (дата обращения: 20.04.2024) (на кит. яз.)

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется по формату **BSI**: а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’, ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (Scopus и Web of Science).

Исключения: написание некоторых фамилий (например, автор устойчиво транслитерирует свою фамилию иным образом либо сложилась определенная традиция) и географических названий (рекомендуем обращение к справочникам).

Примеры исключений:

Vygotsky, Brushlinsky, Petrovsky, Yaroshevsky

Leontiev A.N., Leontiev A.A., Leontiev D.A., Rubinstein

Kazan, Kharkov, Nalchik, Perm, Ryazan, Tver, Yaroslavl etc (опускается символ мягкого знака)

Moscow (не Moskva)

Rostov-on-Don (не Rostov-na-Donu)

St. Petersburg (не Sankt-Peterburg)

Yekaterinburg (не Ekaterinburg)

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод названия источника на английском языке. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то перевод дается как статье, так и журналу/сборнику откуда она была взята. Перевод следует расположить в [квадратных скобках]. *Курсивом* в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала* или *сборника статей*.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте Transliteration. PRO: <https://transliteration.pro/bsi>. В левое окно скопируйте весь список «Научной литературы». Нажмите кнопку «перевести». В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Перенесите текст в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiya, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i svyaz» Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoi traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Fashistskaya mistika: religioznyj aspekt fashistskoj ideologii* [Fascist mysticism: the religious aspect of fascist ideology]. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian.).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664 (in Russian).

8. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass. *Journal of Archaeological Science*. 1995, no. 2, pp. 429–439.

9. Иностраный источник (не на английском языке):

Li Pengtian. *Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào* [Historical Materials of Northeast China in Korean Documents]. Beijing: Lin Wenshi Publishing House, 526 p. (in Chinese).

Где:

Li Pengtian — автор;

Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào — название источника в транслитерации с английского языка;

[Historical Materials of Northeast China in Korean Documents] — перевод источника на английский язык;

Beijing: Lin Wenshi Publishing House — город, издательство на английском языке;

526 p. — количество страниц на английском языке;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Статья в периодическом издании

Wang D. *Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì* [On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes]. *Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào* [Journal of the Chinese Academy of Sciences]. 2009; (1): 101–106. (in Chinese).

Где:

Wang D. — автор;

Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì — перевод источника в транслитерации на английский язык;

[On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes] — перевод статьи на английский язык;

Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào — перевод названия журнала в транслитерации на английский язык;

[Journal of the Chinese Academy of Sciences] — название журнала на английском языке;

2009 — год выхода журнала;

(1) — номер журнала;

101–106 — страницы, на которых размещена упомянутая статья;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Электронный источник

Jiàn yán yǐlái xì nián yào lù [Important Records of the Years Since Jianyan]. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=907864&remap=gb> (accessed April 24, 2024) (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 x 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки,

границы раскопов и т.п. должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева-направо и сверху-вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: Фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом) контактный телефон, адрес электронной почты, индивидуальный номер ORCID

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра Регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу.*

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025. Том 30, № 4

Редактор Л. И. Базина

Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 18.12.2025.

Выход в свет 29.12.2025.

Формат 70х100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 23,5. Тираж 300 экз. Заказ 811.

Издательство Алтайского государственного университета

Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета

656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66